

А. И. ОЗОЛИН

З ИСТОРИИ

РУСИТСКОГО

РЕВОЛЮЦИОННОГО

ДВИЖЕНИЯ

А. И. ОЗОЛИН

ИЗ ИСТОРИИ
ГУСИТСКОГО
РЕВОЛЮЦИОННОГО
ДВИЖЕНИЯ

Издательство Саратовского университета
1962

ВВЕДЕНИЕ

В истории антифеодальных народных выступлений средневековья значительное место занимает гуситское революционное движение в Чехии XV века. Оно было наиболее крупным из всех выступлений народов Европы в эпоху классического феодализма. Естественно, что это событие привлекало и привлекает внимание многих исследователей самых различных стран мира. В буржуазной историографии на первое место выдвигались религиозные, иногда национально-освободительные мотивы движения и затушевывался его социальный, антифеодальный смысл. Реакционная историография, фальсифицируя гуситское движение, вообще отвергала его положительное значение. Лишь в последние годы появились специальные работы чехословацких, советских, польских, немецких, венгерских, румынских историков-марксистов. В них с полным основанием анализируются прежде всего социальные причины, антифеодальная сущность и историческое значение гуситского движения.

Основное внимание в настоящей работе уделяется программным требованиям таборитов, в частности в послехилиастический период. Исследование таборитского учения хилиастов и их практической деятельности дает нам возможность глубже и яснее представить себе творческую роль народа в историческом процессе.

Особое значение приобретает изучение революционной практики таборитов, их попыток осуществить многовековую мечту народа об обществе без классов, без эксплуатации человека человеком, создать царство всеобщего и подлинного равенства. Характеризуя историческое значение гуситских войн, автор стремится показать их на фоне крупнейших антифеодальных народных движений средневековой Европы.

В настоящей работе предпринята также попытка сформулировать некоторые предварительные выводы о программных требованиях бюргерской оппозиции, поскольку по этому вопросу нет еще специальных марксистских трудов. Автор приходит к выводу о решающем значении плебейско-крестьянского лагеря в гуситских войнах. Он считает также, что бюргерская оппозиция сыграла некоторую положительную роль, главным образом, на первом этапе движения. Предательство бюргерской оппозиции помогло феодально-католической реакции подавить народное восстание. Гуситское революционное движение, несмотря на поражение чешского народа, имело существенные положительные результаты. Оно заложило основу революционных традиций в Чехии. В то же время оно сыграло значительную роль в развитии антифеодального, национально-освободительного, реформационного движения в различных странах Европы.

ГЛАВА I

ОСНОВНЫЕ ЧЕШСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ГУСИТСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

I. ЧЕШСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Источники о гуситском движении весьма многообразны. Среди них мы находим гуситские манифесты, материалы гуситских сеймов, судебные записи, записи в городских книгах об имущественных сделках, воинские уставы, официальные и частные письма, многочисленные проповеди и трактаты, затем хроники и материалы народного творчества—сатиры, песни.

По политической направленности и классовой природе эти источники совершенно разнородны и могут быть подразделены на три группы: 1) источники плебейско-крестьянской ориентации, 2) источники умеренного бюргерского направления и 3) материалы феодально-католического лагеря. Почти все типы источников, только в различной мере, представлены в каждом из этих трех направлений. Мы будем рассматривать их применительно к нашей основной задаче, то есть к тому, что они дают для исследования программных требований таборитов и бюргерской оппозиции.

1. Источники о программных требованиях и тактике таборитов

Из немногочисленных источников, касающихся социального состава таборитов, наиболее полным и важным является материал юридического типа—«Книга казней панов из Рожмберка»¹, крупнейших магнатов южной Че-

хин. Оригинал рукописи составлен на чешском и частично на латинском языках. Это протоколы допросов таборитов и иных людей, попавших в руки Рожмберков, являвшихся судьями в Пльзеньской и, по-видимому, также в Бехинской областях. Значительная часть записей относится к 1420 — 1429 гг., особенно к 1423 г. С целью характеристики социального состава таборитов она впервые и весьма основательно использована Й. Мацеком².

Большую ценность для решения указанного вопроса составляет также сохранившаяся в рукописи городская книга города Табора, содержащая перечень его жителей за 1432—1450 гг.³ В ней содержатся записи об изменениях, касающихся в основном недвижимости, и данные о собственности города в его окрестностях. Охарактеризован состав жителей города Табора по их происхождению и роду занятий, хотя в перечне отсутствуют лица, не владевшие недвижимостью, и внесены не все владельцы движимости. Эти источники показывают преобладание сельского населения и мелких ремесленников в крупнейшем центре революционного лагеря—г. Таборе.

О программных требованиях и тактике таборитов в целом мы в первую очередь получаем данные из немногочисленных источников таборитского происхождения. Это 12 таборитских статей, предъявленных ими пражанам 5 августа 1420 г., которые сохранились полностью в составе «Гуситской хроники» Вавржинца из Бржезовей⁴. Они были написаны на латинском языке и включают, в частности, специфические городские требования, крайне редко встречающиеся в источниках о гуситском движении.

Наибольший интерес представляют источники, сохранившие сведения о таборитском хилиазме. Весьма интересен таборитский «Воинский устав» 1420 г., недавно обнаруженный Й. Мацеком⁵. Он был написан на чешском языке. Датировка установлена по его содержанию, авторы документа неизвестны. Устав состоит из двух частей: в первой перечисляются девять наставлений для тех, кто хочет справедливо воевать в защиту гуситских идей, аргументированные ссылками на Ветхий завет. Вторая часть посвящена организации гуситского войска.

Из хилиастических источников таборитского происхождения отметим два воззвания, опубликованные Ф. Палацким⁶. Оба воззвания анонимны и относятся к 1420 г. Исключительный интерес, на наш взгляд, они представляют именно потому, что хилиастические идеи

выступают в них, в известной мере, еще в пассивной форме. Идея активного хилиазма здесь еще не победила.

Весьма ценные данные об идеологии таборитов содержатся в источниках бюргерской ориентации. К числу их относятся прежде всего 72 статьи против таборитов. Они сохранились в трех разных редакциях: в «Гуситской хронике» Вавржинца из Бржезовей на латинском языке (вариант «А») ⁷; в трактате магистра Яна Пршибрама ⁸ в количестве 76 статей также на латинском языке (вариант «В»); в статьях на чешском языке, написанных неизвестным автором и опубликованных Ф. Палацким ⁹ (91+3 статьи, вариант «С»). Хотя оригинал этого важнейшего источника не сохранился, но все три его редакции составлены по свежим следам событий в 1420 г. Варианты «А» и «В» написаны несколько ранее, а вариант «С» — позднее, после основания Табора. Вопреки утверждению чешского буржуазного историка эпохи империализма И. Пекаржа все три редакции в основном достоверны. При изучении хилиазма таборитов необходимо сравнивать все эти тексты. Не следует в то же время забывать, что все три варианта составлены умеренными гуситами, противниками таборитского хилиазма. В двух случаях нам известны даже имена авторов, магистров университета и видных деятелей бюргерской оппозиции.

Статьи против таборитов можно условно подразделить по их содержанию на две группы: значительная часть их характеризует пути и способы разрушения старого феодального строя и показывает, на какие его стороны особенно решительно нападали табориты. Вторая группа статей состоит из краткой характеристики идеального общества, которое должно возникнуть на развалинах старого. Статьи против таборитов являются наиболее полным источником для характеристики гуситского хилиазма. В них отчетливо прослеживается идея насильственной ликвидации феодальных отношений. Разумеется, картина будущего бесклассового общества носила еще в значительной мере абстрактный характер.

Ценным дополнением к рассмотренному источнику является трактат Яна Пршибрама «Жизнь таборских священников», написанный в 1429 г. на латинском языке, опубликованный частично в 1863 г. и впервые изданный полностью лишь в 1951 г. в народно-демократической Чехословакии ¹⁰. Трактат уцелел в единственной рукописи 1469 г. Источником для автора послужили сочи-

нения идеологов таборитов, которые он нередко цитирует. Это обстоятельство весьма важно, так как произведения самих хилиастов не сохранились, за исключением небольших фрагментов. В трактате отразилась начальная фаза таборитского хилиазма, весьма ярко выражена мысль о том, что именно табориты являются божьими ангелами-мстителями, которые призваны уничтожить все зло на земле и расчистить путь к новому обществу. Антифеодалная сущность хилиастических статей выступает перед читателями с еще большей очевидностью.

При изучении трактата нельзя забывать, что к 1429 г. автор его уже встал на путь предательства гуситского движения, питал лютую ненависть к радикальным таборитам и в характеристике их преувеличивал все то, что должно было очернить, запятнать лучших сынов чешского народа.

Отметим некоторые из немногочисленных нарративных источников о таборитах. Важнейшее место среди них принадлежит «Хронике таборитов» Микулаша из Пельгржицова¹¹. Автор ее был бакалавром искусств в Пражском университете, в 1420 г. избран епископом таборитов и жил в Таборе до 1434 г. Хроника о таборитах написана по латыни. Она не представляет собою хроники в обычном смысле этого слова, а является скорее сборником трактатов и документов, в которых характеризуется внутренняя борьба среди гуситов. Лишь часть этого труда содержит систематическое изложение событий начала гуситского движения. Особенно ценно сообщение Микулаша о таборитских синодах 1422—1424 гг. и сохранившиеся только в его хронике девять статей решений Клатовского синода. Хроника была написана уже после окончания гуситских войн, когда автор ее значительно поправал и ставил одной из своих задач доказать, вопреки действительному положению вещей, что табориты никогда не выдвигали идеи вооруженной борьбы как важнейшего метода для реализации своих требований.

Для характеристики тактики таборитов и умеренной гуситской бюргерской оппозиции к концу гуситских войн большое значение имеют источники по истории Базельского собора. Единственным гуситским произведением о Базельском соборе, сохранившимся до нашего времени, является «Дневник Петра Жатецкого»¹², таборита, члена гуситского посольства на соборе. Латинский оригинал рукописи сохранился. Об авторе «Дневника» ничего не

известно¹³. Труд его охватывает период с 4 января по 14 апреля 1433 года. Автор использовал некоторые документы, предварительные записи гуситских послов, выступавших в прениях в защиту четырех пражских статей. В «Дневнике» содержатся сведения об отношении разных социальных слоев населения Базеля к гуситам, о позиции руководителей собора. Отмечается их стремление добиться раскола гуситов и привлечения умеренного крыла на сторону римско-католической церкви.

Небольшое число источников позволяет составить некоторое, хотя и далеко не полное, представление о требованиях и методах борьбы нехилиастического направления таборитства. Сюда относятся тексты проповедей выдающегося организатора и руководителя пражского плебса монаха Яна Желивского, сохранившиеся лишь частично в единственной рукописи на латинском языке¹⁴. Проповеди относятся к 1419 г., и изданная часть их охватывает период с 16 апреля по 16 августа 1419 г., т. е. включает время вооруженного восстания в Праге (30 июля 1419 г.). Своеобразно комментируя Евангелие, Желивский обличал богачей и призывал народ к активным действиям против Сигизмунда и всего феодально-католического лагеря.

Заметное место в гуситской литературе занимает Петр Хельчицкий. Хотя он и не принимал непосредственного участия в вооруженной борьбе гуситов против феодально-католического лагеря, но объективно представлял интересы зажиточного крестьянства, занимавшего крайнее правое крыло в таборитском движении. П. Хельчицкий — автор многих произведений, из которых большинство было написано в ходе гуситских войн. Будучи сам выходцем из земанов или свободным седлаком, он хорошо знал положение крестьянства, и его произведения показывают большой интерес автора именно к деревне. На русском языке были изданы в свое время его сочинения: «Сеть веры»¹⁵ и «Речь о іроаком народе»¹⁶. Хельчицкий имел в своем распоряжении ряд рукописей гуситов, полный текст Библии, которую широко использовал. Писал он по-чешски, рассчитывая на широкие слои читателей. Язык его произведений также отличается своей народностью. Он хорошо знал и произведения «отцов» церкви.

О военной организации таборитской армии в послехилиастический период гуситского движения содержатся ценные сведения в воинском уставе 1423 г.¹⁷, в числе авторов которого названы Ян Жижка, Ян Рогач из Ду-

ба и другие военные руководители гуситов. Устав сохранился в оригинале. После краткого вступления, содержащего идеологическое обоснование идеи справедливости гуситских войн, и изложения четырех пражских статей дается характеристика военной организации таборитов. Элементы хилиазма в этом уставе уже были устранены. Устав 1423 г. свидетельствует о демократическом характере и справедливых целях, за которые борелся чешский народ в лице таборитов.

2. Источники о бюргерской оппозиции

Источники, относящиеся к характеристике бюргерской оппозиции гуситов, гораздо многочисленнее. Большой интерес представляют среди них акты об имущественных сделках, изменениях, происшедших в годы гуситских войн в собственности пражан, в самой Праге и ее окрестностях¹⁸. Они опубликованы Иосифом Тейге в двух томах «Чешского архива». Это—акты о купле-продаже, завещаниях, дарениях, передаче ренты с домов и прочего имущества, права на взимание чинша с крестьян и другие данные, занесенные в городские книги Праги в годы гуситских войн. Они изданы на языке оригинала, т. е. на чешском или латинском. В большей своей части они относятся к личной собственности. В них фиксировались размеры денежных сделок, формы собственности. В числе этих записей мы встречаем и данные о дарениях пражской общиной из конфискованной собственности бежавших из столицы патрициев и панов. В записях, касающихся окрестностей Праги, перечислялись те права, которые передавались новому владельцу земли, или зависимые крестьяне. Этот ценнейший источник дает нам известное представление о том, как умеренные гуситы относились к феодальной собственности, к феодальным нормам права, собирались ли они произвести в этой области какие-либо радикальные преобразования.

При работе над данным источником следует всегда иметь в виду, что он касался Праги, т. е. крупнейшего в то время экономического центра чешских земель с развитым ремеслом и торговыми связями, имевшего и прежде целый ряд привилегий по сравнению с другими королевскими и, тем более, некоролевскими городами. Следовательно, выводы по изучению этого источника нельзя механически распространять на все остальные города страны.

Сохранились также отдельные решения Пражской

общины о собственности, конфискованной у церкви и патрициата.

О политических планах и требованиях бюргерской оппозиции, ее тактике ценные сведения содержатся в решениях гуситских сеймов, которые, к сожалению, дошли до нас далеко не полностью. Помимо моравских сеймов таборитов и сирот, было более двадцати гуситских сеймов, в которых участвовала бюргерская оппозиция¹⁹. К числу важнейших из них относится Чаславский сейм 1421 г., на котором были приняты четыре пражские статьи.

Сохранилось несколько текстов договоров между Прагой и союзными с ней городами—Нимбурком, Колином, Коуржимом, Литомержицем, Чаславом, в которых содержатся сведения о взаимоотношениях Праги и других городов Пражского гуситского союза. Они опубликованы на чешском языке²⁰. (И. Спевачек только что обнаружил и опубликовал единственный оригинал такого договора Часлава с Прагой²¹). В договорах оговорены права Праги и взаимное обязательство членов Пражского союза городов не принимать Сигизмунда в качестве короля чешских земель без общего согласия.

Большую ценность как источник представляют гуситские манифесты²², неоднократно выпускавшиеся в 1420—1431 гг. и сохранившиеся в оригиналах. Большая часть их составлена в Праге в 1420—21 гг., но авторы их неизвестны. Обычно манифесты содержат полное или краткое изложение или текст четырех пражских статей. Резкой критике в них подвергнута римско-католическая церковь. Целый ряд обвинений направлен непосредственно против императора Сигизмунда и в защиту территориальной целостности страны. Следовательно, манифесты дают ценные сведения о требованиях и тактике гуситов.

Манифесты 1430 и 1431 гг., составленные бюргерской оппозицией, являются важным источником для установления ее эволюции вправо, в частности в области политических требований. Язык манифестов различен: наиболее ранние из них выпускались на венгерском, немецком, латинском и чешском языках, поскольку они должны были сыграть определенную пропагандистскую роль среди войск крестоносцев и в соседних странах Европы.

О политических планах бюргерской оппозиции в конце гуситских войн довольно подробные сведения имеются в требованиях дворянства и бюргерства, которые были предъявлены ими императору Сигизмунду в 1435 г.,

и грамотах, выданных Сигизмундом в 1435—1437 гг. всем сословиям чешских земель и ряду крупных чешских городов²³. Они дают нам возможность сделать определенные выводы в отношении общих итогов гуситского движения в стране.

Именно из лагеря бюргерской оппозиции вышли и наиболее значительные из сохранившихся гуситских хроник. Крупнейшим произведением этого рода является «Гуситская хроника» Вавржинца из Бржезовей²⁴. Автор ее родился около 1370 г. в бедной дворянской семье, учился в Пражском университете и достиг степени магистра свободных искусств. До 1419 г. он находился на службе при королевском дворе. В годы гуситских войн Вавржинец являлся пражским бюргером, владел домом, усадьбой и подданными в окрестностях Праги, служил писарем Новой Праги и вел в то же время преподавательскую деятельность в университете. Последний раз его имя в источниках упоминается в 1436 г. Умер он в конце 30-х годов XV века. Еще до гуситских войн Вавржинец перевел на чешский язык рассказы об Александре Македонском, начал писать «Всемирную хронику», так и оставшуюся незаконченной. В историю он вошел как автор нескольких произведений о гуситском движении— «Гуситской хроники», «Сатирических произведений Будишинской рукописи», «Песни о битве при Домажлицах». Некоторые чехословацкие ученые полагают, что Вавржинец является автором и первых гуситских манифестов.

Основным трудом Вавржинца является «Гуситская хроника», латинский оригинал которой до нас не дошел. Старейшая рукопись хроники относится к 1467 г. Время написания хроники не установлено, и вокруг этого вопроса еще продолжают споры. «Гуситская хроника» охватывает события с 1414 г. и до конца 1421 г. За редким исключением они излагаются в хронологическом порядке. Наиболее подробно освещается период 1419—1421 гг. В хронике описываются почти все важнейшие события первого периода гуситских войн. Автор включил в свой труд много всякого рода документов о гуситах—72 анти-таборитских статьи, 12 таборитских статей и ряд других. Ценнейшими являются сведения о хилиазме таборитов. Хронику отличает относительная точность в описании фактов и событий. Автор стремится проследить причины явлений, найти их взаимные связи. Здесь уже нет такого слепого провиденциализма, какой встречался обычно в более ранних чешских и нечешских хрониках.

Нельзя не отметить вместе с тем, что политические симпатии автора, его классовые интересы как убежденного представителя бюргерской оппозиции, ярко выраженные в хронике, значительно снижают ценность этого источника. Хроника написана прежде всего против таборитов. Автор так и не увидел решающей роли плебейско-крестьянского лагеря в ходе движения, весьма резко отнесся к таборитскому хилиазму и осудил тактику вооруженного народного восстания против феодальной эксплуатации. Правильно отметив справедливость борьбы гуситов против римско-католической церкви и крестоносцев, он преуменьшил насилия крестоносцев. Слишком преувеличена положительная роль бюргерской оппозиции, которая, по мнению хрониста, являлась подлинной представительницей интересов чешского народа, что неверно. Умалчивается об умеренности бюргерской оппозиции, ограниченности ее патриотизма, о корыстных целях, за которые она боролась.

«Гуситская хроника» была переведена на чешский язык во второй половине XV века. Лучшим ее изданием является публикация Я. Голла²⁵ на латинском и чешском языках, с большим научным аппаратом. В 1954 г. в Чехословакии вышло новое издание хроники Вавржича на новочешском языке.

Одним из наиболее важных источников по гуситскому движению являются «Старые чешские летописи»²⁶. Они составлялись на протяжении более чем 80 лет, начиная с 30-х годов XV в., группой авторов, писавших независимо друг от друга и принадлежавших в основном к различным лагерям гусизма. В настоящее время известно 35 рукописей этого источника, написанного на чешском языке. В «Старых чешских летописях» описывается история Чехии с 1378 по 1527 г., но главное внимание уделено гуситскому периоду. События излагаются в хронологическом порядке, но нередко с пропусками, например, в отношении периода 1412—1420 гг. Зачастую умалчивается о важнейших событиях и описываются детали. Внутреннего единства в этом источнике нет, так как составлен он без какого-либо четкого плана. Наибольшую ценность в нем представляют сведения о хилиазме таборитов, о борьбе внутри гуситского лагеря, о ликвидации немецкого засилья и поражении крестоносцев в чешских землях. Авторы летописей описывают те или иные события с определенных классовых позиций. Источниками для хронистов были прежде всего их личные наблюдения, сообщения участников и очевидцев со-

бытий и, в некоторой мере, памятники письменности. Достоверность и объективность «Старых чешских летописей» значительно ниже хроники Вавржинца. Весьма сильны в них тенденции провиденциализма. Обычно авторы этих летописей не улавливают и не объясняют причинности явлений.

Весьма интересные данные приводятся в «Сатирических сочинениях Будишинской рукописи», недавно впервые, полностью опубликованных в Чехословакии²⁷. Сохранилась лишь одна опись этого произведения, законченная в 1448 г. Рукопись содержит шесть сочинений, из которых два первых написаны в прозаической, а остальные четыре — в поэтической форме. Написаны они на чешском языке с целью сделать их более доступными для широкого круга читателей, причем к первым двум текстам имеются и латинские параллели. Возникли сатиры в 1420 г. и написаны представителями умеренного гусизма²⁸, о чем свидетельствует характер трактовки важнейших проблем гусизма. Важнейшее место в сатирах занимают политические, национальные и социальные вопросы. Дана резкая критика императора Сигизмунда, выдвинуты требования к будущему, желательному правителю — королю Чехии, прославляется успешная борьба чешского народа против крестоносцев и чужеземного засилья вообще, отвергаются привилегии католической церкви, на которую прежде всего и обрушиваются авторы или автор рассматриваемых произведений.

Важным источником для характеристики гуситского движения являются также гуситские песни²⁹. Автором многих из них был таборитский священник Ян Чапек. Вавржинец из Бржезовей написал «Песню о битве при Домажлицах»³⁰ после разгрома крестоносцев в последнем крестовом походе против гуситской Чехии. Сохранился оригинал песни на латинском языке. Произведение это прославляет победу чешского народа над крестоносцами.

3. Феодално-католические источники о гуситских войнах

Сохранился целый ряд источников о гусизме, отражающих отношение к нему враждебного феодално-католического лагеря. Среди них — многочисленные постановления, буллы и инструкции римской курии и местных национальных церквей западно-европейских стран, направленные против гусизма. Переписка Сигизмунда с

немецкими князьями и имперскими городами, с чешскими магнатами³¹, решения немецких рейхстагов³² дают представление не только об отношении светских крупных феодалов к гуситскому движению, но содержат также некоторые сведения о программных требованиях, о тактике гуситов. Феодално-католический лагерь развернул широкую идеологическую борьбу против влияния гусизма в Европе, стремясь оклеветать гуситов, опровергнуть их учение и практическую деятельность, доказать несостоятельность гуситских требований. С этой целью издавались различные богословские трактаты, писались хроники, многочисленные антигуситские сатиры и песни. Из нарративных источников чешского происхождения и феодално-католической направленности отметим «Хронику» Бартошка из Драгениц³³, рыцаря и участника войн против гуситов. Она охватывает период 1419—1443 гг. Сохранившаяся рукопись хроники относится к концу XV века. Автор писал главным образом на основании личных наблюдений и впечатлений и рассказов сотоварищей по борьбе с гуситами. Особое его внимание привлекали военные операции. События излагаются довольно правдиво, но антигуситская позиция автора проявилась как в подборе фактов, так и в их освещении.

Некоторые данные о составе и направленности гуситского движения имеются в «Трактате о происхождении гуситов»³⁴, написанном в 1420—1422 гг. Ондржеем из Брода, эмигрантом, бывшим магистром Пражского университета. Произведение Ондржея из Брода пропитано ненавистью к гуситам и имело целью оправдать кровавые насилия феодално-католического лагеря над чешским населением. В эти же годы написал свой «Трактат о великом расколе» Людольф Заханьский³⁵, аббат одного из монастырей в Силезии. Автор уделил много внимания чешско-немецким противоречиям, трактуя их с пронемецких позиций, говорит об уиклифистах и гуситах как о единой секте, враждебно настроен в отношении к гуситам и гуситскому учению. Естественно, что источники феодално-католического лагеря требуют особой осторожности при их использовании.

II. ИСТОРИОГРАФИЯ ГУСИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ³⁶

1. Буржуазная историография

а) Чешская литература о гусизме начинается по сути дела с исследований Ф. Палацкого (1798—1876 гг.), официального историографа Чехии, идеолога либераль-

ной чешской буржуазии. Главным трудом Ф. Палацко-го является «История чешского народа», третий том ко-торой посвящен гуситскому периоду и вышел накануне революции 1848 г. на немецком и несколько позднее на чешском языке. В условиях значительного революцион-ного подъема и борьбы чешской буржуазии за власть Палацкий дал положительную и высокую оценку гусит-скому движению. Гуситские войны, по его мнению, были вызваны религиозными и национальными противореч-ьями. В условиях кануна революционных событий в Че-хии либеральная буржуазия стремилась направить на-родное недовольство и энергию в русло национальной борьбы, хотела отвлечь народ от активных революцион-ных действий, от решительной ломки старого порядка, что и нашло выражение в концепции Палацкого.

В гуситском движении Палацкий различал два ос-новных направления—таборитов и умеренных гуситов. Он уделил довольно большое внимание хилистам, од-нако глубины социальных противоречий среди самих гуситов понять не смог в силу своих классово-ограничен-ных идеалистических позиций. Корни противоречий меж-ду двумя гуситскими лагерями таились, по его мнению, в религиозных вопросах. К крайним таборитским сектам, к таборитскому хилиазму историк отнесся в общем не-одобрительно. Палацкий считал специфической чертой славян демократию и идею старославянской демократии соединил с гусизмом. Поражение гуситов он оценил как несчастье в жизни чешского народа. В его работе при-веден целый ряд фактов, свидетельствовавших о боль-шом положительном значении гуситского движения в развитии чешской культуры, чешского языка, в резком ослаблении немецкого влияния в стране и росте нацио-нальной самобытности народа.

При прогрессивной по тому времени оценке гуситст-ва Палацкий не понял всей глубины его как крупнейше-го антифеодального движения крестьянства и плебса эпохи феодализма. Он отвергал революционные методы таборитов и в третьем, переработанном издании назван-ной книги, вышедшем после революции 1848 года, «вы-двигал на первый план разрушительные последствия гу-ситского движения»³⁷.

С приходом буржуазии к власти в чешских землях положительная оценка гусизма, данная Ф. Палацким, становится для чешской буржуазии неприемлемой. На историческую арену выступил рабочий класс, сложилась социал-демократическая партия пролетариата. В усло-

виях победившего капитализма выступают новые антагонистические противоречия—противоречия между буржуазией и пролетариатом. Гуситские революционные традиции могли стать слишком опасным примером для революционного пролетариата. В Чехии побеждает позитивистская историография, выразителем которой явился В. В. Томек (1818—1905), помощник Гельферта в борьбе против концепции Палацкого о гусизме. Он собрал в многотомной «Истории города Праги»³⁸ большой материал о гуситском движении. Томек отрицательно оценивал таборитов (особенно их хилиазм), Яна Желивского и пражских радикальных гуситов, симпатизировал умеренным гуситам именно за отрицание революционных методов борьбы и радикальных таборитских программных требований. Он утверждал, что для таборитов характерны грабеж и насилие. Походы таборитов в соседние страны рассматриваются им как грабительские экспедиции. Борьба политических течений в гусизме оценена как выражение прежде всего религиозных разногласий. Признается национальный характер движения гуситов. В целом гуситское движение оценено отрицательно. Поражение таборитов рассматривается как положительный факт. Для работ Томека типичны фактография, отказ от глубокого анализа, от попыток установления причин и взаимосвязи явлений, что характерно для позитивизма вообще.

В эпоху империализма идеологи чешской буржуазии (Т. Масарик, И. Пекарж и его последователи—В. Халупецкий, Р. Голинка) еще более решительно выступают против революционных традиций гусизма, против положительной оценки движения в целом. Буржуазный космополит профашист И. Пекарж в книге «Жижка и его время»³⁹ утверждал, что гусизм не имел глубоких корней в чешской действительности и является результатом распространения в стране идей, занесенных извне. Гуситские войны, по его мнению, были движением религиозным, сложившимся под влиянием распространения в Чехии идей уиклифизма, вальденсов и иных сект. Антифеодалное содержание движения Пекарж игнорирует, демократизм таборитских идей и практики отрицает. Табор «не был демократическим ни в теории, ни в практике», заявляет этот матерый реакционер. Действительно, «... каждый абзац этой книги подтверждает, что истинной ее задачей было искоренение революционных традиций, клевета на революцию»⁴⁰. Понятно поэтому, что Пекарж обвиняет гуситов в том, что именно они по-

винны в обеднении и разорении страны, уничтожении ряда культурных ценностей к концу гуситских войн и упадке значения Чехии среди других европейских государств.

Победа реакции в битве при Липанах рассматривается Пекаржем, В. Халоупецким и другими реакционными чешскими историками как весьма положительное явление. «Я написал,—указывал И. Пекарж,—что день липанской победы был счастливым днем нашей истории»⁴¹. Вся концепция гуситства в работах Пекаржа и его единомышленников была направлена против растущей угрозы революции. Не случайно он был ярким врагом советской власти, Октябрьской социалистической революции и сторонником фашизма.

Против реакционной концепции Пекаржа и его школы выступили в 20-х, 30-х гг. прогрессивные чешские историки, такие, как Ф. М. Бартош, Р. Урбанек, К. Крофта. Они дали положительную оценку гуситскому движению, деятельности Яна Жижки, уделили большое внимание гуситским откликам в Европе, подчеркивали демократизм таборитов. Однако, будучи учеными-идеалистами, они видели в гуситском движении главным образом явление религиозное. Не избежал этого и Р. Урбанек, уделявший значительное внимание социальной стороне гусизма.

Следовательно, выступления этих историков не могли разбить лженаучной концепции Пекаржа о гусизме. Она могла быть опровергнута лишь с позиций марксистской методологии.

б) Немецкая историография

Много внимания уделили гуситскому движению немецкие историки⁴². Еще К. Хёфлер, немецкий буржуазный историк, работавший в Чехии, выступил против положительной оценки гусизма, данной Палацким. Он заявил, что ереси в Чехии—это импортированное явление⁴³, что гуситство является прежде всего национальным движением чехов против немцев. В националистическом и расистском духе трактовал гусизм и К. Биттнер⁴⁴, считавший главным элементом гусизма религиозные мотивы⁴⁵; горячо одоббивший поражение таборитов при Липанах как победу «духа законности и порядка над духом разрушения»⁴⁶. С националистических позиций это движение рассматривалось многими историками Германии и Чехии в XIX—XX вв. Резко отрицательно отнесся к нему К. Грюнхаген, автор специального исследования

о гусизме в Силезии⁴⁷, издавший также источники вопроса⁴⁸. Вместе с ним гуситское влияние в Германии отвергали В. Х. Мелтцер, Б. Х. Хассингер. Немецкие буржуазные историки не понимали подлинной сущности гуситских войн. Они видели в гусизме в основном религиозное и национальное движение. Л. Круммель, а также Л. Келлер, К. Бурдах и др., оценивая гусизм как движение религиозное, признавали его влияние на Германию, но толковали его как «предреформацию», как «предлютеровское» явление, т. е. имели в виду только его влияние на развитие религиозных течений Германии⁴⁹.

Немецкая буржуазная историческая литература XIX в. достигла в своих исследованиях определенных положительных результатов. Известный либеральный буржуазный историк реформации в Германии Ф. Бецольд—автор двух книг о гуситстве в Чехии⁵⁰—дал характеристику некоторых источников о гуситском движении, писал о совместных действиях чешских и немецких гуситов. Он признавал народный характер движения и попытку разрешения в нем острых социальных проблем⁵¹, считал, что важнейшей силой таборитов являлось крестьянство⁵². Г. Гаупт⁵³ впервые собрал ценный материал о гуситских откликах в Германии и протестовал против фальсификации истории гуситства К. Хёфлером⁵⁴.

В современной западногерманской историографии гуситские войны оцениваются обычно с шовинистических, расистских и реваншистских позиций. Г. Штадтмиллер считает, что это была борьба чехов против немцев. В националистическом и шовинистическом духе трактуют чешское движение и Х. Прейдель, К. Кригер и др.⁵⁵ В последнее время в таком духе выступает Э. Францель. В. Кун и Э. Францель обвиняют чешских гуситов в грубых насилиях и жестокости, замалчивая деятельность немецких и иных крестоносцев. В духе старой реакционной историографии Э. Францель и В. Ашенбреннер утверждают, что гуситское движение привело страну к экономическому упадку⁵⁶.

в) Польская историография

Польские буржуазные историки не занимались специально исследованием гусизма в Чехии⁵⁷. Они рассматривали его также, как религиозное, затем как национальное движение. Например, А. Прохазка писал, что «религия и национальность—это два великих фактора гуситизма»⁵⁸. Польские историки интересовались чеш-

ско-польскими отношениями в гуситское время, но как отношениями чисто политическими, т. е. в аспекте антилюксембургской политики. Вопрос о влиянии гуситской идеологии на широкие народные массы поляков оставался при этом в стороне. Е. Малечинская относит в число таких исследователей А. Соколовского, Ст. Смолку, А. Прохазку, автора многих работ в рассматриваемой области. Как и некоторые другие польские историки А. Прохазка признавал положительное значение деятельности Яна Гуса, отмечал наличие давних дружественных чешско-польских связей. Национально-освободительная сторона гуситского движения нередко вызывала симпатии польских ученых, но трактовалась обычно с националистических позиций. Тот же А. Прохазка считал, что в гусизме нашел свое отражение извечный антагонизм славянского мира с немецким. Глубокое социальное различие среди самих чехов и поляков таким путем затушевывалось. Прохазка не чужд идеализации политики Владислава и Витовта в отношении чешских гуситов и называет ее гуманной и патриотичной⁵⁹, хотя она объяснялась прежде всего классовыми интересами польских магнатов. Большая часть польских исследователей, писавших о гусизме, относилась к гуситскому движению отрицательно, в частности, под влиянием клерикальных воззрений. Проникновение гуситских идей в Польшу рассматривалось как источник разложения и анархии. В период существования польской буржуазно-помещичьей республики в 1918—1939 гг. отрицательная и поверхностная оценка гуситского влияния в Польше осталась без изменений⁶⁰.

г) Русская историография

Гуситское движение, особенно личность Яна Гуса и его учение, привлекали внимание и русских буржуазных историков, особенно славянофилов. Русские историки Новиков⁶¹, Гильфердинг⁶², Бильбасов⁶³, Пальмов⁶⁴, Надлер⁶⁵, Клеванов видели в гусизме лишь религиозное движение, стремились во что бы то ни стало доказать, что оно выражало собою борьбу тенденций православия, издавна распространявшегося в Чехии, с католицизмом. Период гуситских войн освещен в нескольких исследованиях русских буржуазных ученых. А. С. Клеванов⁶⁶, кроме религиозных мотивов, обратил внимание и на национальную борьбу чехов, которую толковал также националистически, как постоянную борьбу чехов против

немцев. В его работе, как и в труде Е. Новикова, указывается на то, что гуситское движение ослабляло папство, католическую церковь и этим самым расчищало дорогу европейской реформации. В объемистом труде И. С. Пальмова⁶⁷ прослеживается история вопроса о чаше с теологических позиций. Рассматривая гусизм как движение религиозное и национальное, направленное против всего «латино-германского мира», автор не показывает, что требование чаши было, наряду с другими, выражением социального протеста против чрезмерных привилегий церкви и ее монопольного положения в обществе. Вопреки фактам, Пальмов старался доказать, что чешское движение представляло собою диаметрально противоположность другим западноевропейским реформационным движениям и обуславливалось «влиянием православных греко-восточных преданий»⁶⁸. Следовательно, глубокий социальный смысл одного из важнейших требований гуситов совершенно ускользал от исследователя.

Вопреки реакционным концепциям в вопросе об истории гусизма, некоторые русские либеральные историки дали ему положительную оценку, старались глубоко проникнуть в его причины и осмыслить его характер. Несколько ценных статей опубликовал историк литературы С. Венгеров, который, в отличие от указанных выше русских историков, уделил большое внимание социально-экономическим причинам гуситского движения, социальным требованиям восставшего чешского народа, впервые в русской литературе отметив существенные положительные стороны выступления таборитов. «Во главе таборитов стояли талантливые представители чешской образованности»,—писал он⁶⁹. Однако и Венгеров не понял классовой антифеодальной сущности борьбы таборитов. Он считал гуситские войны нравственным движением по его содержанию: «Мало имея сходных черт с обычными видами народных протестов, гуситство представляет собою редкий случай чисто-нравственного движения»⁷⁰.

Вопросам гуситских влияний в Польше посвятил статью И. Первольф, опубликовавший также книгу о славянах и их связях⁷¹. В 3-м томе этой работы он подробно остановился на польско-чешских отношениях периода гуситских войн, справедливо отметив, что гуситское движение способствовало усилению национальной борьбы поляков Силезии за воссоединение ее с Польшей⁷².

Однако, как и другие буржуазные историки, Первольф не показал антифеодального влияния чешского гуситского движения на народ Польши. У автора также сильна националистическая тенденция. Гуситские войны он рассматривает как движение религиозное и преимущественно национальное, как борьбу чехов с наступавшим на них немецким миром⁷³.

Важнейшим трудом русских буржуазных ученых о гусизме явилось исследование Н. В. Ястребова о Петре Хельчицком⁷⁴. Автор привлёк широкий круг источников, в частности рукописный материал, и заявил о своем намерении дать новую трактовку вопроса. Он проявил большое внимание к социально-экономической стороне гуситского движения, что объясняется усилением общественной борьбы в России в период буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. В своей работе Ястребов подчеркнул большое значение в гуситском движении проблемы перестройки общественных отношений в стране: «Чешский народ в течение нескольких десятилетий, составляющих так называемый «гуситский период» в его истории, занят был перестройкой своего быта, как внешних условий своей жизни, отношений к империи и католической церкви (папству и курии), так и внутреннего своего строя — общественных отношений, организации государственной власти (законодательства, суда и управления), распределения народного богатства, строя церкви, отношений к немецкому элементу страны и т. д.»⁷⁵. Однако и по его мнению «вопросы чисто богословские играли в движении, конечно, первенствующую роль»⁷⁶. Тема исследования избрана была Н. В. Ястребовым не случайно. Мощное революционное движение пролетариата Российской империи напугало либеральную буржуазию и ее идеологов. Петр Хельчицкий и был выдвинут в это время русскими исследователями гусизма на первый план как противник методов вооруженной борьбы народа за свои права, как сторонник мирных путей переустройства общества. Поэтому ему дана весьма высокая, крайне преувеличенная оценка. Выступление П. Хельчицкого против хилиазма, против таборитского большинства, игравшее реакционную, резко отрицательную роль и ослаблявшее борьбу народа с его классовыми врагами, изображено Н. В. Ястребовым в очень положительных тонах. Таким образом, и Ястребов дал неверную картину гуситства, выдвигая на первый план его умеренные элементы.

2. Современная литература о гуситском движении

В народно-демократической Чехословакии изучение гуситского движения получило свое дальнейшее развитие. Наряду с некоторыми историками старой школы, продолжающими свою исследовательскую деятельность в этой области, выступила группа молодых ученых, которые успешно разрабатывают марксистскую концепцию вопроса. Коренному пересмотру подверглись в той или иной степени почти все основные проблемы гусизма. Этому способствовало изучение высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса⁷⁷, в которых гуситское движение рассматривается как составная часть крупнейших европейских антифеодальных движений, как форма оппозиции феодализму и чужеземному угнетению, движение, глубоко прогрессивное по своей направленности. Высокую оценку гусизм получил в трудах основателей и руководителей компартии Чехословакии⁷⁸, в произведениях З. Неедлы⁷⁹, подчеркнувшего значение деятельности Яна Гуса, гуситских революционных традиций в жизни чешского народа, чем было привлечено внимание молодых историков к данной проблеме.

Вопросы социально-экономической истории предгуситской Чехии разрабатывает Ф. Граус, опубликовавший интересную книгу о пражской бедноте⁸⁰ и двухтомное исследование по истории чешского крестьянства⁸¹. В этих работах он показал значительное расслоение ремесленников Праги и их тяжелое положение к началу XV века, усиление эксплуатации чешского крестьянства. Не соглашаясь с выводом Ф. Грауса о наличии в чешских землях в предгуситский период кризиса феодализма, мы должны отметить, что автор упомянутых трудов с полным основанием видит корни гусизма в социально-экономических процессах в жизни страны. Этот важнейший и правильный вывод подкрепляется в статье Р. Каливоды, посвященной зарождению и развитию таборитской идеологии⁸². Наряду с историками и правоведами в последние годы гуситской проблематикой в Чехословакии начали заниматься и философы. В 1953 г. М. Маховец опубликовал исследование об учении Яна Гуса⁸³. В 1960 г. вышла совместная работа Маховцевых⁸⁴, первая часть которой отведена характеристике народных еретических сект. Несколько раз с докладами и статьями по проблемам гуситской идеологии в чехословацкой печати выступил Р. Каливода⁸⁵. Иссле-

дование Маховцевых и Р. Каливоды представляет новое явление в марксистской литературе вопроса, поскольку авторы ставят в ней одну из главных и до сих пор нерешенных задач—проблему генезиса гуситской идеологии, главным образом таборитской. Вопрос о генезисе гусизма, вообще говоря, не является новым в специальной чехословацкой литературе. Буржуазные историки написали об этом ряд книг и статей. Однако идеалистический метод рассмотрения исторических явлений, иногда даже прямо тенденциозный подход к проблеме помешали им правильно поставить и решить ее. Они исходили обычно из теории «филиации идей» и считали гуситское учение результатом заимствования идей Д. Уиклифа или западноевропейских вальденсов.

В первой части монографии Р. Каливоды главное внимание уделено характеристике народных еретических сект в Западной Европе, содержанию их учения и второй—возникновению и развитию таборитской идеологии. Положительной является попытка автора проследить внутреннюю эволюцию каждого важнейшего типа ереси—вальденства, катарства, секты братьев и сестер свободного духа—процесс перерастания старого в новое. Так же, как современный ученый Э. Вернер⁸⁶, Каливода стремится рассмотреть гуситскую идеологию на общем фоне антифеодальных еретических европейских движений, что, по нашему мнению, является правильным. Борьба против реакционных концепций гусизма привела в настоящее время к другой крайности, некоторому отрыву гуситства от других антифеодальных выступлений эпохи классического феодализма. В то же время в чехословацкой исторической литературе, как и в работах историков других стран, справедливо признается и тщательно исследуется влияние гуситской, особенно таборитской идеологии. Однако в книге Р. Каливоды проявилась другая крайность. Он рассматривает развитие лишь западноевропейских еретических движений, даже не пытаясь сделать это на чешском материале. Объективно это приводит к принижению роли отечественных истоков в процессе генезиса гуситской идеологии. В то же время автор ограничился почему-то характеристикой лишь западноевропейских ересей. Совершенно опущено богомилство, хотя уже у Гуса можно встретить высказывания об их дуалистической концепции мира. Народные ереси оторваны от других форм оппозиции феодализму.

Большой интерес представляет вторая часть труда, в которой рассмотрена эволюция идеологии таборитского лагеря. Автор отметил, что ее основные положения сформулированы им в большой статье, опубликованной несколько лет назад⁸⁷. Одна из основных задач автора—показать постепенное преодоление сектантской ограниченности в идеологии таборитства. Нам думается, что здесь он достиг определенных положительных результатов.

Большое внимание уделено Каливодой пантеизму наиболее радикальных идеологов таборитов. «Пикардско-адамитская левица», как пишет автор, не отказалась от своей программы даже тогда, когда она подверглась преследованиям и затем истреблению. Автор соглашается с выводом Й. Мацека о том, что адамиты и пикарды в таборитском лагере—это также хилиасты. В адамитских статьях, указывает Каливода, «божественный Христос» перестает играть какую-либо заметную роль. Полностью отпадает мысль о каком-то особом хилиастическом чуде.

Не останавливаясь подробно на монографии Каливоды, хочу отметить также некоторые крупные недостатки его работы, помимо отдельных, указанных выше. Большую часть первого раздела работы автор уделил вопросу о кризисе феодализма в предгуситской Чехии и защищает положение о наличии всеобщего кризиса феодальных отношений, несмотря на критику этого тезиса как в чехословацкой, так и в советской и польской литературе вопроса, ничем, собственно, солидно не подтверждая. Явная модернизация звучит в его утверждении, что гуситское движение—это революция, которую он по существу отождествляет с реформацией и крестьянской войной в Германии.

Нельзя не отметить поспешности выводов автора по некоторым вопросам. Правильно указав на большое положительное значение исследований Й. Мацека о гуситском движении, автор считает, что Мацек поднял «марксистскую теорию гуситской революции» на новую качественную ступень своим различием двух направлений гусизма—бюргерского и плебейско-крестьянского (стр. 66). Но об этом более ста лет назад писал Ф. Энгельс в «Крестьянской войне в Германии»! Заслуга Мацека не в этом, а в том, что он дал развернутую марксистскую характеристику плебейско-крестьянского лагеря и показал его важнейшую роль в гуситском револю-

ционном движении, что фальсифицировалось буржуазными историками. Р. Каливода не показал в некоторых случаях достаточного знакомства с советской литературой вопроса, например, по вопросам гуситского движения, о характере реформации в Германии, присоединяясь к выводам Чайковской по поводу немецкой крестьянской войны (стр. 132).

В центре внимания современных чехословацких историков, занимающихся рассматриваемыми проблемами, стоит вопрос о характере и историческом значении гуситского движения. Общий обзор по этой теме дал Й. Мацек⁸⁸. Основным исследованием его, направленным против буржуазной оценки таборитства, является двухтомная монография о Таборе⁸⁹. Й. Мацек, опираясь на исследования Ф. Грауса в области социально-экономических отношений, видит причины и истоки гуситского движения в социально-экономическом, политическом и идеологическом развитии предгуситской Чехии⁹⁰. Главное внимание уделено характеристике хилиазма таборитов, чему посвящена большая часть второго тома названного труда. Автор показал, что сущность гуситского движения заключалась в постановке и попытках практического решения важнейших социальных проблем в интересах крестьянства и городской бедноты, наряду с чем осуществлялись также преобразования национальные и собственно религиозные.

В исследовании о Таборе Мацеком доказано, что программа чешских хилиастов включала не только негативную сторону, как утверждали И. Пекарж и его единомышленники, но и позитивную. Хилиасты выдвинули план создания бесклассового общества и попытались осуществить его. На основании многочисленных источников Мацек подтвердил важнейший тезис о том, что хилиазм таборитов, в отличие от предшествующего европейского хилиазма, является более активным, революционным. Однако процесс становления гуситского хилиазма, его борьба с предшествующими сектантскими идеями и тактикой не раскрыты в работе Мацека. Автор исследовал эволюцию таборитского движения, показал социальный состав таборитов. Вопреки мнению реакционно буржуазной историографии, Мацек обосновал вывод о большом историческом значении движения для чешских земель и для стран Западной Европы.

Поскольку в названных двух монографиях Й. Мацека недостаточно освещены были национальные момен-

ты в гуситском движении, он выступил со специальной статьей⁹¹, в которой сформулировал несколько важнейших принципиальных положений. Он показал, что национальный вопрос, занимавший большое место в гусизме, являлся составной частью движения, преследовавшего главным образом социально-экономические цели, и что национальный вопрос по-разному ставился и решался различными социальными слоями общества. Дворянский патриотизм был быстро исчерпан. Для умеренных гуситов, выступавших в общем с патриотических позиций, на первом плане стояли политические цели и стремление к захвату богатств церкви и патрициата, т. е. их патриотизм был весьма ограничен. Хорошо прослежена у Мацека эволюция национально-освободительной борьбы на разных этапах гуситского движения. Мы полностью присоединяемся к мнению автора, что последовательными патриотами выступали в гуситском движении только крестьяне и плебс городов.

В статье и брошюре о гуситских откликах в Германии⁹², затем во вступлении к сборнику «О международных откликах гусизма»⁹³ Й. Мацек пополнил выводы указанной работы. Недостатком этих исследований по национальному вопросу остается то обстоятельство, что автор так и не рассмотрел в них проблему борьбы за единое, централизованное, национальное чешское государство.

В монографии о Прокопе Великом Й. Мацек⁹⁴ сообщил много интересных данных об этом выдающемся деятеле таборитского лагеря, рассматривая его как выразителя интересов широких народных масс в послехилястический период гуситских войн.

В послевоенной чехословацкой литературе несколько небольших статей⁹⁵ и заметок В. Фиаловой⁹⁶ относятся к до сих пор еще недостаточно изученной области — гуситскому движению в Моравии.

Алоис Мика пополнил данные Й. Мацека и других исследователей в статье, посвященной специально экономическим и социальным последствиям гуситских войн⁹⁷. Сообщенные им сведения противоречат утверждениям буржуазной историографии, что гуситское движение привело лишь к разорению и опустошению страны. В действительности положение крестьянства на время улучшилось, большие возможности в своем развитии получили города, в последующие полстолетия после гуситских войн страна в целом находилась в состоянии экономи-

ческого подъема. В статье такого рода следовало бы, на наш взгляд, поставить вопрос о том, произошли ли принципиальные изменения в области собственности.

Ряд работ чешских авторов посвящен вопросам источниковедения и историографии гуситского движения. Несколько исследований о гуситских источниках опубликовали историки старой школы Ф. М. Бартош, Р. Урбанек. Ф. М. Бартош остановился на постиллах—проповедях гуситов⁹⁸, охарактеризовал их особенности как источников вообще и остановился особо на некоторых, вновь обнаруженных документах. Однако он не отметил, что в постиллах весьма сильно проявлялась субъективная позиция авторов по сравнению с другими типами источников, что специфическая религиозная форма их затрудняла понимание народом классовой сущности его задач.

Р. Урбанек рассматривает вопрос об авторстве сборника сатирических произведений Будишинской рукописи⁹⁹. Анализируя сатиры главным образом по форме и в некоторой мере задевая вопросы их содержания, он приходит к выводу, что автором всех шести сатир является Вавржинец из Бржезовей. Аргументацию автора статьи можно дополнить на основании анализа содержания сатир¹⁰⁰. Ряд важнейших критических замечаний в тексте источника по адресу римско-католической церкви и Сигизмунда, идея патриотизма, пронизывающая все сатиры, совпадают с точкой зрения Вавржинца, высказанной им в «Гуситской хронике», и также выражают интересы бюргерской оппозиции.

Чехословацкие историки-марксисты написали пока лишь несколько статей о гуситских источниках. Во вступлении к первому изданию «Будишинских сатир» И. Мацек дал их оценку на фоне социально-экономического развития и борьбы течений в гусизме. Значительный интерес представляет небольшая по объему статья И. Мацека, посвященная характеристике 72-х таборитских статей¹⁰¹. Рассмотрев три сохранившихся их варианта, автор пришел к выводу, что в основном содержания все они совпадают и являются вполне достоверным источником при изучении хилиазма таборитов, вопреки мнению И. Пекаржа. Ценным дополнением к ним является трактат Яна Пршибрама «Жизнь таборских священников». Другая статья И. Мацека¹⁰² посвящена недавно обнаружен-

ному им таборитскому воинскому уставу 1420 г., анализ содержания которого показывает, что он был составлен таборитами в период зарождения революционной армии народа и носит на себе следы хилиазма. Сравнение его с гуситским воинским уставом 1423 г. обнаруживает значительно большую военно-техническую зрелость в позднем уставе.

В отдельных монографиях, статьях и разделах исследований современных чехословацких историков рассматриваются вопросы историографии гусизма. Большое внимание с полным основанием уделено разоблачению антинародной концепции И. Пекаржа и его единомышленников и последователей, представлявшей большую опасность в исторической науке, особенно в первые послевоенные годы. В монографии Яна Пахты¹⁰³ идеи Пекаржа показаны как контрреволюционная идеология буржуазии эпохи империализма. Пахта сообщает, что уже в ранний период Пекарж являлся убежденным идеалистом, сторонником иррационализма и выступал в защиту антисемитизма, религиозных суеверий и предрассудков. В дальнейшем его идеи становятся идеологической опорой нацизма в чешских землях. И. Пекарж являлся противником коммунизма и врагом Советского государства. Специальная глава о Пекарже как фальсификаторе революционной истории чешского народа показывает его как убежденного космополита, что ярко проявилось в его отношении к гуситству, которое этот матерый реакционер ненавидел и решительно отвергал. Именно он наиболее полно и четко сформулировал тезис о гусизме как чужеземном, импортном явлении в Чехии. Особенно он ненавидел таборитов, фальсифицировал учение и историческое значение хилиазма. Если Ф. Палацкий считал Липаны «могилой демократии», то Пекарж называл их «счастливейшим днем» чешской истории. Хотя в монографии Пахты недостаточно систематически рассматриваются исторические взгляды Пекаржа, например, вопрос об отношении его к государству, к сословиям, но в целом работа Пахты сыграла положительную роль, помогла в разоблачении концепции Пекаржа и его школы.

Перу Й. Мацека принадлежит попытка дать краткий обзор чешской буржуазной историографии гуситского движения¹⁰⁴, в котором он проследил эволюцию буржуазной историографии от либерала Ф. Палацкого, положительно оценившего гусизм, до идеолога реакции эпохи империализма И. Пекаржа. Автор приходит к вы-

воду, что в высказываниях К. Маркса и Ф. Энгельса дана основа марксистского понимания гуситизма.

В одной из статей И. Полишенского¹⁰⁶ содержится краткий обзор ряда зарубежных публикаций о гуситском движении. Однако он далеко не полон и в нем неправомерно большое внимание уделено статьям современного английского историка Беттса.

В последующих историографических обзорах литературы о гуситском движении желательно дать значительно более развернутую его характеристику с привлечением всей основной чешской, в частности русской и советской, литературы вопроса.

)*
**

В последние годы чехословацкие историки приступили также к изучению взглядов гуситов на вопросы государства и права. Первой по времени была статья В. Ванечека¹⁰⁶. По его мнению, старые государственные учреждения и нормы права перестали действовать в гуситский период. Основой государственной и правовой жизни стали тогда гуситские общины. В итоге гуситского движения упрочилась сословная монархия, и чешское государство стало складываться как действительно национальное государство чехов. Недостатком статьи Ванечека является отсутствие характеристики эволюции таборитских сеймов, борьбы гуситов за централизованное государство и показа отношения различных групп гуситов к сословиям. Совершенно неправомерно сравнение гуситских общин с Советами периода пролетарских революций, что сохранено автором и в «Краткой истории государства и права»,¹⁰⁷ где В. Ванечек говорит уже о трех фазах в развитии государства и права в гуситское время.

Автор вводит неверное понятие гуситской «революции» и приспособливает, даже подгоняет к нему некоторые выводы. Недостаточно четко сформулированы Ванечком выводы в отношении изменений, происшедших в сословном государстве.

И. Главачек остановился на вопросе, который еще не исследовался специально в марксистской литературе, — на вопросе о гуситских сеймах 1419—1435 гг.¹⁰⁸. Автором отмечены крупнейшие изменения в социальном составе сеймов, появление в них представителей сельских общин и увеличение роли городов. Главачек приводит читателя к выводу о демократизации политической жизни страны в итоге гуситского движения. Однако материалы некото-

рых сеймов им не проанализированы достаточно тщательно¹⁰⁹. Неверно утверждение автора, что сеймы таборитов и сирот носили областной характер. Зачастую он отвлекается от конкретного хода событий. Периодизация гуситских сеймов, выдвинутая в статье, не соответствует общей периодизации гуситских войн. Интересная проблема, поставленная автором, далеко еще не исчерпана и заслуживает дальнейших изысканий.

Обширная литература о гуситском периоде истории Чехии пополнилась в 1958 г. новой книгой, посвященной непосредственно проблемам государства и права в гуситское время. Автор книги И. Кейрж¹¹⁰ использовал в ней опубликованные и, главным образом, неопубликованные материалы Кутной Горы. В работе дан интересный очерк положения города в годы гуситского вооруженного восстания. Много интересных данных приведено в отношении экономики Кутной Горы. Сравнивая управление городом за 1421—1437 гг. с предгуситским периодом, автор пришел к выводу, что прежние формы управления в основном там сохранились и в гуситский период. В области отношений собственности он заключил, что «в Кутной Горе в большей части не дошло до ограничения феодальной собственности и ее замены новыми формами общественной собственности, как это было в период преобладания бедноты в Праге и... городах таборского союза»¹¹¹. Положительной стороной является общая полемическая направленность исследования против тезиса буржуазной историографии, представители которой утверждали, что табориты были только разрушителями и не были способны на творческие усилия, да и не ставили будто бы перед собой таких задач. Труд И. Кейржа — это одно из немногих марксистских исследований о чешских городах, в котором содержится конкретный материал, показывающий по кутногорским данным стремление таборитов и сирот, т. е. плебейско-крестьянского лагеря, к организации всей экономической жизни страны.

Однако в работе Кейржа имеется ряд существенных недостатков.¹¹² Вызывает сомнение ее структура и пропорции между главами. Излишне большое место уделено историческому очерку. Ценные сведения об источниках разбросаны по разным главам книги. Историография вопроса, за исключением нескольких замечаний, по существу отсутствует. Крупные недочеты содержатся в важном разделе о собственности. Он разработан автором недостаточно. И. Кейрж переоценивает в данном

случае значение правовых норм, в которые выливались имущественные сделки. Сделав вывод о том, что **формы собственности** не претерпели решающих изменений, он и не попытался ответить на вопрос о том, не произошло ли изменений **в характере собственности** при сохранении старых юридических норм. В данном случае кутногорские сведения даются в отрыве от общечешских. Проблема собственности, правовых отношений не связана с программными требованиями бюргерской оппозиции или плебейско-крестьянского лагеря.

В небольшой книжке Р. Фоустки¹¹³, являющейся новой обработкой более раннего его труда, дан анализ воззрений Петра Хельчицкого на вопросы государства и права. Автор показал на значительном материале источников, что П. Хельчицкий решительно отвергал тогдашнее сословное деление общества, привилегии не только духовенства, но и светской части господствующего класса. Духовенство и дворянство П. Хельчицкий рассматривал как сословия, вредные для человеческого общества. В его сочинениях полностью отвергается римско-католическая церковь. Существующее феодальное государство также отрицается как царство Антихриста, но необходимость государственного аппарата вообще признается. Речь идет, следовательно, об улучшении существующего государства. Отвергается церковное, городское, императорское право. Решительно осуждается метод насилия, и резкой критике подвергаются хилиасты. Указав на противоречивость ряда положений Хельчицкого, например на его отрицание насилия и в то же время признание того, что государство не может без него обойтись, Р. Фоустка оценивает П. Хельчицкого как идеолога зажиточного крестьянства. Правильно указано, что призыв Хельчицкого к отказу от насильственных действий в тех условиях сыграл крайне отрицательную роль. Минусом работы является ее отрыв от конкретных событий гуситского движения. Слабо показан положительный идеал Хельчицкого.

Несколько позднее Е. Петров¹¹⁴ издал библиографический указатель произведений Петра Хельчицкого.

Гуситскому военному искусству посвящены монография и несколько статей Я. Дурдика¹¹⁵. После работ Г. Томана в этой области, собравшего очень большой и ценный

материал, это одна из лучших книг на данную тему. Военное искусство гуситов рассмотрено в ней на фоне социально-экономического развития предгуситской Чехии, событий гуситских войн и в сравнении с феодальной армией Западной Европы. Анализируется социальный состав гуситских войск, принципы их организации. Подчеркнуто, что главная сила народной армии заключалась в ее высоком моральном уровне и справедливых, демократических целях. Указано на значительное превосходство плебейско-крестьянских вооруженных сил по сравнению с войсками умеренных гуситов. Демократический характер гуситской армии, поиски новых форм и методов ведения военных операций четко обрисованы в монографии Дурдика. В заключительной части книги сообщается об использовании гуситского военного опыта народными массами Венгрии, Польши, Германии, Украины¹¹⁶.

В книге Я. Дурдика, выдержавшей уже два издания, впервые дана целостная картина гуситского военного искусства на основе марксистско-ленинского учения. Она представляет тем больший интерес, что источники по этому вопросу для других антифеодальных движений в Западной Европе до XVI в. почти отсутствуют. В дальнейшем желательно более полно показать место гуситского военного искусства в зарождении новой военной организации в Европе.

К вопросу об эволюции гуситского военного искусства Я. Дурдик вернулся в отдельной статье¹¹⁷, где выдвигает тезис о том, что «на определенных этапах движения изменяется и основной характер вооруженных сил революционного движения». В другой статье¹¹⁸ он дает характеристику чешского оружейного ремесла в предгуситское время на материале большей частью неопубликованных источников, характеризует различные виды боевой одежды гуситов, их наступательное и оборонительное оружие и осадные механизмы. В специальной статье Дурдик остановился на состоянии оружейного дела в одном из крупных моравских городов того времени — городе Знойме,¹¹⁹ обнаружив в нем достаточно высокий технический уровень чешского ремесла.

Р. Урбанек в небольшой брошюре¹²⁰ остановился на роли гуситского военного искусства в развитии военного дела в Европе. Однако автор не раскрыл причин, которые дали возможность подняться на такую высоту гуситскому военному делу. Он не уловил коренного различия между феодальной и народной таборитской армией,

боровшейся за прогрессивные цели. Роль таборитской армии преуменьшена, Ян Жижка идеализируется.

Наибольшее количество статей современных чехословацких историков посвящено гуситским откликам в странах Европы. В них рассматриваются причины и предпосылки откликов в той или иной стране; характер и значение их, особенно в антифеодальном, политическом; национальном движении разных стран; связь зарубежных гуситов с чешскими и попытки совместных действий или осуществление их против феодально-католического лагеря.

О гуситских откликах в Польше написано несколько статей и книга Й. Мацека¹²¹. В исследовании «Гуситы на Балтике и в Великой Польше», основанном на неопубликованных материалах архива Гданьска и других городов, рассмотрены два вопроса: совместный поход чешских гуситов с польскими войсками против Ордена в 1433 г. и гуситские отклики в Великой Польше и Куявии. В первой части устанавливается наличие двух лагерей в самой Польше по отношению к гусизму — реакционного, феодально-католического и прогрессивного, стоявшего за гусизм. Гуситский поход 1433 г. против Ордена оценивается как следствие продуманной тактики гуситов, справедливо подчеркнуто, что он способствовал сближению польского и чешского народов. Во второй части работы раскрываются внутренние, прежде всего социально-экономические причины, вызвавшие гуситские отклики в Великой Польше и Куявии, и разъяснено, почему гуситство в Польше не выросло в общепольское восстание. Думается, что выводы автора сделало бы еще более убедительным и привлечение материалов по Силезии. Хочется отметить также, что совместное выступление польско-чешского войска против Ордена в 1433 г. сыграло известную положительную роль в деле приостановления немецкой феодальной агрессии на востоке Европы и в успешном завершении борьбы Польши с Орденом вообще.

В заметках И. Мацурека¹²², Р. Голинки¹²³, Ф. Сигута¹²⁴ приведены данные о гуситских откликах в Малой Польше, Силезии и о походе 1433 г. гуситов против Ордена. Ф. М. Бартош¹²⁵ обращает наше внимание на деятельность польского гусита священника Михала в чешских землях времен Иржи Подебрада и Владислава. В

другой статье он описал деятельность литовского князя Зигмунта Корибутовича в годы гуситских войн на фоне событий тех лет внутри страны. Автор не указал на наличие двух лагерей в Польше по отношению к гуситам, т. е. гуситского и антигуситского, что среди сторонников гусизма в Польше было также два направления — бюргерская оппозиция и плебейско-крестьянский лагерь, о чем писали Й. Мацек и Е. Малечиньская¹²⁶. Рассматривая ход событий внутри Чехии, Бартош нигде не дает их классовой характеристики.

А. Копалова остановилась на вопросе о сотрудничестве чехов и поляков за время гуситских войн в Силезии¹²⁷. Крупным недостатком ее статьи является то, что тема рассмотрена в ней крайне узко и вместо сотрудничества чехов и поляков в целом говорится лишь о сотрудничестве гуситов с официальным лагерем сторонников умеренного гусизма и национальной польской независимости.

Небольшая статья Я. Пошвара¹²⁸, где имелось в виду рассмотреть место Силезии в чешско-польских политических взаимоотношениях в первой половине XV в., содержит ряд фактов, но ничего принципиально нового не приносит.

**

Гуситские отклики в Германии рассмотрены в соответствующих разделах книги Й. Мацека «Прокоп Великий»¹²⁹, в его популярной брошюре «Из революционного прошлого немецкого народа»¹³⁰. Специальная статья Й. Мацека¹³¹ посвящена вопросу о развитии дружественных связей между чешским и немецким народами в гуситское время. На всем протяжении работы проводится тезис, высказанный также несколько раньше в советской литературе¹³², что чешские гуситы с самого начала отличали немецкий народ от немецких феодалов, патрициев, прелатов и воевали именно с немцами — представителями господствующего класса. Во второй части рассматриваются собственно гуситские отклики в Германии и устанавливается, что к гуситской программе весьма близки идеи «Реформации императора Сигизмунда» и программа «Башмака». Напоминаются факты, свидетельствующие о связи гуситства с немецкой реформацией.

Среди работ, посвященных гуситским откликам в Германии, естественный интерес представляет моногра-

фия В. Гусы «Томас Мюнцер и чехи»¹³³. В нескольких, вступительных, по их характеру, главах даны сведения о происхождении Мюнцера и о его юности, жизни его в Цвиккау. Подробно рассмотрены затем все источники вопроса, сообщается о поездке Мюнцера в Жатец и Прагу, о связях его с местным чешским населением, в частности, с представителями радикальных направлений. Интересный материал сообщается о разных версиях «Пражского манифеста». В. Гуса приходит к важному выводу, что различные версии этого ценнейшего источника рассчитаны были на разные социальные слои чешского общества.

В монографии В. Гусы впервые систематически и тщательнейшим образом освещены все имеющиеся свидетельства о пребывании Мюнцера в Праге. В противовес буржуазной историографии, с которой автор ведет острую полемику, оценка действий Т. Мюнцера совершенно справедливо связывается с его борьбой за социальное переустройство общества. Чешский рецензент книги считает¹³⁴, что нет основания для переоценки пребывания Мюнцера в Чехии, что имеет место в книге В. Гусы, и полагает, в соответствии с мнением М. М. Смирина, что не в Чехии, а в Германии начался процесс превращения Мюнцера из реформатора в революционера.

О гуситских откликах в Австрии рассказывается в статье Л. Госака¹³⁵, представляющей интерес конкретным материалом, установлением связи между гусизмом и прежним еретическим движением в стране, стремлением показать различие интересов в этой борьбе между горожанами и феодалами. Однако характеристику социальной борьбы внутри австрийских земель, показ расслоения городского населения и антифеодальных откликов на гуситское движение можно было дать более основательно. Хроники сообщают¹³⁶, например, о волнениях против властей в Вене в 1422 г., о том, что многие бедные горожане и крестьяне бежали из войска герцога Альбрехта, когда он в 1424 г. предпринял поход против гуситской Чехии. Это было своеобразной формой протеста против феодального гнета и, что вполне возможно, выражением сочувствия гуситам Чехии.

О гусизме в Словакии ценный материал собрал и обработал П. Раткош¹³⁷. Подвергнув критике буржуазную словацкую историографию, он уделил главное внимание характеристике антифеодальных выступлений в Слова-

кий, усилившихся в связи с развитием гуситского движения. К их числу относится движение «братриков» в 1445—1462 гг., которое буржуазные историки трактовали как разбойничьи выступления. В публикации 1958 г. П. Раткош¹³⁸ внес некоторые добавления к рассмотренной статье по историографии вопроса, в частности — о положительных итогах гуситских откликов в области литературы и языка¹³⁹.

**

В нескольких книгах и статьях исследуется гуситская традиция в истории чешских земель. Это, прежде всего, доклады и выступления академика З. Неedly, его книга о Гусе. Два наиболее крупных его выступления по данной проблеме — это работа «Коммунисты, наследники великих традиций чешского народа» (1946) и «Заветы нашей национальной истории» (1948)¹⁴⁰. Эти труды З. Неedly сыграли большую роль, привлекая внимание молодых чехословацких исследователей к гуситской тематике.

Ф. Кавка¹⁴¹ дал развернутую характеристику развития гуситской традиции в жизни Чехии, начиная со второй половины XV в. и вплоть до установления народно-демократической республики в Чехословакии. Исходя из марксистского учения о прогрессивных традициях, автор стремился проследить все стороны гуситской традиции — революционную, национальную, религиозную, уделяя главное внимание роли революционной традиции в борьбе чешского народа против феодализма, позднее против капитализма, т. е. именно той стороне вопроса, которая замалчивалась буржуазными историками. В работе Кавки показано, какой из этих элементов выступает на первый план на данном историческом этапе и какова была в этом вопросе позиция различных классов общества. Революционная традиция гуситов была воспринята только широкими слоями народа.

Основная часть труда Кавки посвящена развитию гуситской традиции в эпоху капитализма. Охарактеризована концепция Ф. Палацкого, высоко оценившего гусизм. Показано, что после революции он сделал шаг назад в оценке гуситского движения и перенес главное внимание на его религиозную сторону, открыто выступил против революционных методов таборитов. Однако следовало сказать, что Палацкий вместе со всей либеральной буржуазией предал чешский народ в дни июньского восстания 1848 г. в Праге. Правильно указано, что в отличие от либеральной буржуазии радикальные чеш-

ские демократы, например Э. Арнольд, принимали именно революционную сторону гусизма. Значительный интерес представляет материал 7-й главы, где показывается процесс отхода буржуазии от революционных традиций гуситов. Носителем их становится новая историческая сила — чешский пролетариат. Важным рубежом является признание гуситской традиции основателями чешской социал-демократии. В эпоху империализма нередко, лицемерные попытки чешской буржуазии использовать гуситские симпатии чешского народа с целью его обмана. Автор показывает это на примере Т. Масарика, выбросившего в годы образования буржуазной республики лозунг «Табор есть наша программа» и имевшего целью отвлечь массы от задачи борьбы за власть, за народную республику трудящихся. Большой интерес представляют сведения, в которых сообщается об отношении к гусизму основателей и руководителей коммунистической партии Чехословакии, выдвигавших на первый план социальное ядро учения таборитов. Отмечается, что коммунистическая партия использовала революционные традиции гусизма в борьбе против отечественного и чужеземного фашизма, за национальную свободу и независимость, за новую, народную Чехословацкую республику. Высокая оценка гусизму дана в ряде выступлений К. Готвальда, в материалах 9-го съезда коммунистической партии Чехословакии.

При общей положительной оценке монографии Ф. Кавки отметим некоторые из ее основных недостатков: работа перенасыщена конкретным материалом иногда за счет недостаточного анализа его; роль гуситской революционной традиции, особенно в первый период, освещена неполно. Отсутствует специальная историографическая глава. Чувствуется некоторая идеализация Ф. Палацкого, поскольку не подчеркнуто, что труд Палацкого также способствовал закреплению буржуазной трактовки гусизма.

М. Маховец издал монографию¹⁴² об учении Гуса и гуситской традиции с момента ее зарождения и до установления народной демократии в Чехословакии, чему посвящена одна треть книги. Последовательно прослеживается отношение к Гусу разных социальных слоев чешского населения в эпоху феодализма, в период возрождения, в революции 1848 г. Специально выделены работы Ф. Палацкого и рассмотрено его отношение к Гусу и гусизму, затем исследуется отношение к Гусу со стороны буржуазии второй половины

XIX в. и в эпоху империализма. Подробно освещены попытки чешской буржуазии выхолостить все революционное из гуситской традиции, с тем, чтобы приспособить ее к своим корыстным интересам, что нашло выражение в концепции Т. Масарика. Правильно утверждение автора о том, что в предмюнхенский период усиливается тенденция к фашизации и что буржуазия в этот период разворачивает яростную борьбу против положительной оценки Гуса и гуситского движения в целом, примером чего является деятельность идеолога реакции И. Пекаржа. Небольшой раздел посвящен характеристике отношения к Гусу и его наследию со стороны рабочего класса и его лидеров, со стороны компартии. Подлинным наследником учения Гуса становится пролетариат. Удачным является раздел книги, в котором показаны взгляды З. Нееды на гуситство. Высокую оценку гусизму дали видные деятели коммунистической партии Чехословакии, заключает автор.

В отличие от книги Ф. Кавки, перегруженной фактами, монография М. Маховца страдает явно недостаточным их привлечением. Излишне кратки разделы о роли гуситских традиций в рабочем движении.

Значительный интерес представляет статья Б. Штедрона «Гуситские песни в чешской и мировой музыке»¹⁴³, относящаяся к мало исследованной проблематике. В статье отмечается, что гуситское движение оставило глубокие следы во всех областях чешской культуры, о чем свидетельствует ряд иллюстраций из мировой и чешской культуры. Заметным этапом в развитии гуситской тематики в музыке является цикл произведений выдающегося чешского композитора Б. Сметаны под названием «Моя родина». Автор пишет о прогрессивном значении гуситских революционных и национальных традиций в эпоху империализма. Приведен ряд примеров, которые свидетельствуют о широком применении гуситских мотивов в музыке народно-демократической Чехословакии. Следовало бы указывать и в публикациях такого рода на классовые позиции авторов, чего Штедрон обычно не делает.

**

В отличие от буржуазной историографии, в том числе и русской, советские историки проявляют большой интерес к социально-экономической и политической истории чешских земель, что дает возможность глубже осмыслить подлинные причины и предпосылки гуситского движения. Исследованию предгуситской Чехии и уче-

ния Яна Гуса посвящен ряд диссертаций и статей Виноградовой, Рубцова, Руколь, Сазоновой, Санчука. В кандидатской диссертации Б. Т. Рубцова рассматривался один из коренных вопросов жизни чешских земель XIV—нач. XV в.—эволюция форм феодальной ренты. Этой теме посвящено несколько статей того же автора и монография¹⁴⁴. Не останавливаясь специально на монографии и статьях Б. Т. Рубцова, поскольку это выходит за рамки нашей работы, мы отметим, что она является ценным исследованием, способствует разоблачению антинародных концепций буржуазных историков, приукрашивающих положение чешского крестьянства накануне гуситских войн, и помогает уяснить подлинные причины, поднявшие народ на мощное антифеодальное восстание.

А. И. Виноградова занимается исследованием чешского города и в одной из публикаций показала картину резкого социального расслоения и обострения классовой борьбы в чешском городе к началу XV в.¹⁴⁵ Как и чешские исследования, ее работа объясняет нам массовое участие в гуситском движении городского плебса.

Исследования Г. Э. Санчука в области политической истории Чехии XIV в. направлены на решение не изученного до сих пор вопроса о зарождении и образовании национального централизованного чешского государства¹⁴⁶. В этой связи он проанализировал один из важнейших источников чешского средневекового права—законник Карла Первого¹⁴⁷ (IV).

Г. Л. Липатникова остановилась на истории создания Пражского университета и социальном составе его студентов накануне гуситских войн¹⁴⁸. Кандидатские диссертации Б. М. Руколь и А. С. Сазоновой посвящены учению Я. Гуса и историографии вопроса. В статье А. С. Сазоновой¹⁴⁹ дана краткая историография вопроса и рассмотрены выступления Гуса против церковных и светских феодалов и его национальные требования. Б. М. Руколь охарактеризовала некоторые источники, сообщавшие об Иерониме Пражском¹⁵⁰.

Истории гуситского движения периода вооруженного восстания чешского народа, вопросам формирования идеологии таборитов и бюргерской оппозиции, борьбы течений в гусизме посвящены неопубликованные кандидатские диссертации П. И. Резонова, А. И. Озолина, статья и раздел монографии М. М. Смирин. П. И. Резонов¹⁵¹ и А. И. Озолин¹⁵² исследовали вопрос о двух направлениях в гуситском движении—плебейско-кре-

стьянском лагере таборитов и умеренной бюргерской оппозиции. Рассматривались программные требования и классовая природа этих гуситских группировок, раскрывался глубокий социальный смысл движения, его антифеодальный характер. Резкой критике подвергались буржуазные оценки гусизма. Диссертанты подчеркивали выдающееся прогрессивное значение чешской крестьянской войны. М. М. Смирин рассматривает¹⁵³ учение и практическую деятельность чешских таборитов как один из главных источников мировоззрения Томаса Мюнцера. Он отмечает влияние гуситских идей в «Реформации императора Сигизмунда». Группа советских историков опубликовала в первом томе «Истории Чехословакии»¹⁵⁴ большую главу о гуситском революционном движении.

Одна из последних публикаций посвящена выдающемуся деятелю гуситского движения, вождю пражского плебса—Яну Желивскому¹⁵⁵. Однако в этой интересной теме осталось еще много недоработанного. Учение Желивского дано в отрыве от его практической деятельности и от гуситского движения в целом. Почти не использованы хроники того времени.

Помимо уже указанной работы Б. М. Руколь опубликованы статьи других авторов, относящиеся непосредственно к источниковедению и историографии гуситского движения. В них характеризуются гуситские манифесты¹⁵⁶, произведения Будишинской рукописи¹⁵⁷, современная американская литература по гусизму¹⁵⁸. Несколько работ опубликовано советскими историками о гуситских откликах в различных странах Европы. Это статьи М. М. Смирин¹⁵⁹, С. И. Копысского и В. В. Чепко¹⁶⁰, А. И. Озолина¹⁶¹. На эту тему защищена кандидатская диссертация В. Н. Никитиной¹⁶², стремившейся проследить в своей работе антифеодальные отклики гусизма в Германии, Франции, Нидерландах, Венгрии, Польше. Ей же принадлежит статья о гуситских идеях в Венгрии¹⁶³, где довольно подробно рассматриваются события и программные требования в крестьянском восстании 1437 г. в Трансильвании.

В 1955 г. Б. Т. Рубцовым была опубликована¹⁶⁴ первая в советской литературе общая работа о гуситских войнах, изложенная в научно-популярной форме. В первой части работы автор на базе собственных исследований обосновал социально-экономические предпосылки гуситских войн. Во второй части систематически обрисован ход крестьянской войны в Чехии, дана

характеристика основных направлений в гусизме, требований таборитов и бюргерской оппозиции, приведены некоторые данные о международном значении гуситского движения.

**

Значительное количество статей, рецензий и одну большую монографию написали в послевоенное время историки Польской Народной Республики. Кроме книги Е. Малечиńskiej¹⁶⁵ и брошюры Зайяцковского¹⁶⁶, все остальные работы рассматривают гуситские отклики в Польше.

Основной работой о гусизме в последние годы является в польской литературе большая монография Е. Малечиńskiej, известной исследовательницы гуситства, опубликовавшей в предшествующие годы статьи, рецензии, доклады по рассматриваемой тематике¹⁶⁷. В первом разделе монографии автор останавливается на проблеме кризиса феодализма в Европе в XIV—XV вв. Она приходит к обоснованному выводу, что приведенные ею данные источников и сведения из литературы по изучаемому вопросу не позволяют поддерживать тезис некоторых историков о наличии кризиса феодализма в XIV—XV вв. Исследование Малечиńskiej состоит из двух частей. В первой описывается возникновение и развитие гуситских идей в чешских землях. Значительное внимание уделено Яну Гусу и его учению и деятельности. Затем рассматривается период вооруженного гуситского восстания в Чехии. Во второй части труда анализируется распространение гуситских идей в польских землях и отношение к ним различных классов польского общества. В заключительной общей главе сообщается о гусизме в польских и чешских землях во второй половине XV и начале XVI в.¹⁶⁸

Так же, как и современные чехословацкие и советские историки, польские ученые видят в гусизме прежде всего социальные, антифеодальные мотивы, признавая вместе с тем значительную роль его национально-освободительных тенденций и антиклерикальных требований. В книге, докладах и статьях Е. Малечиńskiej и др. польских историков признается также, что среди польских гуситов было два основных направления — плебейско-крестьянское и бюргерское, хотя в силу ряда внутренних причин бюргерское направление оказалось здесь более мощным. Большое внимание Малечинская уделяет гуситскому влиянию в области идеологической жизни. В отличие от старой польской историогра-

фии, современные исследователи многое сделали в исследовании социальных откликов на гуситское движение. Р. Гекк собрал ценный материал о гуситских откликах в Силезии¹⁶⁹. В его статьях и в работах М. Вержейской¹⁷⁰, С. Бродко¹⁷¹, Р. Сековского¹⁷² приводятся данные, которые говорят о значительном оживлении крестьянских антифеодальных выступлений в Польше, оппозиции дворянских представителей умеренного гусизма. О гуситстве в Хельминской земле написал Е. Сэрчик¹⁷³.

Польские ученые опубликовали интересные рецензии на новейшие чехословацкие работы о гусизме¹⁷⁴, обзорную статью о новых советских публикациях по этой теме¹⁷⁵. Они издали на польском языке весьма ценный сборник документов о гусизме в Польше¹⁷⁶.

В противоположность реакционной западно-германской современной историографии, историки Германской Демократической Республики вполне основательно указывают на связь чешской крестьянской войны XV в. с развитием крестьянского движения против феодального господства в немецких землях¹⁷⁷. Х. Кепштейн опубликовал статьи¹⁷⁸ о трактовке гусизма западно-германскими историками нашего времени и несколько исследований, посвященных анализу гуситских откликов в Германии¹⁷⁹, деятельности отдельных выдающихся представителей еретического движения в немецких землях перед Великой крестьянской войной в Германии. Гуситское движение он рассматривает в первую очередь также как антифеодальное движение, как выражение растущей оппозиции народа феодализму и дает ему высокую оценку. Он приходит к справедливому выводу, что антифеодальные идеи гуситов, главным образом таборитов, значительно активизировали социальную борьбу крестьянства, плебса и бюргерства Германии против католической церкви и князей. Положительное значение влияния антифеодальной идеологии таборитов Х. Кепштейн видит также в том, что мирные немецкие секты нередко переходили теперь к активным методам борьбы против феодалов¹⁸⁰. Он приходит к выводу, что влияние гуситских идей подготавливало почву ранней буржуазной революции в Германии¹⁸¹. В заметке Э. Эйцблера¹⁸² кратко сообщается о новых чехословацких работах по гуситскому движению и публикациях новых источников. Однако автор не раскрывает в них то принципиально новое, что принесли последние исследования чехословацких историков о гусизме.

Значительный интерес представляет последняя по времени опубликования работа-исследование лейпцигского историка Э. Вернера о чешских адамитах периода гуситских войн¹⁸³. Тема исследования относится к проблеме генезиса таборитства, далеко еще не изученной в литературе о гусизме. Автор признает, что адамиты являлись составной частью таборитской бедноты, и вместе с Й. Мацеком отвергает буржуазный взгляд на адамитов как на каких-то разбойников. Автор проводит аналогию между чешскими адамитами, средневековым либертинизмом и его практикой и хилиастическими и спиритуалистическими взглядами гуситов. Отмечая заслуги Й. Мацека, показавшего, что корни идеологии адамитов находятся также в хилиазме, Э. Вернер полагает, что «с другой стороны, они не находились в такой изоляции от европейской истории сектантства, на одинокой вершине, как думает Мацек»¹⁸⁴. Наряду с Библией, он называет второй источник учения таборитов—европейский спиритуализм¹⁸⁵. Нам думается, что этот важный тезис автора требует дальнейших изысканий и значительно более основательной аргументации. В работе обнаружено хорошее знание современной чехословацкой и болгарской литературы о ересь и гусизме.

Мы соглашаемся с положительными и критическими замечаниями Й. Мацека¹⁸⁶ в отношении труда Э. Вернера. Последний собрал действительно значительный материал и проводит интересные параллели. Однако он проявляет некритическое отношение к источникам, иногда преувеличивает роль идеологических факторов. Добавим к этому, что Э. Вернер нередко сравнивает несравнимые величины, например, сектантство периода классического феодализма с ересями совсем иной исторической стадии развития—периода раннего феодализма. Работа Э. Вернера лишний раз показывает, как еще много неизученного в гуситском движении. Необходимо большое внимание уделить проблеме генезиса таборитского хилиазма. Опубликованы также отдельные научно-популярные статьи о гусизме¹⁸⁷.

Гуситское движение привлекало внимание и целого ряда венгерских историков. Опубликовав несколько интересных исследований в этой области и некоторые источники, буржуазные историки не смогли, однако, правильно поставить и решить вопрос о причинах и сущности этого события¹⁸⁸.

В послевоенное время в этой области плодотворно занимаются Г. Секели и Т. Кардос. Главное внимание

уделяется ими также вопросу о гуситских откликах в Венгрии. Г. Секели исследует антифеодальные отклики на чешскую крестьянскую войну в венгерских землях, замалчивавшиеся буржуазными историками, собрал богатый конкретный материал, подвергнув его тщательному анализу¹⁸⁹. Он раскрыл социально-экономические предпосылки распространения гуситских идей в своей стране, показав положение крестьянства и плебса во второй половине XIV и первой половине XV в. Особенно привлекали его восстания 1437 и 1514 гг. В специальной статье об идеологии крестьянской войны в Венгрии 1514 г.¹⁹⁰ исследователь пришел к выводу, что это крупнейшее антифеодальное движение в средневековой Венгрии явилось «венгерским эхом гусизма» и что гуситские идеи нашли в нем весьма яркое выражение. Идеи В. Месароша, например, близки к идеям таборитских священников и немецких хилиастов¹⁹¹.

Т. Кардос напечатал ряд работ, в которых рассматривает влияние гуситских идей на венгерскую культуру, литературу, поэзию. Он опубликовал некоторые источники, связанные с распространением гусизма в Венгрии. В обзорной статье о гуситской проблематике в венгерской исторической литературе¹⁹² Т. Кардос указал на некоторые старые буржуазные венгерские работы, подробно остановился на исследованиях Г. Секели и ознакомил читателя с главными выводами собственных изысканий.

В современной румынской литературе по вопросам гуситского движения напечатана статья Л. Демени и Иосифа Патаки¹⁹³, в которой рассмотрены отклики на гуситское движение в румынских землях. Авторы указали на различные формы проникновения гуситских идей в страну, влияние их в антифеодальных народных движениях, главным образом в восстании 1437 г. в Трансильвании, в области культуры. Эти вопросы исследовались Л. Демени и раньше в его кандидатской диссертации¹⁹⁴. Недавно он опубликовал обнаруженный им неизвестный прежде оригинал двух соглашений между представителями восставших крестьян и дворянами в период восстания 1437 г.¹⁹⁵ В 1950 г. вышла научно-популярная книга доцента Клужского университета Михаила Дана, занимающегося историей Чехословакии. Рассчитанная на широкий круг читателей, работа представляет собой итог марксистских исследований по гусизму¹⁹⁶.

Многочисленные публикации послевоенных лет совет-

ских, чехословацких, польских, немецких, венгерских, румынских историков, посвященные гуситским откликам в различных странах Европы, являются новой страницей, в частности, в истории зарождения и развития идеи братской солидарности трудящихся различных национальностей, прежде всего крестьянства Западной, Центральной и Восточной Европы, в их длительной и мужественной антифеодальной борьбе. До сего времени факты такого рода в отношении других крестьянских движений средневековья — Жакерия, восстание Уота Тайлера, испанские и иные восстания — были мало исследованы. Гуситское движение дает в этой области богатейший материал, который опровергает шовинистическую, расистскую трактовку истории народов Европы. Гуситские войны не были войной всех чехов против всех немцев или наоборот. В антифеодальной борьбе плечом к плечу сражались трудящиеся чехи, немцы, поляки, украинцы против своих классовых врагов, феодалов Европы.

Краткая характеристика послевоенной чехословацкой, советской, польской, немецкой, венгерской и румынской литературы, относящейся к нашей теме, говорит о том, что в разработке марксистской концепции гуситского движения в Чехии и гуситских откликов в других странах Европы достигнуты существенные положительные результаты, прежде всего благодаря изысканиям чехословацких ученых, особенно Й. Мацека. Несмотря на это, многое еще предстоит сделать в этой области. Не разработана еще история многих городов чешского королевства до XV века, особенно зависимых, панских. Нет еще монографий о борьбе за централизованное национальное чешское государство. Далеко еще не достаточны наши представления о еретических движениях в Чехии XIV—начала XV в. Значительно большего внимания требует к себе процесс постепенного преодоления мирных сектантских иллюзий и замкнутости. Многие еще неясно в программе таборитов в послехилиастический период. Лагерь таборитов выглядит пока как единое целое, что не совсем верно. Нужно исследовать различные течения среди таборитов. Нет еще специальных изысканий о программных требованиях бюргерской оппозиции, о борьбе римско-католической церкви против гусизма. Плодотворная работа чехословацких историков над рассмотренными проблемами позволяет утверждать, что все эти и иные задачи будут разрешены ими совместно с историками других стран.

ГЛАВА 2

ЧЕХИЯ НАКАНУНЕ ГУСИТСКОГО ВОССТАНИЯ

В данной главе будет дана лишь краткая общая характеристика социально-экономического, политического и идеологического развития Чехии в предгуситское время, что дает возможность более четко представить, перед какими объективными задачами стояла тогда страна и каковы были стремления различных социальных слоев общества.

В XIV—начале XV в. развитие производительных сил продолжалось. Экономика страны переживала полосу дальнейшего подъема. Повсюду распространилась система трехполья, вводились более производительные способы ведения хозяйства, более рационально использовались леса, начинало развиваться рыбное хозяйство в крупных феодальных поместьях¹⁹⁷. Расширялась общая площадь зерновых культур, являвшихся тогда основой сельского хозяйства страны, отмечалось дальнейшее распространение технических культур (хмеля, являвшегося уже тогда предметом экспорта, красильных трав) и рост площадей под садами, начинало развиваться виноградарство. Согласно указу Карла I от 16 февраля 1358 г. лица, насаждавшие виноградники, должны были освобождаться от всяких платежей с них сроком на 12 лет¹⁹⁸.

Значительны были успехи в области ремесла и торговли. Интенсивно росло сукноделие, изготовление продукции из железа. Появилось производство ручного огнестрельного оружия, пушек¹⁹⁹. Если в конце XIII в. в городах насчитывалось 40 видов различных ремесел, по видимому по неполным данным, то к середине XIV в. их было уже свыше 200. В г. Брно в 1365 г. было 85 видов ремесел, в Старой Праге в 1429 году — 77²⁰⁰. Быстро

растет добыча железа, серебра, особенно в Кутной Горе²⁰¹, и золота, о чем свидетельствует наличие уже 20 горнорудных городов, которым королевскими грамотами разрешалась добыча железа, золота и серебра²⁰². Разрабатывались залежи свинца и олова. В середине XIV в. в Праге появляются многочисленные каменные постройки, резко возрастает значение строительных ремесел²⁰³. О высоком уровне строительного искусства говорят дошедшие до нас памятники чешской архитектуры, например, собор св. Витта в столице страны.

Дальнейшее развитие получает специализация ремесел. Например, в 1365 г. в Брно насчитывалось 21, а в Праге в XIV в. 34 вида изделий металлического производства.²⁰⁴ Развитие ремесла нашло свое выражение в появлении новых цехов и оформлении новых цеховых уставов, несмотря на препятствия со стороны немецкого патрициата²⁰⁵. Дальнейшее распространение цеховой системы говорит о ее полной жизнеспособности в то время в чешских землях, о том, что она способствовала еще развитию чешского общества.

Чешские города к тому времени были уже давно центрами ремесла и торговли. В стране насчитывалось около 100 городов, в числе которых было 35 королевских, обычно наиболее мощных в экономическом отношении и самых свободных в своей внутренней жизни. Ремесленное производство продолжало развиваться и в поместьях, отчасти уже и для потребностей внутреннего рынка. Однако, так же, как и сельское хозяйство, оно покоилось еще на феодальной основе. Капиталистические элементы в нем отсутствовали.

Значительный общий подъем производительных сил не мог, конечно, не сказаться на размахе торговли и ее характере. В рамках простого товарного производства товарно-денежные отношения все же заметно возросли. Города, особенно королевские, стали крупными торговыми центрами. Прага насчитывала около 30 тыс. жителей. В Моравии крупным ремесленным и торговым городом являлся Брно. Развитию внутренней торговли способствовало наличие удобных водных путей — рек Влтавы, Лабы, единой королевской монеты и предоставление городам ряда торговых привилегий — милевого и складского права, некоторые ограничения панских таможен. Карл I осуществлял политику поддержки и поощрения отечественной торговли и ремесла с целью увеличения королевских доходов. Благоприятным было в

этом отношении и некоторое упрочение центральной власти и известное ограничение своеволия магнатов.

С развитием внутренней торговли большое значение получили местные ярмарки. Экономические связи между областями страны усилились. Однако торговля большинства чешских городов не выходила за пределы ближайшей округи. О едином внутреннем рынке для чешских земель говорить пока было бы преждевременно. Заметно выросла и внешняя торговля и несколько изменился ее характер. Основной массой продукции экспорта являлась по-прежнему продукция сельского хозяйства: зерно, скот, кожи, хмель. Однако уже усиливалась и торговля продуктами чешского ремесла, особенно металлами, прежде всего серебром, а также сукнами²⁰⁶. Чехи торговали с Нидерландами, Германией, Польшей, Венгрией, Венецией, балканскими странами, с Русью²⁰⁷. Все же основная масса ремесленной продукции шла на внутренние потребности.

✓Указанное нами развитие производительных сил Чехии естественно повлекло за собою существенные изменения в характере и направленности помещичьего и крестьянского хозяйства, в формах эксплуатации крестьян светскими и церковными феодалами.

В XIV в. совершенно очевидной стала тенденция феодалов к собиранию своих владений в мощные комплексы и к округлению их за счет крестьянства, а иногда и низшего дворянства. В 70-х гг. XIV в. в состав владений крупнейших феодалов юга панов Рожмберков входило более 480 деревень, усадеб, местечек и городов.²⁰⁸ В тржебоньском архиве сохранился список 23-х городов, принадлежавших этим панам в 1412 г.²⁰⁹ Особенно крупным было церковное землевладение, включавшее не менее 1/3 всех обрабатываемых земель страны. Специфические особенности церковных порядков (безбрачие духовенства и пр.) и политика чешских королей, нуждавшихся в церкви как в союзнике, способствовали непрерывному росту церковных богатств. Много монастырей и церквей основал Карл I, даровавший им значительные привилегии.²¹⁰ Вацлав IV одно время продолжал политику покровительства церкви и союза с ней. В 1400 г. он освободил Скалицкий монастырь на 20 лет от всяких платежей в казну.²¹¹ Тогда же был освобожден от всяких платежей государству сроком на три года Вилемовский монастырь. В 1401 г. освобождение от податей в казну сроком на один год получил Ми-

левский монастырь.²¹² Таким образом налоговые тяготы перекладывались на плечи крестьян и массы горожан, что естественно вызывало еще большее недовольство привилегированным положением церкви и стремление изменить его. Церковь получала значительные дарения и от верующих феодалов, и от богатых горожан. Так, 1-го октября 1376 г. братья Рожмберки даровали Тржебоньскому монастырю село Дунайовицы с усадьбой и половиной лана земли, уроки и иные доходы в селах Дворцы и Грашовишти, два лана леса Руды, 16 ланов леса Синохова, два лана леса Блата и т. д.²¹³ Многие владения скупались у разорявшихся мелких феодалов. Имели место и случаи захвата крестьянских угодий и полей, в частности, под новые рыбные пруды. Так было в 1390 г. в районе Кутной Горы и селении Йиндице,²¹⁴ в 1400 г. в селе Козойидки, в 1412 г., когда была затоплена территория села Чаковице. Огромны были владения пражского архиепископа. Только та часть его, которая описана в урбарии 1390 г., включала 2352 лана и давала в год 2403 копы грошей дохода.²¹⁵ Соперник панов Рожмберков — богатейший Златокорунский монастырь на юге владел 160 деревнями, усадьбами, местечками и городами.²¹⁶ Седлецкий монастырь имел накануне гуситских войн в своем владении 62 села, 5 городов, 2 местечка.²¹⁷ Многие десятки селений принадлежали Бревновскому монастырю.²¹⁸ Рост богатства церкви и ее привилегии вызывали недовольство всех слоев населения страны. Дворяне, особенно мелкие, стремились поправить свои пошатнувшиеся дела путем секуляризации богатств церкви. Крестьяне и масса горожан мечтали о ликвидации повинностей в пользу церкви и также хотели отобрать ее земли, но только в свою пользу.

Рост городов и рыночных связей позволял помещикам реализовать на рынке значительные массы продукции. Возможность купить за деньги на чешских рынках почти любой европейский и многие восточные товары, расширение торговых связей с границей способствовали повышению заинтересованности феодалов в получении доходов в денежной форме. Денежные отношения проникают в натуральное хозяйство помещика, частью и крестьянина задолго до гуситских войн²¹⁹. В XIV и начале XV в. продолжается процесс коммутации, о чем говорит ряд современных записей. 6-го января 1409 г. монахи из Йенштейна дали грамоту своему священнику Тынского костела, в которой упоминается, что крестьяне-подсосе-

ки или огородники, имеющие во владениях церкви, и те, которые прибавятся в них в будущем, должны быть освобождены от всяких барщинных работ и платить оброк за землю²²⁰.

Денежная рента стала преобладающей формой ренты ко времени гуситских войн, о чем единодушно говорят современные советские (Б. Т. Рубцов)²²¹ и чехословацкие (Граус)²²² специалисты вопроса. Заметно пало значение натуральных платежей подданных. Значительным было применение барщины, которая особенно велика была в церковных владениях, в отдельных районах даже имела тенденцию к ее росту. Наличие барщины отмечено в ряде современных записей, например во владениях монастыря Златой Коруны на юге Чехии²²³ и других областях.

Б. Т. Рубцов в своем исследовании об эволюции ренты в Чехии в предгуситское время пришел к выводу, что на юге преобладала денежная форма ренты, а для севера типична система высоких барщин²²⁴. Ф. Граус во втором томе книги «История чешского крестьянства» также говорит о многообразии форм феодальной ренты в тогдашней Чехии. Он справедливо указывает на то обстоятельство, что различные формы ренты в различной степени применялись в крупных, средних и мелких поместьях²²⁵. Помещичье хозяйство, как заключает Рубцов, обнаруживает зачаточную приспособляемость к новым условиям товарно-денежных отношений, т. е. оно являлось еще вполне жизнеспособным. Быстрый рост товарно-денежных отношений и массовый переход к денежной ренте способствовали развитию рыночных связей крестьянского хозяйства. Все это отразилось по-разному²²⁶ на различных слоях крестьянства и сопровождалось ухудшением экономического и правового положения крестьянской бедноты. Обострилась борьба за землю, в частности из-за общинных угодий. В грамотах этого периода о купле-продаже земли феодал обычно указывал, что он продал свое владение со всем тем, что к нему принадлежит: «с полями паханными и непаханными, с лугами, с пастбищами..., с полным панством»²²⁷.

Захватив уже в свои руки значительную часть общинных угодий, паны брали с крестьян особую плату за пастбу скота. Иногда зависимое крестьянство вообще теряло право на пользование общинными угодьями. Так, Вратенская община в 1370 г. имела право держать совместно три-четыре стада, но не больше. В общине Хо-

тешова в 1389 г. было разрешено пасти скот совместно лишь тем, кто имел четыре лана свободной земли, т. е. крестьянской верхушке²²⁸. Неоднократно у крестьян отнимали земли под предлогом освоения пустошей. Так было, например, с крестьянами королевского владения Лишаны, у которых в связи с поселением колонистов отняли часть лугов и других угодий. Встречаются уже случаи, когда крестьяне выкупают у помещиков общинные угодья. 27 июля 1404 г. братья из Прживозце продали своим подданным в селе Милавцы у Домажлищ навечно за наличные деньги «всем вообще, бедному и богатому...» свой лес Томин Гай с правом «порубить, продать, выкорчевать» его, как они сами захотят²²⁹. Ряд фактов о захвате помещиками общинных крестьянских владений приводят Ф. Граус и Б. Т. Рубцов²³⁰. Поэтому становится понятным, что в период гуситских войн требование крестьян вернуть общинные угодья народу, сделать луга, пастбища, реки, озера, пруды общим достоянием всего крестьянства, как это было прежде, занимает очень значительное место.

Чешское крестьянство, как это было повсюду в тогдашней Европе, находилось от феодалов в зависимости поземельной и судебной, главным образом, и в меньшей мере — в зависимости личной. Денежные и натуральные платежи да и барщина нередко сосуществуют в одних и тех же владениях, например, в имениях пражского архиепископа. В селах Патецкой вотчины крестьяне вносили оброк натурой — рожью, пшеницей, ячменем, коноплей, курами, яйцами и, кроме того, платили деньги и несли барщину. Они работали на уборке урожая, возили лес, продукты и муку для помещика. Особенно тяжелым было положение «подсоседков», крестьян, имевших лишь небольшой клочок земли, обычно лишь усадьбу, и «халупников» — безземельных, имевших зачастую только хату. В селе Патке 4 подсоседка были обязаны в период уборки жать 10 дней на помещика озимый хлеб, убирать 10 полос овса, 6 дней исполнять другие работы в поле, два раза в году мыть и стричь господских овец, убирать два раза коноплю, господина. В селе Виканы проживало 11 молотильщиков, обязанных по первому зову приказчика явиться для молотбы помещичьего хлеба²³¹.

Наряду с незначительной барщиной в ряде мест встречалась и тогда барщина в очень больших размерах. Так, Бржевовский урбарий 1406 г. зафиксировал трех-

дневную барщину в неделю в селе Долни Либощ близ Праги²³². В исключительных случаях встречается и неограниченная барщина. Урбарий Роудницкого монастыря около 1338 г. сообщает, что подданные двух сел должны работать в виноградниках с самого начала уборки урожая до конца. Тот же урбарий содержит сведения о подданных, которые обязаны молотить зерно на помещика до окончания работы вообще в поместье²³³. В рассматриваемое время встречается целый ряд экстраординарных видов барщины, известных обычно под названием «помочей», «субсидия». На протяжении XIV в. они стали правилом, а в начале XV в. в некоторых поместьях стали уже ежегодной регулярной повинностью²³⁴. На крестьян возлагались также судебные штрафы, различные не прямые платежи в форме уплаты помещику за помол на его мельнице, за пользование лесом, за покупку панского пива, что кое-где уже стало обязательным. В связи с ростом торговли заметно возросли подводные повинности крестьянства, т. е. обязанность каждого крестьянского двора выделять подводу — повозку с лошадью. К числу наиболее значительных и ненавистных повинностей и платежей относилась десятина церкви. Полная десятина собиралась в размере каждого десятого снопа с поля и каждой десятой головы скота. Подданные не имели права убирать свой урожай, пока священник не получил с них десятину. Десятина нередко взималась в большем размере, чем $\frac{1}{10}$ урожая. В 1375 г. архиепископ был вынужден запретить взимание чрезвычайных платежей в Бржезновском монастырском поместье. Одним из важнейших элементов и способов легального ограбления крестьянства являлся перемер полей, проводившийся по инициативе помещиков с целью эксплуатации крестьянской земли. Крестьяне и горожане боролись против этого мероприятия. Горожане местечка Хостомиц в 1343 г. соглашались, например, уплатить 40 коп грошей за отказ от перемера полей²³⁵.

▲ Помимо тяжелых повинностей в пользу помещика, крестьяне были теперь обязаны платить еще налог в государственную казну — берну. При короле Вацлаве IV она становится постоянным налогом, тогда как прежде собиралась периодически. Берну собирали чиновники короны — берники, которые нередко взимали ее в повышенных размерах. «Господа и берники... использовали берну для прямого обкрадывания подданных»²³⁶.

Ко времени гуситских войн ухудшилось в целом и правовое положение крестьянства. Во многих владениях сохранилась «одумрть» — посмертный побор, против которого выступал Ян Гус. Крестьяне по-прежнему покупались, продавались, дарились, завещались вместе с землей. Так, 22 февраля 1400 г. Вацлав IV отдал в лен Генриху из Плауна усадьбу с 16-ю седлаками. 10 октября 1409 г. Бженек из Рижембурка продал часть своего владения в селе Грушки: $5\frac{1}{2}$ ланов земли и 4 подсоседка с мельницей²³⁷. Право и судебная власть находились в руках феодального правительства или непосредственно у местных панов, считавших это право своим, призванным защищать и представлять именно их интересы. Затруднено было передвижение крестьян от одного помещика к другому. 20 июня 1380 г. в Моравии был издан закон, запрещающий переход к другому пану тех седлаков, которые не имели полного расчетного листа со своим паном²³⁸. За право такого перехода крестьянин платил особый откуп пану.

В связи с ростом товарно-денежных отношений и распространением денежной ренты усиливается процесс имущественного расслоения крестьянства, что можно проследить частично по данным урбариев. По материалам урбария Хотешовского монастыря от 1367 г. в 3-х селах среди 952 крестьянских хозяйств 6,6% имели более одного лана (полного надела. — А. О.), 32% хозяйств сохранили полный надел — лан или $\frac{3}{4}$ лана, 55,1% имели половину надела и 6,3% владели только $\frac{1}{4}$ лана²³⁹. Для обозначения деревенской бедноты здесь употреблялся термин «пауперум». Резкое имущественное расслоение наблюдалось во владениях пражского архиепископа. В 45 селах и 613 хозяйствах пришибрамских владений архиепископства 2,2% имели больше одного лана, 12,5% — от $\frac{3}{4}$ лана до одного лана, 30% имели половину надела и 55,3% — только $\frac{1}{4}$ надела. Следовательно, крестьяне, владевшие лишь $\frac{1}{4}$ лана, стали уже преобладающей категорией²⁴⁰. По данным урбария Тржебоньского монастыря от 1378 г. от $\frac{2}{3}$ и до целого лана земли имели 1,92% крестьян из общего числа 157 хозяйств, $\frac{1}{4}$ лана — 24,84% и менее $\frac{1}{4}$ надела приходилось на 12,1% хозяйств²⁴¹. Среди последней категории были владельцы участков в $\frac{1}{6}$ и даже в $\frac{1}{9}$ обычного полного надела.

Сводная таблица по ряду поместий о социальном расслоении деревни к началу XV в., составленная

Ф. Граусом, также подтверждает, что наиболее распространенной категорией крестьянства являются средние крестьяне и что беднота стала также весьма многочисленной²⁴². Как справедливо замечает тот же автор, размер земельного держания не является единственным критерием для характеристики расслоения деревни. Среди жителей деревни были такие, как «свободники» и «направники», представлявшие переходную ступень между феодалами и крестьянами²⁴³.

По данным Ф. Грауса к сельской верхушке относились рихтаржи, шафары, управлявшие меньшими панскими усадьбами, мельники и владельцы трактиров²⁴⁴. О богатых подданных крестьянах писали Ф. Штитный, Ян Гус, сообщается об этом в брненской правовой книге, в городских чешско-будейевичских книгах и иных источниках. Богатство некоторых подданных могло равняться собственности низшей шляхты. Богатые крестьяне имели обычно и более значительные владения, иногда даже покупали землю у других крестьян. Они скупали овец для продажи, участвовали в ростовщических операциях, иногда использовали труд крестьянской бедноты в своих владениях.

Наряду с основной группой крестьянства—средним крестьянином—значительное место занимает крестьянская беднота —«подсоседки», «кметы». Они делились уже на две группы—державших землю и безземельных. Нередко подсоседки жили на землях крестьянских богатеев. Безземельные крестьяне были и во владениях крупных городов, например, на землях города Праги. Подсоседки несли барщину лично, тогда как богатые крестьяне нередко нанимали для этих целей бедноту. Они не имели своего тягла, тогда как барщина выполнялась крестьянином с его собственным тяглом и инвентарем. Барщина и подати подсоседков были выше, чем у остальных крестьян. Они довольно широко использовались в качестве наемной силы в деревне. Крестьянская беднота не имела никаких средств для улучшения своего хозяйства. У бедняка обычно не хватало даже свободного времени для его ведения. Недостаток, а иногда полное отсутствие общинных угодий лишали его возможности заниматься в значительных размерах скотоводством, рыболовством. Следовательно, большая часть крестьянских хозяйств, вопреки утверждениям буржуазных историков И. Пекаржа, В. Халоупецкого и иных, оказалась в весьма тяжелом положении. Сокращение зе-

мельных крестьянских наделов, рост повинностей пану и платежей в государственную казну ставили крестьян в чрезвычайно тяжелое положение. Именно в этом следует искать причины массового крестьянского антифеодального движения в годы гуситских войн.

Вместе с тем, даже зажиточное крестьянство, оказавшееся в более выгодном положении, имевшее возможность в новых условиях улучшить и расширить свое хозяйство, тяжело переносило растущие феодальные повинности, новые поборы и отсутствие возможности свободно распоряжаться своим владением. Поэтому все слои крестьянства Чехии были тогда заинтересованы в изменении существующего общественного порядка. Следовательно, было бы неправильно поэтому на рассматриваемом этапе исторического развития противопоставлять зажиточное и бедное крестьянство как две антагонистические силы. Борьба против исключительных привилегий феодалов, за определенный минимум человеческих прав и возможностей для ведения своего хозяйства, за фиксацию повинностей или их полную отмену, за ликвидацию всех новых повинностей и поборов, за удержание всех отвоєванных прежде прав, за личную свободу, за отмену всех платежей в пользу церкви и целый ряд других конкретных требований—все это вместе взятое объединяло все слои крестьянства и делало возможным и необходимым их совместную борьбу против господствующего класса феодалов. Другое дело, что различные по своему имущественному положению слои крестьянства ставили перед собой несколько различные цели и заметно расходились в методах антифеодальной борьбы. Крестьянская верхушка, уже наметившаяся в Чехии, обладала большими земельными участками, имела нередко больше скота, инвентаря, теснее была связана с рынком и могла поэтому маневрировать в экономическом отношении. В отличие от бедных и, частью, средних крестьян, состоятельные крестьяне могли ограничиться требованиями частичных уступок, которые дали бы им возможность хозяйствовать в более благоприятных условиях, подчинить себе своих более слабых односельчан и эксплуатировать их. Богатые крестьяне могли даже в известной степени развивать свое хозяйство при сохранении на время основ феодализма. Вот почему они и не ставили своей задачей обязательную ликвидацию феодализма как системы общественных отношений, не являлись сторонниками решительных, насильственных мето-

дов борьбы с феодалами, о чем убедительно говорят сочинения Петра Хельчицкого. Реализация даже умеренных требований крестьянства привела бы к значительному повышению удельного веса мелкой трудовой собственности, что способствовало бы ускорению процесса развития феодализма и зарождения элементов новых, буржуазных отношений. В антифеодальной борьбе последовательной до конца была только крестьянская беднота, совместно с которой действовал плебс городов. Именно она выдвигала наиболее далеко идущие цели и ставила вопрос о ликвидации феодализма в целом. Беднота была сторонницей наиболее активных методов в борьбе с феодализмом. Она попыталась воплотить в виде своеобразного царства божьего на земле многовековые чаяния народа. Все слои чешского крестьянства в той или иной мере участвовали в попытках преобразования существующего общества. Однако в конечном счете именно последовательная позиция бедноты позволила добиться ряда непосредственных положительных результатов в итоге борьбы с феодалами, и ее выступление должно оцениваться как наиболее прогрессивное в целом.

Чрезвычайно напряженным было к началу XV в. положение в чешских городах. Многие буржуазные чешские историки, прежде всего реакционного направления, считали, что положение городского населения в Чехии того времени было весьма благоприятным. Они рассматривали городское население как нечто единое, т. е. разделяли точку зрения сторонников теории «гармонии» социальных интересов. Только отдельные прогрессивные буржуазные ученые, такие, как Б. Мендл, выступили против этой концепции. Б. Мендл в ряде публикаций²⁴⁵ показал картину резкого имущественного расслоения и социальной борьбы в чешских и моравских городах XIV в. С марксистских позиций проблемой классовой борьбы средневекового чешского города занимался Ф. Граус²⁴⁶, показавший наличие глубоких социальных противоречий в Праге к началу XV в. как одной из решающих предпосылок гуситского движения.

Чешские города XIV—нач. XV в. делились на две основные группы — королевские города, составлявшие меньшинство, но являвшиеся особенно многолюдными, наиболее экономически мощными и имевшими наибольшие политические права, и зависимые, панские города. Королевские города подчинялись непосредственно коро-

лю, имели свой магистрат, сами собирали и распределяли налоги среди горожан для уплаты в казну, имели свой суд, отряды городского ополчения, право собирать ярмарки, основывать цехи и утверждать цеховые статуты и т. д., т. е. обладали значительной внутренней самостоятельностью. Именно в этих городах и сосредоточилось наибольшее количество патрициата из чужеземцев, обычно немцев. Так было в Праге, Кутной Горе, Немецком Броде, Чешских Будейевцах, Брно, Оломоуце, Йиглаве и некоторых других городах Чехии и Моравии.

В панских городах, составлявших большинство, население находилось в значительно более стесненном положении, как правовом, так и экономическом. Горожане несли ряд повинностей в пользу феодала, нередко даже и барщину. Организация цехов, право утверждать их статуты, разрешать или не разрешать ярмарки, все управление городом находилось в руках его непосредственного владельца. Панские города были поэтому обычно менее многолюдными, менее развитыми в экономическом отношении. В политическом отношении подавляющая масса жителей панских городов была полностью бесправна. Следовательно, перед населением этих городов стояли объективно свои, специфические задачи, не всегда совпадавшие с задачами жителей королевских городов. Для этих городов еще не был решен вопрос о борьбе с феодалами за внутреннюю самостоятельность. В королевских городах было особенно велико засилье патрициата. Главнейшая задача бюргерства и плебса в этих городах заключалась в том, чтобы добиться победы над патрициатом и оттеснить его на второй план. Бюргерство и плебс совместно боролись против патрициата. Поскольку патрициат был в основном немецким по национальному составу, в королевских городах социальная борьба особенно очевидно переплеталась с национальной, что еще более способствовало сплочению на время всех антифеодальных и антипатрицианских сил. Отражением усилившейся национальной борьбы явился Кутногорский эдикт, предоставивший чехам большинство голосов в управлении Пражским университетом, и указ Вацлава IV о том, что половина мест в Пражском городском магистрате должна принадлежать впредь национальным чешским элементам.

Наряду с задачами специфическими, королевские и панские города имели ряд общих целей. Все они нуждались в завоевании больших возможностей в распоряже-

нии своей собственностью. Их объединяло стремление к демократизации церкви, к установлению дешевой церкви. Они хотели улучшения условий для развития ремесла и торговли. Население зависимых городов также стояло за ликвидацию немецкого засилья, хотя в них оно ощущалось не так остро, как в королевских городах. Ряд источников подтверждает наши соображения об объективных задачах, стоявших тогда перед чешскими городами. Еще до вооруженного восстания жители панских городов стремились расширить свои права именно в указанном направлении. Так, 14 февраля 1407 г. Ян Старший из Градца продал жителям своего города Ржечице Кардашевой привилегию за 40 коп грошей²⁴⁷. В грамоте указывалось, что налоги, которые уплачивались прежде городом, должны и впредь остаться неизменными. Каждый горожанин может распоряжаться своим имуществом по личному усмотрению. Все горожане получили право свободного переселения в другой город. Берну или «помочи» они должны были выполнять в дальнейшем так, как это делали королевские города. Такого же рода привилегию мы встречаем в грамоте Индржиха из Эльстерберга горожанам Жлутница от 5 августа 1418 г.²⁴⁸ Все горожане получили право продавать, завещать, поручать кому-либо, кроме духовенства (очень интересная оговорка), свое имущество. Очевидно, что для имущих слоев горожан, т. е. для бюргерства, крайне важно было добиться свободного распоряжения своей собственностью и урегулирования взимавшихся с них налогов.

Во главе чешских городов стоял патрициат, обладавший значительной частью собственности города и державший в своих руках управление городом. Регистр города Хрудима от 1384 г. показывает, что состав избранных в городской магистрат повторяется с небольшими вариациями из года в год. Об этом же говорит «Книга выборов» города Хеба (Эгер). За 1392—1400 гг. в составе городского магистрата сменился всего 31 человек, хотя выборы были ежегодными. Еще в 1355 г. Карл I разрешил городу Хебу отстранять от участия в городских органах управления «неудобных жителей города», т. е. нежелательных для городской верхушки. Велика была зависимость цехов от патрициата. В 50-х годах XIV в. городские магистраты назначали цеховых старшин и утверждали цеховые уставы в Хрудиме, Кралевоградце, в моравских городах Брно, Оломоуце, Знойме²⁴⁹. Немецкий

патрициат препятствовал организации новых цехов, чем тормозил развитие производительных сил страны.

Патрициат городов владел большими богатствами, в частности, земельными, что и являлось одним из главных источников его политического преобладания. Во многих селах патриции пользовались панскими феодальными правами. Пражские патриции владели 115 селами в окрестностях Праги и Кутной Горы. Для патрициата характерно в то время все большее сближение с дворянством. Патриции нередко получали дворянские титулы. В то же время дворяне охотно селились в крупных городах и нередко рождались с патрициями, проникали в городскую верхушку. Следовательно, экономические и политические интересы все более толкали их в объятия друг друга. Поэтому совершенно закономерно, что в годы крестьянской войны патрициат занял антинародную позицию, являясь составной частью феодально-католического реакционного лагеря.

Бюргерство состояло из мастеров, части подмастерьев, мелких и средних купцов. Оно владело некоторыми земельными угодьями в окрестностях Праги и эксплуатировало плебс и, в известной мере, зависимое крестьянство. Среди бюргерства были также немцы, но подавляющее большинство состояло из чехов. Бюргерство принадлежало к имущим слоям городского населения, имело права гражданства в городах, но к управлению городами обычно не допускалось патрициатом. Экономические и политические цели бюргерства заключались в том, чтобы, оттеснив патрициат, занять в городах его место. Среди бюргерства — богатых горожан — была заметна разница в имущественном положении. Обычно стоимость их владений не превышала ста коп грошей, но были и значительно большие богатства в индивидуальной собственности. В Праге, например, братья Ян и Индржих из Сах делили наследство в 3.000 коп грошей, сыновья Рейнгардта получили наследство в 4.060 коп грошей²⁵⁰. Горожанин из Тржебня, по прозвищу Лендер, 24 февраля 1367 г. купил у братьев Рожмберков для себя и наследников за 164 копы пражских грошей Опатовицкую усадьбу с полями, лугами, пастбищами, пол-лана леса и мельницу с рыбником за ежегодный урок в 2 копы пражских грошей и уплату ежегодной берны в размере 64 пражских грошей²⁵¹. Цена покупки говорит о том, что в данном случае перед нами выступает богатый горожанин. Вацлав, писарь Индржиха Рожмберка, горожанин

из г. Мыта, 6 февраля 1395 г. даровал тржебоньскому монастырю 33 копы пражских грошей годового урока—чинша—на 23-х ланах в трех селениях²⁵². Грамота свидетельствует о том, что крупные собственники были среди горожан не только королевских, но и панских городов, каким был город Мыто. Среди дарителей имущества или урока данному монастырю встречались и другие горожане, например, тржебоньский житель Весселер²⁵³. Это имущественное различие среди самого бюргерства объясняет нам причины наличия нескольких направлений в составе самого бюргерства.

Плебс городов состоял из поденщиков, подсобных рабочих, строительных рабочих, подмастерьев непривилегированных ремесел и учеников ремесленных цехов, не имевших прав полного гражданства в городах, а стало быть, и права участия в городских собраниях, т. е. в политической жизни страны. Состав плебеев был в свою очередь неоднороден. В крупных городах к тому времени появлялись первые группы наемных рабочих-поденщиков. В Праге были строительные рабочие. В районе Кутной Горы и других центров горных разработок были уже отдельные группы наемных горнорабочих. Плебс представлял значительную группу населения, существенно отличную по своему положению не только от патрициата, но и от бюргерства. Если собственность бюргера не превышала обычно 100 коп грошей и в среднем составляла в Старой Праге 44,2 копы, то среднее имущество плебея-подмастерья в Старой Праге оценивалось лишь в 4 копы 12 грошей²⁵⁴. А в Новой Праге подмастерья были еще беднее. В Старой Праге до 40 % жителей принадлежало к числу подмастерьев, учеников, зависимых слоев ремесленников. Среди плебеев других городов было много таких бедных ремесленников, что даже феодальные власти были нередко вынуждены освобождать их от уплаты денежных платежей в казну. Так, в моравском городе Брно в 1378 г. 41 % ремесленников был освобожден от уплаты общегосударственного налога — берны, так как это были неимущие люди. В городе Знойме в 1415 г. из 18 подмастерьев-сукноделов берну платили только два человека, из 22 подмастерьев-пекарей в этот год никто не платил налога, из 12 кожевников платили налог только 4 человека. В г. Хебе в 1396 г. числилось 16 % совершенно неимущих ремесленников²⁵⁵.

В Чешских Будейевичах в 1396 г. было 53 % неиму-

щих, в Хрудиме в 1400 г. — 51 % из общего числа горожан²⁵⁶.

За 1400—1419 гг. в Старой Праге было отнято у мелких собственников не менее 44 домов за невыплату ренты патрициату.

Естественно, что интересы плебса не могли полностью совпадать с интересами бюргерства. Уже в процессе их совместной борьбы с немецким патрициатом выяснилось, что плебс борется одновременно и против привилегий богатого бюргерства. Следовательно, в городах, особенно в наиболее развитых, королевских, в то самое время, когда еще продолжалась борьба против патрициата, развернулась и третья форма классовой борьбы — борьба между плебеями и бюргерством. Это обстоятельство придавало особую сложность и напряженность обстановке в чешских городах в годы гуситского движения.

Глубокое различие в правовом положении бюргерства и плебса отражено в «Праве Старого города Праги» от 1310 г.²⁵⁷: за убийство бюргера устанавливался штраф в 50 коп грошей, а за плебея — только 10 коп грошей.

Однако и в чешских землях в тот период плебс городов был не в состоянии возглавить революционную борьбу всего чешского народа. Этому мешала крайняя неоднородность его состава и различие в положении. Плебс выступает в составе лагеря радикальных гуситов-таборитов совместно с крестьянством. Социальная и политическая его незрелость мешала ему выдвинуть какую-либо четкую и специфическую плебейскую программу требований. Требования плебса вошли поэтому составной частью в общую программу радикального гуситства.

Господствующий феодальный класс в Чехии XIV в. жил за счет крестьянства и городской массы, создавших все богатства страны. Основным производителем материальных благ и, как мы уже видели, наиболее угнетенным классом являлось крестьянство. В положении различных классов и сословий была глубокая разница. Значительны были особенности и в положении различных слоев дворянства. Основная масса земельных владений и важнейшие политические привилегии были в руках магнатов. Вместе с высшим духовенством они держали политическую власть в стране. Главную роль в решении всех важнейших вопросов в королевском совете, в сейме играло высшее дворянство. Верхушка

чешской аристократии сблизилась с немецкими княжескими фамилиями и действовала нередко в ущерб национальным чешским интересам. Феодальная аристократия ненавидела народ и насильственно подавляла малейшие его попытки изменить существующий порядок.

В ином положении оказалась масса чешского дворянства — земаны, панюши, владыки. Производительной деятельностью они не занимались. Грабежи на больших дорогах, к которым они часто прибегали, стали почти невозможными с ростом городов и их вооруженных сил. С появлением городских ополчений и огнестрельного оружия заметно падает роль рыцарской конницы, хотя она еще и не потеряла своего значения. В отличие от некоторых стран Западной Европы низшее дворянство Чехии не имело таких дополнительных источников доходов, как, например, французское дворянство в составе бюрократии страны или, несколько позднее, в постоянной войске. Чешское дворянство переживает критическую полосу. Значительная часть его разоряется. В XIV и начале XV в. наблюдаются многочисленные факты продажи рыцарских имений. 1 октября 1401 г. Алеша и Генрих, братья Шопковы из Дуба продали Гайману из Кадани свою дедину (наследственное владение) в Угоштанах — замок и село — за 600 коп грошей²⁵⁸. 6 июля 1408 г. Ян Младший из Йиндржихова Градца продал горожанину Градца Сваху 6 итер леса в Сыровце²⁵⁹. 3 октября 1410 г. Вилем Младший Дубанек из Дубан продал Катерине из Градца свое наследственное владение — два крестьянских двора за 99 коп грошей²⁶⁰. 1 октября 1414 г. Отик из Пернольца продал Ганушу Пегмову из Осова свою дедину — замок, усадьбу и прочие владения за 200 коп грошей²⁶¹. Й. Шуста показал, что паны Рожмберкские скупили соседние с их владениями села в Новоградском округе, которые принадлежали низшему дворянству. Р. Урбанек пришел к справедливому выводу, что накануне гуситских войн южночешское дворянство стояло перед угрозой поглощения их мелких владений могущественными Рожмберками²⁶².

Процесс обеднения задел мелкое дворянство и в Моравии. Так, 14 июля 1408 г. Альбрехт из Мартинец продал панне Ельшке из Градца свое село Павлово «с лугами, пастбищами, с водами текущими, с горами, с долами, с полной властью» в наследственное владение за 150 коп грошей²⁶³. Значительную часть этих владе-

ний приобретали монастыри. Так, Гогенфуртский монастырь цистерцианцев св. Марии приобрел ряд владений от мелких феодалов во второй половине XIV в. В 1349 г. Микулаш из Свитлика продал этому монастырю село Отгальд за 56 коп грошей²⁶⁴. 27 ноября 1366 г. Вернер фон Планлес продал монастырю село Планлес за 23 копы пражских грошей²⁶⁵. 18 января 1372 г. Конрад из Троянова продал ему же село и усадьбу Остров за 127 коп грошей и 60 венских пфеннингов²⁶⁶.

Дворянство принуждено было вступать в свиту короля, могущественных панов и высшего духовенства, уходило даже за границу на военную службу к иностранным государям, например в Польшу.

Широко практиковалась также отдача дворянских земель под залог за долги и ссуду. Обнищание чешского дворянства вызвало резкое недовольство в его среде существующим положением вещей. Масса дворянства пыталась восстановить свое прежнее положение, и иногда дело доходило до вооруженных столкновений между мелкопоместными дворянами и панами. Достаточно напомнить борьбу Яна Жижки в его молодые годы с панами Рожмберками на юге страны. Положение низшего дворянства в Чехии объясняет нам причину его широкого участия в гуситском движении. Оно рассчитывало нажиться за счет захвата церковных богатств, что сближало его с бюргерством. Лозунг создания дешевой церкви вполне устраивал обе эти группы населения, что давало почву для их совместной борьбы в годы гуситского движения.

Среди представителей другого привилегированного сословия—духовенства—также было резкое различие в положении. Высшее духовенство — епископы, аббаты и др. — пользовалось всеми основными богатствами церкви и политической властью, которую оно разделяло с панами. Масса низшего духовенства в селах и городах почти не пользовалась доходами церкви и не имела места в управлении страной. Из его среды вышли некоторые вожди таборитов. Ненависть к высшему духовенству была весьма велика и среди низших служителей церкви. Однако особенно сильна она была среди широких слоев крестьянства и плебса, которые выносили на своих плечах всю тяжесть феодальной эксплуатации. Она усиливалась в связи с тем, что значительная часть высшего духовенства также состояла из немцев-чужеземцев. Таким образом, засилие церкви, как

феодала, переплеталось с национальным угнетением и усиливало оппозицию чешского народа по отношению к высшему духовенству. Чешский народ был также крайне раздражен и недоволен постоянным вмешательством папской курии во внутренние чешские дела. Церковь была к тому времени насковозь продажной. Не случайно предшественники Гуса и сам Ян Гус выступали против симонии в среде духовенства. Все высшие церковные должности в стране продавались и покупались, причем на них была установлена определенная такса. За должность оломоуцкого епископа следовало заплатить в курию 3500 золотых, за место пражского архиепископа—2800 золотых²⁶⁷. Папская курия нередко продавала различные церковные должности и доходные статьи в чешской церкви людям, которые вообще никакого отношения к церкви не имели²⁶⁸. За выполнение различных церковных обрядов взимались денежные платежи. Как и светские феодалы, духовенство пользовалось правом «посмертного» побора с крестьян, взимало десятину и другие платежи. Духовенство отличалось своей развращенностью даже по сравнению с магнатами. Сам архиепископ Чехии Арношт из Пардубиц был вынужден поставить вопрос о необходимости реформы церкви сверху, пока ее не реформировали снизу²⁶⁹.

**

В последние годы в западной историографии оживленной дискуссии подверглась проблема «кризиса феодализма» в XIV—XV вв. Советские ученые показали, что буржуазные историки выступили с этой теорией, пытаясь найти в ней оружие против марксистской концепции эпохи феодализма. Несколько публикаций посвящено этой проблеме и в славянских странах народной демократии. Однако трактовка ее не всегда верна. Чехословацкие историки в лице Ф. Грауса²⁷⁰, поддержанного одно время Й. Мацеком²⁷¹, полагали, что в Чехии еще в предгуситское время имел место кризис феодализма. В более поздних статьях Ф. Граус стал употреблять термин «первый» кризис феодализма. В коллективном труде чехословацких историков «Обзор чехословацкой истории» (макет)²⁷² четвертый параграф шестой главы о предгуситской Чехии и Словакии также назван «Начало первого кризиса феодализма в Чехии». Исследования Б. Т. Рубцова, самого Ф. Грауса и иные труды с достаточной очевидностью свидетельствуют о том, что нельзя говорить ни о кризисе

феодализма, ни о его первой фазе в предгуситское время. Производительные силы в чешских землях продолжали успешно развиваться, как это признается и в выше названном коллективном труде чехословацких ученых. Возможности феодальной формации в этом отношении далеко еще не были исчерпаны. Марксизм-ленинизм учит, что ни одна общественная формация «не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества»²⁷³. В чешских землях отсутствовало тогда главное условие всякого кризиса общественно-экономической формации — несоответствие производственных отношений характеру производительных сил. Можно говорить лишь о некоторых элементах экономического упадка, но исследования последних лет, как писал Е. А. Косминский²⁷⁴, «уже в значительной степени поставили под вопрос самую теорию общеевропейского «упадка» экономики в XIV—XV вв., которую выдвигал ряд европейских ученых. М. А. Барг справедливо отвергает возможность применения понятий «первый» или «второй» кризис феодализма²⁷⁵. Своего рода «кризисные» явления отмечает Н. А. Сидорова во Франции периода XIV—XV вв. как выражение переломного момента в феодальном способе производства, в обстановке постепенной ликвидации натурально-хозяйственных отношений, на смену которым шли отношения товарно-денежные. В условиях продолжавшегося экономического развития Франции упадок коснулся раньше всего натурально-хозяйственных отношений²⁷⁶.

Резкое обострение социальных противоречий в Чехии рассматриваемого периода, как и во Франции и Англии того времени, являлось еще не результатом кризиса феодальной системы, а закономерным итогом высокого развития феодализма как антагонистической формации, где господство принадлежало незначительному меньшинству—классу феодалов. Успешное развитие производительных сил в недрах феодальной формации совершенно естественно приводило к тому, что ее антагонистический характер проявлялся со все большей полнотой и силой: Значительное усиление степени эксплуатации крестьянства, особенно заметно проявлявшееся со второй половины XIV в., попытки реставрации барщины и ее усиления в ряде районов и в различных по

своим размерам феодальных поместях свидетельствуют о стремлении феодалов наилучшим образом приспособиться к растущим товарно-денежным отношениям. К новым отношениям приравнивалось и крестьянство, которое усилило борьбу против тенденции развития страны по пути «второго издания» крепостничества, за сохранение прав, отвоєванных ими у феодалов прежде, и за их всемерное расширение, за отвоєвание максимально благоприятных условий для ведения своего хозяйства. Резкое усиление социальных противоречий было тогда общеевропейским явлением. Мы наблюдаем его во Франции в период Парижского восстания и Жакерии, в Испании XIV—XV вв., в Англии накануне восстания Уота Тайлера, однако и в этих странах нет оснований говорить о кризисе феодализма как системы общественных отношений. С полным основанием поэтому свое несогласие с точкой зрения Ф. Грауса о кризисе феодализма высказала еще в 1953 г. польская исследовательница Е. Малечиньская²⁷⁷ и в 1954 г. некоторые советские историки²⁷⁸. В своей новой большой работе о гуситском движении Е. Малечиньская специально и подробно рассмотрела проблему кризиса феодализма в Европе XIV—XV вв. и по материалам Чехии, сравненным с общеевропейскими данными, подтвердила свой прежний вывод об отсутствии кризиса феодализма в предгуситской Чехии²⁷⁹.

В современной чехословацкой литературе до сих пор не уделено должного внимания политической борьбе в Чехии XIV—нач. XV в., особенно тенденции к созданию крепкого централизованного государства. В ходе гуситских войн она проявилась с большой силой, в частности, в требованиях и практической деятельности бюргерской оппозиции. Успехи в области экономического развития страны настоятельно требовали существенных изменений в политической структуре общества, иного соотношения различных его сословий, крепкой центральной власти. Борьба за такую власть, способную покончить с феодальной анархией, разбоями рыцарей на больших дорогах, гарантировать более свободное распоряжение собственностью и максимально благоприятные условия для ее роста, велась на протяжении большей части XIV и нач. XV в. Если приглашенный магнатами чужеземец Иоанн Люксембург, ставши чешским королем, даровал им ряд привилегий,

то его преемник Карл I настойчиво боролся за расширение королевских прав. Уже в первые годы его правления с ним столкнулись крупнейшие магнаты юга — Рожмберки. 30 июля 1356 г. Иошт Рожмберк жаловался князьям империи на то, что Карл I хочет уничтожить его и его братьев²⁸⁰. Король ограничил пожалования магнатам, скупал дворянские земли и возвращал короне розданные прежде коронные владения. В то же время были дарованы многие привилегии городам, в которых Карл I справедливо видел союзников против засилья магнатов. Карл попытался ввести единый кодекс законов — «Маестас Каролина», который должен был способствовать упрочению королевской власти²⁸¹. Однако политика усиления королевской власти была встречена панами крайне враждебно. Они не приняли проекта Законника Карла I, и лишь часть его приобрела силу закона. При Карле I была закреплена наследственность чешского престола. Учреждено было самостоятельное пражское архиепископство, что избавляло чешскую церковь от подчинения церкви немецкой и устанавливало ее прямые связи с Римом. К концу правления Карла I налицо было бесспорное усиление центральной власти.

При Вацлаве IV (1378—1419 гг.) — слабовольном и малоспособном государе — крупные феодалы перешли, что называется, в наступление и постарались не только восстановить свои прежние позиции в стране, но и значительно расширить, усилить их и ослабить власть короля, сделав его своим послушным ставленником. В конце XIV — нач. XV в. были неоднократны факты, свидетельствующие о феодальной анархии. Сам король несколько раз арестовывался чешскими магнатами²⁸², нашедшими себе союзника в лице братьев короля — Сигизмунда, короля Венгрии, и Иошта, маркграфа Моравии. Упрочившая свое положение католическая церковь, несмотря на ряд уступок и привилегий, полученных от короны, не оправдала тех надежд, которые возлагали на нее Карл I и Вацлав IV. Значительно расширив свои владения и политическое влияние, церковь все более сближалась с панами в своем отношении к королю. Очень велико было влияние римско-католической церкви, папской курии в чешских землях. Папы продавали и раздавали должности многим чужеземцам, наводнявшим чешскую церковь. Значительная часть ее доходов уходила в Рим, в папскую казну, что вызывало большое недовольство горожан и дворян. Непосред-

ственное подчинение пражского архиепископа Ватикану ставило его по существу в положение, независимое от короля. При Вацлаве IV часты были случаи столкновения короны с пражским архиепископом, который уже не желал признавать власти короля над церковью Чехии.

Основная масса населения чешских городов, крестьянство, низшее дворянство — выступали сторонниками крепкой центральной власти. Упрочение феодальной монархии на том историческом этапе было явлением положительным, как показывает опыт европейских стран эпохи классического феодализма. В обстановке феодальной анархии и беспорядка «...королевская власть... была прогрессивным элементом», как указывает Ф. Энгельс²⁸³. «Она была представительницей порядка в беспорядке». «Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним». Крестьянство рассчитывало, например, хотя, конечно, совершенно неосновательно, ограничить с помощью короны феодальную эксплуатацию и расширить свои права.

Стремление к централизации страны с большой силой выразил в ряде своих произведений Ян Гус²⁸⁴. Как в учении Гуса и его предшественников, так и в народных еретических учениях выдвигалось требование отнять у церкви светскую власть и передать ее в одни руки — в руки светских феодалов. Позднее это положение было записано в третьей пражской статье.

Наряду с проблемой централизации заметное место в общественной жизни Чехии занимал вопрос о сословной монархии. Во внутренней борьбе между привилегированными сословиями, в столкновении с церковью дворянство рассчитывало присвоить себе не только богатства церкви, но и большую часть ее политических прав. Феодальная сословная монархия, сложившаяся значительно раньше, не достигла еще своего расцвета. Сеймы собирались королями нерегулярно. Низшее дворянство занимало в них сравнительно небольшое место, так как главные позиции были в руках магнатов. Масса дворянства желала добиться в сейме прав особого сословия. Систематического представительства в нем не имели еще и чешские города. Их права как отдельного сословия в полной мере еще не сложились. Лишь некоторые крупнейшие чешские города от случая к случаю приглашались на заседания сеймов, что совершенно не

устраивало имущие слои горожан. Накануне и в годы гуситских войн большое место будет занимать критика учения католической церкви о трех сословиях. Идеологи дворянства оправдывали и принимали учение о сословном делении общества. Например, Томаш Штитный, оппозиционно настроенный по отношению к магнатам и высшему духовенству, тем не менее признавал и одобрял учение о сословиях, поскольку оно освящало феодальный строй. Однако даже правящие и имущие слои населения стремились внести в этот вопрос известные изменения. Представители различных сословий и направлений оппозиции подвергали наиболее резкой критике положение и привилегии высшего духовенства и отвергали его право на светскую власть вообще. Тем более назрел уже вопрос о том, чтобы ликвидировать бесправие массы крестьянства и городского плебса. Радикальные течения оппозиции в лице Петра Хельчицкого отвергали учение о сословном делении общества в целом, как несоответствующее христианскому учению, о чем подробнее будет сказано в дальнейшем.

В ходе гуситского движения и вооруженного восстания народа нашли свое яркое отражение все эти назревшие вопросы.

Против засилья магнатов и высшего духовенства складывалась широкая народная оппозиция. Ф. Энгельс писал о трех формах оппозиции феодализму в средние века. «Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. В зависимости от условий и времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания».²⁸⁵ В Чехии XIV—нач. XV в. были широко распространены ереси. В буржуазной чешской и немецкой литературе вопросу о ересах был посвящен целый ряд исследований. Авторы их стояли на идеалистических позициях и рассматривали ереси в отрыве от социально-экономического развития и от классовых противоречий, глубоко захвативших чешские земли. Ф. Палацкий подчеркивал, например, что истоки гуситского движения заключались в «идее христианской жизни».²⁸⁶ Идеалистическая трактовка ересей в чешских землях наиболее полно была выражена в произведениях реакционных чешских историков И. Пекаржа, В. Халоупецкого, а также и Р. Голинки: Они стремились доказать, что корни гуситского движения следует искать вне Чехии.²⁸⁷

Р. Голинка начинает свое исследование²⁸⁸ с характеристики вальденства, возникновение которого ставит в Чехии в непосредственную связь с немецкой колонизацией. Главной его идеей он считал «идею возрождения могущественной церкви» и игнорировал классовый характер движения. Указанные историки считали, что таборитство — результат развития вальденства, уклифизма, пикардства. Они полагали, что основные идеи гуситства, таборитства в частности, являются результатом заимствования. Конкретный материал показывает, что еретические движения зародились и развивались в Чехии на базе крупнейших социально-экономических внутренних процессов и усилившейся классовой борьбы. Следовательно, нет никаких оснований привлекать для объяснения причин возникновения гусизма теорию «филиации идей».²⁸⁹ Рассмотрение идеологической борьбы в предгуситской Чехии приведет нас к выводу, что в народе постепенно созревали важнейшие идеи и программные требования, которые затем нашли свое более или менее полное оформление в годы гуситского восстания.

Первые данные о ересь в чешских землях засвидетельствованы уже в середине XIII в. в булле папы Иннокентия IV от 1224 г.²⁹⁰ архиепископам и епископам Венгрии, в которой отмечалось наличие еретиков и в Чехии, предписывалось не допускать распространения ересей и вести борьбу с ними любыми способами и средствами. Чешские хроники сообщают о появлении в середине XIII в. бичующихся — флагеллантов²⁹¹, которые затем нередко появляются и на протяжении XIV в.²⁹² Поскольку сочинения чешских сектантов не дошли до нас,²⁹³ важнейшим источником вопроса остаются папские буллы, протоколы инквизиции, которые требуют к себе весьма критического отношения. Широкое распространение ересей в Чехии в то время подтверждается просьбой Пршемысла II к папе помочь в борьбе с еретиками. В ответ на это папа Александр IV посылает инквизиторов²⁹⁴ и учреждает инквизицию для чешских земель. Пассауский аноним (1260 г.) сообщает о большом распространении вальденсов в диоцезе Пассау в Австрии и называет в их числе четыре общины с чешскими наименованиями²⁹⁵. Сведения о ересь в Чехии в конце XIII в. не сохранились. В 1315 г. о еретиках упоминается в «Збраславской хронике» Петра Житавского. В этом году было сожжено 14 еретиков. Среди статей пражских сектантов было утверждение о том,

что при причащении и исповеди между священниками и мирянами нет никакой разницы, отвергалось учение о воскресении из мертвых²⁹⁶. В 1318 г. каноник Индржих из Шумбурка жалуется на то, что пражский епископ даже освобождает еретиков, задержанных инквизицией. В грамоте папы Иоанна XXII сообщается, что в «некоторых областях королевства чешского и польского и в пограничьи и по соседству с ними...» имеется много еретиков.²⁹⁷ В Чехии была восстановлена инквизиция. В том же году специальной буллой папа предупреждает Вышеградского пробста о необходимости решительной борьбы с еретическими идеями. Инквизиция в эти годы еще более усиливает свою деятельность. В 1329 г. в городе Жатце еретики убили местного рихтаржа, преследовавшего их, и его сына. В то время в городе произошло волнение среди населения, подавленное наивысшим пуркрабием Чехии Гинеком Младшим Беркой из Дуба. В итоге волнения было казнено 14 его инспираторов.²⁹⁸ Флакк Иллирик сообщал о большой деятельности инквизиции в Чехии и Польше в 1330 г. В 1335 г. папа Бенедикт XII назначил в чешские и моравские земли новых инквизиторов²⁹⁹ и написал королю Иоанну и его сыну письмо с требованием усилить борьбу с ересями. Уцелевшие отрывки из протоколов инквизиции от 1336 и 1338 г., проведенной инквизитором Гавлом, показывают, что в 1336 г. он был в городе Чаславе, а в 1338 г. — в городе Чешские Будейевицы. И. Главачек обнаружил недавно в государственном архиве г. Брно фрагменты из протокола инквизиции от 1337 г. и опубликовал их в приложении к своей статье³⁰⁰. Новый источник показывает, что еретическое движение было распространено в Праге и в Йиндржиховом Градце. Автор статьи считает это направление еретичества в одной его части вальденским. Судя по именам, йиндржиховоградецкие еретики были немцами. Немецкие имена названы также и в пражских материалах этого процесса.

В протоколе сообщается о тайных сходках народа, где пришельцы—учителя еретиков произносили проповеди, причащали и пр. Сообщаются некоторые сведения и о характере ереси. Еретики в рассматриваемом случае заявляли, что тело Господне есть истинное тело, т. е. обычное, материальное, вопреки учению католической церкви.³⁰¹ В одном случае источник упоминает термин «бегарды», хотя едва ли следует его относить к названной группе сектантов, так как такие термины, как

«вальденсы», «бегарды» и иные, употреблялись нередко как тождественные понятию «еретик» вообще. Фрагменты протокола допроса нескольких чешских еретиков, захваченных инквизицией, позволяют говорить о том, что это были крестьяне, ремесленники, слуги.

В 1339—1340 гг. еретическое движение в Чехии еще более усилилось. Принципиально новым моментом в нем явилось вооруженное выступление еретиков против пана Ольдржиха из Градца на юге Чехии. До этого мы не встречали данных о вооруженных действиях чешских сектантов. В своей подавляющей массе еретические секты были, по-видимому, сторонниками мирных методов борьбы за преобразование церкви или современного общества вообще. Во время выступления 1339 г. еретики уничтожили один из замков пана Ольдржиха и несколько его селений³⁰². Ольдржих из Градца был вынужден выехать к папе в Авиньон за указаниями по борьбе с еретиками. Кровавая расправа с еретиками на юге страны не дала тех результатов, которых ожидали феодалы. Ереси продолжали существовать и распространялись по всей стране в еще большей степени, чем это было прежде. Папа Климент VI в 1346 г. в письме архиепископу Арношту из Пардубиц писал о недостатке в Чехии тюрем для еретиков.³⁰³ Грамота Карла I на основании Эмаусского монастыря мотивирует необходимость его постройки тем, что в Чехии много «раскольников и неверящих». Это упоминание представляет особый интерес, так как монастырь основывался для славянского населения. Жалоба на ереси свидетельствует в данном случае о том, что в числе еретиков были и славяне, т. е. местное чешское население, тогда как реакционные буржуазные историки видели в еретиках только пришельцев, чужеземцев.

В 1347 г. архиепископ посылает на юг страны инквизитора Святобора. В 1353 г. и 1355 г. вопрос о борьбе с ересью обсуждался на пражском синоде и на собрании пражских прихожан, где были приняты с этой целью особые статуты³⁰⁴.

В борьбе с проявлениями народной ереси единым фронтом с высшим духовенством действует светская власть. Карл I в «Маестас Каролина» посвятил несколько страниц специально борьбе с ересями и организации инквизиции.³⁰⁵ Он отмечал широкое распространение сектантства в стране и наплыв еретиков-иноземцев. Король требовал, чтобы их всех публично сжигали на

кострах. Населению категорически воспрещалось принимать у себя еретиков под угрозой конфискации имущества. В 60-х годах XIV в. наличие целых общин сектантов отмечалось в Писецкой и Бегинской областях, т. е. особенно на юге. В 1366 и 1371 гг. синодальные статуты говорили о том, что многие люди не празднуют праздников и работают в эти дни. Отрицание церковных праздников характерно, в частности, для вальденсов. В 1376 г. Карл I издал новый указ о борьбе с еретиками³⁰⁶. В 1377 г. инквизитор Иохлин расследует дела еретиков крестьян в панстве Козьем у Сезимова Усти в Бегинской области. В 1379—1381, 1390 гг. и т. д. отмечен ряд случаев еретических выступлений особенно на юге страны, в районе будущего Тabora. На синоде 1381 г. говорилось о борьбе против вальденских крестьян-еретиков в пражском диоцезе.

Все шире распространяются еретические учения в Моравии. В 1370 г. проводится инквизиция в оломоуцком диоцезе. В письме архиепископа Яна из Йенштейна оломоуцкому епископу в 1381 г. прямо указывалось на рост вальденства в Моравии.³⁰⁷ Многочисленность вальденсов в чешских землях была в 1359 г. отмечена и Пилихсдорфом³⁰⁸. Он указывал также, что еретики — это выходцы из низших слоев народа — крестьяне, ремесленники. О распространении вальденских идей в землях чешской короны свидетельствует также «Постилла» Иохлина Воднанского³⁰⁹ (1404 г.).

Приведенные нами факты говорят о безусловно широком распространении ересей в чешских землях, но, к сожалению, не дают возможности более или менее точно определить наличие каких-либо определенных сект, так как кроме употребления в нескольких случаях терминов «бегарды», «вальденсы», о содержании их учения и деятельности почти ничего не сообщается. Употребление тех или иных терминов в материалах инквизиции или других источниках такого же рода вовсе не дает основания соглашаться с ними и принимать их молчаливо как отражение подлинной картины событий. Тем более нет данных для ответа на вопрос о специфике сектантского движения в стране в догуситский период.

Мы можем, однако, прийти к некоторым выводам в отношении социального содержания и общей направленности этих ересей. Как правило, сообщения о еретиках говорят о людях «простых», «неученых». Много раз употребляется термин «крестьяне» как синоним поня-

тия «еретик». Неоднократно называются ремесленники различных профессий в числе сторонников ереси. В этом отношении ценны сведения анонимного автора от 1415 или 1416 г. о беспорядках в районе Козьего замка, его окрестностей и в Усти Сезимова³¹⁰. «Во-первых,—сообщает аноним,— что в Козьем замке и близ него и в Усти проповедовалось и проповедуется, что ношение облачений при обедне, икон и святых является бесполезным...», суетным делом. «Также крещение, святая месса и все иное (т. е. иные виды церковной службы— А. О.) могут... служить вне церкви; и так служат на возвышенностях и крестят в рыбаках и садках...» «Священник, говорили эти проповедники, может служить... мессу на земле, на столе..., вообще для этого не обязательно наличие специальных церковных зданий. Слушая еретиков, народ смеялся, богохульствовал и отказывался повиноваться». Проповедовали там и простые миряне. Проповедники еретиков исповедовали народ в простых домах мирян, а не в церковных зданиях, предназначенных для этой цели.

Несмотря на фрагментарность сведений источников об учении и деятельности сектантов в Чехии в период до вооруженного восстания, очевидно, что и в чешских землях были различного рода направления сектантства — вальденсы, бегарды, возможно секта братьев и сестер свободного духа и иные. Вопрос этот представляет очень большое значение для характеристики генезиса гусизма, проблема, которая по сути дела только еще начинает изучаться в марксистской литературе. Первые шаги в этом направлении сделаны в нескольких выступлениях современных историков Чехословакии. После высказываний Й. Мацека по данному вопросу с несколькими публикациями и докладами выступили Р. Каливода³¹¹, историк ГДР Э. Вернер³¹².

Исключительный интерес в истории гуситского движения представляет до сих пор еще не решенный вопрос о возникновении идей хилиазма в чешских землях. Несомненно, что они зародились еще в период до вооруженного массового восстания гуситов, так как тогда хилиасты выступили уже с более или менее сложившимися требованиями по ряду важнейших вопросов. Возможно, что чехи уже прежде смогли ознакомиться с идеями Иоахима Флорского³¹³, как полагали некоторые ученые.³¹⁴ Лишь новые изыскания в этой области и публи-

каций источников смогут пролить свет на эту интересную проблему.

Важно в данном случае прежде всего то обстоятельство, что идеи хилиазма к концу XIV в. получают распространение среди чехов. Непосредственную связь с последующим хилиазмом таборитов периода народного восстания имели пророчества народных еретиков, в которых в радикальном духе, с революционными выводами ставился вопрос о наступлении судного дня. В немецком «пророчестве Сивиллы» от начала XIV в., переведенном и обработанном позднее чехами, содержится ответ на вопрос о том, когда же настанет конец света. Сообщается, что он наступит после 1400 г., вслед за появлением кометы, т. е. судный день должен был наступить в ближайшие сроки. Резкая критика церковных и светских феодалов в этом произведении сопровождается выводом о том, что в итоге восстания власть надолго перейдет в руки народа.³¹⁵

В конце XIV в. на чешский язык был переведен, обработан и дополнен текст французского пророчества Жана де Руперсисса. Чешский текст, как и в «пророчестве Сивиллы», сопровождался критикой существующего общества, особенно церкви. Предсказывался в ближайшем будущем переворот, который будет совершен народом с помощью насилия. Бедные восстанут на богатых, у монастырей будут отняты все их владения, будут уничтожены подати. Как справедливо отметил Й. Мацек, эти пророчества представляют особенно большой интерес, потому что в них центральная идея хилиастов — идея создания нового тысячелетнего царства божьего на земле в ходе осуществления судного дня — успешно сочетается с мыслью о вооруженном восстании народа.

Следует однако оговориться, что в то время мирные тенденции хилиастического учения еще не были полностью преодолены. Они сохранили заметное влияние в еретических движениях в чешских землях к началу XV в. Большой популярностью пользовались еще вальденские идеи мирного преобразования общества. Лишь ко времени восстания идея вооруженной борьбы за ликвидацию старого и создание нового общества становится в народе преобладающей, хотя и тогда еще не была вытеснена полностью надежда на мирный путь среди некоторой части чешского крестьянства.

Среди выдающихся представителей народной ереси

нельзя не отметить немца, родившегося в Праге, как полагает Ф. М. Бартош³¹⁶, друга Гуса—Николая из Дрездена. Еще острее, чем Ян Гус, он выступал против чрезмерной эксплуатации народа, в защиту городской бедноты. В многочисленных трактатах Николай Дрезденский разоблачал прелатов, критиковал светских феодалов, патрициат, богатых бюргеров. Современную ему церковь он противопоставлял церкви раннехристианской, апостольской бедной церкви и написал специальный трактат в защиту секуляризации церковной собственности. Он призывал к закрытию монастырей, к отказу от уплаты десятины, отвергал ростовщичество, право на ренту владельцев домов в Праге. В духе вальденсов он отвергал чистилище, смертную казнь. Этот видный идеолог городской бедноты выдвигал идею гибели существующего общества и власти королей и князей, писал о приходе Христа, т. е. шел в направлении хилиазма.

Наряду с Якоубеком, Николай Дрезденский был инициатором введения в Чехии причащения под двумя видами, чему посвящен особый его трактат. Погиб он в Германии еще до гуситского вооруженного восстания. Его деятельность является ярким примером солидарности трудящихся разных стран в обстановке господства феодализма и свидетельствует против реакционных попыток буржуазной историографии трактовать гуситское движение как движение националистическое.

Наряду с народными еретическими сектами все более зрела оппозиция католической церкви среди ученых кругов того времени—в Пражском университете, среди проповедников в Праге. Зарождалась бюргерская оппозиция феодализму. Ее возникновение и развитие представляло собою также длительный сложный процесс от первых ее проявлений к учению Гуса, затем к бюргерской оппозиции периода вооруженного народного восстания и позднее—к чешским братьям. Как справедливо отмечено в чешской литературе³¹⁷, эта оппозиция не была однородной. В ее составе мы видим представителей духовенства, стремившихся некоторыми реформами улучшить свое положение. Они не затрагивали основ католического учения и устройства церкви. С другой стороны, в среде бюргерской оппозиции было все более увеличивающееся число подлинных представителей идеи реформации церкви, учение которых задевало уже и

важнейшие стороны католической догматики и структуры церкви. Большое значение этого направления заключается в том, что его представители подвергли довольно резкой критике существовавшую тогда церковь, выдвинули идею обязательного ее пресобразования, поставили целый ряд конкретных вопросов в этом направлении, нашедших позднее отражение и в гуситской практике и в учении гуситов уже во время восстания. Их взгляды и деятельность, при всех крупных минусах бюргерской оппозиции, особенно на первых порах, явились вторым крупнейшим источником для учения Гуса и двух направлений гусизма в процессе формирования революционной идеологии в годы крестьянской войны в Чехии.

В числе предшественников Я. Гуса был приехавший из Австрии по приглашению Карла I монах Конрад Вальдгаузер, который в своих проповедях на немецком языке в Праге, Жатце и других чешских городах, в частности в пограничных, публично бичевал пороки общества, особенно духовенства—гордость, нравственную распущенность, ростовщичество, лицемерие и жадность священников и, главное, монашества. Он призывал пражан не отдавать своих детей в монастыри, особенно к нищенствующим монахам. Его проповеди призывали отказываться от уплаты десятины и милостыни монахам, хотя в них и не было ничего антицерковного и антифеодального, как полагает М. Маховец³¹⁸. В целях исправления указанных недостатков церкви он апеллирует к самим виновным, т. е. служителям церкви, призывает их к отказу от ростовщичества, прославляет бедность в духе католического учения об этом. Он обвиняет даже панов в том, что они не привлекают к ответственности еретиков, которые живут и работают у них в поместьях. Никакой конкретной и радикальной программы преобразования общества и церкви Вальдгаузер не предлагал.

Почти одновременно с Вальдгаузером выступил с проповедями на чешском языке Ян Милич из Кромержижа, отказавшийся от богатства и почетной должности³¹⁹. Милич начал вести аскетическую жизнь и проповедовал христианскую чистоту. Он говорил о всеобщей испорченности мира, о несправедливостях, роскоши одних и бедности других людей. Милич отвергал право богатых приобретать ренту, торговать должностями. Он также резко бичевал нищенствующие монашеские ордена. Наряду с критикой католической церкви Милич выдвинул также ряд обвинений против светской власти. Путь к устрание-

нию недостатков в современном ему обществе, в церкви лежал, по его мнению, в созыве церковного собора—идея, часто встречавшаяся в то время в феодальной Западной Европе. Следовательно, и он не видел в широких массах народа той силы, которая может и должна преобразовать церковь. Вызванный папой в Рим Милич заявил, что «Антихрист уже пришел», поскольку представители высшего духовенства, действуя против учения Христа, являются слугами дьявола³²⁰. Прагу он называл блудным Вавилоном за разврат светских богачей и высшего духовенства, за ростовщичество. Милич являлся автором специального произведения об Антихристе³²¹. В. Новотны отмечает большую популярность его проповедей, которые сохранились в целом ряде рукописей, переписанных от руки³²². Однако и Милич, будучи сторонником мирной и умеренной реформации, не делал каких-либо радикальных выводов, почти не выдвигал конкретных требований в направлении преобразования общества. Подвергшийся преследованию инквизиции, Милич дважды оправдывался перед римской курией. Умер он в 1374 г. в Авиньоне.

Идею революционной борьбы не выдвинул и третий крупнейший предшественник Яна Гуса—Матей из Янова³²³, проживший 8 лет в Париже, где учился в университете и получил ученую степень. Значение деятельности Матея, автора важнейшего труда «Правила Ветхого и Нового завета», заключается в том, что он «... дал великолепную критику современного состояния церкви и общества вообще³²⁴. Острые его выступления направлены против монахов, духовенства, главным образом прелатов (Матей различал уже богатое и бедное духовенство). Он противопоставлял жизнь первых христиан и современную ему церковную практику, выступал против культа святых, против формального выполнения церковных обрядов, осуждал посты, наличие множества церковных праздников. В стремлении к наживе магистр видел причину морального упадка церкви. С этой целью используются многочисленные церковные обряды. «Больше всего прославляют... перед людьми мессу, богослужение за умерших, отпущения, останки святых, жертвоприношения и подобное, потому что это приносит им доходы и деньги в храм божий»³²⁵.

Если Вальдгаузер и Милич хотели улучшения нравов монашества, то Матей из Янова поставил вопрос о его ликвидации вообще, предлагал разогнать монахов и

заставить их работать (вспомним последующую таборитскую практику.—А. О.). Он ставил вопрос о том, чтобы монастырскую собственность отдать верующим в общее владение, как это было в раннехристианской церкви³²⁶. Следовательно, у него были и весьма радикальные мысли. Например, он считал, что имущество священников является в действительности имуществом бедных людей, что в первоначальной христианской церкви богатства и личная собственность не имели цены³²⁷. Учение об апостольской бедности объективно направлено против крупных собственников. От тезиса—сделать имущество монастырей общим достоянием—был один шаг до идеи секуляризации церковных богатств вообще.

В отличие от своих предшественников, Матей гораздо резче критикует церковную иерархию. Папы узурпировали назначение высшего духовенства, что ведет к продажности церкви. Прелаты обвиняют многих бедных и святых людей во всякого рода ересь, всячески притесняют их³²⁸, называют бегардами, турлупинами, бегинками. Он выступал против новых церковных установлений, которых не было в древности.

Среди важнейших положений учения магистра Матея мы находим учение о том, что Антихрист уже здесь на земле, что каждый, кто не является христианином в действительности, но выдает себя за него, и является телом Антихриста. Антихрист содержится прежде всего в людях высшей церковной иерархии³²⁹.

Некоторые историки видели в «Правилах» Матея из Янова наличие иоакимитских идей, например, учение о третьем состоянии человечества³³⁰. Вопрос этот требует дальнейшего изучения. Отметим также, что специфической чертой учения Матея из Янова являлся его отрыв от народа. Его произведения написаны ученой латынью и были тогда недоступны широким кругам народа. Сочинение Матея из Янова стало тем не менее «идейной опорой для Яна Гуса и дальнейших гуситских проповедников»³³¹.

Оценивая в целом выступления ученой ереси, мы, как и современные чехословацкие историки Ф. Граус³³², Й. Мацек³³³, М. Маховец³³⁴, считаем, что ее представители не создали учения, которое послужило бы само по себе исходным пунктом для революционной теории. В них действительно весьма сильны тенденции пессимизма, неверие в силы народа. Они не содержали в четко сформулированном виде идеи революционного преобразова-

ния общества и не призывали народ к активной борьбе за создание нового общества.

Вместе с тем они все же сделали свое большое положительное дело. Критика католической церкви, в некоторой мере и крупных светских феодалов, привлекала внимание все новых и новых кругов чешского населения к вопиющим социальным противоречиям, к крайне резкому имущественному неравенству и другим наболевшим вопросам, задевавшим огромное большинство населения. Отдельные конкретные положения указанных авторов и ученых проповедников, такие, как, например, выступление против монашества, призыв к более частому причащению, положение о том, что богатства монастырей должны быть в коллективной собственности, и некоторые другие найдут яркое отражение в ходе гуситских войн. Важнейшее значение имел тезис о том, что источником истины является Библия, Писание, а не церковные традиции, не установления римско-католической курии.

Вместе с учением народных еретических сект целый ряд важнейших положений предшественников Гуса вошел затем в состав гуситского учения. Здесь уже содержались, хотя и в крайне нечетком, аморфном виде, элементы, из которых выросли и четыре пражских статьи, например, требование секуляризации богатств церкви и отнятие у нее светской власти, идея борьбы со смертными грехами, требование упрощения церкви, улучшения нравов духовенства и ликвидации монашества как наиболее паразитической группы в составе этого сословия. Уже наметились и методы, с помощью которых зарождавшаяся бюргерская оппозиция рассчитывала осуществить свои требования,—это решающая поддержка идеи реформы церкви в направлении к восстановлению норм раннего христианства со стороны светских властей. Таким образом, еще до Гуса зародились элементы будущих двух лагерей гусизма и некоторые стороны учения гуситов. Этот вывод говорит о том, что гуситское учение и движение выросло на национальной чешской почве.

Идея преобразования церкви, возвращения ее к временам раннего христианства и улучшения общественных отношений в целом была выражена наиболее полно и ярко великим сыном чешского народа Яном Гусом. Ян Гус родился в 1371 г.³³⁵ в южночешском Гусинце и был сыном незнатных и небогатых родителей. Учился в Пражском университете, где вел жизнь бедного студента, вы-

нужден был сам добывать себе средства к существованию. Мировоззрение Яна Гуса складывалось в обстановке резкого обострения социальных противоречий в чешских землях, все более усиливавшейся оппозиции церковному феодализму и феодализму вообще под влиянием учения и деятельности народных еретических сект и чешских сторонников реформации. Наряду с этим главным решающим источником гусизма нельзя отвергать влияние Д. Уиклифа. К концу XIV в. сочинения Уиклифа проникают в Чехию, и Гус лично знакомится с ними. Поскольку идеи Уиклифа и Гуса зародились и складывались в более или менее сходной социально-экономической обстановке—в период классического феодализма—и принадлежали к одному бюргерскому направлению оппозиции феодализму, естественно, что идеи Уиклифа нашли большой отклик у Гуса и способствовали оформлению его мировоззрения. Современные чехословацкие историки вполне основательно указывают на его гораздо больший, чем это было у Уиклифа, демократизм, значительные связи с народом, на его стремление поставить свое учение на службу потребностям народа, т. е. попытаться воплотить его в жизнь. Яна Гуса в гораздо меньшей мере, чем Уиклифа, интересовали собственно догматические вопросы.

Как показали вскоре события гуситских войн, бюргерская оппозиция также была далеко не однородной. Мы считаем возможным отнести Яна Гуса к левому крылу бюргерской оппозиции, т. е. к ее наиболее радикальным элементам. Это подтверждается и его высокой принципиальностью, выдающимся мужеством, проявленным им на Констанцском соборе. С 1402 г. Гус является проповедником в Вифлеемской часовне, где проповеди произносились только на чешском языке, в отличие от других церквей. Вифлеемская часовня стала основным центром, где Ян Гус вел свою деятельность проповедника, все более сближался с народом и пользовался огромной популярностью. Как и его предшественники, только гораздо полнее и резче, Гус подверг критике католическую церковь. Он констатировал, что она находится в состоянии упадка³³⁶. Главная причина этого заключается в продажности церкви. Высшее духовенство владеет богатствами, обладает светской властью и даже хочет стать выше королей. В одной из проповедей Ян Гус говорил: «Сейчас яд влит в церковь Божию...», и этим несчастным богатством, «которое Христос называет службой Мамоне (Лука, 16), отравило и изглодало душу почти всех

христиан...». Откуда распри между папами, между епископами и другими духовными лицами? Псы грызутся из-за кости, отнимут кость — и перестанут: не будет владений у церкви — и ты не найдешь для нее попики. Откуда симония? Откуда чрезмерное чванство священников перед мирянами? Откуда их разврат? Поистине, от этого яда³³⁷. Папы и кардиналы, т. е. высшее духовенство, что неоднократно подчеркивается Гусом, хорошо отличавшим низшее духовенство от высшего, продают церковные должности, индульгенции, церкви, алтари, как волов и коров. Высшие должности получают в церкви те, кто дает большие деньги папе. «Кто больше денег доставит, тот скорее возьмет епископскую власть или иную духовную должность³³⁸». Духовенство взимает десятину с населения, что Гус считал также несправедливым. В работе о толковании десяти божьих заповедей Гус писал, что все религиозные обряды стали платными. То, что пан или разбойник не взяли у мирян, то вынудит духовенство: «... это за исповедь, это за обедню, это за таинство, это за отпущение грехов, это за проповедь, это за благословение, это за погребение, это за освящение святой водой, это за молитвы³³⁹. Многие из священников, особенно из высших, вели светскую жизнь, стремились к роскоши, утонули в разврате. «О, гибель каноникам, фарарам, епископам и иным священникам и прелатам, которые едят, жрут, лакают, тучные пасутся, а в духовном ничего не успевают»³⁴⁰. Священники совсем не думали о своей деятельности в качестве проповедников христианского учения, «так как охотнее идем в поле, чем молимся в костеле; охотнее идем на танцы, чем на оплакивание грехов, охотнее на завтрак, чем на проповедь; охотнее в корчму, чем в божий храм»³⁴¹. Жизнь католического духовенства очень далека от того, что когда-то завещали апостолы и Христос. Уже в критике состояния церкви Гус исходит из противопоставления римской церкви XV в. временам раннего христианства. Такое противопоставление мы видели у его предшественников, но здесь оно дано гораздо выразительнее и, главное (что мы покажем ниже), связано с конкретными предложениями в области реформации церкви. Много раз выступает магистр и против формального, внешнего соблюдения обрядов христианской церкви. В католическую церковь верующих привлекают богатством убранства, музыкой, иконами, и они даже не успевают подумать о боге.

Ян Гус решительно не согласился с тем, как толкова-

ли тогда прелаты вопрос о том, что такое христианская церковь. Это один из кардинальнейших вопросов и для общей оценки роли церкви в обществе. Святая христианская церковь вовсе не состоит только из пап и кардиналов. Христианская церковь—это все избранные к спасению верующие, т. е. все подлинные христиане³⁴². Папы и кардиналы могут и не быть в числе таких избранных к спасению, так как папа может ошибаться и даже грешить³⁴³. Из этого тезиса вытекает положение об условном повиновении, имеющее очень большое значение. Верующие могут не выполнять указания папы, если увидят, что они противоречат учению Христа. Каждый христианин, увидев, что приказание папы «...является недостойным, может иметь (т. е. считать его.—А. О.) за недостойное и никого в нем не должен слушать»³⁴⁴. Характерно, что Гус распространял это положение и на светских панов и на светские власти. Оно давало в руки антифеодальных элементов—гуситов очень ценное оружие, оправдывало выступления народа против церковных, да и против светских феодалов. Очень важно в данном случае то обстоятельство, что все миряне, согласно учению Гуса, **сами могли определять правильность или неправильность указаний и распоряжений высшего духовенства и светских панов.** Идеологи крестьянства и городской бедноты делали из этого тезиса далеко идущие революционные выводы, более радикальные, чем об этом думал сам Гус. Гус отвергал людские традиции в католической церкви, т. е. все те ее установления, которые складывались веками в период уже победившего феодализма. По его мнению, высшее духовенство не вправе ничего прибавлять или убавлять из того, что заключалось в Библии.

Величие Гуса заключается также и в том, что он наметил конкретные пути преобразования церкви и стремился во что бы то ни стало воплотить в жизнь свои идеи. Идеалом для Гуса, как и для его предшественников, являлась раннехристианская церковь. Духовенство и миряне должны стремиться к восстановлению порядков апостольской церкви. Буржуазные историки обычно делали отсюда неверный вывод, что Гус шел не вперед, а назад. В действительности, говоря о возврате к ранней церкви, Гус стремился создать совершенно новую церковь, отвечающую новой исторической обстановке. Это была идея создания дешевой церкви, церкви гораздо более доступной, церкви национальной. Истинное учение Христа должно стать доступным для всех ве-

рующих. Поэтому каждый верующий должен читать Евангелие. Проповедь слова божьего должна стать свободной. «Устройте так, чтобы совершенно прекратились эти непорядки и слово божие всюду свободно проповедовалось народу божьему»³⁴⁵. Так складывалась одна из важнейших пражских статей. Идеологи левых таборитов в дальнейшем в толковании и этой статьи пошли дальше самого Гуса, добиваясь полной ликвидации духовенства как монопольного обладателя права на проповедь христианского учения, уничтожения духовенства вообще как особого сословия.

Новая церковь должна отречься от своих богатств. «Как Христос и его апостолы не были обременены земельными владениями, так точно и наместники или преемники их не должны владеть земельными владениями»,—говорит он³⁴⁶. Эта мысль красной нитью проходит через важнейшие произведения великого преобразователя. Однако никогда и нигде он не пояснял, в чью же пользу должны быть секуляризованы эти колоссальные богатства. Крестьянство в лице своих идеологов дало радикальную трактовку этого требования и сделало вывод, что богатства церкви должны перейти в руки народа. Идея секуляризации церковных богатств привлекла к учению Гуса симпатии широких слоев дворянства. «Успеху реформации способствует главным образом секуляризация церковных имуществ в пользу рыцарских и княжеских семей; с другой стороны—«брак» для «духовных лиц», перешедших к новому учению»,—писал К. Маркс об общеевропейской реформации XVI века³⁴⁷. Гус требовал ограничения степени эксплуатации крестьянства и критиковал церковную и светскую знать за чрезмерные злоупотребления и насилия над народом³⁴⁸. В частности, он считал, что должно быть отменено право «одумрти», т. е. взимания с крестьян посмертного побора. Однако он не требовал отмены подданства, признавал деление общества на три сословия, считал, что крестьяне обязаны служить и нести повинности в пользу своих панов. Речь шла у него, следовательно, не о ликвидации феодализма, а о некотором смягчении степени эксплуатации феодалами широких слоев народа и улучшении положения крестьян, ремесленников и иных трудовых элементов общества. И в этом важнейшем вопросе Гус стоял на позициях наиболее радикальных слоев бюргерской оппозиции.

Возрожденная церковь должна заниматься только

своими специфическими религиозными делами, распространением христианского учения в его подлинном виде. Она не будет вмешиваться в светские дела. «Так же сказали бы паны, короли, князья и рыцари епископам и священникам, чтобы в их должности не вмешивались», рекомендует магистр³⁴⁹.

Монашеские ордена предлагалось вообще уничтожить, поскольку они не существовали во времена раннего христианства. Священники могут вступать в брак, что спасет их от разврата. Церковные обряды должны быть значительно упрощены и станут бесплатными. Иконы будут уничтожены.

Недостаточно внимания до сих пор уделялось вопросу о том, что в обстановке зародившихся предпосылок для централизации страны и развития национального чешского государства Ян Гус, являвшийся пламенным патриотом своей страны, был сторонником крепкого централизованного государства, в котором будет ликвидирована феодальная анархия и будет создана национальная церковь. Он считал необходимым проповедовать христианское учение на национальных языках повсюду, и сам проповедовал народу на чешском языке; полагал, что все народы должны иметь Библию на родном языке (в Чехии она уже была к тому времени полностью переведена на чешский язык).

Будучи противником немецкого засилья в чешских землях, Гус высмеял чешскую знать за ее онемечивание, требовал, чтобы чешские дети обучались говорить и писать по-чешски. Князья, паны, горожане должны «так себя поставить, чтобы чешская речь не погибла: возьмет ли чех немку, чтобы дети тотчас по-чешски учились и не двоили речи»³⁵⁰. Целый ряд своих сочинений, особенно в последние годы жизни, Ян Гус писал на чешском языке. Он является автором чешской грамматики и новатором в области чешского литературного языка.

Особенно выразительно национальные идеи Гуса и его соратников проявились в период борьбы вокруг Кутногорского эдикта. В «Защите Кутногорского эдикта»³⁵¹ его единомышленник в те годы магистр Ян из Йесениц писал, что бог разделил землю между разными народами и в каждой стране местное население должно играть главную роль. «... В Чехии первоначально жили только чехи. Таким образом, чешское колено в своей чешской земле должно спокойно управляться своими законами, без помехи со стороны тевтонов, как некогда оно и управлялось».

Национально-освободительная тенденция в данном выступлении совершенно очевидна. Гус был горячим и убежденным сторонником необходимости издания указа, подобного Кутногорскому эдикту, и горячо поддерживал его.

Нельзя не указать также на то обстоятельство, что Гус был сторонником дружбы славянских народов. Он приветствовал победу поляков и иных народов над крестоносцами в битве при Грюнвальде.

На какие социальные слои населения рассчитывал Гус для осуществления своей программы? Такой силой должны были, по его мнению, явиться король, паны и рыцари, т. е. светские феодалы. Об этом он писал и говорил неоднократно, в частности в одной из основных своих работ «Толкование десяти заповедей»³⁵². Обращаясь к феодалам и горожанам, он призывал: «... научите священников.., чтобы они в своем ряду стояли, и каждый, чем может в духовенстве служить, пусть служит». В трактате о симонии тот же призыв к светской власти: «О верные короля, князья, паны и рыцари. Пробудитесь от непробудного сна, которым вас усыпили священники, и изгоните из ваших имений ереси симонии»³⁵³. Эта ориентация на имущие слои населения, и в первую очередь на светских феодалов, характерна именно для бюргерской тактики, так же, как и программные положения учения Гуса. Признавая возможность сопротивления панам и кардиналам, высшему духовенству вообще, Гус не призывал угнетенные массы к решительному вооруженному сопротивлению господству феодалов или гнету церковного феодализма. Оценивая бюргерскую ересь средневековья, Ф. Энгельс совершенно не случайно отнес Гуса и его единомышленников в более поздние годы к бюргерской ереси. «Гус и каликстинцы в Богемии были главными представителями этого направления»³⁵⁴.

Учение и деятельность Гуса, его мужественная смерть в защиту своих убеждений сыграли большую роль. Идеи Гуса стали источником идеологии не только для умеренных гуситов, но и для революционного крестьянства и плебса. В толковании их, как мы уже показали на ряде примеров, радикальные представители гусизма пошли много дальше своего учителя.

Ближайшим соратником и единомышленником Гуса был Иероним Пражский, родом из зажиточной пражской семьи³⁵⁵. В возрасте около 20 лет в феврале 1399 г. он отправился в Оксфорд для продолжения учения после окончания Пражского университета. В 1401 г. он привез

оттуда в Прагу описи главных трудов Д. Уиклифа—«Диалога» и «Триалога»—и перевел некоторые его произведения на чешский язык. Одно время он являлся профессором Пражского, затем Гейдельбергского и Кельнского университетов, где выступал как защитник идей Уиклифа, вследствие чего был вынужден вернуться в Прагу, где был принят в состав магистров университета. Человек очень высокой культуры, магистр четырех европейских университетов—Парижского, Пражского, Гейдельбергского и Кельнского—страстный диспутант, Иероним Пражский являлся убежденным и горячим пропагандистом идей Уиклифа и Гуса. Помимо Франции и Германии, он побывал в Венгрии, в Австрии, где также выступал в защиту идей Гуса. Большое значение имели его поездки в Краков, затем в белорусские земли и Литовское княжество (Витебск и Псков), где он проявил значительный интерес к местной православной церкви, что вызвало крайнее недовольство верхушки католического духовенства. Встречи Иеронима со славянским населением, его симпатии к православной церкви рассматривались на Констанцском соборе, привлекавшем реформаторов к ответственности, как прямая измена католицизму. Деятели собора обвиняли Иеронима в том, что он принес с собою в Чехию и в другие государства сочинения Уиклифа и явился пропагандистом учения Уиклифа и Гуса в разных странах Европы³⁵⁶. Как и Гусу, ему предъявили обвинение в том, что он и другие сторонники Гуса оторвали от католической церкви и вовлекли в ересь многих людей обоего пола—духовных, панов, владык и простой народ в Чехии³⁵⁷.

Большой интерес представляет тот материал обвинения, который показывает Иеронима Пражского как страстного патриота, поборника ликвидации чужеземного засилья в чешских землях. Вместе с Яном Гусом он добился у короля Вацлава IV издания Кутногорского эдикта, на основании которого большинство голосов в руководстве Пражского университета было передано чехам. Он способствовал изменению положения в пражском магистрате, где большинство голосов получили чехи³⁵⁸. Попытки прелатов переманить Иеронима на свою сторону в конечном итоге провалились. Решением собора Иероним был осужден как сторонник и единомышленник Уиклифа и Гуса и варварски заживо сожжен на костре. Гус и Иероним рассматривались гуситами как святые мученики, погибшие за подлинные идеи Христа.

Энергичная деятельность Иеронима — пламенного защитника идей гусизма и одного из зачинателей гуситского движения сыграла свою положительную роль в распространении гуситского учения не только в самой Чехии, но и в ряде стран Европы.

В 1414 г. во время пребывания Гуса в Констанце его ученик и последователь Якоубек из Стржибра выступил с идеей причащения мирян под двумя видами, т. е. хлебом и вином, или «телом и кровью господней», как учила католическая церковь³⁵⁹. До этого таким правом пользовалось только духовенство, а миряне причащались только хлебом. Ян Гус, Николай Дрезденский поддерживали эту идею. Лозунг «чаши» в том же году стал претворяться в жизнь сторонниками гусизма и быстро приобрел огромную популярность среди различных слоев чешского населения, как выражение протеста против исключительных привилегий духовенства³⁶⁰. Он был включен затем в состав четырех пражских статей и стал символом гуситского движения.

Жестокая расправа Констанцкого собора с Гусом 6 июля 1415 г. и затем с Иеронимом Пражским в 1416 г.³⁶¹ вызвала бурю негодования в Чехии. Чешские и моравские сословия ответили на расправу с Гусом публичным протестом 452-х от 2 сентября 1415 г.³⁵². Против решения Констанцкого собора, запретившего причащение под двумя видами, выступил Якоубек в специальном трактате. Гуситская часть магистров университета, возглавляемая после смерти Гуса и Иеронима Якоубеком из Стржибра, развернула борьбу в защиту гуситских новшеств против растущего сопротивления сторонников католицизма. В проповедях в Вифлеемской часовне в это время Якоубек защищает важнейшие положения учения Гуса. Он также видит источник всех пороков в среде духовенства, в церкви вообще, в стремлении ее к овладению богатствами³⁶³, осуждает ростовщичество, лихоимство в церкви³⁶⁴. Как и Ян Гус, Якоубек считал, что если священник впадает в смертный грех, то он теряет свои права. Это касается и светских людей. Крестьянство и горожане делали отсюда вывод, что они сами могут не выполнять приказаний панов — светских и церковных — когда они считают их противоречащими Писанию, когда видят своих панов в смертном грехе³⁵⁵. Якоубек тоже полагает, что осуществление преобразования церкви связано главным образом с той позицией, которую займут светские феодалы. Светская власть стоит выше церковной, утверждает он, чем обосновывает пра-

во дворянства отнять светскую власть у церкви³⁶⁶. Он полагает, что выход заключается в том, чтобы короли, князья, паны имели хороших советников, которые будут помогать им в мудром управлении подданными. Якоубек признает учение о трех сословиях, о подданстве и подчинении одних другим. Он также не ставит задачу ликвидации феодальных общественных отношений, а стремится лишь исправить, улучшить их главным образом путем реформы церкви. И он не рассматривает народ в качестве основной движущей силы преобразования общества.

Накануне вооруженного восстания было создано много гуситских песен умеренной и радикальной ориентации. Это песни в защиту «чаши», против осуждения Констанцским собором учения Гуса и расправы с ним и Иеронимом, в защиту важнейших идей Гуса о возвращении церкви ко временам раннего христианства. В народное сектантское движение все более проникает идея неизбежности применения насилия в борьбе с феодально-католическим лагерем, попытавшимся перейти в наступление, которого решительно требовал тогда Сигизмунд Венгерский³⁶⁷. Все ярче проявляются социальные требования широких слоев населения. Уже накануне вооруженного народного восстания начали складываться основные группировки, которые окончательно определяются в ходе гуситских войн. Зародились лагеря гуситский и антигуситский. Среди самих гуситов уже наметились два главных направления — плебейско-крестьянское и бюргерское.

ГЛАВА 3

ПРОГРАММНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ И ТАКТИКА ТАБОРИТОВ

К 1419 г. вся Чехия уже раскололась на два главных лагеря — феодально-католический и гуситский. Никаких данных о количестве участников того или иного лагеря или процентном их соотношении дать, разумеется, нельзя. Однако источники дают возможность получить общее представление о составе этих лагерей и о том, на чьей стороне была основная масса населения. В феодально-католическом лагере объединились чешские паны, высшее духовенство, патрициат городов. Известен целый ряд имен чехов — участников этого лагеря — по материалам сеймов того времени, сводке дарений Сигизмундом собственности его единомышленникам, данным хронистов, переписке современников. В Моравии во главе всех антигуситских сил стоял епископ Ян, прозванный Железным за последовательную борьбу против гуситов. Он выступал против Гуса и его единомышленников еще раньше, в частности, во время деятельности Констанцкого собора³⁶⁸. Один из моравских хронистов-католиков писал о нем позднее: «...был то бесспорно не только епископ, но и подлинный мужественный противник еретиков и рыцарь, с ними же храбро воевал из-за порядков церковных и правды божьей»³⁶⁹.

К феодально-католическому лагерю примкнула и часть низшего дворянства, которое раскололось тогда на сторонников и врагов гуситов. Известно, что некоторые обедневшие дворяне были также и среди таборитов. Нередко члены одной и той же дворянской фамилии находились в противоположных лагерях. Так, например, дворянин Иоганн-младший Виттиганен из Нейхаузера

принадлежал к лагерю феодально-католическому, а Ульрих, по прозвищу Вавак, был гуситом. Вильхартицкая линия также раскололась на две группы: Генрих, приор из Стракониц, был католиком, его брат Иоганн-старший и сын Иоганна—Мейнгардт—были умеренными гуситами³⁷⁰. О таком расхождении внутри некоторых дворянских фамилий сообщает и тогдашний католический писатель Ондржей из Брода³⁷¹.

О позиции патрициата городов мы можем сделать заключение по материалам, касающимся Праги и Кутной Горы. Вавржинец из Бржезовей писал об эмигрантах из Праги в начале гуситского восстания и указывал, что это были представители богатых семей. Накануне первого крестового похода из Праги в Пражский замок, в Вышеград и в другие окрестные крепости переселялись с имуществом богатейшие и главные хозяйства Старой Праги³⁷². Это и были прежде всего патриции столицы, частью дворяне. Враждебность патрициата по отношению к гуситскому движению с полной очевидностью вытекает из его позиции в годы гуситского вооруженного выступления. Город Кутна Гора был, например, оплотом внутренней реакции в Чехии. Патрициат города охотно открыл ворота войскам крестоносцев в период первого крестового похода, поддерживал Сигизмунда в финансовом отношении и т. д.³⁷³.

Феодально-католический лагерь чешской реакции выступал в теснейшей связи с римско-католической курией и крупными светскими феодалами западноевропейских стран: с немецкими, венгерскими князьями и иными. Таким образом, против чешских гуситов единым фронтом выступила внутренняя и европейская феодально-католическая реакция.

К гуситскому лагерю принадлежало тогда подавляющее большинство населения страны. Здесь были все слои крестьянства, городские ремесленники—мастера, подмастерья, ученики, различные группы наемных работников в городах, участвовавшие в строительстве, угольщики (Кутна Гора) и ныне—мелкие и средние торговцы, значительная часть низшего духовенства, многие магистры университета, большая часть среднего и низшего дворянства. Первое время к гуситам примкнули также некоторые паны, которые, однако, быстро поняли, где их настоящее место, и отошли от гусизма. Массу дворянства привлекали, прежде всего, призывы к секуляризации богатств церкви, за счет чего она рассчитывала улуч-

шить свое положение. В то же время классовые интересы дворянства отталкивали его от народа, вынуждали выступать против попыток плебса и крестьянства изменить существующий строй, ликвидировать привилегии сословий и сословное общество вообще.

Естественно, что такие различные по своему социальному, имущественному и правовому положению слои чешского населения, имевшие разные цели в движении, применяли также и особые методы, способы борьбы за реализацию своих планов и требований.

Итак, сторонники гуситства не представляли собою единого целого. Зарождение гуситского лагеря и двух основных направлений в нем началось еще до вооруженного восстания чешского народа. Как мы уже указывали выше, к концу XIV и нач. XV в. более или менее определились общие контуры бюргерского и плебейско-крестьянского направлений. Уже тогда зародились важнейшие программные положения гуситов и наметилась специфика путей и средств, с помощью которых умеренные и радикальные гуситы думали осуществить свои планы. Вместе с тем нельзя не оговориться, что сам факт вооруженного восстания и массовый, народный характер движения внесли существенные коррективы как в социальный состав гуситов, так и в их требования и способы борьбы. Именно в этот решающий момент и определилось подлинное лицо и интересы различных слоев чешского населения. Временные попутчики гуситов отошли теперь в феодально-католический лагерь, где и было их настоящее место.

Только теперь со всей силой и очевидностью проявилось глубокое различие в интересах и методах действий крестьянства, плебса, бюргерства, гуситского дворянства.

Что же представляло собою радикальное, таборитское направление в гусизме? Каков был социальный состав плебейско-крестьянского лагеря таборитов? Й. Мазек привел ценные данные об этом, однако он охарактеризовал состав города Табора, а не таборитского лагеря в целом. На основании «Книги казней панов из Рожмберка» — материалов судебных записей по южной Чехии — он сообщает следующее³⁷⁴: из 590 человек, обвиняющихся в связи с Табором за 1420—1429 гг., к сельскому населению принадлежало 266 человек, или 53,2%, к беднякам — 93 человека, или 18,6%, к городским и сельским ремесленникам — 35 человек, или 7%. Автор

исследования пришел к выводу, что, судя по этим отрывочным данным, социальной основой Табора было сельское население. Два отрывка урбарияльных реестров 1418—1419 гг., относящиеся к владениям Тржебоньского монастыря на юге Чехии, также говорят о социальной структуре Табора. За 1418—1420 гг. в этих местах было брошено крестьянами 19 наделов, из которых 15 имели менее половины лана, т. е. принадлежали к бедным или средним слоям крестьянства. Можно согласиться с предположением И. Мацека, что эти крестьяне, возможно, ушли в Табор, основанный в 1420 г.³⁷⁵ Исследования Р. Цикхарта об исчезнувших поселениях в Таборской области показывают, что 13 деревень, 1 крепость и 2 города исчезли несомненно или (в нескольких случаях) вероятно в связи с возникновением Табора³⁷⁶.

В. Войтишек на основании данных уцелевшей городской книги г. Табора за 1432—1450 гг. отметил преобладание в нем крестьянства и мелких ремесленников и в эти более поздние годы³⁷⁷. Приведенный им перечень ремесел³⁷⁸, распространенных в те годы в Таборе, обслуживавших повседневные потребности широких слоев населения, отсутствие ремесленников, изготавливавших предметы роскоши для магнатов и высшего духовенства, низкие цены городских домов свидетельствуют действительно о демократическом составе жителей Табора.

Многие описательные источники чешского и нечешского происхождения, современные событиям, также указывают, хотя и в общей формулировке, на социальный состав Табора. Нам думается, что, несмотря на меньшую достоверность этого типа источников по сравнению с документальными источниками, все же игнорировать их нельзя. Они подкрепляют общий вывод, что социальной основой Табора были крестьяне и ремесленники. Исключительной важности данные о зарождении таборитства, приведенные в хронике Вавржинца, сообщают о первых массовых сходках гуситов в Бехинской области еще в 1419 г., т. е. там, где несколько позднее народ основал свой революционный центр — город-крепость Табор. Эти сходки вызвали резкое недовольство у католического дворянства. Поэтому «...некоторые из шляхтичей весьма строго под страхом смерти и потери имущества приказали подданным, чтобы больше не осмеливались собираться на гору Табор. Но седлаки со своими женами мало или совсем не обращали внимания на такой приказ», но, оставляя все свое имущество, «...не прекра-

тили ходить на святцы на гору Табор, будучи привлечены и притянуты, как притягивает магнит железо»³⁷⁹. Хронист добавляет, что, по сообщениям астрономов, сочетание Сатурна и других планет и звезд на небе было таково, что обращало мысли простого народа к таким собраниям и «к сопротивлению против своих высших». Если мы вспомним, что хронист принадлежал к зажиточным бюргерам, то можем предположить, что «простым» народом (термин, часто употребляемый автором) автор называл низы городского населения и крестьян, т. е. тех, кто стоял ниже дворян и бюргеров на социальной лестнице средневековья. В походах таборские священники подстрекали земанов и седлаков к боям с панами, называли седлаков тихими братьями своими, писал тот же автор³⁸⁰.

Когда в г. Собеславе табориты начали преследовать священников, служивших церковную службу в орнатах, т. е. в богатых одеждах, последние, напуганные этим, начали покидать город. Тогда табориты, «...бедные седлаки, не имевшие своих священников, должны были бегать за святым причащением на Табор»³⁸¹. 23 апреля 1420 г. «табориты из Градище, собравши множество панношей и седлаков» — сторонников гусизма, напали на Милевский монастырь и сожгли его³⁸². В тот же день по призыву священников табориты, «...собравши множество панношей, седлаков и женщин, приверженцев принятия из чаши» (т. е. причащения под двумя видами—А. О.), провели ряд выступлений против католиков, особенно в Бехинской и Пльзенской областях. Во главе их был Ян Жижка, готовивший все войско, «...а за ним шли всякие седлаки, хотя без оружия, только с цепями, палицами, самострелами и судлицами (копьями.—А. О.) и весьма охотно слушались его»³⁸³.

Косвенные данные о социальном составе Табора дают нам многочисленные указания хронистов на вооружение его отрядов. Так, в мае 1420 г., когда таборские отряды по просьбе пражан двинулись на помощь Праге, они выдержали ночной бой за селом Поржечьем с феодальным отрядом. На вооружении таборитов были самострелы, судлицы, палицы, цепи и ружья. Хронист сообщает, что табориты бросились на врагов со звоном цепов³⁸⁴, т. е. вооружение таборитов было в данном случае типично крестьянским. О рыцарском оружии здесь нет ни слова.

Бывший магистр Пражского университета, эмигрант из Чехии и ярый враг гуситов—Ондржей из Брода пи-

сал о жителях Табора, что «среди них были крестьяне, сапожники, портные, пивовары, воры, поджигатели, грабители и бродяги—короче говоря, были там люди, преисполненные всевозможных пороков, были с ними и женщины...»³⁸⁵. Хотя автор, что для него обычно, не обошелся без клеветы на таборитов, все же совершенно очевидно, что он считал основой Табора крестьянство и ремесленников.

О социальном составе таборитов не раз упоминается в переписке Сигизмунда с крупнейшим магнатом юга Ольдржихом из Рожмберка.

28 октября 1424 г. Сигизмунд в письме О. Рожмберку выражает недовольство соглашением, которое тот был вынужден заключить с гуситами. Неужели пан хочет, писал он, чтобы его «...судили горожане и холопы...» Подчеркивалось также, что население, зависящее от этого феодала, выступало против него вместе с гуситами³⁸⁶. Эта же мысль выражена в другом послании Сигизмунда О. Рожмберку от 23 октября 1426 г., где он выражает недовольство тем, что люди этого пана уходят к таборитам и этим подкрепляют еретиков³⁸⁷. Император Сигизмунд требует от этого магната, «чтобы своим людям воспрепятствовал идти к ним (т. е. к таборитам—А. О.), а тем, кто к ним шли, приказал бы, чтобы возвратились»³⁸⁸. Большой интерес представляет в рассматриваемом вопросе текст другого перемирия таборитов с О. Рожмберком от 13 июля 1430 г.³⁸⁹. В нем прямо сказано: «...люди, которые бы из его владений с нами ходили на войну (т. е. воевали вместе с таборитами против феодально-католического лагеря—А. О.), не должно им этого ни вспоминать или возбранять в соответствии с более ранними соглашениями». По-видимому, речь шла здесь о крестьянах, которые даже в официальных юридических актах того времени назывались этим термином—«люди» (такого-то господина). В письме Вилема из Потштейна и других представителей феодально-католического лагеря Ольдржижу Рожмберку от 26 июля 1422 г. выражается надежда, что он примкнет к ним в борьбе с таборитами, так как последние очень усилились. Отмечается угроза потери всех замков под натиском гуситов и что «люди не хотят больше оставаться на твоих замках». Следует полагать, что в числе этих людей имелись в виду не только солдаты, гарнизон, но и слуги всякого рода и крестьяне этих владений, насильно мобилизованные в войска своего пана.

1 августа 1427 г. Ян из Рожмберка сообщает тому

же пану, что князья войска крестоносцев, находившиеся у г. Стржибра, требуют, чтобы он прервал перемирие с таборитами. Там же сообщается, «что Таборжи имеют наибольшую силу в твоём владении и что люди добровольно идут к ним»³⁹⁰.

В отношении социального состава других таборитских общин мы не располагаем источниками такого типа, как в отношении г. Табора. Мы вынуждены в данном случае ограничиться сообщениями, имеющимися в нарративных источниках. Упомянутый выше хронист Вавржинец сообщает, что уже в 1419 г. на народных сходках на горах евангелистические священники «начали сходиться с людьми обоёго пола из различных областей Чешского королевства, городов и деревень»³⁹¹. Таборитские священники, писал он, призывали всех сторонников гусизма уходить в пять городов для спасения в день Страшного суда, и «этим призывам «многие из простых людей... доверяли, продавали свои владения за дешёвую цену и сбегались к ним из различных областей Чешского королевства и Моравского маркграфства с женами и детьми и клали деньги к ногам тех священников»³⁹². Широкая популярность таборитских идей в народе вытекает отсюда со всей очевидностью. В период, когда Сигизмунд в 1420 г. был в Кутной Горе, в защиту «чаши» собралось «множество крестьян», сторонников причащения чашей, вместе «с углежогам»³⁹³. Об этом сборище народа на горе Ледец сообщает и «Хроника Пражского университета», в которой подчеркивается, что там собрались во множестве различные вилланы обоёго пола вместе с угольщиками. Термин «рустикус», иногда с приложением слова «безоружных», несколько раз упоминается в данном отрывке хроники³⁹⁴. Когда эти гуситы продвигались в г. Табор на юг страны, на них напали отряды королевских войск, «...но седлаки, окруживши себя возами, стреляли в них камнями и стрелами из ружей и самострелов»³⁹⁵. Хотя конных воинов короля приходилось «добрых двенадцать на одного седлака», все же они долго не отваживались напасть «на вооруженных седлаков». В последовавшей затем стычке отряды Сигизмунда были вынуждены с позором отступить и удалиться. Совершенно очевидно, что в данном случае в Табор продвигался отряд, состоявший главным образом из крестьян. Хронист несколько раз употребляет термин «седлаки», пишет о крестьянах-«весничанах». Обычно им употребляется термин «седлаки». Термин «весничане» встречается лишь один раз. Автор хотел по-видимому

подчеркнуть как раз тот факт, что в отряде были все слои крестьянства.

В защиту причащения под двумя видами, пишет далее Вавржинец, собралось близ города Кралова Градца на Кунетицкой горе над Пардубицей в Восточной Чехии «множество седлаков и углежогов» под руководством священника Амброжа³⁹⁶. Эта группа пыталась основать свою самостоятельную общину таборитского типа, но была разогнана феодальными войсками.

Описания сражений и стычек таборитов с феодальными войсками, с крестоносцами также говорят о том, что крестьянство было важнейшей составной частью таборитского лагеря. Когда 12 июня 1420 г. король Сигизмунд попытался прорваться на помощь гарнизону Пражской крепости, «табориты со своими союзниками преследовали его с цепами, самострелами» и иным оружием³⁹⁷. Союзниками в данном случае, как это вытекает из характера вооружения народного отряда, были также отряды плебейско-крестьянского лагеря. Войска пражан не имели цепов на своем вооружении.

Много раз сообщается об активном участии крестьян в таборитских войсках во время первого крупного вторжения войск крестоносцев. Например, 13 июля 1420 г. в период осады Праги крестоносцами на Шпитальском поле «одного рыцаря убили четыре седлака». 14 июля 1420 г. в критический момент боя на Витковой горе (позднее Жиждковой горе), когда отряд рыцарей-крестоносцев почти прорвался в этом месте в Прагу, сюда пришел «священник с таинством тела Христова и за ним около 50 стрельцов и остальные седлаки без оружия, с цепами»³⁹⁸. Следовательно, можно полагать, что этот отряд состоял в основном из крестьян. Известно, что здесь были отряды, приведенные Жиждкой из Табора, и, возможно, другие участники различных таборитских общин. Крестоносцы говорили о том, что они были «поворотно разбиты сельским людом»³⁹⁹.

Сигизмунд, чешские и чужеземные паны сообщали о гуситском войске, а иногда прямо о таборитском, как о войске, состоявшем из простого люда. Во время переговоров с пражанами в 1420 г. Сигизмунд потребовал, чтобы «сельские холопы» отдали ему обратно недавно захваченный ими город Кралов Градец⁴⁰⁰. После сражения войск Сигизмунда с гуситами под Вышеградом он сказал своим шляхтичам, что теперь «...мы должны воевать с седлаками» (имелась в виду преобладающая масса гуситских воинов, так как в данном случае фео-

дальные войска воевали и с отрядами пражан—А. О.). Чешский пан Инржих из Плумлова отвечал ему: «...Мы очень боимся сельских цепов»⁴⁰¹. В последовавшей битве победили гуситы и «седлаки цепами» избивали врагов. Попавшие в плен паны спаслись благодаря этому «от цепов братьев», т. е. таборитов⁴⁰². Очевидно, что и здесь речь идет именно о крестьянстве, поскольку только оно и могло составить отряды цепников. В январе 1421 г. Громадка из Йистебнице, «собрав множество седлаков из таборитского братства», осадил Хотеборж⁴⁰³. В 1421 г., когда отряды Жижки и пражан захватили ряд городов, в том числе и город Чешский Брод, многие немецкие крестоносцы были перебиты цепниками, т. е. пехотинцами, вооруженными обычным крестьянским инвентарем—цепами⁴⁰⁴.

Ондржей из Брода, характеризуя гуситский лагерь в целом, писал: «Поднялся люд дерзкий, неблагодарный и жадный, то есть простой народ и кормящееся войной мелкое дворянство, исполненное ненависти к прелатам и клиру, не признавая дани церкви». Он сообщает о массовом участии плебса и крестьян в гуситском движении⁴⁰⁵. Описывая ереси таборитов, Вавржинец из Бржезовей восклицает, что «простой и слепой народ шел за слепыми вождями»⁴⁰⁶. Он отмечает также крестьянский по преимуществу состав таборитов и в Моравии. В хронике сообщается, что в феврале 1421 г. «...начался новый Табор на одном острове реки Моравы в селе по названию Недакунице близ Стражнице. И те табориты, то есть седлаки, с некоторыми священниками и вместе с панношами, осадивши монастырь Велеград, захватили и сожгли его»⁴⁰⁷.

Массы восставшего крестьянства получали поддержку со стороны плебейских слоев городского населения. Так было в 1425 г., когда отряды таборитов и сирот осадили г. Слан и взяли его «вследствие измены некоторых горожан», как сообщает хронист⁴⁰⁸. Городские ремесленники изготавливали оружие для гуситских отрядов.

О том, что крестьянство являлось и в последующие годы гуситских войн основной силой движения, главным контингентом войск таборитов, мы можем прочесть в высказываниях современников. В 1429 г. в речи, произнесенной в Братиславе перед Сигизмундом, Петр Энглиш несколько раз упоминает, что крестьяне—гуситские войска—успешно бьют крестоносцев⁴⁰⁹.

**
**

На первом этапе гуситского движения (1419—осень

1421 гг.) господствовала идеология хилиазма⁴¹⁰. К тому времени, когда уже созрели предпосылки вооруженного восстания чешского плебса и крестьянства, хилиастические выступления в Чехии заметно расширились, приобретая разнообразную форму: это были проповеди, особенно доступная в то время и широко распространенная форма пропаганды гуситских идей, воззвания, трактаты, из которых, к сожалению, уцелели лишь небольшие отрывки, сатирические и иные народные песни. Несмотря на фрагментарность сохранившихся материалов о хилиазме, они все же позволяют утверждать, что у таборитов зарождалось тогда действительно целостное учение, направленное против всех основ тогдашнего феодального строя. Взгляды таборитов, как это было обычно в средние века, выступают перед нами в религиозной оболочке, которую буржуазные историки выдавали за сущность учения левых гуситов. В действительности же она была только формой, под которой скрывалось радикальнейшее социальное учение в антифеодальном духе. Характеризуя Германию перед Великой крестьянской войной, Ф. Энгельс писал: «...При этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все социальные и политические революционные доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси».⁴¹¹

В борьбе против феодализма вообще и его авангарда—католической церкви—радикальные табориты пользовались оружием, извлеченным из арсенала той же христианской церкви. Вот почему и гуситские хилиасты Чехии широко пользовались прорицаниями, записанными в Библии (в явлении св. Иоанна, в Апокалипсисе). Идеалом провозглашались обновленные и существенно измененные порядки, которые, как полагали гуситы и представители различных сект средневековья, существовали когда-то в раннехристианском обществе. Реакционные чешские историки пытались на этом основании доказать, что идеалы чешских радикальных гуситов обращены были будто бы в прошлое и не ставили своей целью внесение коренных изменений в существующие общественные отношения. Как мы покажем далее, такой тезис не имеет ничего общего с действительностью.

Хилиастические идеи складывались и развивались в напряженной борьбе между двумя основными течениями гусизма. Идея насильственной ликвидации старого

мира особенно четко сложилась в спорах о войне, т. е. о путях, какими будет уничтожено все зло старого общества. Чешские церковные и светские феодалы, не собираясь добровольно отдавать имущество, награбленное у народа, готовились вместе с международной реакцией к наступлению против гуситов. 1 марта 1420 г. папа Мартин V провозгласил против гуситской Чехии кровавый крестовый поход с целью физического истребления сторонников гусизма. Это вынудило гуситов перейти решительно к новым методам борьбы. Именно тогда преодолеваются в основном мирные идеи старого сектанства среди гуситов, и даже бюргерская оппозиция была вынуждена одно время признать в этих исключительных условиях возможность применения оружия против врагов.

Критика существующего феодального строя в учении левого крыла таборитов нашла свое логическое завершение в полном отрицании основ этого строя. Центральная идея таборитов на первом этапе гуситского вооруженного восстания — идея насильственной ликвидации существующего феодального строя и установления нового демократического общества — приняла форму учения о наступлении божьего суда, о последнем судном дне. Основание для этой идеи было найдено в библейских пророчествах Апокалипсиса. О судном дне сообщается в хилиастическом воззвании начала 1420 г.⁴¹² «Братья и сестры в боге наимилейшие!» — взывали проповедники хилиазма. — «Время возмездия и наивысшего суда, предсказанное Христом, апостолами и святыми пророками, уже пришло, о чем свидетельствует целый ряд фактов: многие люди, например, выступают против божьих заповедей и т. д. В другом призыве, относящемся к тому же времени, хилиасты говорили еще определеннее о том, что пришел последний судный день: «Братья в боге наимилейшие. Знайте, что уже приблизился час (час — время — А. О.) наивысшего суда, настал и стоит в дверях»⁴¹³. В этом воззвании повторяется ссылка на Христа, апостолов, пророков, указывается на Апокалипсис.

В первой группе хилиастических статей, сохранных Вавржинцем⁴¹⁴, также говорится о том, что табориты, «извращая писания пророков и Евангелия в соответствии со своим безумным мудрствованием, говорили народу, что уже ныне, в наши дни обновится царство Христово, причем приводили многие различные статьи,

некоторые еретические, иные блудные и весьма многие дурные...» Хронист называл несколько имен наиболее активных сторонников и пропагандистов этой идеи. В их числе молодой священник из Моравии Мартин Гуска, магистр Ян из Ичина, бакалавр Маркольт, священник Коранда и иные. Они собирались у корчмаря Вацлава, знатока Библии, который толковал Новый и Ветхий заветы.

В трактате Яна Пршибрама «Жизнь таборских священников» много времени и места уделено вопросу о том, что будет собою представлять последний судный день в толковании таборитов. Конкретное изложение в трактате начинается именно с характеристики таборитской идеи судного дня. В разделе «О лживом их пророчестве о судном дне» магистр писал⁴¹⁵: «Во-первых, утверждаем и (теперь это) очевидно почти всей стране, что те таборские священники, то есть Микулаш, их чудовищный и ложный епископ, Маркольт, Чапек и Коранда, еретический Мартинек... и все иные их сотоварищи десять лет назад дьявольским побуждением начали пророчествовать, и еретически и ложно проповедовать, писать и провозглашать, что уже в тот год, который был от рождения божьего тысяча четыреста двадцатый, бесспорно будет и должен быть судный день, и это еретически и ложно доказывали писанием». Особенно решительно Пршибрам обвинял в этих хилиастических пророчествах выдающегося таборитского священника Яна Чапека, автора многих трактатов, написанных в хилиастическом духе. Чапек писал: «Час нынешний называется днем возмездия и наказания против тех, кто не хочет принести действительного покаяния»⁴¹⁶. Пршибрам дает свое заключение об этих пророчествах как еретических и предупреждает верующих, чтобы они не доверяли им. Небезынтересно отметить, что в 76 статьях против пикардов, написанных им в 1420 г., он поставил статью о наступлении судного дня лишь 25-й, и до этого подробнейшим образом излагал пикардское учение о причащении. По-видимому, ему самому лишь к 1429 г. стала яснее революционная антифеодалная направленность учения о судном дне, выдвигавшегося таборитами, против чего и было направлено его произведение «Жизнь таборских священников».

В полемической литературе периода первого этапа гуситских войн также постоянны упоминания о хилиастической идее последнего судного дня. Сюда относят-

ся антихилиастические выступления Якоубека из Стржибра⁴¹⁷, хилиастическое воззвание и анонимный трактат хилиастов⁴¹⁸, изданные Ф. М. Бартошем. Несколько раз о таборитском хилиазме упоминает Петр Хельчицкий⁴¹⁹. В «Старых чешских летописях» мы читаем: «Некоторые говорили, что через несколько дней будет судный день»⁴²⁰. Священник Коранда, сообщалось в «Старых чешских летописях», проповедовал, что тогда на людей снизойдет дух божий и что в процессе осуществления божьего суда сложится царство божье. Эти относительно многочисленные упоминания в хилиастической и антихилиастической литературе об идее последнего судного дня для непредубежденного читателя являются вполне достаточными, чтобы сделать вывод о широком распространении идей хилиазма в первые годы гуситского вооруженного восстания.

Большой интерес представляет вопрос о датировке последнего судного дня. Хотя единая и точная дата судного дня в источниках не указывается, но все же очевидно, что повсюду речь шла об этом событии как о ближайшем будущем, причем иногда даже отмечалось, что судный день уже начался. В большинстве сохранившихся источников довольно точно определяется время наступления судного дня. В некоторых из них называется 1420 г. (двадцатые числа февраля—первые дни поста) или сообщается о том, что судный день приблизился, наступает и т. п., как мы это видели в ранних хилиастических произведениях. Петр Хельчицкий, написавший в те дни трактат «О духовной борьбе» (1421 г., по мнению К. Крофты), прямо говорил о том, что их, т. е. хилиастов, сроки прошли⁴²¹. В первом хилиастическом отрывке, приведенном в хронике Вавржинца, было написано: «И говорили, что это будет скоро в (течение) нескольких малых лет, во (время) которых некоторые из нас, которые еще останутся живы, увидят божьих святых, воскресших из мертвых, и между ними магистра Яна Гуса»⁴²². В 72 статьях указывалось, что «это будет скоро, в течение нескольких лет, и этого дождутся многие живые»⁴²³. Здесь уже нет точной датировки последнего судного дня, и он отодвигается на более длительное время по сравнению с данными других хилиастических источников.

Так или иначе, для нас очевидно, что табориты-хилиасты писали и говорили о судном дне, как о насущнейшей задаче своего времени. Это была уже не только

прекрасная мечта о будущем, как это встречалось зачастую в раннем хилиазме, а программа действий на ближайшее время. Данный вывод мы постараемся подтвердить последующим анализом хилиастических программных документов. Мирный хилиазм являлся тогда уже пройденной в основном стадией для подавляющего большинства чешских таборитов.

Что же табориты понимали под судным днем?

Если мы снимем мистическую оболочку, в которую облечены хилиастические воззвания, то убедимся в том, что для таборитов дело шло о реальных земных вещах. Подвергнув резкой критике существующие феодальные институты, идеологи хилиастов делали вывод о необходимости их полной ликвидации вместе с теми, кто возглавлял тогдашнее общество, т. е. вместе с крупными церковными и светскими феодалами. И в этом заключался большой качественный сдвиг, достигнутый в гуситском хилиазме по сравнению с некоторыми умеренными направлениями предшествующего хилиазма. В данном случае шла речь не о крайне абстрактной формулировке тезиса о ликвидации мира зла, как это имело место раньше, а об уничтожении всего феодального строя. Каждое из решающих звеньев феодальной системы называлось конкретно.

Под судным днем разумелось время ликвидации всего злого и дурного, что было в современном таборитам обществе, в том числе и носителей этого зла. Хилиастические источники дают возможность установить в общем, что подразумевалось под «злом» и «дурным», кто имелся в виду, когда шла речь о «грешных» и «дурных» людях. «Дурные», «грешные», «злые» — это, с точки зрения хилиастов, все те, кто противится осуществлению божьих заповедей, т. е. все не гуситы. В 72 статьях против таборитов сообщалось: «теперь есть (у таборитов.—А. О.) дни возмездия и год расплаты, в который погибнут все грешники мира и противники закона божьего, так что никто не останется (из них)»⁴²⁴. Почти также текстуально звучит мысль о последнем судном дне как дне расправы с грешниками и в редакции «Б» данных статей⁴²⁵. В вариантах «А» и «Б» перечислены те семь ударов, от которых погибнут все грешники. В более позднем тексте «С» указано лишь в общей форме, что «...это время есть уже время возмездия и расплаты над злыми людьми мечом или огнем, так что все противники божьих заповедей должны быть

уничтожены мечом или огнем, или умерщвлены как-либо иначе»⁴²⁶. Здесь нет перечня тех ударов, от которых погибнут грешники. Десять лет спустя Пршибрам повторяет, что таборитские священники «сочинили новый обман народу, что все злые должны погибнуть», а избранные остаться в живых⁴²⁷. Пршибрам указывает: священники «...проповедовали неслыханную жестокость, что все злые должны быть перебиты,... что уже есть время возмездия, время резни всех грешных и время божьего гнева и время всякой расплаты, в которое все злые и грешные умрут и погибнут в один день внезапной смертью и только избранные божьи останутся на свете, и к этому лживо приводили многие евангелия»⁴²⁸ (т. е. свидетельства из евангелий.—А. О.). По сути дела об этом же, т. е., что судный день является временем уничтожения злых, было записано и в «Старых летописях». «Те священники (имеются в виду таборитские священники—А. О.) проповедовали, что все грешники должны погибнуть, останутся добрые (люди), и поэтому без всякого милосердия жестоко убивали народ». Как и в хилиастических воззваниях, здесь сообщалось, что «также коварно пророчествовали об убийствах и пожарах, об умерщвлении всех грешных семью ранами»⁴²⁹. В хилиастических произведениях мы находим призыв к уничтожению Праги, как блудного Вавилона, библейские имена Содом, Гоморра, термин «фараон» применительно к чешской действительности. Под Вавилоном и вавилонскими Содомом и Гоморрой разумелись богатые прелаты и светские феодалы, которые вели грешную жизнь. В анонимном трактате термином «фараон» назывались «грешные князья»⁴³⁰.

Если в ранних, дошедших до нас хилиастических воззваниях не указано конкретно, какие социальные элементы общества имелись в виду под «злыми», «грешными» людьми, то они названы в трактате Я. Пршибрама. Вместе с тем данные хроник позволяют пополнить наши сведения о том, против кого и чего выступили хилиасты в первый период гуситского восстания. Пршибрам приводит слова выдающегося таборитского хилиаста Яна Чапека, учившего «простой народ, собравшийся на горах», чтобы они «всех грешников на всем свете перебили без всякой милости и милосердия», «и всех людей, стоящих выше в званиях (т. е. по положению.—А. О.), чтобы склонили и подрезали, как выскочек, и всех (таких) людей сожгли, как стерню, в пе-

чи, и чтобы не оставили ни корня, ни верхушки; также, чтобы их, как снопы, измолотили, кровь из них цедили, умерщвляли смертью и губили скорпионами, и змеями, и хищными зверями»⁴³¹.

Если в приведенном отрывке трактата сказано лишь в общей формулировке о людях, повышенных в званиях, то в последующем изложении в том же трактате дается чрезвычайно важное раскрытие этой категории людей. Пришибрам обвиняет таборитских священников в том, что они «проповедовали и учили, что все паны, паноши и рыцари, как выскочки, должны быть подрезаны и истреблены, и это действительно делали, что их многих убили»⁴³².

Однако хилиасты выступали не только против светских феодалов, но и против высшего духовенства католической церкви: «Далее,—читаем мы в том же трактате,—на погибель всего христианского церковного порядка учили и проводили (в жизнь.—А. О.), чтобы только две должности остались во всем свете, то есть дьякон и священник, а все иные и всякие другие звания и должности чтобы отпали и были уничтожены, как антихристовы установления, как-то папа, патриарх, кардинал, архиепископ и епископ, суффраган, викарый, официальный, фарар (приходский священник.—А. О.), декан,... поддьякон, или субдьякон, лектор,... монашество и опатство (т. е. аббаты.—А. О.)»⁴³³. Здесь совершенно точно показано стремление народа к ликвидации высшего духовенства, как привилегированного слоя в обществе, т. е. отражена борьба таборитов за политическое равенство людей.

Чапек указывал, писал далее магистр, что «те имена являются языческими и требовали, чтобы те наименования, взятые у язычников, сняли и звались только лишь «священники». Небезынтересно напомнить, что в таборитской практике мы действительно не встречаемся с наличием высшего духовенства в таборитских общинах. За все время гуситских войн у таборитов, в самом Таборе, был единственный епископ—Микулаш из Пельгржинова, бакалавр богословия, который был избран старшим священником самими таборитами, а не назначался католической церковью. Из ряда сообщений современников известно, что табориты уничтожали высшее духовенство.

К числу ненужных в обществе, паразитических элементов табориты относили и монашество. По свидетель-

ству Пришибрама⁴³⁴, Вавржинца⁴³⁵ и других хронистов они разрушали, уничтожали и закрывали монастыри, монахов истребляли или распускали с предложением идти работать, как это делают все остальные люди.

Исключительно важен вопрос о том, как же хилиасты мыслили осуществление последнего судного дня?

Еще до вооруженного восстания вокруг этой проблемы шла напряженная внутренняя борьба не только между сформировавшейся бюргерской оппозицией и таборитами, но и среди самих таборитов. Она продолжалась и в последующие годы уже в период вооруженной борьбы народа с феодально-католическим лагерем. Было бы ненужным и неверным преувеличением полагать, что все табориты выступили сразу сторонниками насильственных методов преобразования общества. Против этого говорят факты самой чешской действительности и опыт других феодальных европейских стран. Во-первых, исследователям известны лишь локальные выступления чешского крестьянства в догуситский период и лишь одно небольшое восстание против феодалов, имевшее место в середине XIV в. Крупных массовых восстаний против феодалов в чешских землях в период классического феодализма вплоть до XV в. мы пока не знаем. Во-вторых, хотя до начала гуситского движения произошло довольно много активных выступлений ремесленников в городах, но они были еще оторваны, изолированы от крестьянских волнений того времени. Опыта совместной антифеодальной борьбы еще не было. Кроме того, отрицательное влияние на единство таборитского лагеря имела, вероятно, и сектантская идея создания общин «избранных», которые были известны и прежде в чешских землях. Как известно, общины «избранных» богом людей, в соответствии с представлениями сектантов, стремились к изоляции от дурных, злых людей, т. е. от существующего феодального общества, а не к единству всех угнетенных против угнетателей, что объясняется еще общей незрелостью антифеодального движения. Даже тогда, когда у чешских хилиастов победила идея вооруженной борьбы с феодалами, некоторое время еще остались эти элементы сектантства и многие черты присущей крестьянству раздробленности. И для чешских земель в полной мере правомерно утверждение Ф. Энгельса о том, что «...крестьян, хотя и озлобленных страшным гнетом, все же

трудно было поднять на восстание. Их разобщенность чрезвычайно затрудняла возможность общего соглашения. Действовала долгая, переходившая из поколения к поколению, привычка к подчинению»⁴³⁶...

Думается, что прав Р. Каливода, выделивший специально период фаталистического хилиазма (1415—1419 гг.)⁴³⁷, когда еще не определилась окончательно победа идеи вооруженного восстания в борьбе с мирной тенденцией хилиазма. Первое время гуситы-хилиасты еще не поняли достаточно четко и ясно, каково же их собственное место в процессе осуществления судного дня. Во время судного дня, как полагали тогда табориты, бог своей чудесной силой уничтожит зло и его носителей. «Господь стоит уже в дверях...,—записано в старейшем хилиастическом воззвании,—поэтому весьма усердно бдим, так как не знаем, в какой час третий ангел затрубит в трубу, ...придет в облаках в величии своем и с великой силой и пошлет отряды своих славных ангелов, чтобы изгоняли все дурное из наследства его...» О наступлении этого судного дня, по мнению хилиастов, будут различные предзнаменования. «...Незадолго перед этим, за три часа, перестанут течь живые воды, и солнце потемнеет, а луна станет кровавой, и с неба будут падать звезды, чтобы кто-либо мог стоять, чтобы не упал или не заблудился бы»⁴³⁸. В качестве активной силы, уничтожающей зло и расчищающей дорогу добру, Христос—неземная сила—выступает также и в анонимной квестии: «...уже теперь на кончину света придет Христос в день, который называется днем Господа, чтобы покорил дом мятежный и совершил ему конец и чтобы, исправив церковь, заложил ту славу на землю, (и) придет принять королевство на этом свете и изгнать все дурное и всех», которые совершают несправедливости, «и не допустить в него ничего порочного, ничего, творящего ложь и безобразия»⁴³⁹. Мы соглашаемся с выводом Р. Каливоды, что уже в этих хилиастических источниках можно отметить более «земное» толкование судного дня по сравнению со старым сектантским хилиазмом, представители которого понимали «второе пришествие» как апокалиптический конец света, т. е. как полную гибель всего сущего. Гуситские хилиасты понимали конец света как водораздел между двумя фазами жизни человеческого общества, пишет Каливода⁴⁴⁰. В хилиастической квестии заявлялось: «Концом века называем изменение добрых к лучшему и

уничтожение дурных»⁴⁴¹. Таким образом, целью судного дня должно было быть изменение жизни людей. Фантастика хилиастов теперь резко ограничена и на первый план выделяется рациональное ядро учения, намечается путь к революционному изменению общества.

Однако задачи «верных» богу людей на этом этапе были еще довольно ограничены. Идея активного вмешательства человека в ход событий еще не окончательно победила старую идею пассивного ожидания прихода Христа. Христос дал своим верным приказание, читаемое в первом воззвании хилиастов, «чтобы бежали не только от грехов, но также из окружающей среды злых, сопротивляющихся и неискренних людей, и говорит: бегите к горам, то есть к верным людям...»⁴⁴². Хилиасты призывали бросить свои дома, все имущество и семью, потому что, «если кто оставит дом, братьев, сестер, либо отца или мать, или землю и поле во имя мое (т. е. Христа.—А. О.), получит во сто крат больше и обретет вечную жизнь»⁴⁴³. В таком же духе требование бежать в горы из окружения злых людей выражено и во втором хилиастическом воззвании нач. 1420 г. Термин «горы» употребляется в данном случае символически. Под ним разумелись «верные» люди, то есть в данном случае гуситы. Призыв бежать в горы звучал как сигнал к объединению гуситов всех направлений, к выделению их из числа «грешных», «злых», т. е. не гуситов, всех тех, кто оставался верным католицизму. Его большое положительное значение заключалось в тенденции к консолидации всех сил, оппозиционных по отношению к феодально-католическому лагерю. Однако нельзя не отметить, что в хилиастическом призыве к бегству в горы не было ясно выраженного лозунга активной борьбы с поработителями. Что же должны были делать люди, ушедшие на горы или в пять укрепленных городов? Об этом говорилось так: «...необходимо без промедления собраться, чтобы постились и рыдали за свои и чужие грехи, чтобы молились днем и ночью, взывая к господу богу, чтобы соизволил спасти их во время наивысшего суда»⁴⁴⁴. И в заключительной части воззвания вновь подтверждается суть этого призыва: «...поэтому говорит ныне господь бог: повернитесь в целом сердце своем, в посте, в плаче и в рыдании и сокрушите сердце свое, а не одежды ваши. Обратитесь к господу богу вашему, так как он добрый и милосердный и терпеливый...».

В хилиастических песнях таборитов того времени также содержится призыв к бегству верных на горы, то есть от злых людей и от грехов. Например, в песне «Верные, радуйтесь в божге»⁴⁴⁵. В том же первом воззвании, изданном Ф. Палацким⁴⁴⁶, автор, ссылаясь на св. Исаяю, говорившего, что следует нападать на врагов божьих, на лицемеров, соблазнительей «и препятствующих избранникам божьим», оправдывает идею борьбы против старого общества, но в дальнейшем изложении о ней умалчивается и сообщается лишь о необходимости бегства на горы по завету Христа.

В первой записи хилиастических статей у Вавржинца мы находим уже элементы переплетения двух различных этапов в развитии хилиазма. В настоящий судный день, утверждает в статьях хилиастов, Христос придет тайно, «как злодей», (для того чтобы) обновить новым приходом свое царство. Здесь уже нет явных призывов к плачу, молитвам как пути спасения верующих. Наоборот, имеется в виду насильственное истребление противников божьих заповедей, т. е. не гуситов: «в этот период не будет время милости, но возмездия и оплаты огнем и мечом, так что все противники заповедей Христовых должны погибнуть семью (т. е. от семи.—А. О.) последними ранами, (и) к их исполнению должны быть призваны верующие». Подобно тому, как мы это читаем в 72 статьях, и в данном случае несколько статей подряд развивают этот тезис о насильственной расправе с грешниками, о необходимости для всех верных бежать из городов, сел и замков, об уничтожении всех поселений, населенных дурными людьми⁴⁴⁷.

Смешаны также и два периода в развитии самой идеи насильственной ликвидации старого мира. В одной из статей говорится о том, что «в тот час (во время возмездия) каждый верный и священник, хотя и духовная особа, являются проклятыми, которые воспрепятствуют своему физическому мечу пролить кровь врагов заповедей Христовых; наоборот, и он должен умыть и освятить свои руки их кровью»⁴⁴⁸.

Если в этой статье все верующие, т. е. все гуситы, призываются к активной физической борьбе против феодалов-католиков, то в варианте «С» хилиастических статей представителями карающего бога в судный день названы уже не все гуситы, а только табориты: «...таборские братья в этот час возмездия посланы ангелами, чтобы вывести верных из всех городов, сел и замков на

горы...»⁴⁴⁹. Они являются также войском, посланным от бога целому свету, чтобы устранили все дурное из царства Христова. Правда, здесь упоминалась лишь одна из сторон деятельности таборитов. В варианте «С» хилиастических статей табориты выступают не просто как посланцы ангелов, чтобы спасти остальных верующих, а как непосредственные исполнители воли божьей по ликвидации, физическому истреблению врагов божьих. В первом хилиастическом воззвании упоминается, что господь «пошлет отряды своих славных ангелов» для ликвидации зла, но прямо не было сказано, что здесь имеются в виду гуситы. Это можно лишь предполагать. В более поздних источниках в этот вопрос внесена уже значительная ясность.

Основные хилиастические обращения (воззвания, проповеди и пр.) все более пронизываются теперь идеей активной борьбы против старого феодального порядка и насильственной ликвидации всех его основ. Пункты 2—6, 9 из числа 72 статей хилиастов посвящены кардинальнейшему вопросу о методах, способах ликвидации всего злого, дурного, то есть важнейших феодальных установлений «2. Далее, что уже теперь есть день возмездия и расплаты, в который погибнут все грешники мира и противники божьих заповедей, так что никто не останется, и должны погибнуть огнем и мечом и семью последними ударами (ранами), о которых говорится в 39-й главе Экклезиаста..., т. е. огнем, мечом, голодом, от зубных хищных зверей, скорпионов и гадов, градом и смертью»⁴⁵⁰. Менее подробно эта идея насильственной ликвидации зла описывается в варианте «С», но толкование путей расправы с дурными людьми по существу точно такое же. В статье 3-й об этом сказано так: «...теперь есть уже время возмездия и расплаты над злыми людьми мечом и огнем, так что все противники божьих заповедей должны быть уничтожены мечом или огнем, или умерщвлены как-либо иначе». Очевидно, polemизируя с противниками такой насильственной ликвидации злых, хилиасты говорили теперь о том, что «в нынешний час возмездия нет времени для милосердия и жалости»⁴⁵¹, что «не нужно уподобляться и следовать Христу в проявлении мягкости, кротости и жалости к противникам закона Христова». Наоборот. Нужно следовать ему «в усердии, стремительности, жестокой и справедливой расплате»⁴⁵². В вариантах «А» и «В» антитаборитских статей прямо говорится, что **все верующие** (т. е. гуситы.—А. О.) обязаны **лично** участвовать в

этом физическом истреблении злых людей, т. е. противников гуситов: «...В тот час возмездия проклят каждый верующий, который задержит свой меч, чтобы телесно в собственной особе (т. е. собственноручно.—А. О.) не проливать крови противников закона божьего, но что каждый верующий должен умыть свои руки в крови врагов Христовых»⁴⁵³. Весьма любопытно, что табориты нашли необходимым специально оговориться по поводу священников, «что во время возмездия можно и должно быть дозволено каждому священнику Христову по обычному закону (заповедями.—А. О.) лично воевать, убивать, ранить и умерщвлять грешников материальным мечом или иным военным оружием»⁴⁵⁴. Эта оговорка была вызвана, по-видимому тем, что среди таборитов было много проповедников из числа низшего духовенства, в том числе крупнейших идеологов плебейско-крестьянского лагеря. Естественно, что в процессе ликвидации старого общества им должна была принадлежать активная роль.

Если варианты «А» и «В» статей против хилиастов говорят в общей форме об активном личном участии всех гуситов в процессе вооруженной борьбы с врагами гусизма, так называемыми «злыми» людьми, то составленный несколько позднее текст «С» содержит очень важную конкретизацию в этом отношении. Он прямо называет таборитов как главных исполнителей божьей воли, как ангелов-мстителей, как это сообщается и в первом отрывке о хилиастах в хронике Вавржинца. Именно они и должны расправиться с противниками. Они должны также организовать спасение всех добрых людей: «...братья таборские в тот час возмездия являются ангелами божьими, посланными, чтобы из городов, сел и укреплений вывели добрых на горы»⁴⁵⁵. Та же мысль содержится и в следующей, 14-й статье этого документа. Таборитам должна принадлежать не только организующая и руководящая роль в борьбе за новое общество, но и главная роль в самом вооруженном выступлении против врагов гуситов: «...Братья таборские должны совершать возмездие и наносить раны мечом и огнем божьим неприятелям...»⁴⁵⁶. Я. Пршибрам сообщает о том, что табориты «изображали себя ангелами, которых бог пошлет, чтобы уничтожить все дурное»⁴⁵⁷. «Стали проповедовать и освящать войны нехристианские и из причин злых и негодных, то есть жестоких, свирепых, без всякого милосердия...»⁴⁵⁸. В трактате Пршиб-

брама смешаны те высказывания о последнем судном дне и связи его с актами насилия, что мы встречаем в вариантах «А» и «В» 72 статей, и те, которые несколько позднее были записаны в варианте «С». «...каждый проклят,—писал он о проповедях таборитских священников,—кто задержит свой меч от пролития крови божьих неприятелей, и что благословен каждый, кто оплатит дочери Вавилонской ценой мести...»⁴⁵⁹. Повторяется затем уже встречавшееся нам утверждение, что **каждый добрый христианин** должен участвовать лично в уничтожении зла и его носителей: «...проповедовали и призывали, чтобы все осветили себя убийством грешников, а руки свои искупали и обмывали в их крови и тем, чтобы были благословенны»⁴⁶⁰. Ян Пршибрам в своем трактате говорит, что гуситские священники «проповедовали и обещали народу, что (если) кто из них в этой борьбе умрет или будет убит, в тот же час будет в царстве божьем»⁴⁶¹. Гуситские идеалы и практика поднимались этим самым на огромную высоту и освящались. Вся борьба гуситов против феодально-католического лагеря принимала совершенно иной облик и толковалась как священная война в защиту установлений божьих, хотя по существу имела в виду создание нового общественного строя. Ян Пршибрам называет здесь и несколько имен крупнейших идеологов таборитов тех лет, прежде всего священника Яна Чапека, которого, наряду с другими, он обвиняет в кровавых насилиях, бессмысленном и жестоком пролитии крови. В книжках своих, писал Пршибрам, Чапек «...лживо и еретически приводит многие писания Ветхого завета, ими доказывает все жестокости, устанавливает и требует, чтобы все вели их без раздумья, на каковых книжках, как на первой основе тех войн, он и иные священники основывали свои беспорядочные, нехристианские и жестокие войны, ими же себя оправдывают и защищают...»⁴⁶². В трактате сообщается о личном участии в этой расправе с врагами народа таборитских священников: «Сами священники убивали мечом, копьем, из ружей и сжигали огнем». Таборитские священники «...из-за яростной злости проповедовали и возбраняли, чтобы ни с одними неприятелями перемирие не заключали и с ними в него не вступали, заявляли, что так говорит Писание...»⁴⁶³.

Как известно, Пршибрам стремился оклеветать таборитов и крайне преувеличивал насильственные действия с их стороны в борьбе с феодально-католическим

лагерем. Однако идея насильственной ликвидации старого общества была воспринята основной массой таборитов. Но причины этого гораздо глубже, чем те мотивы, которыми Пршибрам пытается объяснить эту таборитскую тактику. Табориты вовсе не были сторонниками кровопролития, как пишут о них современные событиям католические реакционные летописцы. Предшествующий многовековой опыт антифеодальной борьбы привел их, по крайней мере на время, к выводу, что господствующий феодальный класс не вернет народу добровольно отнятых у него богатств, не откажется от взимания податей и выжимания с народа повинностей. Поэтому признание необходимости методов насилия было в тех исторических условиях значительным шагом вперед по сравнению с предшествующей антифеодальной борьбой плебса и крестьянства. В ходе гуситских войн, особенно в конце их, табориты неоднократно вступали в переговоры с врагами, заключали перемирия и соглашения. Именно они предложили правящим кругам свои требования и охотно пошли бы на мирные переговоры, если бы имели уверенность в том, что такой путь принесет им положительные результаты. Обычная слабая сторона крестьянских движений эпохи феодализма как раз и заключалась в отказе от решительных методов действий против феодалов, в крайней доверчивости народа по отношению к феодалам, в готовности идти на переговоры. Не лишены были этих слабостей и табориты. Однако тот факт, что табориты были в своей борьбе более решительны, свидетельствует о том, что в гуситском движении антифеодальная борьба угнетенных народов Европы поднялась на более высокую ступень, чем это было прежде.

Как табориты представляли себе новое общество на земле?

Новое общество, или, как они полагали, царство божье на земле, хилиасты представляли себе еще в самом общем, неопределенном виде. Разумеется, что на той стадии общественного развития еще невозможно было нарисовать четкую, конкретную картину будущего мира. Однако все же основные стремления народа проявились с совершенно определенной бесспорной тенденцией — в представлениях таборитов новое общество абсолютно не похоже на старое, феодальное. Картина нового мира создавалась хилиастами также не сразу, а постепенно, по мере того, как яснее станови-

лась идея необходимости ликвидации основ старого мира. В первых по времени хилиастических записях мы еще не находим ясного представления о новом, свободном обществе. Главное здесь — призыв к ликвидации старого феодального строя, этой задаче уделено все внимание авторов воззваний и писем хилиастов. В двух хилиастических воззваниях, опубликованных Ф. Палацким⁴⁶⁴, еще ничего не сказано о будущем обществе. Почти ничего нет о нем также в квестии хилиастов⁴⁶⁵. Приведены в нескольких местах слова из Библии о том, что теперь короли будут служить народу, а все его противники погибнут. Бедные вступят в это царство божье, освобожденное от грешников⁴⁶⁶. Новое общество будет устроено по образцу раннехристианского, и люди в нем наделяются даже большими дарами, чем ранние христиане. Те, кто презирался прежде, теперь станут судьями⁴⁶⁷.

Наиболее полно основные черты будущего общества, этого «царства божьего» на земле, охарактеризованы опять-таки в 72 статьях о таборитах, трактате Яна Пршибрама и антихилиастических выступлениях лидеров бюргерской оппозиции. Радикальнейшим образом изменятся в этом обществе отношения собственности. В 14 статье говорится: «...На все частные владения противников закона Христова названные верующие в нынешний час возмездия должны.. нападать и опустошать, отнимать его, сжигать или физически истреблять» каким-либо иным способом⁴⁶⁸. В данном случае имелась в виду возможность двоякого решения вопроса о собственности — уничтожение ее или захват гуситами. Предшествующая 13 статья предусматривает, что должно быть захвачено имущество у всех тех, кто откажется соблюдать четыре требования таборитов. Сами противники таборитов должны быть при этом уничтожены. По существу такое же решение вопроса предполагалось и в более раннем, первом хилиастическом высказывании в хронике Вавржинца: «...Все частные владения противников Христовых заповедей вышеназванные верные братья (т. е. гуситы вообще.—А. О) должны отнимать и опустошать, уничтожать или сжигать»⁴⁶⁹.

Более сжато, но еще категоричнее по форме было сказано о собственности в одной из хилиастических статей: «У врагов божьих всякое имущество должно быть отнято, или сожжено, или испорчено»⁴⁷⁰. Следовательно, здесь имелось в виду поступать двояко в отношении иму-

щества феодалов и церкви—уничтожать его или экспроприровать в пользу гуситов. Вариант «С» хилиастических статей более подробно сообщает о принципах общей собственности, которую стремились установить табориты: «...Каждый город, место, где ступит ваша нога, будет ваше; ибо из-за того малое оставили, чтобы получить многое»⁴⁷¹.

В отличие от хилиастических вариантов «А» и «Б» в данном тексте выдвигалась идея совместной, коллективной собственности в связи с революционной практикой Табора. «...Как на Градище или в Таборе нет ничего моего и ничего твоего, но все вместе поровну имеют, также у всех все и всегда должно быть совместным, и ни один не должен иметь ничего собственного (т. е. отдельного.—А. О.). Если же кто имеет что-либо собственное тот грешит смертельно»⁴⁷². Специальная статья в тех же источниках была направлена против церковной собственности: «Евангелические священники, согласно евангельскому способу (жизни), не могут иметь частные владения, потребные им для жизни и одевания»⁴⁷³.

Если бюргерская оппозиция не ставила открыто вопрос о том, к кому перейдет феодальная собственность и владения патрициата, то хилиасты прямо и откровенно говорили о своих планах. Им нечего было скрывать от народа. Вопрос о том, как будет поступлено с собственностью феодалов, освещен в трактате Пршибрама. Таборитские проповедники говорили народу, писал он, «что седлаки будут владеть всем имуществом злых, что эти избранники божьи, которые бежали на горы, будут сами владеть всем имуществом погубленных злых и всеми владениями свободно владеть и во всех их дединах господствовать и такое изобилие всего будут иметь, что серебро, золото и деньги будут им отвратительны»⁴⁷⁴. В другом месте того же трактата Пршибрам возвращается к толкованию хилиастами вопроса о собственности в новом обществе: «...могут все брать и портить... Говорили и подкрепляли (это) лживыми писаниями, что во время возмездия могут (табориты.—А. О.) все неприятельские владения... отнимать и портить, будь то (захватом) или сожжением, или порчей (и) каким-либо иным способом...»⁴⁷⁵. И здесь мы встречаемся с двумя возможными путями решения вопроса о собственности. Новые владельцы—табориты могут ее уничтожить или захватить в свою пользу⁴⁷⁶.

Интересно сообщение Пршибрама и о том, что в некоторых таборитских общинах были введены общие

кади-бочки. «... И тому бежавшему люду у себя на горах и в городе Писецком (т. е. в городе Писеке.—А. О.) проповедовали и установили, чтобы все братья все складывали вместе и для этого поставили им одну или две кади, которые общины им почти полные насыпали»⁴⁷⁶.

Особый интерес у исследователя вызывают те материалы источников, в которых конкретно освещен вопрос о том, какую же собственность феодалов намеревались захватить табориты. До сих пор в приведенных высказываниях мы встречали таборитские утверждения в общей формулировке, что к ним, таборитам (иногда прямо сказано—к крестьянам, седлакам) должна перейти собственность врагов божьих. Но лишь в нескольких редких случаях указано прямо, о какой собственности идет речь. Хилястические формулировки вопроса о собственности позволяют предполагать, а отдельные их высказывания дают возможность утверждать определенно, что имела в виду собственность недвижимая и, прежде всего, важнейший вид ее в условиях феодализма—земля. В варианте «С» хилястических статей было сказано несколько более конкретно о собственности духовенства: «Священники не могут иметь никаких платежей, ни дедин (наследственные держания, обычно именно земельные.—А. О.), ни скота, ничего частного, кроме того, что из милости было дано, и чтобы светским правом и властью этих вещей держать не могли»⁴⁷⁷.

Если в ранних хилястических документах еще не говорится специально о правах народа на прежние общинные владения—леса, луга, пастбища, рыбные угодья, то в трактате Пршибрама о них сообщается совершенно недвусмысленно. Цитируя одно из сочинений хилястов, он пишет, что хилясты проповедовали, что верные, т. е. гуситы, не только не будут платить чиншей панам, «...но их (панов) дедины, рыбники, луга, леса и все их владения должны быть вам свободны и ни один (пан) не будет... в этом препятствовать»⁴⁷⁸.

Отрывочные данные, сохранившиеся в отношении таборитской практики, могут несколько пополнить наше представление о том, как табориты решали на деле вопрос о собственности на первом этапе гуситского движения. Первое время они действительно уничтожали многие богатства, которые захватывали у сторонников феодально-католического лагеря. Так было, например, при захвате крепостей Седлеца и Раби весной 1420 г. Много имущества светских и духовных феодалов—дорогие

одежды, золото, серебро и драгоценные камни — табориты собрали в одну грудку и сожгли⁴⁷⁹.

По-видимому, первое время, когда хилиастические идеи преобладали в радикальном гусизме, идея ликвидации частной собственности была широко распространена. Однако уже в самом начале крестьянской войны мы все чаще и чаще встречаемся с фактами захвата таборитами имущества «врагов божьих». Так, уже привязки города Усти они отобрали в свою собственность имущество бежавших представителей феодально-католического лагеря⁴⁸⁰. После прихода таборитов в Прагу в мае 1420 г. из города бежали многие враги гуситов. Все их имущество было обращено в собственность городской общины⁴⁸¹. Правда, конфискованное имущество захватили пражские бюргеры, но здесь не уничтожали богатств, захваченных у врагов, за редким исключением, хотя в столице были также сторонники радикального таборитства. 26 июня 1420 г. члены Кунетицкой общины во главе со священником Амброжием, захватив город Градец и в нем большие богатства феодально-католических элементов, имущество их между собою разделили, а дома их роздали тем, кто стоял за «правду закона божьего»⁴⁸². Так же поступили табориты Большого Табора, захватившие 30 июня 1420 г. много богатства у отрядов Ольдржиха Рожмберкского. Они увезли его в город Табор и разделили между всеми членами общины⁴⁸³. В приведенных мною данных нет более точной характеристики собственности, захваченной таборитами у противника. Речь идет, по-видимому, главным образом о собственности движимой в ее различных формах: драгоценностях, золоте и серебре, дорогих одеждах. Но не они составляли тогда основу феодальной экономики. Почти нигде не упоминается, к сожалению, о том, как же табориты поступали с землей — главным средством производства и основным богатством в те времена. В общей формулировке об изменениях в отношении собственности говорит Пршибрам: «Владения духовенства отнимали и мирянам раздавали. Поместья—земли духовенства, дарованные верными христианами для расширения службы божьей;... те скаречно, из-за жадности отнимали и кому хотели, мирянам, помощникам своим, раздавали»⁴⁸⁴. И в другом месте трактата он еще раз сообщает о таборитах, что «всякое имущество, города, села и замки, и королевские доходы, платежи, дани и повинности насилем и жестокостью занимали, и замки, города и платежи (т. е. до-

ходные статьи.—А. О.) у кого хотели брали и кому хотели раздавали...»⁴⁸⁵. Пршибрам пытался доказать, что такая таборитская практика противоречит нормам христианского учения: если апостолы, писал он, выдвигали идеал бедности, то табориты «из бедных седлаков и пахарей панов и епископов и князей насилием сотворили и власть и чужую собственность» захватили»⁴⁸⁶. При всей враждебности Пршибрама к хилиастам его сообщение о коренном изменении положения восставшего народа, прежде всего, крестьянства, заслуживает полного доверия. Оно подтверждается тем, что табориты в течение многих последующих лет продолжали с оружием в руках мужественно защищать отвоеванную свободу и свое добро, отобранное у феодалов. В «Старых чешских летописях» отмечалось также, что гуситские священники раздают кому вздумается чужое имущество. «Сперва было загублено имущество духовенства, затем панские владения»⁴⁸⁷. Имелся в виду именно захват собственности у прежних владельцев и передача ее гуситам. Там же авторы летописей продолжали, что гуситы «имущество чужое берут... и крепко держат у себя чужое добро»⁴⁸⁸.

При всем нашем критическом отношении к источникам, вышедшим из враждебного гуситам феодально-католического лагеря, мы можем в данном случае привлечь и их данные по рассматриваемому вопросу. Небезынтересно, что в ряде современных хроник сообщается также о том, что гуситы, а иногда сказано и точнее—табориты стремятся к общей собственности, отнимают добро у церкви и светских панов. Так, например, еще 16 сентября 1421 г. магистр Конрад писал в лагерь крестоносцев, спрашивая, почему они не выступают против таборитов, «которые утверждают, что все должно быть общее, которые все государственные связи уничтожают для освобождения крестьян-чиншевиков от какой бы то ни было, даже совсем умеренной зависимости»⁴⁸⁹. О стремлении таборитов к общности имущества писал и Э. Виндек, у которого мы читаем: «Гуситы говорили, что все добро должно быть общим»⁴⁹⁰, что никто не должен иметь своей личной собственности и имущество должно быть разделено поровну между всеми. Это очень нравилось бедным, заключал хронист. Хотя автор не различает умеренных и радикальных гуситов в данной формулировке, однако, как известно, только табориты ставили так вопрос о собственности. Но основная мысль о том, что в гусизме опасна для феодалов сама постанов-

ка вопроса о феодальной собственности, уловлена Виндеком правильно. В таком же духе писал о таборитах Эней Сильвий: они хотят жить по обычаям ранней церкви и «все держат (т. е. владеют.—А. О.) сообща»⁴⁹¹. В «Старых чешских летописях» и у врага гуситов Энея Сильвия Пикколомини очень важно для нас сообщение о том, что гуситами захватывались владения не только церкви, что было главным, но и крупных светских феодалов. Э. Сильвий писал о таборитах, что они «поместья знати и монастырей захватывают»⁴⁹². О том, что гуситы захватывали богатства и светских феодалов, писали также и Ондřej из Брода⁴⁹³, эмигрант и враг гуситов, и Людольф Заханьский в трактате о гуситах⁴⁹⁴. Следовательно, таборитская практика говорит, о том, что народ отказывался от аскетического принципа бедности. начинал верить в возможность действительного улучшения своего положения здесь, на земле.

Коренные изменения в отношении собственности и средств производства, которые намечали табориты и пытались практически осуществить, логически были связаны с вопросом о социальных порядках в будущем обществе. Конечно, и в этой области мы не имеем какой-либо детальной картины, тщательно разработанных планов, но сохранившиеся высказывания таборитов и их противников все же дают общее представление по данному вопросу. Имелась в виду ликвидация внеэкономического принуждения, которое было основой феодальной системы. Составители 72 статей против таборитов писали, как представляли себе радикальные гуситы социальные отношения в будущем свободном обществе: «...вышеназванном царстве... прекратятся (т. е. перестанут существовать.—А. О.) всякие княжества и светское господство»⁴⁹⁵. Авторы далее добавляли: «Это ересь и обман простых людей», показывая этим самым, что такое толкование проблемы в интересах широких слоев народа было им чуждым. Более определенно об этом записано в варианте «С» хилиастических статей: «В тот час не будет на земле ни одного царствования или господства, ни подданства, и всякие уроки и платежи прекратятся, и ни один другого не будет к чему-либо принуждать, так как все будет равно братьями и сестрами». По утверждению Пршибрама, таборитские священники говорили крестьянам, что те не

будут платить панам уроков и не будут их подданными⁴⁹⁷.

В «Старых чешских летописях» сообщалось: «Также говорили, что все должны быть одинаково братья между собою, и чтобы панов не было, и чтобы один другому не был поддан, и отсюда взяли себе имя «братья»; и что уже не будет податей и уроков, и не будет никого, кто бы принуждал к этому»⁴⁹⁸.

Идея ликвидации классов и сословий, социального и правового неравенства, выдвигавшаяся лучшими сынами чешского народа, приводила в бешенство идеологов феодально-католического лагеря, как чехов, так и чужеземцев. Немецкий хронист аббат Иоганн Регенсбургский с ненавистью писал, что еретики в Чехии пытаются уничтожить всякое господство⁴⁹⁹. Штепан Палеч в своем произведении, направленном против гуситских предложений польскому королю, сообщал, что гуситы «хотят, чтобы все были равны» и один другому «не был поддан»⁵⁰⁰.

Совсем по-иному предполагалось в новом обществе и решение вопроса о повинностях и налогах с народа. В первом хилиастическом отрывке, приведенном Вавржинцем, указывалось, что в ...«царстве, обновленном таким образом» при втором пришествии Христа, «...не будет... податей» и «обдирания бедноты»⁵⁰¹, т. е. повинности и платежи всякого рода отвергались вообще. Затем приводились в доказательство справедливости хилиастических пожеланий слова пророка Исаии из Библии о том, что «не будет сборщиков податей, прекратятся платежи»⁵⁰². Та же мысль содержится и в 72 статьях, хотя и в несколько иной редакции: «В вышеназванном царстве странствующих людей, которое продлится вплоть до всеобщего воскресения из мертвых, задолго перед этим прекратится всякое обирание бедноты и уничтожатся платежи»⁵⁰³.

В тексте статей варианта «С» утверждалось также в общей формулировке, что «всякие уроки (чинши.— А. О.) и платежи прекратятся»⁵⁰⁴. В варианте «С» содержится очень интересная дополнительная статья, касающаяся плебейско-крестьянской бедноты в целом: «...должники, бежавшие на горы или в пять ...названных городов, будут уже освобождены от уплаты долгов»⁵⁰⁵. Я. Пришибрам излагал таборитские планы, наиболее близкие в данном случае к варианту «С» хилиастических статей: «Седлаки не будут более платить податей. Говорили и проповедовали, что (далее следует цитата

из утеранных произведений хилиастов.—А. О.) уже уроков (т. е. чиншей.—А. О.) своим панам платить больше не будете и быть им подданными...»⁵⁰⁶. Ссылались на Библию, говоря: «В те дни прекратятся подати и не будет доходов». В таком же духе изображалось будущее общество и в «Старых чешских летописях»: «...уже прекратятся подати, урок, и не будет никого, кто бы принуждал к этому»⁵⁰⁷. Латинский продолжатель хрониста Пулкавы сообщал, что в новом обществе крестьяне не обязаны платить чинш господину и десятину плебану»⁵⁰⁸. Следовательно, здесь прямо говорилось о требовании отмены церковной десятины, что выдвигали и умеренные гуситы.

В хилиастических статьях упоминается возможность того, что паны, панози, рыцари или другие представители господствующих феодальных сословий примкнут к хилиастам и примут основы их учения, то есть по существу своему и положению перестанут быть феодалами. В этом сказывалась политическая незрелость, обычная доверчивость и иллюзии в отношении своих врагов, присущие крестьянству. Однако предполагалось, точнее говоря, даже прямо указывалось, что эти люди действительно примут таборитские требования и будут выполнять их. Только многие столетия борьбы, тяжелый, горький опыт целого ряда поколений, огромная разъяснительная деятельность партии пролетариата и союз с ним помогли крестьянству в дальнейшем избавиться от иллюзии такого рода.

Социально-экономические требования таборитов, рассмотренные нами, говорят о том, что они (табориты) стремились к ликвидации феодального строя в целом: они хотели решительным образом экспроприировать феодальную собственность и передать ее трудовым слоям общества. Табориты боролись за ликвидацию деления общества на классы и сословия и пытались практически это осуществить. Вместе с тем отвергался институт подданства, связанные с ним феодальные повинности и всякого рода платежи помещикам и феодальному государству.

Программные требования таборитов и практика таборитских общин представляют исключительный интерес при изучении вопроса о том, как развивалась и что представляла собою идея равенства в эпоху средневековья. Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали, что идея равенства является исторической катего-

рий. «Таким образом, представление о равенстве само оказывается историческим продуктом, для выработки которого необходима вся предшествующая история, и которое, следовательно, не существовало как вечная истина»⁵⁰⁹, — указывал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге». В феодальной Европе в условиях развития производительных сил в городе и деревне, с ростом городов и товарного производства также возникает и выдвигается идея равенства. Следовательно, возникновение ее было связано с важнейшими экономическими преобразованиями, которое переживало тогда развивавшееся феодальное общество. Идея равенства выдвигалась и защищалась в те времена как городским бюргерством, так и массой крестьянства и плебсом. Она затрагивала область отношений собственности, что ярко выразилось в борьбе народа против крупной церковной и светской собственности. Она лежала в основе крестьянских требований возврата общинных угодий, словом, идея равенства пронизывала всю сферу имущественных, социальных и правовых отношений. Энгельс говорит об этом так: «Требование освобождения от феодальных пут и установления правового равенства путем устранения феодального неравенства, поставленное экономическим прогрессивным обществом в порядок дня, должно было само собою принять вскоре более широкий характер. Если его выдвигали в интересах промышленности и торговли, то того же равноправия приходилось требовать для огромной массы крестьян, которые находились на всех ступенях холопской зависимости, вплоть до полного крепостного состояния, и которые отдавали безвозмездно значительную часть своего рабочего времени своему благородному феодальному сеньору, а кроме того, должны были платить бесчисленные налоги в пользу его и государства. С другой стороны, должно было возникнуть требование уничтожения феодальных преимуществ, об отмене свободы дворянства от налогов и политических привилегий отдельных сословий»⁵¹⁰.

Вместе с тем классики марксизма-ленинизма подчеркивали те существеннейшие отличия, которые в вопросе о равенстве отличали позицию бюргерства и низшего дворянства от позиции плебса и крестьянства. Ко времени гуситских войн крестьянско-плебейская ересь отделилась от бюргерской оппозиции совершенно отчетливо. Плебейско-крестьянская ересь «шла неизмеримо дальше» ереси бюргерской. «Она требовала восстановления раннехристианского равенства в отношениях

между членами религиозной общины, а также признания этого равенства в качестве нормы и для светского мира. Из «равенства сынов божьих» она выводила гражданское равенство и уже тогда отчасти даже равенство имуществ. Уравнение дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, оброков, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий — вот те требования, которые выдвигались с большей или меньшей определенностью как необходимые выводы из учения раннего христианства»⁵¹¹. Характерно, что Энгельс говорит здесь о такого рода требованиях как о широко развитом явлении в те времена и наряду с Чехией упоминает при этом Англию времен восстания Уота Тайлера.

В гуситской Чехии идея равенства выдвигалась прежде всего крестьянством, особенно его бедными и средними слоями, и городской беднотой. Зажиточные свободные крестьяне юридически относились к третьему сословию, хотя фактически в то время также почти не имели никаких реальных прав. 72 антиаборитских статьи говорят о том, что идея равенства пронизывала в требованиях таборитского лагеря все области экономических, социальных и правовых отношений. Идея равенства в условиях классического феодализма, когда еще не назрели задачи буржуазной революции, отсутствовали классы буржуазного общества — буржуазия и пролетариат, — носила специфический характер. «Требование равенства имеет в устах пролетариата двойное значение,» — писал Ф. Энгельс. — Или оно, как при самом зарождении его, например, во время крестьянской войны, — естественная инстинктивная реакция против вопиющего социального неравенства, против контраста богатых и бедных, господ и рабов, обжор и голодных: как таковое оно только выражение революционного инстинкта»⁵¹². Именно в таком духе и следует рассматривать требование равенства у таборитов. Оно еще не было и не могло быть плодом зрелой политической теории, что станет возможным лишь в гораздо более позднее время. Сама идея равенства у таборитов была еще крайне нечеткой, неоформленной. Она являлась результатом главным образом стихийного протеста народа против социального неравенства, типичного для классового общества. Несмотря на незрелость, нечеткость, идея равенства и в том виде была весьма прогрессивной и борьба за ее реализацию принесла существенные положи-

тельные результаты. Она сыграла огромную мобилизующую роль в антифеодальном движении чешского народа. Именно эта идея встречала такой сочувственный отклик у трудовых слоев общества в соседних с Чехией странах. В. И. Ленин указывал, что «Идея равенства — самая революционная идея в борьбе со старым порядком абсолютизма вообще и старым крепостническим, крупнопоместным землевладением в особенности. Идея равенства законна и прогрессивна у мелкого буржуа-крестьянина, поскольку она выражает борьбу с неравенством феодальным, крепостническим»⁵¹³. Та же мысль высказана В. И. Лениным и в статье «Сила и слабость русской революции»: «При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю является идея равенства...»⁵¹⁴.

Осуществление уравнительных идей, выдвигавшихся в тех исторических условиях чешскими таборитами, не могло еще привести к установлению подлинного равенства всех людей в экономическом, социальном, правовом отношениях. Для этого не было еще необходимых объективных и субъективных предпосылок.

Касаясь объективного смысла крестьянского требования равенства, Ф. Энгельс писал, что оно было «...предвосхищением современных буржуазных отношений»⁵¹⁵. В «Анти-Дюринге» он указывал на рост городов, как одну из необходимых предпосылок для выдвижения лозунга равенства в средние века: «Благодаря росту городов и вызванному им усилению более или менее развитых элементов как буржуазии, так и пролетариата, опять должно было выдвигаться требование равенства как условие буржуазного существования...»⁵¹⁶.

Эту сторону идеи равенства в тех исторических условиях много раз напоминал нам В. И. Ленин. Он писал, что «...идея равенства есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач», «...равенство мелких производителей является условием самого широкого, полного, свободного и быстрого развития капиталистического сельского хозяйства»⁵¹⁷. Если борьба таборитов за экономическое, социальное и правовое равенство и не могла тогда привести к непосредственной победе буржуазных отношений, если неблагоприятные внутренние и внешние обстоятельства не дали в Чехии возможности уже тогда зародиться новым, более прогрессивным буржуазным отношениям, то в этом не было вины чешского народа.

Его мужественная борьба принесла тогда временное улучшение положения крестьянина как непосредственного производителя, способствовала значительному экономическому и политическому подъему городов, подъему национальной чешской культуры.

**
**

Важнейшие требования были выдвинуты таборитами на первом этапе гуситского движения и в области государства и права. Рассмотрим первоначально, как ставился хилиастами вопрос о государстве.

В наиболее ранних хилиастических воззваниях, как мы уже отметили выше, нет характеристики будущего общества. Следовательно, нет и ответа на вопрос, предполагалось ли установление новых форм государственных отношений, сохранение государства вообще. В первом упоминании о хилиастах у Вавржинца содержатся краткие данные по рассматриваемому вопросу. Имелся в виду приход Христа в период гибели мира и отмечалось, что в это время «прекратятся короли, князья и все церковные прелаты..., и все королевства под небом будут отданы им» (т. е. таборитам.—А. О.)⁵¹⁸. В общей сжатой формулировке, но здесь все же изложена мысль о том, что существующие феодальные монархии должны погибнуть. Вместе с тем здесь содержится и положение о том, что власть в новом обществе должна перейти к народу. Идея народовластия выражена и в других хилиастических материалах, например, в анонимном трактате⁵¹⁹.

Наиболее полно отрицание монархической власти во всем тогдашнем обществе, в том числе и в Чехии, проявляется в статьях о хилиастах.

Этот вопрос поставлен в них в общем тезисе в тесной связи с требованием ликвидации всяких повинностей и податей: «22. В вышеназванном царстве странствующих людей, которое продлится вплоть до всеобщего воскресения из мертвых, задолго перед этим... (следует цитата из произведения хилиастов.—А. О.) прекратится всякое ограбление бедноты и уничтожатся подати и прекратятся всякие княжества и светское господство» (подчеркнуто нами.—А. О.)⁵²⁰. В следующей статье говорится конкретно о королевской власти: «23.... Ныне не дозволено верующим в том царстве избирать себе верного короля для отмщения злым, но и к славе добрых...» Следовательно, в принципе отрицалась королевская власть вообще, а не только династия Люксембургов, правившая в то время в Чехии. Статья содержала вмес-

те с тем и развитие высказанного выше положения. На место прежней королевской власти табориты стремились утвердить власть самого трудового народа. Поэтому они заявляли, что «царствовать будет сам господь», но не непосредственно, а с помощью народа: «и царствование будет передано народу страны». Сохраняя в данном случае религиозную мотивировку своих пожеланий, хилиасты все же прямо говорили о том, что новая власть должна быть в руках народа. Расшифровывая это понятие, они заявляли, что власть будет отныне в руках тех, кто прежде представлял собою «пыль», «грязь» феодального общества, т. е. самые низшие его слои. Очевидно, в данном случае можно говорить о том, что имелось в виду подлинное народовластие, власть трудового населения тогдашнего общества, т. е. прежде всего крестьянства и массы горожан-ремесленников и наемных работников.

Примерно так же звучат данные статьи в варианте «Б», где они также разделены на два самостоятельных пункта (ст. 46, 47)⁵²¹. В варианте «С» о новом порядке организации власти в обществе говорится в трех статьях, но по существу то же, что и в двух других вариантах, лишь с некоторыми редакционными изменениями. В статье 27 также сообщается, что Христос должен спуститься на землю, «чтобы принять королевство здесь на земле». В 30 статье указывается, что «уже ни один король не должен избираться на земле, так как будет царствовать сам Христос»⁵²². И в 39 статье о ненужности королевской власти сообщается в связи с некоторыми другими важнейшими признаками, характеризующими новое общество: «В тот час не будет на земле ни одного царствования, или господства, ни подданства»⁵²³. Как и в других вариантах хилиастических статей, речь идет здесь не только о Чехии, она даже не называется, а о человеческом обществе в целом. Однако в данной редакции нет специальной оговорки, что Христос передаст эту власть в обществе самому народу.

Более подробно по рассматриваемому вопросу высказался Ян Пршибрам. Им подтверждается положение, выдвинутое в 72 статьях о том, что впредь люди не должны иметь королевской власти вообще. «Далее проповедовали, что не подобает уже иметь короля и выбирать его, так как сам бог хочет царствовать над народом, а управление должно быть дано обычному люду (т. е. простому народу.—А. О.) и это потому делали и против тех, кто говорил (т. е. выступал.—А. О.) за главу

(т.е. за наличие короля.—А. О.) и за порядок в стране, чтобы не иметь препятствий и быть свободными в своих делах». В другом месте трактата вновь ставится рассматриваемый вопрос и опять подчеркивается, что теперь будет управлять миром сам Христос и народ: «О царствовании избранных на тысячу лет. Те избранные божьи будут с господом Христом видимо и осязаемо царствовать на свете за тысячу лет». Дополнение о том, что это новое царство божье на земле будет очень длительным, содержится также и во всех вариантах 72 статей и является выражением надежды чешских хилиастов на возможность реального установления такого общественного строя. В отдельном разделе трактата Пришибрама⁵²⁴, в том числе в параграфе «о подчинении королям и панам», говорится о стремлении хилиастов внести исправления в существующие установления Библии; в «закон божий». Поскольку не предполагалось сохранение в дальнейшем королевской власти, должна была рухнуть и идея подчинения одних людей другим, в том числе и подчинение королям. Табориты считали, что в новом обществе будут установлены и совершенно иные правовые нормы. В ряде хилиастических документов содержится призыв к уничтожению старого феодального права. Главный удар и здесь табориты направляли против церкви. В 36 статье основного источника о хилиастах прямо говорилось в отношении духовенства, что оно не должно иметь частных владений, и к этому добавлялось: поэтому «...городское право было у них совсем отнято и взято»⁵²⁵. Отвергалось особое каноническое право: «...Учили и провозглашали, что уже всякое писаное право и организованные установления святой церкви, любой давности и пользования и подтвержденные святыми и христианскими соборами..., их же отец небесный не создавал, и как людские измышления должны быть уничтожены...»⁵²⁶ Правда, содержание данной статьи значительно шире вопроса, который мы сейчас рассматриваем. В ней имеется в виду не только особое церковное право, но и церковные установления в целом. Однако она включает и каноническое право как один из главных элементов феодального права. Наряду с отрицанием особого церковного права, отвергалось прежнее светское феодальное право в его различных формах. Наиболее полно о ликвидации его сказано опять-таки в трактате Яна Пришибрама «...Всякое королевское и светское право должно быть уничтожено. Далее пропо-

ведовали, что всякое княжеское, земанское (т. е. дворянское.—А. О.), и городское, и сельское право, которое когда-либо устанавливалось, как людское измышление, а не божеское установление, должно быть разрушено»⁵²⁷. Очевидно, что и в данном случае ссылка на бога понадобилась лишь для того, чтобы солиднее обосновать одно из важнейших антифеодальных требований таборитов. Городское право тогда было составлено в интересах феодалов и патрициата. Оно не обеспечивало в должной мере интересов даже бюргерства. Так как в крупных городах было засилье немецкого патрициата, то требование отмены городского права являлось в то же время и выражением национальных устремлений чешского народа. Понятно поэтому, почему плебс требовал ликвидации такого права. Опыт общины Табора свидетельствует о том, что табориты практически отменили в своих поселениях старое феодальное право. Фактически установилось на время полное правовое равенство всех таборитов без различия их социального происхождения, что идеологи восставшего народа трактовали как осуществление «божественного» права.

Любопытно, что во время крестьянской войны особым преследованиям со стороны гуситов подвергались пражские юристы, поскольку они были обычно носителями норм феодального права, так ненавистного народу. В «Отрывках из рифмованной чешской хроники» сообщалось: «...Есть молва (слух.—А. О.) бить противников божьих, законников»⁵²⁸.

Когда читатель знакомится с хилиастическими источниками, он не может не поражаться высокому гуманизму тех самых таборитов, о которых реакционные современники и буржуазные историки писали как об ищадях ада, как о насильниках, разбойниках и пр. Значительное место среди 72 статей уделено тому, как должно измениться в будущем обществе положение женщины. Конечно, и в этой области было бы неверно искать для того времени какой-то глубоко продуманной, стройной системы взглядов, но и то, что дошло до нас, вызывает восхищение и чувство глубокого уважения к лучшим людям таборитского лагеря.

Пять статей этого источника касаются непосредственно вопроса о положении женщины в новом, «божьем» царстве. Несколько статей говорят о том, что будут облегчены роды женщины, и они станут безболезненными⁵²⁹. Две статьи говорят о правовом положении женщин и об освобождении их от слепого безоговорочного подчи-

нения мужчине, мужу в семье. «...В царстве странствующей церкви жены не обязаны повиноваться воле своих мужей...»⁵³⁰. Более того, «...женам в тот час возмездия уже дозволено отделиться и даже уйти от своих мужей, хотя бы и верных (т. е. гуситов.—А. О.), хотя бы и против их воли, и от своих детей и своих жилищ на телесные горы или в пять городов»⁵³¹. Разумеется, благонамеренный бюргер Вавржинец категорически отвергал все эти статьи и классифицировал их как ересь.

Данные хронистов говорят о том, что в жизни таборитских общин женщина заняла значительное место, которое очень во многом отличалось от ее прежнего положения. Мы уже видели, что в Таборе мужчины и женщины называли друг друга «братьями» и «сестрами»⁵³². Известно, что среди таборитских отрядов, пришедших на помощь пражанам в период первого крестового похода, было много женщин⁵³³. Некоторые факты говорят о непосредственном участии женщин в военных операциях, например, во время осады Праги крестоносцами в 1420 г.⁵³⁴. Женщина получила возможность изучать вместе с мужчиной «священное» писание, что категорически запрещалось католической церковью. Девочки могли посещать таборитские школы наряду с мальчиками, чего также не было прежде⁵³⁵.

К большому сожалению, кроме этих данных, мы не имеем более полных сведений по другим важнейшим вопросам, например, какое место заняла женщина у таборитов в процессе производства, что, как известно, является главным условием для ее раскрепощения. Мы можем лишь предполагать, что и здесь ее роль повысилась. Однако среди «старших», «гетманов» и «консулов» имена женщин нам по-прежнему не встречаются.

**
*

Характеристику основных идей чешских хилиастов следует подкрепить данными о таборитской практике в первый, хилиастический период гуситского революционного движения. Даже сравнительно неполные сведения об организации жизни в Таборе и других таборитских общинах, о деятельности таборитов в стране в целом, их борьбе с феодально-католическим лагерем и крестоносцами говорят, во-первых, о том, что таборитская практика на первом этапе движения соответствовала в основном теоретическим положениям таборитов, а не противоречила им. Во-вторых (и это главное), как правильно указали современные чехословацкие историки государства и права⁵³⁶ и историки вообще⁵³⁷, табориты

вовсе не были только разрушителями (тезис И. Пекаржа⁵³⁸ и других представителей реакционной буржуазной историографии), но и созидателями нового.

Что представляли собою ранние таборитские общины и центр революционного движения народа — Табор?

Начиная с первых шагов движения и до конца его, табориты имели несколько общин, сохранявших зачастую организационную самостоятельность: это община Градиште, собственно Табор, на юге Чехии; община на горе Ореб у Гогенбрука под руководством священника Амброжия; община на горе Беранек у Воцика; община у Захчастина, у Пльзеня и др. Вполне вероятно, что о некоторых общинах, особенно тех, которые быстро распались, до нас вообще не дошли сведения. Многие из них возникали стихийно. О возникновении общин таборитов Вавржинец писал: «Потом в это же время (весна 1420 г. — А. О.) в Градецкой области на одной горе у Тржебеховиц, которую называли Ореб, собралось великое множество светского народа из-за пана Гинки, звавшегося Кручина из Кумбурка, и священника и особенно из-за Амброжия из Градце...»⁵³⁹. О другом объединении таборитского типа тот же хронист сообщал: «Затем в то время в начале месяца мая (1420 г.) собрались в Пльзенской области на одной горе Ходы, и их вождем был один священник на коне и вооруженный»⁵⁴⁰. Во время вторжения крестоносцев в Чехию и их похода на Прагу из разных районов страны пришло «...войско из нескольких тысяч из областей Жатецкой, Лоунской и Сланской, гетманами которых были некоторые храбрые земане., и старший из их священников магистр Петр, по прозвищу Шпичка, на помощь пражанам для защиты закона божьего со святостями тела божьего и возами, конными и многими женщинами...»⁵⁴¹. Очевидно, что хронист рассматривает таборитские отряды из этих областей, как самостоятельные общины в организационном отношении.

Некоторые общины восставшего народа так и не смогли организовать в прочное целое и быстро распались вследствие вооруженного выступления против них феодальной реакции и, возможно, по другим причинам. Например, в период, когда Сигизмунд был в Кутной Горе (июнь 1420 г.), «...собралось иное множество крестьян, сторонников причащения из чаши, с углежогами на одной горе между Ледчи и замком Липницей на защиту правды причащения из чаши, и вследствие этого на Горских (т. е. на жителей Кутной Горы. Конечно,

это касалось в действительности лишь привилегированных и богатых жителей города.—А. О.) напал немалый страх». Обещаниями различных уступок кутногорская верхушка расколола собравшихся, и часть углежогов отошла от движения. Тогда остальные повстанцы двинулись «к собратьям на Табор или Градиште». По пути на них напал отряд феодалов. Вожак повстанцев, священник Петр из Ледче, был убит, и тогда эти «светские люди (т. е. миряне.—А. О.), рассеявшиеся, как овцы без пастуха, вернулись домой»⁵⁴². Ведущую роль в течение всего периода вооруженного народного восстания против феодалов играла община Табор, возникшая несколько раньше других, указанных нами, таборитских объединений⁵⁴³.

Какова была структура таборитских общин?

В состав таборитских общин принимались все те, кто готов был жить «по божьим» законам (т. е. по гуситским.—А. О.), бороться за требования, выдвигавшиеся таборитами, и выполнять те установления, которые были приняты в общинах. Таборитом мог быть не только каждый чех, принимавший указанные требования, но и любой чужеземец, без различия пола, возраста, социального происхождения и положения. Не случайно поэтому таборитские общины, и в основном сам Табор, сделались притягательными центрами для всех антифеодальных элементов Европы, и в них были представители многих национальностей различных европейских стран. Эней Сильвий вынужден был отметить это обстоятельство даже в середине XV в., когда он побывал в Таборе⁵⁴⁴: «Там находятся николаиты, арриане, несториане, манихеи, армяне, беренгари, пауперес де Лугдуно; однако особенно много среди них находится вальденсов...» Он упоминает в числе жителей Табора бежавшего из Польши еретика Иоганна Галета. «Здесь столько ересей, сколько голов, и есть свобода верить, кто чему хочет», — писал он⁵⁴⁵.

Таборитские города и сельские общины были во всех районах Чехии. Крупнейшими опорными пунктами таборитства были: на востоке—Колин, Часлав, Градец Кралове, Хрудим; на юге—Табор, Воднян, Писек; на западе—Слани, Жатец, Лоуни, Клатови. Области юга были главным районом распространения таборитства, о чем свидетельствуют многочисленные сообщения о войнах таборитов с паном Ольдржихом Рожмберком и другие данные. В ходе борьбы с феодально-католическим лагерем был создан таборитский революционный союз с уча-

ствием городов Писека, Прахатице, Сушице, Хораждовиц, Клатови, Домажлиц⁵⁴⁸. До осени 1422 г. все таборитские общины признавали главенство общины Градиште, т. е. Табора.

Все таборитские общины возглавлялись гетманами, консулами и старшими, которые избирались жителями данной общины. Среди самих гетманов табориты различали тех, кто стоял во главе всех таборитских общин, т. е. таборитского союза в целом, и гетманов, возглавлявших отдельные общины. Уже в 1420 г. стала совершенно очевидной необходимость иметь военных руководителей—гетманов. Ожесточенная и непрерывная борьба против феодально-католических сил, частые военные столкновения с королевскими отрядами требовали создания военной организации. В это время появляется первый таборитский воинский устав. Выделились опытные и преданные делу воины. В первые дни апреля 1420 года таборитские общины избрали себе четырех гетманов. В хрониках их называли «справцы», «капитаны» таборитских общин, «главные гетманы». Первыми гетманами были выходцы из низшего дворянства—Микулаш из Гуси, Ян Жижка, Збынек Быховец, Хвал из Маховиц. После смерти Микулаша из Гуси четвертого гетмана табориты уже не выбирали. Среди указанных лиц первое место занимал Микулаш из Гуси, второе—Ян Жижка, третье—Быховец, четвертое—Хвал Маховицкий. В такой строгой последовательности они перечислялись в грамотах. После смерти Микулаша из Гуси 23 декабря 1420 г. первое место среди гетманов занимал Ян Жижка. Гетманы не только свободно избирались таборитами, но и могли смещаться ими. С таким фактом мы встретимся позднее. Особенно известны были среди указанных гетманов Микулаш из Гуси, советник короля Вацлава в период до гуситских войн, и Ян Жижка—выдающийся полководец и политический деятель таборитов, убежденный сторонник идеи единства гуситов и пламенный чешский патриот. Позднее крупнейшим таборитским гетманом являлся Прокл Великий.

Гетманы таборитских общин не были обычно только «вояками», как их изображала буржуазная историография. Они были в действительности и военными организаторами, полководцами и в то же время нередко выдающимися политическими деятелями, как, например, Микулаш из Гуси, Ян Жижка, Прокл Великий. Они принимали активное участие в постановке и решении важнейших политических вопросов, позднее выступали

на гуситских сеймах, принимали участие в переговорах с противниками, энергично боролись за осуществление таборитских планов преобразования современного им общества. Гетманы же заключали всякого рода договоры и соглашения вместе со «старшими»—руководителями общин. Так, например, 11 июня 1420 г. Ян Жижка, старшие от имени общин Табора, Домажлиц, Клатови, Сушиц, Писека и др. заявили о том, что они признают Зигмунта Корибутовича наместником великого князя литовского Витольда в чешских землях⁵⁴⁷.

Сам город Табор делился на четыре части. По мнению Г. Томана⁵⁴⁸, в Таборе собралось четыре группы войск и поэтому было избрано четыре гетмана. Каждый из гетманов руководил в Таборе непосредственно людьми своей четверти.

Гражданскими делами в таборитских общинах руководили «старшие» и консулы, выбиравшиеся зачастую из числа низших священников, игравших значительную роль в качестве идейных руководителей таборитства. Священникам принадлежало решающее слово при введении религиозных реформ. Функции «старших» были очень многообразны. Вместе с гетманами они подписывали все таборитские документы, договоры от лица общины, хотя их подписи ставились после имен гетманов. По мере необходимости они вместе с консулами, где были таковые, собирали народные собрания членов общины. Решения принимались простым большинством голосов. Вместе с гетманами старшие имели право созывать войска в чрезвычайных случаях.

В городах таборитского союза имелись свои гетманы, которые также свободно избирались и могли переизбираться членами общины. Такие гетманы были в Клатови, Прахатицах, Писеке, Сушице, Домажлице и других общинах. В завоеванных городах табориты назначали гетманов сами. Так, например, взяв в сентябре 1420 г. Ломницу, табориты назначили гетманом города пана Рогача из Дуба⁵⁴⁹. Когда в Прагу в период первого крестового похода пришли отряды из Табора и других таборитских общин, они совместно с пражанами сместили старых и поставили новых консулов. «Потом в те же дни сошлись Таборитские, Жатецкие, Лоунские и Оребские с Пражской общиной, сместили тогдашних консулов как Старого, так и Нового города и установили новых»⁵⁵⁰.

В городах сохранялось свое гражданское управление, выбирались консулы. Гетманы и здесь не должны были вмешиваться во внутренние гражданские дела общины.

Известно, что таборитские города и сельские общины, братства заключали между собою договоры, что свидетельствовало о стремлении внести в движение организованность, объединить все революционные силы.¹ К сожалению, тексты таборитских договоров такого рода не сохранились.

Пршибрам писал о больших фактических правах, которыми пользовались таборитские священники: они «ссаживают и сажают консулов, гонят и изгоняют из городов кого хотят, и кого хотят принимают в города по своей воле;... кого хотят, сажают гетманами и на иные должности, а кого хотят, того ссадят⁵⁵¹... Хотя Пршибрам из ненависти к идеологам таборитства явно преувеличивал в данном случае, но все же роль священников у таборитов была весьма значительна.

Даже эти небольшие данные о политической организации таборитов говорят о том, что в Таборе и других таборитских общинах практически были отвергнуты не только старые социальные отношения, но и все прежние феодальные нормы права. Старое право, как бы оно ни называлось—земским, панским, городским, немецким, языческим, было ими категорически отвергнуто. Новые нормы отношений между людьми табориты искренне считали воплощением «божественного» права, которое они противопоставляли старому феодальному праву. Отвергались все старые феодальные политические институты, всякого рода чиновники, сборщики налогов. Вместо них в тех городах, где известно установление общих кадей (Табор, Писек, Водняны), народ избирал по одному человеку, ответственному за сохранение и распределение коллективных богатств общины.

Нельзя не указать попутно, что в течение последующих лет гуситских войн, несмотря на поражение хилиастов во внутренней борьбе среди гуситов, сохранились также выборные органы власти и фактически существовал республиканский порядок. Табориты не только теоретически отвергали власть королей, но и практически не признали права Сигизмунда на чешскую корону. Как указал З. Неедлы⁵⁵², было создано на время государство принципиально нового типа, общество, основанное на народовластии. И в этом отношении, как и в вопросе о собственности, табориты шли много дальше, чем бургерская оппозиция. Новая республиканская организация общества соответствовала тем социальным отношениям, бесклассовому обществу, к которому стремились табориты-хилиасты. Следовательно, и в этом отношении та-

боритами был сделан значительный шаг вперед по сравнению со многими антифеодальными движениями того времени. Известно, что, как правило, крестьянство средневековья выступало под знаком царистских иллюзий. Так было в восстании Уота Тайлера в Англии в 1381 г. в более поздних восстаниях в России—в движении С. Разина, Е. Пугачева.

Не случайно Ф. Энгельс подчеркнул, что «у таборитов уже тогда под теократической оболочкой выступает даже республиканская тенденция, получившая дальнейшее развитие в конце XV и нач. XVI в. у представителей плебеев в Германии⁵⁵³.

Как теоретические положения хилиастов, так и их революционная практика свидетельствовали о том, что в своих стремлениях к новому они вышли не только за пределы тогдашнего феодального, но и будущего буржуазного общества, зачатков которого в чешских землях еще не было. Ф. Энгельс писал, что плебейская часть общества «...уже тогда не могла ограничиться одной только борьбой против феодализма и привилегированных горожан; почему она, по крайней мере в мечтах, должна была выйти даже за пределы едва только нарождавшегося тогда современного буржуазного общества; ...она, не имея никакой собственности, должна была уже подвергнуть сомнению учреждения, представления и взгляды, которые были свойственны всем, покоящимся на классовых противоречиях общественным формам»⁵⁵⁴. В конкретных условиях чешской действительности осуществление хилиастической программы тогда не было возможным, поскольку для этого не было еще необходимых предпосылок. Несмотря на то, что планы хилиастов остались тогда неосуществленными, именно их энергичная антифеодальная борьба и попытки создания нового общества и принесли наиболее положительные реальные результаты. Важнейшие положительные итоги гуситского движения завоеваны главным образом плебейско-крестьянским лагерем таборитов.

Крестьянско-плебейская война в Чехии выступала в религиозной оболочке. Но под ней скрывались реальные социально-экономические и политические требования народа. Ф. Энгельс указывал, что «...все массовые движения средних веков выступали всегда в религиозном облачении, являясь как бы восстановлением раннего

христианства, 'его спасением от наступившего вырождения, но всякий раз за религиозной экзальтацией скрывались очень осязательные мирские интересы. Ярче всего это обнаружилось в организации богемских таборитов под руководством достославной памяти Яна Жижки»⁵⁵⁵.

В начале формирования гуситских лагерей вопросы, религиозные по внешности, выступали на первый план. Еще до вооруженного народного восстания бургерская оппозиция обвиняла таборитов в чрезмерных новшествах в религиозной области. 28 сентября 1418 г. магистры совместно с пражским духовенством приняли 23 статьи, направленные против таборитов, в которых тщательно рассматривали все эти новшества, опровергали и отрицали их⁵⁵⁶. Еще во время собраний на горах народные массы говорили о необходимости коренных преобразований существующей католической церкви. Как мы уже видели выше, табориты требовали, в духе учения Яна Гуса, отнять у церкви собственность и светское право. Наряду с этим поставлены были и все остальные важнейшие проблемы, связанные с критикой католической церкви. В развернутом виде основные требования таборитов в области преобразования церкви содержатся в 14 статьях, включенных в хронику Вавржинца, и в хилиастических источниках. Они свидетельствуют о том, что табориты отвергали по существу католическую церковь и думали о создании новой, реформированной церкви, которая, с их точки зрения, отвечала бы интересам, потребностям широких народных масс. Уже здесь было сказано, что источником истины является Библия и все, что написано учеными богословами, всякие установления, появившиеся в церкви позднее, не должны соблюдаться⁵⁵⁷. Несколько статей касались церковных обрядов и также содержали тенденцию к всемерному упрощению их⁵⁵⁸.

Как и в других разделах программных требований таборитов, так и в рассматриваемом нами в данный момент все высказывания идеологов радикальных гуситов можно разделить условно на две части: в одной содержится критика порядков католической церкви, в другой—дается картина идеальной, реформированной церкви. При ознакомлении с таборитским учением о церкви бросается в глаза прежде всего то обстоятельство, что таборитами были поставлены многие важнейшие проблемы, которые затем в развернутом виде и в масштабе всей Европы будут выдвигаться реформацией XVI в.

Так же, как это было сформулировано в учении Д. Уиклифа, незадолго до гуситского движения, затем в произведениях Гуса, табориты выдвинули тезис о том, что источником истины является только Библия.

В 53 хилиастической статье говорится: «...Верующие не должны держать (т. е. придерживаясь.—А. О.) ни одной вещи (т. е. ничего.—А. О.), а только тех, которые ясно высказаны и содержатся в каноне Библии»⁵⁵⁹. Бесспорно, что табориты отвергали этим самым все важнейшие установления, созданные в католической церкви в период ее формирования и упрочения как церкви феодальной, господствующей. Они выступили решительно против всякого рода церковных преданий, что было одним из кардинальнейших вопросов европейской реформации XVI в.

В 56 статье о таборитах было записано: «... Не должно сохранять декреты обычной (т. е. римско-католической.—А. О.) церкви и установления святых Отцов от Духа святого как законные, потому что необходимо иметь достаточно (доказательств) в установлениях, высказанных в Евангелии»⁵⁶⁰. Предшествующая статья отвергает все установления католической церкви, как выдумку человеческую, которые, следовательно, не обладают никакой божественной силой: «...Все людские установления и церковные обычаи, какие бы то ни было похвальные и полезные, должны быть безусловно устранены и вырваны, как плевелы из пшеницы»⁵⁶¹. Эти статьи означали, что подвергался сомнению не только авторитет отдельных докторов церкви, но и решения церковных соборов и декреты папы, что вело по существу к полному отрицанию значения римско-католической церкви и ее норм. В отличие от Гуса и представителей бюргерской оппозиции периода гуситских войн хилиастами отвергались произведения всякого рода ученых богословов, которыми церковь подкрепляла свои феодальные привилегированные позиции. В статье 57 было сказано: «Грамоты, учения и сборники проповедей святых докторов, признанных первоначальной церковью..., как Дионисия, Оригена, Киприана, Яна Златоуста, Иеронима, Августина, Григория и иных, верующие не должны читать и учиться у них и привлекать к подтверждению смысла Писания»⁵⁶². Это положение содержится во всех вариантах анитаборитских статей и в трактате Пришамбра. В первом хилиастическом отрывке в хронике Вавржинца по этому поводу было записано: «Ничего из написанного или сказанного каким-либо доктором (име-

ются в виду доктора богословия.—А. О.) не обязаны соблюдать или вообще им верить, но только тем, которые определенно содержатся в канонах Библии, потому что все книги таковых учителей являются хитростями Антихристовыми и потому должны быть отвергнуты, уничтожены или сожжены»⁵⁶³.

В духе кардинального пересмотра рассматривалось таборитами учение католической церкви о семи таинствах, вопрос об обрядах, об организации самой церкви, о церкви как учреждении. Большинство таинств римско-католической церкви табориты отвергали вообще. Полностью отрицался заупокойный культ в связи с тем, что не признавалось учение церкви о чистилище: «69. ...абсолютно не следует никаким способом признавать или как-либо доказывать в потусторонней жизни очистительный огонь (для) душ, выходящих из тела». 70. «...Верующим абсолютно не следует совершать за мертвых, пусть за кого бы то ни было, никаких ходатайств, молитв и милостынь, как недозволенные»⁵⁶⁴.

Пршибрам подтверждает это отрицание чистилища и заупокойного культа: «Далее, проповедовали и установили, чтобы христиане не верили в очищение душ верных на том свете, браня его (чистилище.—А. О.) многими способами..., проповедовали и проводили, что верные христиане не должны просить бога за те души умерших, и ни молитвами, ни подаваниями не помогать им...»⁵⁶⁵.

Коренным образом менялся характер некоторых церковных «таинств» в таборитском толковании и практике. Не отрицая необходимости исповеди, радикальные табориты считали, что она вовсе не должна быть тайной, и превращали ее в публичное покаяние провинившихся в чем-либо людей перед самими верующими. Мистический характер исповеди при этом терялся. В одной из антитаборитских статей сказано: «Далее, утверждают, что верующие никогда (и) никаким способом не должны уважать и сохранять тайных исповедей»⁵⁶⁶.

Отвергались посты и иные действия за греховные проступки (статья 62).

Более десяти статей того же источника посвящено вопросу о причащении. В духе учения Якоубека-Гуса табориты признавали необходимость причащения и, в отличие от католической церкви, считали, что каждый верующий имеет право причащаться под двумя видами, т. е. хлебом и вином, символизирующими тело и кровь господню, как учила церковь. У гуситов всех направлений требование причащения под двумя видами было

принято в числе четырех пражских статей, являясь одним из важнейших. Объясняется это тем, что в предгуситское время только католическое духовенство имело право причащаться под двумя видами, а все миряне, светские люди, причащались только освященным хлебом. Подлинно верующие люди, а такие составляли тогда еще абсолютное большинство, полагали, что вследствие такого ограничения они не полностью очищаются от грехов во время причащения и находятся в неполноправном положении по сравнению с духовенством. Требование причащения под двумя видами было направлено против исключительных привилегий духовенства и, являясь поэтому формой протеста против монопольного права священников, приобрело такую большую популярность и значение. Если мы вспомним, что причащение являлось важнейшим из семи «таинств», которые были установлены догматами, то станет понятным, что отказ от католического учения о причащении вел к подрыву авторитета церкви в целом.

Так же, как и Уиклиф, Гус и Якоубек, табориты считали, что священник, виновный в смертном грехе (т. е. в разврате, пьянстве, симонии и пр.), теряет свои особые права, перестает быть посредником между богом и людьми, представителем бога на земле. У таких священников должно было отниматься и право на совершение каких-либо других таинств (статья 43), церковной службы вообще. В статье 41 указывалось: «...Ни один священник, который находится в каком-либо смертном грехе, не имеет власти от бога отпускать (грехи) или крестить»⁵⁶⁷. Следовательно, и здесь наносился удар особым привилегиям духовенства и на него распространялись требования, которые предъявлялись ко всем мирянам. Вместе с тем радикальные гуситы выдвигали свое учение о сущности причащения, о чем мы скажем ниже в иной связи.

Табориты отвергали учение церкви о культе святых, о поклонении реликвиям, иконам. Признавая христианскую обедню—мессу, они вносили в ее организацию и содержание крупнейшие изменения, коренным образом менявшие ее сущность. Священники, служившие мессе, не должны были одевать для того нарядных и богатых одежд. В одной из 72 статей говорилось: «...Нарядная одежда (церковные облачения.—А. О.), заведенная к святым мессам, введенная и установленная (в отличие) от первоначальной церкви—еще не грешной,—это есть одежда ерегическая, и поэтому (она) должна быть

использована на пиджаки светских людей и на иные, не относящиеся к церкви, потребности»⁵⁶⁸.

Стремление духовенства отделиться от мирян даже в своем внешнем виде было осуждено и в следующей, 38 статье: «...Все, кто служат мессу в орнатах (специальных церковных облачениях.—А. О.), хотя и с исключением излишеств и роскоши и с тонзурами⁵⁶⁹, есть наряженные проститутки»⁵⁷⁰.

Поэтому не случайно Ян Пришибрам пришел к выводу, что табориты «...почти все христианские таинства чудовищно изуродовали и святой порядок, принадлежащий тем таинствам (т. е. обряды, которыми они сопровождались.—А. О.), в целом изменили, как будто бы он злой и антихристский, опозорили и над ним надругались,... и изрекли, что не хотят сохранять обычаев римской церкви и в соблюдении всех таинств»⁵⁷¹. И далее: «Писали в одном своем установлении, что обычаев и божьей службы римской церкви соблюдать не намерены».

Если мы напомним, о чем сказано выше, т. е., что табориты категорически отвергали необходимость церковной иерархии и признавали лишь рядовых священников, что они сами имели за все время гуситских войн только одного выборного епископа, то станет понятным, что их учение было направлено против основ католической церкви. Осуществление их планов в области реформации должно было привести, в частности, и к созданию новой, дешевой и демократической церкви. К такому выводу нас приводит и рассмотрение данных об организации церковной службы в таборитских общинах.

Как и Ян Гус, табориты исходили из того, что образцом в области преобразования церкви является раннехристианская церковь, хотя они в то же время утверждали, что новое общество, т. е. «царство божье» на земле, будет значительно более совершенным, чем первоначальное христианское. В духе учения Уиклифа и Гуса они утверждали, что «святая церковь»—это не только папы и кардиналы и прочее высшее духовенство. В Рудницком катехизисе таборитов содержалось по этому поводу заключение большой важности, что «святая церковь»—это есть «собрание всех избранных к спасению»⁵⁷², т. е. «всех подлинных христиан», и что, следовательно, высшее духовенство может и не оказаться в числе этих избранных. И здесь, таким образом, монополия духовенства категорически отвергалась и широкие права предоставлялись всем верующим, в том числе и простому люду, т. е. всем гуситам.

В самом начале главы мы привели уже ряд иллюстраций, подтверждающих требование таборитов, чтобы церковь не имела собственности и светской власти. В таборитских общинах духовенство действительно не имело никакой недвижимой собственности. Грань между мирянами и священниками рушилась, поскольку у духовенства были отняты его прежние огромные привилегии.

Сравнивая порядки, установленные бюргерской оппозицией в церковных обычаях и нормах, с теми, что имелись тогда у таборитов, Вавржинец писал: «Таборитские священники, избегая людских установлений, ходили бородатыми и без выбритой тонзуры, в серых одеждах (т. е. в простых, а не в орнатах.—А. О.), ...производили богослужение без орнаментов...». Хлеб и вино для обряда причащения они не освящали «по церковным обычаям», но раздавали нарезанными кусками «либо разломанные руками», а вино давали не в специальных сосудах, а «в каких-либо чашах — оловянных, железных, глиняных или деревянных»⁵⁷³. Автор хроники был явно против таких порядков. Ему также крайне не нравилось то, что у таборитов «не было разделения между мирянами и священниками», что «сразу же быстро распространился в королевстве и чужих странах ужасный слух, что... в Чешском королевстве богослужение совершают сапожники и портные...»⁵⁷⁴. Действительно, известно, что табориты практически воплощали в своих общинах радикально толковавшийся ими тезис о свободной проповеди слова божьего. Они считали, что каждый мирянин, хорошо знающий Библию, может толковать ее всем остальным верующим, с тем же успехом, а может быть и лучше, чем священник. В Таборе известны случаи, когда бывшие священники стали заниматься ремеслом, а прежний ремесленник, хорошо знавший Библию, стал священником по поручению общины.

Демократический характер таборитской церкви проявлялся также и в том, что табориты считали возможным произносить проповеди в любом месте: в сараях, амбарах, домах, на станах и т. д. (статья 4, вариант «А»). Они отвергали платность всех церковных обрядов, необходимость специальной церковной обстановки при их выполнении, например при обряде крещения, крестили детей в любом речном потоке, как сообщали современники. Это напоминает другие средневековые народные ереси.

Отвергая богатую церковь и все, что было связано с ней, табориты пытались практически осуществить прин-

цип дешевой церкви. Они уничтожали золотую и серебряную церковную утварь, сжигали иконы, снимая с них драгоценные украшения, и пр. «Чаши же с дароносицами и иными серебряными церковными драгоценностями разбивали и продавали золотых дел мастерам..., остатки святых изымали из дароносиц и алтарей и, как ничего не стоящий предмет, разбрасывали их по углам. Равным образом из той же закоснелости брали священные одежды, предназначенные для богослужения, из касулей⁵⁷⁵ и ряс давали делать, к большому огорчению, пиджаки или рукава пиджаков, из алб⁵⁷⁶—рубашки или иную будничную одежду, или нижнее белье. Таким образом, седлаки были одеты в королевские одежды, в коготорой бы не осмелились ходить их отцы»⁵⁷⁷.

Дорогая церковная утварь, одежды, церковные колокола шли на самые различные повседневные нужды таборитских общин. «...Когда не хватало денег, давали солдатам (имеются в виду вообще воины, служившие в таборитских отрядах.—А. О.) за их службу одежду беглецов (т. е. сторонников феодально-католического лагеря.—А. О.) и дорогое церковное облачение»⁵⁷⁸. «...И из церковных чаш и дароносиц чеканили монету, чтобы иметь, на что могли бы с успехом обороняться»⁵⁷⁹. На военные цели общин нередко шли церковные колокола. «...В монастырях св. Франтишка и св. Якуба делали гоуфницы (род пушек.—А. О.) и пращ с военным снаряжением»⁵⁸⁰. Пршибрам писал, что табориты «повсюду отнимали колокола, ...церковные колокола, которые были задорого беднотой куплены,... сбили»⁵⁸¹. Возможно, что в данном случае они пошли на литье пушек. Как известно, артиллерия у таборитов занимала уже значительное место.

Большой интерес вызывает отношение таборитов к монастырям и монашеству. Табориты, в духе учения Гуса, «...провозглашали, что монастыри являются разбойничьими вертепами и что (они) были основаны вопреки заповедям Христа. И поэтому верующие должны все монастыри, пусть подаренные (т. е. дарованные в пользу церкви.—А. О.), пусть нищенствующих монахов, до основания разрушать и уничтожать, чтобы монахи и братия шли по всему свету проповедовать Евангелие»⁵⁸²,—писал Вавржинец из Бржезовей. Особый интерес представляет сводка того же хрониста о монастырях, уничтоженных в первый период гуситского движения. «Согласно этому ложному выводу,—продолжал Вавржинец свое описание,—за время одного года и затем

были разрушены и сожжены ниженаписанные монастыри и их названия записаны по порядку: монастыри монахов имущих (в отличие от нищенствующих орденов.— А. О.)—Картоузы, Страхов, Бржевнов, Девы Марии у моста, Здераз, св. Амброжия, Збраслава, Коруна, Милевско, Непомук, Остров, Постолопрты, Желив, Мнихове Градиште, Кладрубы, Седлец, Опатовицы, Вилемов, Градиште; монастыри нищенствующих монахов —св. Томаша, Святого Климента, на Ботичи, на Травничку, два в Жатце, два в Усти, один в Писеке, один в Клатовах, один в Туренове, один в Колине, один в Нимбурке. Монастыри монашек—в Лоуновицах, между Жатцем и св. Катерины в Праге, св. Анны в Малом городе пражском, св. Марии Магдалины, Хотешов, Доксаны. Эти монастыри имущих монахов и монахинь были разрушены»⁵⁸³. Мы позволили себе привести этот подробный перечень потому, что он говорит об очень широких масштабах антиклерикального движения в то время в Чехии, равногo которому не было тогда нигде. Им была схвачена буквально вся страна. Активное участие в иконоборческом движении принимали не только таборитские общины, но и умеренные гуситы, особенно в первое время, хотя и далеко не в таких размерах. Вавржинец, Пршибрам и другие представители умеренного гусизма относятся к массовому разрушению монастырей таборитами в общем уже отрицательно, хотя и представители бюргерской оппозиции критиковали монашество за паразитический образ жизни. Они хотели сохранить монастыри как испытанное и мощное оружие для обмана масс, удержания их в покорности. Об этом же свидетельствует и общий вывод умеренных гуситов о направлении таборитской реформации церкви. «...таборитские всжди и священники, придерживающиеся содержания вышеназванных пунктов, начали отвергать весь церковный порядок и все установления святых отцов о совершении богослужения...»⁵⁸⁴.

Подводя итог этому разделу, нельзя не отметить еще одного важного обстоятельства: новая таборитская церковь должна была являться церковью национальной. Хилястические источники, к большому нашему сожалению, содержат лишь незначительный материал по поводу национальных устремлений таборитов. В известной мере он касается как раз церкви. Таборитские священники служили обедню один раз в день, но на родном языке. До и после обедни табориты пели духовные песни также на родном чешском языке. «...Все церковное

пение, как, например, на вечерах, на мессах, на заутренях, позорят многочисленным хулением... и только чешские песни, которые сами сложили, те хвалят, соблюдают и сохраняют»⁵⁸⁵.

Вавржинец вынужден был отметить, что, разрушая монастыри вообще, табориты все же учитывали интересы нечешского населения своих общин. Так, например, они «...монастырь же св. Духа (в Праге) даровали немцам, чтобы там слушали слово божье на своем языке»⁵⁸⁶. Следовательно, табориты были сторонниками равноправия различных народностей и в языковом отношении, что заметно отличало их от бюргерской оппозиции, которая в основной своей массе не лишена была шовинистических настроений⁵⁸⁷.

Хилиастические источники дают нам некоторые данные об отношении таборитов к своей родине, к чешской культуре. Революционная борьба таборитов против сил феодально-католического лагеря внутри и вне страны убедительно свидетельствует о том, что, в отличие от господствующего класса, масса крестьянства и горожан энергично и мужественно, не щадя своей жизни, боролась за сохранение независимости своей страны. Табориты были пламенными и последовательными, бескомпромиссными патриотами. Они являлись вместе с тем горячими сторонниками национальной чешской культуры в духе учения Гуса и сделали многое для ее развития. Пытаясь оклеветать хилиастов, Пршибрам писал, что они «...из-за того еретического неверия (в учение магистров.—А. О.) стали портить ученические школы, очень хулили школьное и латинское учение, а самих детей, мальчиков и девочек, принимали на учение и (стали) учить их по-чешски»⁵⁸⁸. В таборитских общинах, состоявших в своем подавляющем большинстве из крестьян и городских низов, учащимися школ стали дети ремесленников и крестьян. Очевидно, что табориты не отвергали необходимости образования, а считали, что его нужно улучшить, имея в виду прежде всего введение национального чешского языка вместо прежней латыни. Это было явным выражением стремления всемерно повысить уровень национальной культуры, роль национального чешского языка. Много лет спустя Эней Сильвий, побывавший в 1451 г. в Таборе, с удивлением писал о том, что здесь даже простые женщины могут читать и разбираться в Библии. Одна из них поразила его великолепным знанием Библии. О большой роли таборитов в развитии национальной культуры и языка говорит и то

обстоятельство, что свои трактаты они писали обычно по-чешски, чтобы сделать их доступными широким кругам народа. Священник Ян Чапек создал много песен для народа на церковные и светские сюжеты на родном чешском языке, пользовавшиеся большой популярностью.

В буржуазной исторической литературе усердно распространялась всякого рода клевета об еретических народных сектах, входивших в состав таборитских общин. Особенно в этом отношении отличался все тот же И. Пекарж⁵⁸⁹. Против этой реакционной фальсификации таборитства выступили передовые люди того времени. В конце XVIII в. такого рода работу опубликовал француз И. Бесобр⁵⁹⁰. К. Маркс отметил позднее, что «...народно-революционные, евангелически-коммунистические республиканские секты...»⁵⁹¹ представляют в гуситском движении существенный интерес. Клеветнический характер утверждений реакционной буржуазной историографии о различных народных сектах гуситского времени раскрыли в своих исследованиях чехословацкие историки-марксисты, прежде всего Й. Мацек⁵⁹². К основному его выводу присоединились и такие историки, как немецкий исследователь еретического движения средневековья Э. Вернер⁵⁹³ и чехословацкий ученый Р. Каливода⁵⁹⁴.

О наличии в Чехии того времени крайне радикальных еретических групп и направлений неоднократно упоминают современники. Андрей Регенсбургский сообщал об участии сектантов в лагере таборитов: «Ты часто можешь слышать, таким образом, что некоторые из них называются пражанами, некоторые таборитами, некоторые пикардами»⁵⁹⁵. Еще более подробный перечень сект среди гуситов дается в «Кодексе Пражского университета»⁵⁹⁶. «В год господень 1420-й: О, сколь великий раскол укрепляется в Чехии. Ибо многие тираны уиклифисты, гуситы, табориты, пикарды, ...сиротки, жижковцы, ...вальденсы и остальные еретики и раскольники находятся здесь более десяти лет». Неоднократно упоминает о них Вавржинец из Бржезовей⁵⁹⁷. Он считал, что пикардские идеи были занесены в Чехию группой мужчин и женщин, пришедших в страну из северо-западной Франции, привлеченных гуситским учением. Термин «бегарды», широко известный на Западе, применялся здесь в чешской транскрипции и употреблялся уже, по мнению

ряда исследователей, как термин собирательный и означал понятие «еретик»⁵⁹⁸.

Однако было бы совершенно неверно считать пикардов в Чехии ко времени гуситских войн только пришельцами, чужеземцами. В годы войны «пикарды», в подавляющей своей массе,—это чешские сектанты, находившиеся в лагере таборитов. В «Старых чешских летописях» указывалось, например: «В том же 1420 г. стало в Таборе большое разделение между священниками и волнения между людьми. Магистр Ичин и священники Филипп, Прокоп Голый... держали одну сторону, но Мартинек Гуска, проповедник из Моравии, Петр Каниш и Ян Былинский, Бартош и Николай Слепой» составляли другую группу⁵⁹⁹. Пикарды в это время уже не представляли какой-то особой секты, а входили в состав левого хилиастского крыла таборитов. Среди пикардов упоминаются имена Мартина Гуски, Петра Каниша, Вацлава Коранды — знаменитого вожака народа из Пльзенской области— и других, которые в то же время названы в числе таборитов-хилиастов. Выступления «пикардов» широко известны в те годы во всей Чехии, на что указывал Микулаш из Пельгржимова в письме к пражанам. Значительным было их влияние также и в самой Праге и в Таборе. Большую часть своего, уже неоднократно упоминавшегося нами трактата посвятил вопросу о пикардах магистр Ян Пршибрам⁶⁰⁰. Именно он сохранил нам сообщение о том, что Мартин Гуска был автором ряда трактатов. Это Мартин Гуска «...своими товарищами проповедовал, учил и писал трактаты и письма»⁶⁰¹, посвященные вопросу о сущности таинства причащения. Два или более сочинения он написал общине города Писека и иным общинам⁶⁰². Пршибрам указывал, что Мартин Гуска «...имел много товарищей в этой ереси»⁶⁰³, что таборитские священники прославляли его как святого мученика. Вацлав Коранда, читаем мы в трактате Пршибрама, распространял эти произведения Мартина Гуски и подтверждал справедливость его утверждений, так же, как и священник Иоганн Немец в особом трактате и иные таборитские священники⁶⁰⁴. Магистр Пршибрам обвиняет и таборитского епископа Микулаша из Пельгржимова в том, что тот также написал еретический трактат о причащении⁶⁰⁵. Такого рода еретические трактаты писались и другими таборитами, и идеи, высказанные в них, распространялись в разных общинах—в Клатови, Бероуне и иных городах⁶⁰⁶. В этом повинны также Прокоп Голый, Ян

Чапек, Зигмунд Ржепанский, священник Блажек Шеплавый, проповедовавший в Жатце, священник Пшеничка, Квирич, выступавший в Писеке, и другие. Вавржинец из Бржезовей писал о широком распространении и этой ереси в различных областях Чехии и в Праге⁶⁰⁷. Значительное распространение идей пикардов станет более понятным, если мы укажем, что в те годы их основные положения совпадали с требованиями, которые выдвигались таборитами-хилиастами. Так, священник Стефан из Кремжира говорил о наступлении последнего судного дня. В «Старых чешских летописях» упоминается о выступлении Вацлава Коранды в Праге в духе хилиазма. Проповедуя наступление судного дня, Коранда в то же время рисовал идеал нового общества. Он и его единомышленники учили, что должно быть установлено равенство всех людей и не должно быть панов и подданства, что будут уничтожены уроки-чинши и другие платежи помещикам⁶⁰⁸. Известна та выдающаяся роль, которую В. Коранда сыграл в первых массовых народных собраниях на горах и в организации общины Табор. Выступая против крупной частной собственности, проповедники пикардов заявляли также, что крестьяне не будут платить большие оброки господам, что все «дедины», рыбники, луга, леса будут отныне в их полном распоряжении⁶⁰⁹. В защиту 72 таборитских статей выступали и те лица, которых мы находим в числе пикардов. Вавржинец из Бржезовей называет, например, Мартина Гуску⁶¹⁰.

Характерно, что в области вопросов религиозных, организации церкви пикарды выступали также наиболее радикально. М. Гуска и остальные пикарды отрицали таинство причащения в том его виде, в каком оно было установлено католической церковью. Вместо этого, они защищали положение о символическом смысле обряда причащения. Причастие не нужно потому, утверждали они, что Христос и без того присутствует повсюду и находится в сердцах самих верующих. Вавржинец из Бржезовей писал о них: пикарды учили, что под видом хлеба и вина священники раздают не тело и кровь господне, как учила католическая церковь, а только освященный хлеб и освященное вино. Напомним, что позднее, в эпоху общеевропейской реформации, вопрос о символическом смысле обряда причащения будет вновь поставлен крупнейшими реформаторами. Подлинная сущность этого вопроса выходила далеко за пределы

обрядовой стороны церкви и собственно религиозных проблем.

Как мы уже показали выше, подавляющее большинство гуситов и таборитов в том числе признавало и поддерживало положение Гуса о том, что источником истины является Библия. Радикальные табориты, по сообщению Пршибрама, ставили уже и вопрос о том, что и в Библию должны быть внесены некоторые исправления⁶¹¹. «...Учили и проводили (мысль), что закон божий во многих разделах, написанный в понимании того времени, будет очищен, как, например, о терпимости,... и подчинении королям и панам, о податях и во многих иных разделах, которые против писания вели и пророчествовали. И это потому говорили, что знали, что многим их домыслам писание явно противоречит...»⁶¹². Очевидно, что исправление Библии предполагалось как раз в тех разделах, которые могли ограничить революционную активность таборитов (учение о терпимости, покорности) или ограничить глубину их антифеодальных требований, например, утверждение о том, что одна часть людей должна подчиняться другой. Наиболее крайние сектанты, вошедшие в состав таборитских общин, шли еще дальше. Выдвинув пантеистическую идею о том, что бог присутствует повсюду, т. е. во всем окружающем нас мире, в сердце каждого человека, они отвергали вообще необходимость Библии и всякой богослужебной литературы. «...В обновленном царстве воинствующей церкви не будет писанного закона божьего, а написанные Библии будут уничтожены, потому что закон Христов будет записан всем в их сердцах и не будет потребности в учителях»⁶¹³. Эта 27 статья из числа 72 анитаборитских статей вызвала резко отрицательную оценку идеологов бюргерской оппозиции, и Вавржинец заключил по ее поводу, что «это—ересь»⁶¹⁴. В ней очевидно проявление идей пантеизма. Она выходит за рамки основных пунктов таборитских требований, известных уже нам 72 статей против таборитов. Небезынтересно, что эти статьи в духе пикардизма находятся внутри 72 статей, т. е. рядом с большинством требований, признававшихся подавляющим большинством таборитов, не доходивших до наиболее крайних выводов. Из этого тезиса делались важнейшие выводы по отношению к церкви как учреждению и к духовенству как сословию. То и другое становилось с точки зрения крайних народных сект ненужным.

Главную роль среди пикардов Пршибрам и Вавржинец из Бржезовей приписывали Мартину Гуске. Пршибрам

Брам писал, что «Мартинек был тех заблуждений учитель и начало»⁶¹⁵. М. Гуска являлся автором ряда трактатов. В числе наиболее известных пикардов называется также Каниш. Подвергая критике католический обряд причащения, Каниш заявлял, что его может совершать каждый христианин. Каждый верующий человек носит в себе благодать божью, поэтому не нужны священники, поучающие людей, и церковь как учреждение. Основываясь на этом учении, пикарды отрицали церковь вообще, духовенство, как особую категорию населения, и все религиозные обряды. Практическое осуществление замыслов пикардов должно было сопровождаться ликвидацией крупного церковного, монастырского землевладения, потерей церковью ее огромного влияния в политической жизни феодальной Европы, ее ликвидацией как учреждения. Чехословацкие историки и философы с полным основанием оценивают выступления крайних таборитов как вершину таборитства вообще⁶¹⁶.

Не исключено, что между крайними таборитскими сектами и радикальными западноевропейскими сектами того времени было что-то общее, о чем пишет Э. Вернер. Однако несомненно, что даже при наличии такой идейной общности чешские пикарды и адамиты шли значительно дальше бегардов, братьев и сестер свободного духа и иных сект XIV—нач. XV в. в Западной Европе. В гуситском движении их идеи и практическая деятельность были органически связаны со стремлением и прямыми попытками коренного переустройства основ тогдашнего общества.

Весной 1421 г. внутри самого Табора назрел кризис. Недовольство слишком радикальной программой и методами борьбы, которые выдвигались идеологами хилиазма, стало настолько значительным, что часть таборитов начала выступать против хилиастов и иных крайних сектантов. Наиболее активные и видные деятели хилиазма были вынуждены уйти из Табора и позднее были разгромлены вооруженными силами таборитов, выступавших под руководством Яна Жижки. Осенью 1421 г. были уничтожены последние группы адамитов, примыкавших к хилиастам в трактовке важнейших задач движения. Хилиазм перестал к тому времени объединять все крестьянско-плебейские слои населения, которым он прежде давал идейное направление. В Таборе к руководству пришли более умеренные идеологи таборитства, и постепенно там начинает усиливаться влияние правых таборитов. Однако, на наш взгляд, было бы

неверным забывать о том, что поправление Табора—это сложный процесс, а не одновременный акт. Выступление против хилиазма назрело не только вне, но и внутри самого Табора и было отражением его дифференциации на различные направления таборитства. Бюргерская оппозиция поддерживала в этой внутренней борьбе в лагере таборитов наиболее правые его слои и решительно выступала против хилиастов. В Праге и других гуситских городах бюргерского лагеря хилиасты подвергались преследованиям и с ними жестоко расправлялись. Хилиастические идеи не были, однако, сразу же уничтожены. Многие важнейшие положения, выдвигавшиеся прежде хилиастами, продолжали еще удерживаться в той или иной мере и лишь постепенно были оттеснены на задний план. Отвергнута была идея наступления последнего судного дня и немедленного установления царства божьего на земле в том виде, как его представляли хилиасты. Жизнь показала, что в тех исторических условиях идея имущественного равенства не вышла за рамки примитивного, уравнилельного, потребительского коммунизма. В Таборе и некоторых других таборитских общинах установлена была первое время общая казна по уравнилельному принципу, по-видимому, распределялись продукты питания, возможно, и одежда. Вот почему враги таборитов писали и говорили о них, что в Таборе нет «моего» и «твоего». Однако о главном, об обобществлении средств производства (земли) никаких данных нет. Очевидно, что в тех исторических условиях еще не было для этого необходимых социально-экономических предпосылок. Идея равенства осуществлялась на практике в форме ликвидации крупной церковной собственности и некоторого уравнивания крестьянской собственности в виде совместного пользования общинными угодьями.

Несмотря на то, что в Чехии, как и в любой другой стране Европы того времени, еще не сложились условия для осуществления стремлений хилиастов, было бы совершенно неверно отрицать выдающуюся положительную роль, которую хилиасты тогда сыграли. Именно хилиазм позволил гуситскому движению так решительно и глубоко поставить насущнейшие проблемы социально-экономического преобразования общества как актуальную задачу сегодняшнего дня. Хилиастические идеи способствовали тому, что таборитское движение стало массовым, всенародным. Революционные методы борьбы таборитов против феодализма также органически свя-

заны с хилиазмом. Уже на первом этапе гуситских войн была произведена секуляризация многих монастырских владений, в большей части городов было ликвидировано засилье немецкого патрициата. Резко пало влияние католической церкви в чешских землях. Значительный стимул получило развитие национальной чешской культуры. Бесспорно, что в этих и других положительных итогах гуситского движения важнейшая заслуга принадлежит чешскому хилиазму.

В последующей части главы мы остановимся на еще не решенном в литературе о гусизме вопросе о том, что представляли собою нехилиастические требования таборитского лагеря после поражения хилиастов.

Для ответа на данный вопрос следует вначале сказать о том, что не удовлетворяло крестьянскую массу в учении хилиастов, почему идея хилиазма, являвшаяся первое время знаменем, вокруг которого сплотились широкие массы чешского народа, теперь перестала их удовлетворять.

Попытаемся сначала ответить на вопрос, что привлекало в хилиазме крестьянство и плебс городов в первые годы движения. Это, во-первых, резкая критика феодального строя, которая вела к полному отрицанию феодализма как системы общественных отношений. Во-вторых, на наш взгляд, все силы крестьянства и плебс городов были заинтересованы в позитивной, хотя и очень еще общей, нечеткой части хилиастических планов. Действительно, все слои таборитов, несмотря на значительное уже имущественное расслоение крестьянства, были заинтересованы в том, чтобы было ликвидировано деление на господ и подданных, чтобы крестьянству были возвращены его прежние общинные угодья, захваченные к тому времени феодалами, чтобы были отняты богатства у церкви и переданы крестьянам, т. е. тем, кто обрабатывал эти земли. Массу таборитов устраивала также хилиастическая идея решительного улучшения положения всех слоев народа в будущем свободном обществе. В этой идее особенно привлекал тезис о правовом равенстве людей и отсутствии в новом мире привилегированных слоев общества, о возможности для народа широко пользоваться плодами национальной чешской культуры.

В то же время основная масса крестьянства, и прежде всего его зажиточная верхушка, не могла согласиться-

ся с идеей ликвидации частной собственности вообще, что четко выражено в хилиастических гуситских источниках. Опыт всей истории феодальной, а затем и капиталистической Европы, практическое решение аграрного вопроса в новый исторический период, в наши дни, в странах народной демократии в Европе — все это говорит о том, что масса крестьянства, представляя собою мелких собственников, не может отречься сразу от идеи и принципа частной собственности. Об этом много раз писали классики марксизма-ленинизма. Еще Ф. Энгельс писал о том, что для мелкого крестьянства лучший выход из его тяжелого положения заключается в переходе к коллективному хозяйству. Однако он оговаривался, что вполне возможно, что крестьянство не сможет перейти на этот путь сразу. «Мы решительно стоим на стороне мелкого крестьянства; мы будем делать все возможное, чтобы ему было сноснее жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу в случае, если он на это решится; в том случае, если он еще не будет в состоянии принять это решение, мы постараемся предоставить ему **возможность больше времени подумать об этом на своем клочке**»⁶¹⁷.

В предисловии ко второму изданию своего труда «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин подчеркивал двоякую роль крестьянства: «...революция обнаруживает теперь все более двойственную роль крестьянства. С одной стороны, громадные остатки барщинного хозяйства и всевозможные пережитки крепостного права при невиданном обнищании и разорении крестьянской бедноты вполне объясняют глубокие источники революционного крестьянского движения, глубокие корни революционности крестьянства как массы. С другой стороны, и в ходе революции, и в характере разных политических партий, и во многих идейно-политических течениях обнаруживается внутреннее противоречивое классовое строение этой массы, ее мелкобуржуазность, антагонизм хозяйских и пролетарских тенденций внутри нее»⁶¹⁸. Конечно, в России нач. XX в., на иной исторической стадии развития было уже налицо классовое расслоение крестьянства и иным было соотношение различных слоев крестьянства, но имущественное расслоение мы видим и в Чехии начала XV в., что определяло различие позиций зажиточных и бедных крестьян.

Полемизируя с народниками по поводу позиции и положения русского крестьянства в период развития буржуазных отношений в стране, В. И. Ленин писал о

ее особой сложности. «Каким же образом наш трудовой крестьянин изменит это отношение, когда он сам одной ногой стоит на той именно почве, которую и нужно изменить? как может он понять негодность обособленности и товарного хозяйства, когда он сам обособлен и хозяйничает на свой риск и страх, хозяйничает на рынок? когда эти условия жизни порождают в нем «помыслы и чувства», свойственные тому, кто поодиночке работает на рынок?»⁶¹⁹.

В тезисах для II конгресса Коминтерна по аграрному вопросу В. И. Ленин указывал⁶²⁰ на необходимость учитывать собственнические настроения крестьянства при решении аграрного вопроса в условиях перехода от капитализма к социализму.

Мы полагаем, что в годы гуситских войн в Чехии хилиазм таборитов столкнулся именно с этими собственническими настроениями основной массы крестьянства и поэтому перестал удовлетворять их интересы.

Крестьянство в массе своей выступало против крупной феодальной собственности, как церковной, так и светской, но боролось за возможность гораздо более самостоятельного ведения хозяйства, чем это было для того времени в рамках феодального общества. Объективно это была борьба за буржуазную собственность, хотя реальных предпосылок для победы буржуазных отношений, да и самих этих отношений, еще не было в чешских землях того времени. Это вовсе не означает, что борьба за мелкую трудовую крестьянскую собственность была тогда ненужной, бессмысленной. Как показывает опыт других стран, да в известной мере и самого гуситского движения, реальным результатом народного антифеодального движения при его более или менее положительном исходе могло быть некоторое или значительное улучшение положения крестьянина как непосредственного производителя, отвоевание гораздо большей хозяйственной самостоятельности крестьянства, ограничение его феодальных повинностей, достижение лучших условий держания земли, отказ феодалов от чрезвычайных поборов, ослабление личной зависимости крепостных и прочее.

Антифеодальная борьба народа вовсе не всегда и не везде принимала форму хилиастического движения, примером чего служат испанские крестьянские движения XIV—XV вв., французская Жакерия. Однако никто не сомневается в их антифеодальном характере. Следо-

вательно, в период классического феодализма возможны были и такие крупные антифеодальные движения, которые не выступали под знаменем идеологии хилиазма.

**

По вопросу о том, что же представляли собой крестьянские и плебейские нехилиастические требования, современные исследователи не располагают такими, относительно полными, сведениями, как в отношении чешских хилиастов. Такие источники немногочисленны. Это трактаты, проповеди, отрывочные сведения хроник. Поэтому мы попытаемся дать лишь самый общий ответ на поставленный нами вопрос. Может быть, в дальнейшем найдены будут какие-либо важные новые источники по гуситскому движению, которые дадут возможность более полно осветить эту проблему.

Следует указать, что еще в период, когда хилиазм был идеологией крестьянско-плебейского лагеря таборитов в целом, появились отдельные документы нехилиастической направленности, вышедшие из среды самих таборитов. Мы имеем в виду двенадцать таборитских статей. Они были вручены пражанам 5 августа 1420 г. от имени таборитских общин, находившихся в то время в Праге и ее окрестностях. Хронист сообщает об этом следующее: «Затем 5 августа таборитские священники с их гетманами вручили Пражской общине двенадцать нижеизложенных пунктов с просьбой, чтобы вышеназванная община дала на них согласие, держалась их и защищала, что иначе не хотят дольше оставаться в Праге⁶²¹. В том же источнике кратко сообщается об обстановке возникновения 12 статей. Это было вскоре после поражения крестоносцев под Прагой и после того, как пражские умеренные гуситы — магистры составили текст четырех пражских статей. Можно полагать, что 12 статей явились в какой-то мере ответом таборитских общин на четыре пражские статьи. В отличие от других источников того времени, сохранившихся от Табора, в этом документе хилиастические тезисы, например о последнем судном дне, о беспощадной расправе над всеми грешниками, об уничтожении всех городов, сел и местечек, кроме пяти, по всей стране и ныне положения непосредственно, прямо и отчетливо не были включены (в 12 статей). Й. Мацек считает⁶²², что это объясняется, во-первых, тактическими соображениями таборитов, не желавших отпугнуть от себя умеренных гуситов радикальными требованиями, и, во-вторых, несколько иной пози-

цией других таборитских общин—Градца, Кралова, Жатца, Лоуни, Слани, в отличие от Табора. Нам думается, что дело обстояло сложнее. 12 статей представляли в известной мере нехилиастические требования значительной части таборитов. Отсутствие в них четко и открыто поставленных хилиастических статей вызвано было не только тактическими соображениями, но и тем обстоятельством, что не все общины таборитской направленности выступали в защиту идей хилиазма в целом, хотя безусловно признавали главную направленность его учения.

Рассмотрим содержание этого интересного источника⁶²³. Совершенно определенно в нем звучит антицерковная направленность, идея борьбы за дешевую церковь. Выдвинуто было требование, правда, в самой общей формулировке, «...чтобы примерные (т. е. гуситские.— А. О.) священники жили в соответствии с установлениями и по примеру пророков и апостолов»⁶²⁴. То есть в данном случае в такой форме была выражена идея возврата к раннему христианству и в то же время отрицание всего того, что было создано и установлено позднее католической церковью. Однако это отрицание норм, существовавших к тому времени в римско-католической церкви, прямо не выражено. Идея возврата к порядкам раннехристианской церкви содержалась и в планах бюргерской оппозиции, которая, однако, в своей критике старых церковных норм не доходила до их полного отрицания.

Борьба таборитов за дешевую церковь нашла выражение в нескольких статьях анализируемого источника. Одна из них, находившаяся в тесной связи с требованием последовательного выступления гуситов против смертных грехов, гласила: «Далее, чтобы не носили и не разрешали носить щегольские одежды, чрезмерно драгоценные, вопреки господу богу (т. е. его установлениям.—А. О.), как пурпурные, обшитые, вышитые, вытканые серебром,... и с вырезами, серебряные пояса, головные уборы и всякие наряды или украшения, приготовленные для роскоши»⁶²⁵. У крестьянства и плебса, живших нередко впроголодь, в острой нужде, широко развит был естественный протест против роскоши феодалов, патрициата, да и богатых бюргеров городов. Отсюда этот пуританизм, опять-таки как выражение оппозиции феодальным привилегиям и богатству.

«Эта аскетическая строгость нравов, — писал

Ф. Энгельс ⁶²⁶, — это требование отказа от всех удовольствий и радостей жизни, с одной стороны, означает выдвигание против господствующих классов принципа спартанского равенства, а, с другой—является необходимой переходной ступенью, без которой низший слой общества никогда не может прийти в движение. Для того чтобы развить свою революционную энергию, чтобы самому осознать свое враждебное положение по отношению ко всем остальным общественным элементам, чтобы объединиться как класс, низший слой должен начать с отказа от всего того, что еще может примирить его с существующим общественным строем, отречься от тех немногих наслаждений, которые минутами еще делают сносным его угнетенное существование и которых не может лишить его даже самый суровый гнет». Энгельс указывает на резкое различие плебейского аскетизма от аскетизма бюргерского: «Этот плебейский и пролетарский аскетизм как по своей неистово-фантастической форме, так и по своему содержанию резко отличается от бюргерского аскетизма в том виде, как его проповедовали бюргерская лютеранская мораль и английские пуритане (в отличие от индипендентов и других более радикальных сект) и весь секрет которого состоит в буржуазной бережливости»⁶²⁷...

Антифеодальные и антицерковные тенденции проявились и в других статьях источника. В нем содержался, например, специальный пункт против платежей духовенству и выплаты процентов ростовщикам: «4. Далее, чтобы все платежи духовенству повернули на общее добро и уничтожили ростовщичество на домах, лавочках или еще где-либо, и всякие иные ростовщические записи чтобы были уничтожены и чтобы священники жили в соответствии с верой...»⁶²⁸, т. е. по-евангельски, писали табориты. Это требование было направлено, в частности, против так называемых вечных плат, или рент, которые шли в первую очередь церкви, частью университетским магистрам. Это было специфически городское требование, выдвинутое в данном случае против высшего духовенства и богатых магистров Праги. Размеры этих платежей были весьма значительны. В городских записях Праги от 1404 г. сообщалось, например, что горожанин Станек, по прозвищу Немец из Новой Праги, обязуется ежегодно выплачивать со своего дома 96 пражских грошей, т. е. более 1½ коп грошей, фарару у св. Петра на Поржечы и его брату, также фарару⁶²⁹. К сожалению, нам

неизвестно, выдвигалось ли и осуществлялось ли это требование в других королевских городах страны. Объективно оно отражало как интересы бюргерства, так и интересы плебса.

Гораздо последовательнее, чем умеренные гуситы, таборитские общины выступали против монастырей, против ненужной роскоши в церковном убранстве. «Далее,—требовали они,—чтобы закрывали и разрушали еретические монастыри, ненужные церкви и алтари, иконы, роскошные украшения и золотые и серебряные чаши и всяческий посев Антихристов (т. е. следы его влияния.—А. О.), и идолопоклоннические и симонийские грехи, которые не от бога, отца небесного»⁶³⁰. Умеренные гуситы также выступали против дорогой церкви, против иконопочитания и т. д., однако они не вели такой последовательной борьбы против церковной роскоши и в практике своей отвергали таборитское требование полного истребления монастырей, хотя еще недавно за это стоял Ян Гус, считавший монахов паразитическими элементами в обществе. Тот же хронист (Вавржинец) сообщает, что табориты последовательно выполняли это свое требование. На другой день после вручения пражанам своих 12 статей они приступили к разрушению монастырей в Праге⁶³¹.

Наряду с рассмотренными статьями, которые задевают вопросы, близко касающиеся третьей и четвертой пражских статей, в некоторых требованиях таборитских общин ставились задачи, аналогичные содержанию четвертой пражской статьи. Народ настаивал на решительной борьбе со смертными грехами, которые в его толковании были присущи, главным образом, феодальным и иным привилегированным и имущим слоям населения. В одной из 12 статей это требование было выражено весьма категорично: «Далее, чтобы явные грешники, развратники и развратницы..., сводники и сводницы..., проститутки явные или тайные, лентяи или лентяйки, разбойники и всевозможные враги божьи, богохульники и клеветники, пусть хотя бы какой угодно должности или сословия, не были бы терпимы без наказания»⁶³². Из сообщений Вавржинца известно, что таборитские общины с самого начала своего пребывания в Праге выступили решительно против попустительства роскоши, разврату, которые были широко распространены в столице, несмотря на то, что руководство города находилось уже в руках бюргерской оппозиции. Характерно,

что специальная статья в данном документе направлена против ростовщичества и обмана: «Далее, чтобы в ремеслах и на рынке заботились о том, чтобы не было никакого обмана, обкрадывания, ростовщичества, присяг (т. е. клятв.—А. О.), бесполезности и тщеславия, коварства и лжи...» под страхом наказаний за эти проступки. В данной статье очевидно проявление интересов городского плебса, мелких бюргеров, о программных требованиях которых известно, к сожалению, весьма мало. От обмана купцов на рынках Праги, как и других городов, страдала больше всех беднота столицы. Крестьянство прилегающих к Праге и зависящих от нее селений также нуждалось в ликвидации этих порядков. Требование отмены ростовщичества мы находим и в четвертой пражской статье, где оно отнесено также к смертным грехам.

Значительно более радикальный характер требований таборитов по сравнению с умеренными гуситами очень ясно проявляется, например, в статье, в которой категорически отвергалось существовавшее в то время феодальное право в самых различных его формах, как мы это видели и в хилиастических статьях: «Далее, чтобы было уничтожено право языческое и немецкое⁶³³, которое не согласуется с заповедями божьими...». Последующая часть рассматриваемой статьи показывает, что имелось в виду, собственно говоря, **все феодальное право**. Оно и подразумевалось под «языческим» правом. С требованием отмены «немецкого» права, как отмечает И. Мацек⁶³⁴, было связано выступление против феодального права, определяющего отношения между подданными и подчиненными. Богатые пражские бюргеры и патриции владели тогда многими селениями и держали в зависимости тысячи крестьян. Выполнение данного таборитского требования привело бы к ликвидации их собственнических прав в деревне. «Языческому» и «немецкому» праву противопоставляется новое право, которое должно прийти на смену старому праву: «...и чтобы все управлялось, определялось и решалось божьим правом». Разумеется, в кратком содержании статей не раскрывалось понятие «божественного права». Ясно лишь, что оно должно было быть принципиально иным, чем право, существовавшее в предгуситское время. Упоминание о «божественном» праве не являлось ни в какой мере оговоркой или случайностью. Наоборот, ссылка на него и в дальнейшем говорит о том, что эта идея

прочно вошла уже в сознание таборитских общин. Они требовали, чтобы и магистры подчинялись этим нормам права, а не своим правилам и порядкам, которые обеспечивали им до этого многочисленные привилегии и монопольное положение в толковании религиозных и иных вопросов. «Далее, чтобы магистры были всецело (и) регулярно подчинены божескому праву, так, как и иные верные христиане». Можно согласиться с мнением Матцека, что под жизнью по «божьему» праву подразумевалась община равных, аналогичная по своей направленности самому Табору и другим таборитским центрам. Такое стремление таборитов подтверждается и их практической деятельностью.

12 таборитских статей были действительно пронизаны стремлением жить по-новому, совсем по-другому, чем это было прежде. Однако в отличие от хилиастических источников, здесь нет прямо высказанной идеи судного дня, как времени расправы над «грешными». Думается, что это отсутствие прямых хилиастических призывов связано не только с тактической линией таборитских вожakov, их желанием удержать союз с Прагой, но и тем, что в других общинах таборитского лагеря хилиастические идеи были не так ярко и сильно выражены, как в самом Таборе.

То обстоятельство, что вопрос о ликвидации старого феодального права встречается нам как в хилиастических, так и в нехилиастических источниках, говорит, на наш взгляд, о том, что это требование было общим для разных направлений таборитства. По-видимому, оно сохранилось и в последующие годы гуситского движения. Мало того. Отрицание широко распространенного немецкого права было в интересах не только таборитов, но и бюргерства городов, конкурировавшего с немецким патрициатом в Чехии. Оно отражало прогрессивную тенденцию к расширению путей для национального развития страны и было направлено против немецкого засилья. Статья об уничтожении «языческого и немецкого» права подтверждает тот факт, что ряд критических замечаний и требований гуситов носил общегуситский характер, касался как бюргерской, так и радикальной оппозиции, хотя, разумеется, в разной степени. Рассмотренная нами статья является не только национально-освободительной по своему характеру, но в первую очередь антифеодальной. Новое, божественное право противопоставлялось не только немецкому, но и всякому

феодалному праву, существовавшему в то время. Наряду с требованием ввести нормы нового права в противовес старому, феодалному, был поставлен вопрос о том, что должны быть ликвидированы поборы духовенства с населения. Таким образом, под знаком борьбы за божественное право развертывалось движение, направленное против засилья немецкого патрициата, церковных и светских феодалов, против феодального угнетения вообще. Совершенно очевидно, что под новым, «божественным» правом разумелась демократизация общественного строя страны в целом.

**
*

Для характеристики нехилиастического крыла таборитского лагеря много ценного дает нам анализ взглядов и деятельности Яна Желивского. К великому нашему сожалению, сохранилась лишь незначительная часть его проповедей; опубликованных несколько лет назад в Чехословацкой республике на латинском и чешском языках⁶³⁵. Деятельность Яна Желивского и его единомышленников и соратников в Праге говорит о том, что там на всем протяжении первого периода гуситских войн сохранилось сильное таборитское крыло. Было бы неверно представлять себе таборитский лагерь как объединение только тех, кто ушел из сел и городов в Табор и другие центры таборитского союза. К числу таборитов относились и многие из тех крестьян и плебеев, которые оставались в своих городах и селах и там боролись за осуществление таборитских идеалов. Так было, по-видимому, и с Яном Желивским. С его именем связана и напряженная внутренняя борьба в столице между умеренными и радикальными гуситами и борьба против феодально-католического лагеря во всей стране.

Биографические данные о Желивском в предгуситское время почти отсутствуют⁶³⁶. Известно лишь, что он происходил, вероятно, из Гумпольца, стал монахом премонстрантского монастыря в Желиве, оттуда был послан в качестве священника в Йиржицы. В эти годы он успел, по-видимому, хорошо узнать жизнь монахов, увидел антагонизм между ними и окрестным крестьянством. В округе Гумпольца гуситское движение нашло вообще мощный отклик. Желивский пришел в столицу с уже сложившимися убеждениями. События в Праге способствовали окончательному оформлению его взглядов. В Новой Праге Желивский был проповедником в церкви св. Штепана на Рыбничке. В начале 1419 г. он был

отстранен от должности как сторонник причащения под двумя видами, но уже в феврале выступает с проповедями в храме Матери божьей. Будучи безусловным сторонником учения Гуса, он защищал его взгляды, одно время дружил с Якоубеком из Стржибра.

Даже те крайне отрывочные сведения, которые сохранились о нем, говорят об антифеодалных взглядах Яна Желивского. В первую очередь он подвергает критике католическую церковь. Как и все другие выдающиеся сторонники реформации церкви, Желивский отрицает ее право на владение светскими богатствами. В ряде проповедей современная ему католическая церковь противопоставляется церкви первоначальной и утверждается, что тогда церковь не соблазнялась светскими владениями⁶³⁷. Если бы теперешний богатый священник имел высокое сердце, то он был бы беден, как Христос, говорил Желивский⁶³⁸. Резкой критике подвергаются и разбогатевшие паны⁶³⁹. В проповеди от 9 июля 1419 г. Желивский прямо заявлял, что «...священники... ничем не должны владеть в свете, ибо господин (т. е. господь—А. О.) сам есть их наследство»⁶⁴⁰. Богатству мирскому, являющемуся, по мнению проповедника, источником зла, противопоставляется богатство духовное. Именно за это, т. е. за духовное богатство, верующие люди служат господу, «но не за земное богатство. Те, кто думают о земном богатстве и множат и складывают его, как скот, будут в пекле»⁶⁴¹. Это противопоставление распространяется, отметим попутно, и на светских феодалов. Главное—духовное, а не мирское богатство.

Желивский в своих проповедях останавливается и на другой важнейшей проблеме антицерковного движения того времени—на вопросе о светской власти духовенства. Он верил вместе с Гусом, Хельчицким и другими видными сторонниками гусизма в легенду о Константиновом даре и так же полагал, что светская власть была когда-то дарована церкви императорами⁶⁴². Он отвергал право церкви на светскую власть: «Идя по всему свету, проповедуйте Евангелие, говорит господь, но не говорит все же: владейте. Это две весьма различные вещи: идти и проповедовать и господствовать»⁶⁴³.

Резкой критике подвергается в его выступлениях высшее духовенство. Христос учил народ, чтобы он перестал слепо подражать прелатам... «Сколько монахов, прелатов, ложных магистров попало к настоящему вре-

мени в руки дьявола»⁶⁴⁴. Осуждается симония высшего духовенства и магистров: «А разве это не позор, что мудрые этого света, магистры и прелаты», упрочившиеся благодаря наследству от императора Константина «или обогатившиеся тем, что вырвали у бедноты, или симонийским еретичеством, имеют стыд проповедовать людям о царстве божьем»⁶⁴⁵. Симонийские священники выступают за богатые церковные убранства, в защиту икон, за почитание останков святых и все это любят больше, чем бога. Они обкрадывают живые подобию бога — людей, так что в наше время, говорил Желивский, бедные умирают от голода⁶⁴⁶. Желивский прямо заявляет, имея в виду богатых церковных и светских феодалов, что тот, кто не работает, тот не должен есть. «Каждый христианин должен добывать свое пропитание трудом»⁶⁴⁷. Лгут паны, нищенствующие монахи, говорящие о себе, что «они являются преемниками апостолов»; «...не достойны хлеба те, что делом не заботятся об общем благе, пусть это короли и князья, присяжные судьи, либо иные придворные бездельники». «Недостойны хлеба все те прелаты, которые не работают с народом по указанию Евангелия»⁶⁴⁸.

Монашество, даже нищенствующих орденов, рассматривается Желивским как паразитические элементы общества. «Волками являются все те, которые немилосердно обкрадывают бедных овец (т. е. верующих. — А. О.), лишая их шерсти и пожирая их. Таковы монахи»⁶⁴⁹, обещающие отпущение грехов и пр. Это наемники, торгующие всем, что делают. И в другой проповеди он говорил: «А что можно сказать о монахах и монахинях? Не трудятся ни над чем полезным, занимаются только бесполезным»⁶⁵⁰. Однако в сохранившихся проповедях Желивского нет прямого требования закрыть или уничтожить монастыри, хотя оно как будто бы совершенно закономерно вытекает из сказанного выше.

Желивский сурово высказывался и против тех магистров, которые примыкали к католическому феодальному лагерю⁶⁵¹. Неоднократны его критические замечания против крупных светских феодалов за их паразитизм, за чрезмерное угнетение и ограбление народа, за отказ от жизни по заповедям божьим⁶⁵².

В духе учения Гуса он отвергал людские измышления, то есть все то, что церковь приносила нового по сравнению с ранним христианством. Решительно отрицалась также людская традиция, т. е. католическое новое учение, созданное в условиях становления и победы фео-

дализма. «Разве не является большой глупостью верить грешным людям больше, чем пророкам и Христу и его апостолам, и выше ставить людскую традицию, нежели закон божий»⁶⁵³. Сложившиеся в католической церкви право и иные нормы отвергаются на том основании, что за ними скрываются интересы богатых слоев общества. В настоящее время, говорил Желивский, «...многие забыли Христа из-за традиций и приказаний людей»⁶⁵⁴. В ранней христианской церкви было не так. Апостолы не ставили людей выше бога и его заповедей⁶⁵⁵. Та же мысль повторяется и в проповеди от 22 апреля 1419 г. Учению Христа нужно «больше верить, чем всем современным прелатам»⁶⁵⁶. «...Теперь христиане верят сказкам, людским установлениям, Христу же и апостолам верить не хотят»⁶⁵⁷. Желивский выступал также за упрощение и удешевление церкви. Он осуждает придуманный папами юбилейный год⁶⁵⁸.

Несколько раз в тексте проповедей встречается резкая критика решений Констанцкого собора, который так и не увидел «...бремя... симонии в собственном глазу»⁶⁵⁹. Собор совершил жестокую расправу над святым Яном Гусом⁶⁶⁰. Все же мы верим Евангелию, говорил Желивский. Если кто дает преимущество ученым богословам перед Евангелием, тот опивается ядом. «Так священники напились яда от императора Константина»⁶⁶¹.

Критика церковных новшеств ведется в том же духе, что и у Яна Гуса, и войдет в дальнейшем также составной частью в реформационные учения XVI в.

Пламенный проповедник, подлинный представитель народа, Ян Желивский много раз говорит о крайне жестоком угнетении народа, о его исключительно тяжелом положении. Нельзя видеть в этом только призыв к апостольской бедности. Глубокое сочувствие угнетенному народу сопровождалось и мыслями о том, что нужно существенным образом изменить его положение. «Трудящиеся люди менее легко впадают в грех»⁶⁶², чем нетрудовые слои общества. Они не имеют богатства. А «корень действительно всего злого есть любовь к деньгам...». «Как скупой Иуда продал Христа, так многие, стремящиеся разбогатеть, продают Христа различным способом»⁶⁶³.

При наличии лишь кратких высказываний Яна Желивского весьма трудно, даже невозможно составить себе более или менее полную картину того положительного идеала, который выдвигался им в противовес существующим порядкам. Можно наметить лишь несколь-

ко главных тенденций в этом направлении и подкрепить их данными хроник о практической деятельности выдающегося вожака пражского плебса. Бросается в глаза прежде всего его призыв к активной борьбе против всякого зла, в которое погружено человеческое общество. Желивский полагал, что уже наступило время, когда должно произойти решительное столкновение между Антихристом и Христом. Настоящее время, как он полагал, является ночью Антихристовой. Ночь проходит, и приблизится день ее ликвидации⁶⁶⁴. Нет сомнения, что всюду добрые преследуются злыми и осуждаются, поэтому нужно покориться могучей руке божьей, чтобы она освободила нас во время защиты от Антихриста⁶⁶⁵. У Желивского все более крепнет убеждение в том, что настало время для удара по Антихристу. Он говорит уже о последнем судном дне, как времени последней битвы между Христом и Антихристом. «Поэтому, чехимеем надежду. Ибо на вечер придет господь и не будет мешкать «с провозглашением мира»⁶⁶⁶. Мир полон преследованиями правды. Слово божье поэтому встало из мертвых⁶⁶⁷. Приводя примеры из «Явления св. Иоанна», Желивский оптимистически утверждает, что победит тот, кого убивают, т. е. те, кого преследуют теперь. (Напомним, что это было сказано еще в период до вооруженного восстания в Чехии. Тогда притесняли и убивали гуситов.—А. О.). Очень важно указать на открытый и четко сформулированный Желивским призыв к единству гуситов, всех пражан в этой борьбе с Антихристом. Необходимо, чтобы все были одно тело Христово и один дух⁶⁶⁸. В единстве, как подтверждается и практической его деятельностью, он видел залог победы гуситов над врагами. Призывая к борьбе против врагов христианской веры, за вечную правду божью, он прославляет тех, кто может погибнуть за истинную веру. Прага, поднявшаяся уже тогда на вооруженную борьбу, провозглашается им с великой гордостью «примером всем верующим не только в Моравии, но и в Венгрии, Польше, Австрии и повсюду»⁶⁶⁹.

Основные сведения, которые в настоящее время мы можем почерпнуть для определения классовой направленности идей Яна Желивского, содержатся преимущественно в материалах хронистов, описавших его практическую деятельность в 1419—1422 гг. Как известно из хроник⁶⁷⁰, именно Ян Желивский возглавил народное восстание 30 июля 1419 г. в Праге, во время которого был свергнут и частью ликвидирован старый состав город-

ского магистрата и избраны новые консулы. В начале 1420 г. Желивский продолжает проповедовать против короля Сигизмунда, называет его «рыжим драконом», о котором говорится в «Явлении св. Иоанна». «Поэтому вышеназванный св. Ян в своих проповедях народу остро нападал на того короля»,—говорит об этом Вавржинец⁶⁷¹. Множество народа тянулось к Желивскому и, вследствие проповедей его и иных проповедников, как сообщает хронист, готовы были отдать за правду свое имущество и жизнь. 3 апреля 1420 г. многие гуситы собрались в ратуше Праги под влиянием проповедей Яна Желивского и обязались бороться за причащение под двумя видами, не щадя жизни и собственности⁶⁷². 5 августа 1420 г., вскоре после поражения крестоносцев под Прагой, табориты предъявили 12 статей своих требований умеренным гуситам—пражанам. Мы уже отмечали выше, что Новая Прага быстро согласилась принять эти статьи, тогда как Старый город не согласился с ними. Новая Прага возглавлялась тогда в идеологическом отношении Яном Желивским и другими, близко стоявшими к нему людьми. Вероятно, что и принятие статей не обошлось без вмешательства Желивского. В тесной связи с победой народа над Сигизмундом стоит и новое изменение состава пражского магистрата, осуществленное в то время. 18 августа того же года гуситские священники без ведома властей города созвали собрание народа, и священник Ян Желивский по воле собравшихся отнял печати членов магистрата у старых консулов, отдал их новому консулу и пуркмистру, «избранных им и общиной»⁶⁷³. Магистр Вавржинец, решительно осуждавший действия Яна Желивского, подчеркивает всячески, что смена консулов произведена была незаконно, не так, как это делалось прежде. Вместе с тем он поясняет, в чем заключалась причина смены старого магистрата: «Это изменение консулов состоялось потому, что смещенные консулы во многих делах не хотели согласиться с таборитами»⁶⁷⁴. Так как к тому времени у власти были уже умеренные гуситы, то очевидно, что Желивский поддерживал в данном случае таборитские элементы Праги. Об этом же сообщается далее в той же хронике: «И поэтому священники, благосклонные к таборитам, избрали вместо смещенных консулов почти без исключения мужей, согласившихся с таборитами, для той цели, чтобы табориты, имея дружественных себе консулов, не ушли из Праги, так как не хотели оставаться, если бы оставались прежние консулы»⁶⁷⁵.

Являясь выдающимся политическим деятелем, Ян Желивский много сил и энергии отдал борьбе за единство гуситов. Ему принадлежит большая заслуга в создании, по крайней мере на время, объединенной Праги. 30 июня 1421 г. по тайному сговору некоторых пражан с Яном Желивским в Праге было созвано массовое народное собрание всех горожан Старого и Нового города, которые ворвались в здание ратуши, заявили, что консулы города повинны во многих ошибках и должны быть смещены. У них отняли печати «и объединили Старый город и Новый в один город и избрали себе всей собравшейся общиной (т. е. всеми жителями города.— А. О.) четырех гетманов, чтобы управляли городом до выборов новых консулов». Вскоре состоялись эти выборы. Было избрано 30 новых консулов, по 15 человек от Старой и Новой Праги. Эти консулы, как сообщает Вавржинец, были опять избраны не по старым порядкам и обычаям, а новым способом⁶⁷⁶, «...из них некоторые были, о чем разошлись слухи, подозреваемы в пикардской ереси». Хронист добавил, что соотношение Луны и Марса было в то время таким неблагоприятным, что нечего было ждать добра и порядка от новых консулов. Ян Желивский поставил тогда вопрос об отстранении некоторых умеренных гуситов от их должностей за то, что они не хотят причащать детей, не поют церковные молитвы по-чешски⁶⁷⁷. Это предложение было также принято общиной.

Нельзя вместе с тем согласиться с утверждением Вавржинца о крайних насилиях, сторонником которых был будто бы руководитель пражского плебса. После столкновения пражан с кутногорцами и подчинения последних умеренным гуситам именно Ян Желивский от имени Праги провозгласил мир с кутногорцами и объявил прощение их проступков⁶⁷⁸. После боя войска пражан с панскими отрядами у Яромиржа он провозгласил от имени пражан соглашение с побежденными панями⁶⁷⁹.

В отличие от умеренных гуситов, Желивский неоднократно выступает как сторонник решительной борьбы против феодально-католического лагеря, как противник тактики компромисса. В июне 1421 г. войско пражан осадило город и замок Мост. Гарнизон замка заявил о своей готовности сдать его при условии свободного ухода из замка. Пражанам, особенно шляхтичам, предложение понравилось, но Ян Желивский

выступил против, заявив при этом, что если они отпустят гарнизон, то с этими людьми им придется воевать где-либо в другом замке⁶⁸⁰. Вавржинец приводит этот эпизод явно в полемических целях. Он, как это совершенно очевидно из описания самого события, решительно осуждает эту непримиримость своего политического противника. Несколько позднее, в августе месяце, чешские паны Рожмберк, Ченек и другие договорились с Прагой и с иными гуситскими городами о переговорах по поводу управления страной, упорядочения дел в ней и установления единодушия в защите правды. В данном случае это было выражением стремления бургерской оппозиции к компромиссу с феодально-католическим лагерем. Ян Желивский, узнав о таком соглашении, выступил письменно и устно против намечавшейся встречи, заявив, что «вышеназванные паны—изменники, неверующие и неискренние приверженцы правды».⁶⁸¹ Мотивы выступления Желивского совершенно очевидны. Он боролся именно против тенденции умеренных гуситов пойти на соглашение с панами. Все же переговоры состоялись, и стороны договорились о том, чтобы послать посольство к князю литовскому Витольду с предложением чешской короны. Магистр Ян Пршибрам, принимавший активное участие в переговорах, впал в немилость из-за этого и был устранен от руководства Прагой.

Под влиянием Яна Желивского в октябре 1421 г. была созвана Пражская община, которая по его предложению избрала вместо прежних четырех гетманов одного нового—Яна Гвезду из Вицемелиц у Жлеба, мелкого земана. Ему были предоставлены широкие права. Наряду с ним как старшим гетманом были избраны также четыре других гетмана, но в качестве помощников. Характерно, что эти гетманы с согласия общины установили более крепкую дисциплину в войске пражан: никто не имел права уйти из войска во время похода, кроме как с согласия гетмана. Бегство с поля боя запрещалось под угрозой потери всего имущества и осуждения на смерть. Что эти выборы гетманов были в интересах широких слоев народа, говорит тот факт, что, по сообщению хрониста, все эти новшества очень не нравились «старшим» общины. Они попытались ограничить власть гетманов и добились решения магистрата, что гетман не может решать вопросы без консулов. Однако через некоторое время по воле гетмана было сме-

щено пять прежних консулов и назначены новые⁶⁸². Внутри города шла напряженная борьба между умеренными и радикальными гуситами. Ян Гвезда сохранял гетманство в Праге до февраля 1422 г., а затем перешел в Табор и погиб, возглавляя таборитские войска в битве при Каменице в 1425 г.

В ноябре 1421 г. произошло столкновение Яна Желивского с другими членами комиссии, ведавшей религиозными делами. Уже прежде такие столкновения были неоднократны. Против желания магистра Криштяна проповедником в церкви св. Михала был назначен священник Вилем, «подозреваемый в пикардской ереси»⁶⁸³, известный затем своим описанием расправы над Яном Желивским. Был ли Вилем сторонником пикардства, установить сейчас нельзя, но Вавржинец описывает его в недоброжелательных тонах и заявляет, что этот проповедник более волновал народ, чем останавливал. В итоге борьбы из комиссии четырех священников, ведавшей вопросами гуситской церкви, были устранены тогда магистры Пршибрам и Прокоп из Пльзня, принадлежавшие к наиболее правым гуситам.

В связи с частыми спорами между членами указанной комиссии консулы Праги созвали магистров и священников и поставили на их обсуждение статьи, составленные Якоубеком из Стржибра и Петром Энглишем. Предлагалось признать, что каждый священник, действовавший в столице, обязан быть послушным требованиям данной комиссии четырех, чтобы никто не мешал ей наказывать непослушных и подозреваемых в ереси вплоть до изгнания из столицы. Ни один священник не должен был вводить какие-либо новшества в церковных обрядах без согласия и одобрения комиссии четырех. Ян Желивский заявил тут же, что названные статьи направлены против него и священника Вилема. Сторонники Желивского поддерживали его в этом и выразили свое несогласие с составом комиссии четырех. Разгорелся спор о чистилище, хотя содержание его изложено в хронике не совсем ясно. Сторонник Желивского — Ян Рукавичник — поставил будто бы под сомнение вообще существование чистилища. Другой очень метко указал, что «прежде священники с этим их чистилищем наполняли свои мешки...», т. е. наживались на этом, и что теперь, поскольку их мешки опустели, они хотят наполнить их вновь с помощью учения о чистилище и соответ-

вующего заупокойного культа. Хотя окончательного решения тогда по этому поводу не было вынесено, но было провозглашено, чтобы за умерших не звонили в церквах, чтобы не пелись молитвы на похоронах при проводах умерших, чтобы мертвых хоронили без всяких церковных обрядов. Следовательно, и здесь перед пражанами встали важнейшие вопросы, связанные с борьбой за создание более простой и дешевой церкви. То или иное решение вопроса о чистилище и заупокойном культе должно было отразиться на степени глубины чешской реформации. В данном случае победа осталась за радикальными гуситами, за сторонниками Желивского. Утвержден был новый состав комиссии по делам церкви, в которую вошли Ян Желивский, магистры Якоубек, Ян Кардинал, Петр Энглиш⁶⁸⁴.

Осенью того же года, в период, когда Сигизмунд Люксембургский вторгся с крестоносцами в чешские земли и вступил в Кутную Гору, в Праге продолжались столкновения между умеренными гуситскими магистрами и сторонниками Желивского. Тогда никто из «старших» Пражской общины уже не отважился выступать против него. Сторонники Желивского собрали общину и вынесли решение, что ни один из священников не должен придерживаться или провозглашать те вещи, которые не могут привести к спасению людей, чтобы было полностью отставлено все то, «чему не учили Христос и его апостолы», и «старались уничтожить все церковные установления». Магистров обязали представить письменное изложение их учения, чтобы магистрат мог следить за правильностью их учения и действий⁶⁸⁵. Это было уже явным выражением недоверия большинству магистров, недоверия обоснованного и понятного, поскольку часть магистров стала сразу же на сторону феодально-католического лагеря, а многие из них заняли весьма умеренные позиции в лагере гусизма. Совершенно очевидно было, что большая часть магистров-гуситов значительно отступила от позиций Яна Гуса. Со времени выступления Гуса с тезисом, что источником истины является Писание, прошло всего несколько лет, а магистр Вавржинец оценивает таборитские статьи уже как враждебные настоящей христианской вере. Поправление бюргерской оппозиции по сравнению с требованиями Гуса стало в ходе гуситских войн бесспорным фактом.

Для характеристики классовой позиции Яна Желивского как выразителя интересов и чаяний городского

плебса существенное значение имеет дошедшее до нас описание эпизода кровавой расправы над ним, учиненной консервативными гуситами. 8—9 мая 1422 г. консулы и иные противники радикальных пражских гуситов заманили хитростью в ратушу Яна Желивского и некоторых его сторонников и казнили, обезглавили их⁶⁸⁶. Свидетель этого события рассказал о нем в «Старых чешских летописях». Согласно его сообщению, между консулами и Яном Желивским были большие споры по важным вопросам. Желивский призывал к единству пражской общины и говорил консулам, что они не должны отнимать дома, виноградники и иную собственность у тех, кому их отдала сама Великая община города⁶⁸⁷. Как известно, к тому времени уже несколько раз конфисковывались и распределялись или продавались владения патрициата, изменников-горожан, бежавших из города или примкнувших к феодальному лагерю. Захвачены были в собственность общины большие владения церкви, которые также поступили в продажу или отдавались общиной жителям города или дворянам, бывшим у них на службе, за защиту гуситских идей, за активную борьбу против крестоносцев. Предшествующий период был временем, когда главная роль в гуситском лагере принадлежала плебейско-крестьянскому лагерю таборитов. Можно полагать, что распределение собственности на этом этапе было более благоприятным для широких слоев горожан, чем это пытались сделать теперь консервативные представители гусизма. По-видимому, речь шла о каких-то новых переделах этой конфискованной собственности, но теперь уже с гораздо большим преимуществом для бюргерской оппозиции. Следовательно, Ян Желивский защищал более демократический способ распределения конфискованных богатств, что было в интересах городского плебса. Защита интересов плебса нашла свое выражение и в том, что в свой последний, предсмертный час Ян Желивский советовал консулам не отстранять от общины опытных, искушенных в борьбе с врагами народа воинов, особенно Яна Гвезду, бывшего до того времени старшим гетманом пражских войск, последовательно и настойчиво боровшегося против феодально-католического лагеря, против панов. Безуспешной была попытка заговорщиков заставить Желивского и его единомышленников согласиться на мир и союз с ними⁶⁸⁸. Стало быть, немаловажное значение в выступлении против Желивского сыграла его последовательная

бескомпромиссная тактика, что также говорит о нем, как истинном представителе широких слоев народа.

В письме священника Вилема, соратника Желивского, подчеркивается⁶⁸⁹, что в основе внутренних противоречий лежали глубокие расхождения по программным вопросам и о путях и методах борьбы в защиту идей гусизма. Он перечисляет важнейших противников радикального лагеря пражских гуситов: это магистры Якоубек, Пршибрам, Криштян, Прокоп Пльзенский, Ян Кардинал, Рокицана и др. Все они известны были в этот период как сторонники умеренного гусизма, иногда самого правого, от которого был лишь один шаг к полному предательству. Они были повинны, как об этом сказано в письме Вилема, в том, что обвиняли сторонников Желивского в пикардстве, т. е. как раз в крайнем, с их точки зрения, радикализме. Эти магистры требовали записать в решении, что те, кто останется с таборитами, т. е. будет разделять их точку зрения, будут осуждаться на конфискацию имущества и на смерть.

Волнения в Праге, вспыхнувшие в ответ на попытку реакционного переворота в столице, изгнание из города руководителей этой кровавой расправы с вождями народа, свидетельствуют о том, что масса городского населения стояла на стороне Желивского и его единомышленников. Восставший плебс прогнал прежних консулов, многие из которых были непосредственными виновниками гибели таборитских лидеров пражского населения, и назначил на их место сторонников Желивского.

Все приведенные нами факты и некоторые данные из сохранившихся проповедей Желивского позволяют нам отнести его к виднейшим представителям нехилиастического направления таборитского лагеря, прежде всего его плебейских элементов.

По своему отношению к существующему феодальному строю к правому крылу таборитов принадлежал и Петр Хельчицкий⁶⁹⁰. Хотя его учение оформилось окончательно после гуситских войн, но важнейшие положения его начали формироваться еще в годы народного восстания. Имеется довольно значительная литература, посвященная его учению, хотя в оценке последнего существуют значительные расхождения⁶⁹¹. Буржуазные историки видят в нем лишь сторонника непротивления злу насилием, родоначальника учения Чешских братьев

и оценивали только как религиозного реформатора⁶⁹², — как писал Р. Фоустка. В последние годы о П. Хельчицком начали писать современные чехословацкие историки⁶⁹³.

Произведения Хельчицкого привлекали внимание и русских буржуазных историков, которые также оценивали его главным образом как религиозного реформатора и проповедника непротivления злу насилieм. Особенно характерна в этом отношении позиция Н. В. Ястребова, написавшего монографию о П. Хельчицком под впечатлением уроков буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. в России, так напугавшей русскую буржуазию⁶⁹⁴. Русские историки издали несколько произведений П. Хельчицкого⁶⁹⁵. В настоящее время появились и первые работы советских исследователей, посвященные П. Хельчицкому⁶⁹⁶. Скудные биографические данные, сохранившиеся о П. Хельчицком, содержат сведения о том⁶⁹⁷, что он родился около 1390 г. в селе Хельчицы близ Воднян на юге Чехии и был свободным седлаком или обедневшим земаном. Одно время посещал Пражский университет. Был лично знаком с Яном Гусом, позднее встречался с Якоубеком и другими видными деятелями чешской реформации. Являлся активным участником дискуссий между гуситами по самым кардинальным вопросам гуситского движения. В его трактатах содержатся прямые указания на знакомство Хельчицкого с произведениями хилиастов и иных таборитов⁶⁹⁸.

П. Хельчицкий представлял, на наш взгляд, интересы той зажиточной части крестьянства, которая не принимала непосредственного участия в вооруженной борьбе чешского народа против феодалов. Главное положительное значение его произведений заключается в резкой критике существующих феодальных порядков, особенно церковных, и в отрицании многих основ тогдашнего общества. Так же, как и Ян Гус и его единомышленники, П. Хельчицкий резко обрушивался на католическую церковь, на высшее духовенство за его жажду наживы, за симонию. Многочисленные и сложные церковные обряды, по его мнению, являются, главным образом, источником наживы для духовенства. «Поэтому все заупокойные мессы» являются симонией, — говорил он⁶⁹⁹. Они дают священнику 10—15 коп грошей дохода в год. Критикуя католическое учение о чистилище, Хельчицкий еще определеннее выражается об этом: заупокойный

культ нужен духовенству для наполнения его тучного
брюха⁷⁰⁰.

В духе учения других чешских сторонников реформации Хельчицкий также признал легенду о Константиновом даре, т. е. считал, что светскую власть церковь получила от императора Константина и в дальнейшем еще более упрочила ее. «А и то нам известно, что благодаря светской власти Антихрист получил всю силу над верой Христовой; а та великая блудница, которая сидит на римском престоле, все свои отравы распространила при посредстве светской власти»⁷⁰¹. Со времени императора Константина дьявол «...многих людей соблазнил на долгое время дарованием имущества духовенству»⁷⁰². Ученые богословы, доктора церкви до сих пор еще спорят по вопросу о том, может ли иметь церковь свои владения. Если один доктор «...напоминает о бедности духовенства, что не могут иметь собственность, то другой всячески доказывает, что священники «могут иметь» ее»⁷⁰³, писал Хельчицкий. Оговоримся, что в данном случае имеются в виду, по-видимому, сторонники и враги преобразования церкви, так как для католических богословов было совершенно бесспорным, что церковь может и должна владеть собственностью. Нельзя не отметить, что Петр Хельчицкий проявил значительную проницательность, когда, характеризуя гуситские войны, прямо говорил, что в настоящее время (т. е. во время гуситских войн.—А. О.) идет борьба за владения⁷⁰⁴, за собственность, т. е. придавал большое значение экономической подоплеке гуситского движения.

Неоднократно в его произведениях встречается утверждение, что светская власть и высшее духовенство действуют заодно, поддерживают друг друга против всего остального населения страны. Лихоимцы и торгашаши одаривали церковь, и, вследствие роста ее богатств, все Писание и вера пришли в великое замешательство, писал он.

Весьма резко Петр Хельчицкий выступает и против паразитизма духовенства, против симонии и развращенности прелатов. Причина того, почему появилось так много «монахов, каноников, крестоносцев, орденов братьев и всех иных священников», в том, что «они, как паны, роскошно едят и пьют, одеваются в различные дорогие одежды, строят себе высокие дома с чистыми покоем... и все это делают за счет крови работающих людей»⁷⁰⁵. В другом трактате он писал: «К сожалению, священник не имеет иного дела в святой церкви, как

только нагуливать себе брюхо за счет тружеников»⁷⁰⁶. В этой критике духовенства Петр Хельчицкий в общем не выходит за пределы того, что писал и говорил прежде Ян Гус и бюргерская оппозиция в первые годы гуситских войн. В его трактатах мы также не найдем прямого ответа на вопрос о том, к кому должна перейти собственность церкви. Однако в критике светских феодалов, в своих симпатиях к крестьянству и особенно в планах политического переустройства общества он пошел дальше гуситского дворянства и бюргерства.

Особенно много и подробно Хельчицкий высказывался против светской власти церкви. Римско-католическая церковь захватила себе многочисленные функции светского порядка, выдумала целый ряд установлений, вопреки божьим заповедям. Папа римский — «...это был наивысший Антихрист на римском престоле». Вошло уже в обычай, что папы «могли давать отпущения грехов и освобождали от мук ада», могли назначать священниками тех, кто «даст достаточно денег, или лишить священства». Папа (имеются в виду папы вообще.— А. О.) утвердил многие духовные ордена, многие обычаи выдумал, «освятив их своей властью, чтобы христиане приняли их за истину»⁷⁰⁷.

В специальном трактате «Речь об основе людских законов» Хельчицкий отвергает право католической церкви, папы, высшего духовенства вообще создавать какие-либо новые установления и узаконения для верующих. Прелаты говорят, ссылаясь на Христа, что светские люди обязаны выполнять все то, что им скажут магистры, ученые католические богословы. Эти «законы прелатские» выдуманы ими. Бог никогда не давал им права создавать их. Он требует от людей, чтобы они выполняли его установления⁷⁰⁸. Напрасны ссылки ученых докторов церкви на то, что будто бы идея светской власти церкви содержится в Писании. Установления магистров в действительности «...не родятся из заповедей божьих и не могут иметь такой правды и такой силы, какую имеет закон божий»⁷⁰⁹. Они не имеют ничего общего с божьими заповедями. Поэтому Петр Хельчицкий считает, что эти новшества не следует соблюдать, поскольку они нередко прямо противоречат установлениям божьим. Священники, захватив светскую власть, пользуются ею для «борьбы и отмщений»⁷¹⁰. После того как церковь получила при папе Сильвестре светскую власть, она, эта «разукрашенная блудница», получив от светской власти «всю свою силу», «как подо-

бает ее бесстыжей наглости, принялась лобызать эту власть⁷¹¹. Хотя П. Хельчицкий не понимал, разумеется, классовой общности светских феодалов и высшего духовенства, он все же увидел в некоторой мере сходство их интересов. Вследствие обогащения церкви, роста ее светской власти и влияния, «все писания и вера пришли в великое замешательство».

Категорическое отрицание человеческих (т. е. церковных.—А. О.) измышлений высказано Хельчицким в ряде трактатов. «Поэтому ни одна вещь, проникая между христианами, не могла быть так противна богу, как эти законы, так противоречащие закону божьему и так вредные христианам»⁷¹², писал он в одной из работ. И в другом произведении он говорит: «Духовные лицемеры, находящиеся на больших должностях», создают себе «собственные законы, противные закону божьему»⁷¹³. Борьба Хельчицкого против церковных нововведений объективно направлена была против так называемого священного предания, в защиту священного Писания. Подробнейшим образом он останавливается на этом вопросе в произведениях, написанных уже после гуситских войн, особенно в «Сети веры»⁷¹⁴.

Решительно осуждается образ жизни католического духовенства, главным образом высшего. Духовенство ведет светский образ жизни, далекий от заповедей Христа⁷¹⁵. Эта церковь за счёт «пота и крови бедноты имеет роскошную жизнь»⁷¹⁶. Святокупцы стараются использовать Ветхий и Новый заветы в целях обогащения, для оплаты своего бесстыдного разврата. «А это священство, которое без болеей породила блудница, восседающая на римском престоле, это сыны проклятия»⁷¹⁷.

Неоднократны выступления Хельчицкого против римского папы. Он писал о нём: «...Какой дьявол оделся в него и его также одел в свою одежду, а мы, глядя на него, не думали, что это был наивысший Антихрист на римском престоле»⁷¹⁸. Когда сняли с папы головной убор, то оказалось, что «это не бог земной, но прикрытый Антихрист». Папа присвоил себе огромную власть. Долго было распространено мнение, что папы, наделённые особой властью от бога, «могли давать людям отпущение всех грехов, и освобождали от мук ада, и давали возможность стать священником тому, кто даст много денег, или лишит священства»⁷¹⁹. Пользуясь этой властью, папы утвердили многих священников, монашеские ордена, выдумали многие обычаи и обря-

ды» и освятили своей властью, чтобы христиане приняли их за истину», создали высокие храмы, где хорошо исполняют церковные песни, но все это сделано для отвода глаз⁷²⁰.

Такого рода духовенству Хельчицкий противопоставляет истинных последователей учения Христа, которые живут в холоде и голоде, в наготе, по-апостольски, в бедности, не имея светской власти. Простой народ ненавидит католическое духовенство: «А простой народ питает отвращение к ним обоим — к панам и священникам. Так уже проторговали его (бога) паны и священники, что и то, что должны им давать и в чем слушаться, это все (выполняют) с отвращением и ропотом»; и это все далеко от общего равенства, заключает П. Хельчицкий (кстати сказать, в переводе Н. В. Ястребова последняя, весьма важная часть фразы опущена). Такой резкой критики панства и духовенства мы не встречаем у идеологов бюргерской оппозиции. Обычно у них она более умеренна. Идея равенства упоминается у Хельчицкого несколько раз. Думается, что у него идет речь не только о равенстве религиозном, т. е. равенстве всех христиан перед богом. Последующее рассмотрение политических воззрений Хельчицкого показывает, что он, отвергая деление общества на сословия, выдвигал уже идею социального и правового равенства.

В ряде случаев Хельчицкий высказывается против сложного католического культа, за упрощение церковных обрядов и их удешевление, против папских индульгенций, против монашества.

Наряду с критикой церковного феодализма, в его произведениях суровому осуждению подвергаются и светские феодалы, прежде всего за их отношение к народу. Дьявол имеет особенно «большую власть над людьми повышенными»⁷²¹ (т. е. занимающими привилегированное положение в обществе. — А. О.), — говорит он. Светские должностные лица правят людьми по-язычески. Люди жадные, слепые, гордые не боятся бога и «не обращают внимания на народ», потому что хотят, чтобы «они не были для простого народа». Они «следят лишь за тем, чтобы им было хорошо, но не как пастух за стадом... простой народ для них (нужен), чтобы их брюху служил»⁷²². И в заключение Хельчицкий очень кратко и ярко изобразил социальное соотношение людей в тогдашнем феодальном обществе: «беднота есть ластбище богатых». Наиболее полное осуждение панов дано Хельчицким в трактате о трояком народе и в «Се-

ти веры». По учению церкви, рабочие люди «должны кормить панов, работой добывать им яства, напитки и платежи». Паны крайне обременяют народ. Они «...те горбатые члены, которые держат меч, дают, огорчают, бьют, сажают в тюрьму, отягощают барщиной, оброками и иными выдумками других, меньших членов» общества⁷²³. Вместе с духовенством «паны и священники ездят на рабочем народе, как им захочется. О, как далеко это от слов св. Павла, чтобы все члены терпели из-за нужд каждого члена (подразумеваются члены общества. — А. О.). Одни плачут, ибо их грабят, вяжут, облагают платежами; другие смеются над их великой бедой»⁷²⁴. Поэтому развелось много господ. «Все хотят быть панами, паношами, воинами», хотят свободно обдирать народ как липу, тунеядствовать. Паны — это тунеядцы⁷²⁵.

Смело и открыто П. Хельчицкий выступает против паразитизма панов и привилегированного духовенства и решительно осуждает его: «Слишком много развелось по замкам и городам таких насильников, которые либо, пользуясь властью, чинят насилие общинам, либо, взимая платежи (имеются в виду платежи с общин, с крестьян. — А. О.), имеют от этого хорошее житье дома, пируют и ведут праздную жизнь... Та же причина, почему размножилось много многообразной пестроты (имелись в виду разнообразные одежды монахов различных орденов (комментарий Н. В. Ястребова) — монахов, каноников, крестоносцев, орденских братьев и всех иных священников, потому что они, как паны, роскошно едят и пьют, одеваются во многие дорогие одежды, делают (себе) высокие дома с чистыми покоем... и все это делают за счет крови работающих людей» (подчеркнуто нами. — А. О.)⁷³².

Хельчицкий выступает против обмана в торговле и ростовщических операциях. В его выступлениях проявляются также нотки раннего плебейского аскетизма, как вообще у таборитов. Когда все в обществе будет соответствовать Писанию, тогда никто «не будет ни продавать, ни покупать из жадности, преследуя в торговле злое вожделение...». Сейчас же «разрешаются торговля, торгашество и прочие стяжания, которые не что иное, как явная жадность и лихоимство; разрешаются и различные вредные ремесла, в которых обнаруживается суета очей в красках, покроях, украшениях, с целью надувательства глупых очей». Обман существует также и в торговле вином и иными напитками⁷²⁷. Как напоми-

нают эти горькие слова некоторые из 12 статей таборитских общин. Такого же рода выступления имели место и в Таборе, где табориты в первый, хилиастический период запретили ряд «вредных ремесел», т. е. ремесла, связанные с производством предметов роскоши. И у Хельчицкого в этом отрицании предметов роскоши проявляется явно антифеодалная тенденция, своеобразное отражение аскетизма бедноты. Дух этого аскетизма направлен против излишеств, роскоши панов, высшего духовенства и патрициата. Широкие слои народа не могли и думать о роскоши и мечтали только о том, чтобы иметь минимум предметов питания и одежды, необходимых для существования.

Мы можем, следовательно, сказать в заключение, что целый ряд положений, выдвинутых Петром Хельчицким, имел не только негативное, но и позитивное значение. Сюда относится требование ликвидации сословного деления общества, требование установления правового равенства людей. Для того времени это была весьма прогрессивная идея. Как указывает Ф. Граус, до Хельчицкого в Чехии не было выступления в письменной форме против деления общества на сословия⁷²⁸. Обычно в других странах такая идея выдвигалась в связи с зарождением и развитием буржуазной идеологии, идеологии назревающей буржуазной революции. Опыт европейских стран показывает, что сословное деление общества ликвидировалось, как правило, лишь с победой буржуазных революций. В учении Петра Хельчицкого идея равенства уже выходила за рамки равенства только в религиозном отношении и приобретала явно антифеодалный, политический смысл. Объективно это требование отражало тогда стремление к социальному равенству массы крестьянства и городской бедноты. Оно могло сыграть, безусловно, положительную роль и для бюргерства. Однако чешское бюргерство в своей массе стремилось еще не к ликвидации сословий, а к получению прав и привилегий для своего сословия. Оно желало получить возможность выступать от лица всех горожан, т. е. думало о получении различных привилегий только для себя.

В обстановке начавшегося народного вооруженного восстания П. Хельчицкий не мог, разумеется, обойти вопроса о том, каким путем следует ликвидировать те крупнейшие недостатки феодальной системы, которые он показал с такой большой силой, с чувством глубокого презрения к господствующему классу феодалов, осо-

бенно церковных. Он должен был указать на средства и методы установления намечавшегося уже тогда, хотя и в самой общей форме, идеального общества равных людей. Здесь-то и обнаружилась в полной мере слабость позиций Хельчицкого, противоречивость его идей. Одно из важнейших его произведений, написанных в эти годы, — это трактат «О духовной борьбе». В своих основных выводах по вопросам тактики гуситов он направлен против радикальных таборитов, против призыва таборитского лагеря выступить с оружием в руках с целью ликвидации существующего феодального эксплуататорского общества. Об этом говорит и само название трактата. Как мы уже отмечали выше, Хельчицкий выступил против таборитов в критический момент бурной дискуссии о войне между умеренными и радикальными гуситами. Будучи в своей резкой критике феодальных порядков единомышленником восставшего народа, Хельчицкий явился решительным противником его революционной тактики и резко осудил ее. Христос, апостолы призывают человека лишь к борьбе духовной. К насилию побуждает сам сатана, пишет Хельчицкий, осуждая этим таборитскую практику. Он решительно выступает против хилиастического учения • судном дне, в его таборитской трактовке. Он считает дьявольским наваждением утверждение гуситских хилиастов о том, что именно они—табориты—и являются ангелами-мстителями божьими. Дьявол побудил таборитов взяться за оружие, он действовал при этом очень хитро⁷²⁹. Таборитской революционной тактике Хельчицкий противопоставляет призыв к покорности, к непротавлению злу насилием. Люди должны жить «в духовном покое, в набожности и свободе»⁷³⁰. С точки зрения Хельчицкого, табориты неправильно толкуют Писание, чем пользуется дьявол и из-за чего делается много несправедливости. «И это зло теперь видим перед глазами...»⁷³¹. В заключительной части трактата «О духовной борьбе» Хельчицкий вновь и вновь призывает гуситов к борьбе духовной, т. е. к средствам морального воздействия по отношению к противникам, чтобы они сами добровольно отказались от всякого зла. Нравственное совершенствование людей—это путь, намечаемый им для осуществления плана преобразования общества. Апостол призывает людей не к телесному, а к духовному бою: «...не призывает тут апостол людей к боям телесным, поэтому не велит им брать меч телесный» (подчеркнуто мною.—А. О.)⁷²³.

Слепые учителя ведут народ за собою, писал Хельчицкий, имея в виду таборитских руководителей. Телесным мечом можно уничтожить живых людей и послать их в ад, но нельзя ликвидировать существующие недостатки. Бог заповедал, чтобы один человек миловал другого⁷³³. Отрицание метода революционного и всякого иного насилия проходит красной нитью через другой его трактат, более поздний по времени, — «Речь о трояком народе». Даже светская власть не может применять меч в защиту христианской веры. Если бы бог захотел, «...чтобы из-за его заповеди устраивали сечи, вешали, топили, жгли и другими способами цедили из людей кровь, то старый закон (Ветхий завет — А. О.) стоял бы по-прежнему, не погнувшись, со всеми своими кровавыми делами⁷³⁴.

Приведенные нами краткие данные об отношении Хельчицкого к таборитской тактике говорят прежде всего о том, что он, в тех исключительно сложных и трудных для чешского народа условиях, не различал войны справедливые и войны грабительские, захватнические. Идея непротivления злу насилием в любых условиях — вот один из важнейших тезисов его учения. Такое утверждение находится в прямом противоречии с его резкой критикой существующего порядка вещей, с его отрицанием важнейших социально-экономических основ феодализма. В обстановке крестовых походов, героической борьбы плебейско-крестьянского лагеря таборитов за создание царства божьего на земле — общества без классов, без эксплуатации человека человеком, без насилия одного над другим — идея непротivления злу насилием играла крайне отрицательную, вредную роль. Именно это обстоятельство и замалчивалось буржуазными историками в их работах о Хельчицком.

Как правильно отмечено в специальной чехословацкой⁷³⁵ и советской литературе⁷³⁶, эта идея Хельчицкого могла лишь ослабить силу народного сопротивления международной и внутренней реакции, ослабить революционный лагерь таборитов.

Оценивая классовую природу П. Хельчицкого и его позицию, мы считаем возможным утверждать, что он выражал интересы зажиточного крестьянства. Как указывал Ф. Энгельс, крестьянина в эпоху феодализма было очень трудно поднять на вооруженное выступление по многим причинам: «Однако крестьян, хотя и озлобленных страшным гнетом, все же трудно было поднять на восстание. Их разобщенность чрезвычайно затрудня-

ла возможность общего соглашения. Действовала долгая, переходившая от поколения к поколению привычка к подчинению; во многих местностях крестьяне отвыкли от употребления оружия; жестокость эксплуатации то усиливалась, то ослабевала в зависимости от личности господина.—все это помогало удерживать крестьян в повиновении»⁷³⁷.

И в чешских землях, даже в условиях начавшегося массового восстания народа, была, по-видимому, некоторая часть зажиточного крестьянства, которая, находясь в лучшем положении, чем подавляющая масса крестьян, не приняла непосредственного активного участия в восстании. Вероятно, не случайно в 72 статьях таборитов упоминается, что они запрещали другим седлакам (крестьянам) выплачивать чинш феодалам и угрожали тем, кто не примет участия в общенародном восстании. Аналогичную позицию зажиточное крестьянство занимало и в других антифеодальных народных движениях того времени. Даже на новом этапе народного движения, в условиях крестьянской войны в Германии 1525 г., в 12 тезисах восставшего немецкого крестьянства мы встречаем статью подобного рода, направленную против тех, кто не поддерживал народного восстания. В восстании У. Тайлера очень ярко проявилась умеренность зажиточного крестьянства, которое думало получить удовлетворение своих требований от короля, выдвинуло Майлэндскую программу и в критический момент ушло из Лондона, оставив на произвол судьбы крестьянскую бедноту, предав ее.

К числу важнейших источников, которые дают нам некоторые сведения о направленности таборитского движения после его первого, хилиастического этапа, относятся материалы таборитских синодов 1422—1424 гг. Эти синоды состоялись в феврале 1422 г. в городе Писеке, в июне 1424 г. в Таборе и в ноябре 1424 г. в Клатови. В итоге деятельности синодов были приняты 9 статей⁷³⁸. По мнению Г. Томана⁷³⁹, которое подтвердил и Я. Голл⁷⁴⁰, 1—4 статьи возникли и были приняты раньше других в Писеке, тогда как последующие утверждены на синоде в Клатови. Мнение Томана направлено против точки зрения В. Томека, утверждавшего, что статьи 1—4 были приняты в Клатови в 1424 г. на основе статей пражских магистров. Сравнение текстов 23 статей пражских магистров, принятых в октябре 1424 г. против таборитов, с четырьмя первыми статьями клатовских решений, сделанное Томаном, показывает, что между ними дейст-

нительно есть важные различия в первой и третьей статьях и что их нельзя отождествлять с решениями пражских магистров.

Основное содержание клатовских статей посвящено вопросам таборитской тактики, т. е. вопросу о войне. Во вступлении указывается прямо, что имеется много неурядиц в самих общинах таборитов, против чего выступают многие светские и духовные люди. В третьей статье указывалось, что «...никто не может начинать или вести христианские войны, кроме тех случаев, когда это допускает Новый завет и призвет к этому законным путем установленная власть». Эта важнейшая статья и другие из указанного постановления были направлены по своему содержанию против прежних хилиастических призывов к всеобщей войне всех гуситов против врагов реформации. На это обращали внимание уже прежде многие исследователи гуситского движения: Я. Голл, Г. Томан, Н. В. Ястребов⁷⁴¹, В. Томек в своей многотомной истории Праги⁷⁴². Война в принципе все же признавалась, но с целым рядом оговорок, часть которых напоминает соображения пражских магистров по тому же вопросу, их высказывания о войне в полемике с хилиастами в более ранний период. Перечисляется ряд условий, при которых война признается: «...Эти войны не должны вестись ни против кого иного, кроме как против разрушителей веры, притеснителей невинных или противников и губителей страны и общества, либо против иных закоренелых и преступных нарушителей божьих заповедей, которые не могут быть усмирены и лишены упрямства иным, более мирным способом»⁷⁴³. Следовательно, имеются в виду войны справедливые, в защиту независимости страны и веры (в ее гуситском понимании, т. е. в органической связи с изменениями в общественных отношениях). Большое внимание уделяется вопросу о том, что войны таборитов не должны преследовать никаких низменных целей: «Нельзя грабить во время войны, приносить вред населению, мстить, захватывать или уничтожать справедливых и невинных...». Думается, что оговорка о том, что нельзя захватывать имущество невинных и справедливых людей, т. е. сторонников гусизма, совершенно не случайна. Она ограничивала возможность захвата чужой собственности, т. е. собственности помещиц, патрицианской, так как некоторые из панов в обстановке активного всенародного восстания временно примкнули к гуситам, и у них поэтому нельзя было отнять собственность. С другой

стороны, право захвата собственности у врагов гусизма в принципе этими решениями подтверждалось, что следует считать положительным явлением. Для лагеря бюргерской оппозиции вопрос о собственности церкви и патрициата был уже в основном решен положительно. Они захватили эти владения и нуждались теперь только в юридическом закреплении этой приобретенной собственности. Следовательно, клатовские статьи в этой их части можно толковать как выражение таборитского требования, направленного против крупной феодальной собственности, несмотря на их значительную умеренность по сравнению с 72 статьями.¹ Необходимо вместе с тем подчеркнуть, что в тексте рассматриваемой статьи нет специальной оговорки о том, что речь идет только о собственности церкви. Подразумевается возможность отнятия собственности и у светских лиц.

Таким образом, решения таборитских синодов предполагали и в дальнейшем осуществление изменений в области отношений собственности. Практически табориты продолжали борьбу в этом направлении и в дальнейшем ходе гуситского движения выступали против собственности крупной, прежде всего церковной. Клатовские решения представляют большой интерес и в том отношении, что они лишний раз показывают, в противовес мнениям буржуазных историков, какое кардинальное значение придавалось таборитами именно социально-экономическим проблемам.

Третья статья клатовских решений допускала ведение войны светскими лицами. В отличие от пражских магистров, на что обратил внимание Томан⁷⁴⁴, табориты считали возможным, что такую справедливую войну могут начать не только законные власти, хотя в первую очередь им принадлежало это право, но и светские люди, вдохновляемые духом святым. Такая оговорка, при всех ограничениях, введенных синодами таборитов в рассматриваемом вопросе, все же давала известную возможность для ведения активной борьбы против феодально-католического лагеря. Соглашаясь с правильной оценкой решений клатовских синодов, как направленных против хилиазма, мы вместе с тем хотели бы указать, что сама идея активной, даже вооруженной борьбы с феодально-католическим лагерем, хотя и была крайне ограничена, все же не отвергалась. На наш взгляд, это объяснялось прежде всего тем, что основная масса трудового народа страны еще была реши-

мости вести эту борьбу, и умеренные элементы не могли тогда добиться полного отказа народа от этого стремления. Таборитская практика подтверждает, что и в последующие годы крестьяне и плебс продолжали энергичную вооруженную борьбу с внутренней и международной реакцией. Задача антифеодальной борьбы не снята была с повестки дня, хотя наиболее последовательные и далеко идущие представители таборитов и потерпели тогда поражение.

Сохранение в принципе самой идеи активной борьбы за преобразование общества и отражало важнейшее различие между бюргерской оппозицией и таборитами на втором, послехилиастическом этапе гуситского движения.

В противовес прежним утверждениям хилиастов, таборитские синоды запретили теперь священникам лично убивать, ранить кого-либо, участвовать в руководстве войском (статья 2), однако с оговоркой, что в справедливой войне священники могут, вдохновлять воинов на борьбу. Некоторые священники, отмечалось там же, вмешиваются в светские дела и, следовательно, вышли за пределы обязанностей духовных лиц, что неверно. По существу своему и эта статья должна была ограничить значение и влияние наиболее радикальных элементов в таборитском лагере. Отвергалась смертная казнь, что характерно для вальденских требований, но имелась в виду возможность некоторых исключений, когда необходимость казни могла быть подтверждена Новым заветом⁷⁴⁵. Отвергалась необходимость следовать нормам Ветхого завета и всем людским законам, противоречащим Евангелию⁷⁴⁶. Таким образом, и здесь налицо тенденция решительного вытеснения хилиастических призывов к непримиримой и беспощадной борьбе с членами феодально-католического лагеря. Антихилиастической по своей направленности была и первая статья, в которой отмечалось, что некоторые таборитские священники неверно толкуют священное Писание, что ведет к ненужным жестокостям, самовластию и жадности. Священники должны впредь так толковать Писание, чтобы их поучения и разъяснения были бы в полном соответствии с ним, с жизнью и учением Христа и его апостолов⁷⁴⁷.

В отличие от пражских магистров, в качестве источника для деятельности таборитских священников указывалось только Писание, а не установления самой церк-

би. Однако в таком духе в период до гуситских войн выступал еще Ян Гус. Бюргерская оппозиция уже отступила от его заветов, тогда как табориты объективно оказались их защитниками. В 5 главе указывалось на то, что таборитские общины притесняли народ, вымогая различные платы⁷⁴⁸. Было высказано и записано мнение, что нельзя наказывать, вообще считать виновными тех седлаков, которые, будучи беззащитными перед лицом неприятеля, вынуждены по его требованию нести повинности (ст. 5, 6). Это было направлено явно против хилиастического требования привлекать к суровой ответственности всех, кто вольно или невольно служил врагам. Такого же рода требование было выдвинуто позднее в Великой крестьянской войне в Германии и накануне ее, когда заговорщики и повстанцы провозглашали, что тот крестьянин или горожанин, который не примкнет к ним, будет рассматриваться как враг народа. Таким образом, это требование в различных исторических условиях во все не обязательно должно рассматриваться как только хилиастическое. В 7 статье некоторые табориты обвинялись в том, что они жестоко обращались с противниками и их подданными, хотя последние могли быть и сторонниками гусизма, с женщинами, мужья которых оказались в стане врагов. Предписывалось, чтобы впредь табориты не нападали на тех, кто может стать их союзником, кого можно мирным путем привести в лагерь гуситов. Это касалось и подданных, чтобы они не отвечали за грехи их панов. Особенное внимание обращается на тех дворян, которые дадут согласие не препятствовать своим подданным помогать гуситам или обязуются разрешить гуситским священникам проповедовать их идеи в своих владениях. Здесь явно звучало стремление найти возможность мирного соглашения с феодальными элементами общества. Вместе с тем с полной очевидностью проступает типичная крестьянская черта периода феодализма—крайняя доверчивость к врагам, иллюзия, вера в возможность убедить хотя бы часть из них, доказать им необходимость преобразования общественных отношений. Такие крестьянские иллюзии характерны были для народных революционных движений в эпоху средневековья. Во времена восстания Уота Тайлера крестьяне подавали петиции королю. В период Великой крестьянской войны в Германии восставшие крестьяне в свои программные документы включали оговорки и уступки в пользу тех дворян, которые добровольно при-

мут их требования. Они охотно принимали в свои отряды рыцарей, опытных в военном деле.

Шагом назад, и весьма значительным, было и то обстоятельство, что в решениях таборитских синодов уже не отвергалась сама идея подданства. Наоборот, она молчаливо признавалась в противовес прежним хилиастическим требованиям таборитов. Даже в сочинениях Петра Хельчицкого подданство и деление общества на сословия отвергались категорически. Следовательно, и здесь мы наблюдаем значительную эволюцию таборитов вправо. Большое внимание к судьбам седлаков проявлено в рассматриваемых решениях, как нам думается, совсем не случайно. По существу теперь речь идет не о крестьянской бедноте, хотя нередко употребляется термин «беднота» и постоянны ссылки именно на ее интересы. По существу своему клатовские решения выражали интересы зажиточных и частью средних крестьян, которые готовы были признать и подданство и необходимость платить феодалам платежи, признавали социальное и правовое неравенство при условии получения некоторых уступок от феодалов. Сказалось, безусловно, и усиление позиций дворянства, примыкавшего к таборитам.

В дальнейшем предписывалось не предпринимать походов с целью захвата добычи, не принуждать бедных людей насильем выплачивать различные платежи. Такого рода требование встречается в «Воинском уставе» Яна Жижки от 1423 г. Лишь одна из девяти клатовских статей касалась непосредственно проблем, связанных с религиозным учением церкви—это статья о сущности причащения. Отмечалось, что и в этом вопросе имеется много колебаний и неправильных толкований, и предписывалось чаще причащаться⁷⁴⁹, чтобы лучше помнить о Христе.

Очень мало сохранилось документальных данных, сообщающих о таборитской практике послехилиастического периода. Например, в одном из источников говорится о том, как священник Суходольский пожаловался Ольдржиху Рожмберку, что ему некоторые рыбаки отказываются платить рыбную десятину. «Также жалуюсь В. М. (Вашей милости.—А. О.) на рыбаков из Суходола на Кржиху и на Филеше, что не хотят давать мне рыбной десятины, как это установил пан Индржих, пуркрабий Лутовский, двое мне дают, а двое отказыва-

ются». Далее священник сообщал о том, что рихтарж из Суходола, Стоклас, при требовании священником этой уплаты «еще грозился мне, говоря: будешь сожжен и со своими слугами»⁷⁵⁰, если будешь требовать с крестьян рыбной десятины. В 1424 г. в Ждицком соглашении между таборитами и пражанами было специально оговорено, чтобы священники «десятины больше с людей не собирали»⁷⁵¹. Пример с суходольским священником говорит даже о большем, чем только о церковной десятине. Он напоминает о прежнем и давнем народном требовании дать крестьянству свободный и бесплатный доступ к общинным угодьям. Это требование включено было и в известные нам хилиастические статьи, хотя оно вовсе не носило исключительно хилиастического характера. Достаточно напомнить 12 тезисов немецкого крестьянства периода Великой крестьянской войны в Германии.

О продолжающейся антифеодальной борьбе народа вплоть до окончания гуситских войн свидетельствуют данные, которые можно найти в хронике Бартошка из Драгениц, рыцаря и непосредственного участника войны против гуситов в составе войск Сигизмунда⁷⁵². Он приводит целый ряд фактов разрушения таборитами феодальных замков и крепостей. По-видимому, это были владения главным образом крупных светских и церковных феодалов. В 1424 г., писал Бартошек, Жижка и табориты в районе Клатови и Пльзня преследуют знать, чешских панов,—пишет хронист⁷⁵³. В 1425 г. таборитские полководцы Ян Рогач и др. осаждали замки Красов и Либштейн, но взять их тогда не смогли. Однако им удалось тогда сжечь несколько замков панов Фридриха и Гануша из Коловрат, которые вели против таборитов ожесточенную борьбу. В том же году табориты осадили замок Вожице, взяли его с помощью штурмовых «машин»—механизмов для разрушения крепостных стен — и разрушили его. В том же году после 14 дней осады они взяли и разрушили замок Камениц⁷⁵⁴. В 1427 г. табориты осадили, взяли и разрушили замок Червена Гора. Затем заняли город и замок Злебы и сожгли замок⁷⁵⁵. В 1428 г. табориты и сироты осаждали замок Лимбург, но не добились успеха⁷⁵⁶. В 1429 г. табориты захватили замок Лансперк и сожгли замок Зивек⁷⁵⁷. В 1430 г. они осадили замок Либштейн в Писецкой области, принадлежавший пану Фридриху из Коловрат. Пан заключил с таборитами соглашение, благодаря чему его замок был сохранен⁷⁵⁸. В 1432 г. табориты и сироты осаждали замки Потштейн, Фричштейн и Перкакан. Паны пошли с

ними на соглашение⁷⁵⁹. По-видимому, на всем протяжении гуситских войн табориты захватывали в свои руки раз-
личное королевское имущество, о чем писал Сигизмунд. Так, накануне переговоров в Хебе в 1429 г. он потребо-
вал от таборитов в качестве предварительного условия, чтобы ему возвратили коронное имущество, а также вер-
нули бы имущество их прежним светским и церковным
владельцам⁷⁶⁰. Очевидно, часть этих владений находи-
лась в руках таборитских общин. К сожалению, нам не-
известно, как и кому раздавались в эти годы королев-
ские и иные светские церковные владения, но факт тот,
что такие владения были тогда в руках таборитов. В
анонимной жалобе против гуситов в 1432 г., т. е. гораздо
позднее, чем выступали таборитские хилиасты, припоми-
нается, что табориты обещали подданным «всевозмож-
ные свободы в водах, лесах и лесничествах»⁷⁶¹. Следова-
тельно, продолжалась борьба за трудовую крестьянскую
собственность, за расширение экономических возможно-
стей для крестьянина вести свое хозяйство в более бла-
гоприятных условиях.

Крестьянство продолжало бороться за свободу лич-
ности, за свободу передвижения по стране по своему
усмотрению. В тексте соглашения между таборитами и
Ольдржихом Рожмберком от 13 июля 1430 г. содержит-
ся таборитское требование не наказывать тех подданных
этого помещика, которые ушли от него в Табор или вое-
вали вместе с таборитами⁷⁶². Еще до этого Сигизмунд
обвинял О. Рожмберка в том, что из его владений под-
данные уходят в лагерь таборитов⁷⁶³.

О том, что очень большое количество крестьян бежа-
ло из владений своих панов за годы гуситских войн, т. е.
фактически добилось личной свободы, говорит решение
общечешского суда от 1437 г., принятое уже после окон-
чания народного восстания. Мы читаем в нем: «Люди
(подданные.—А. О.), которые сбежали с дедин и нахо-
дятся в городах или еще где-либо, те чтобы были воз-
вращены своим панам или чтобы оставленные дедины
(в данном случае «дедина» — участок панской земли,
сданной в наследственное держание крестьянину.—А. О.)
заселил пригодными людьми, если пан может где-либо
взять их как своих людей»⁷⁶⁴.

В качестве источников, которые дают нам некоторые
данные о деятельности гуситов в послехилиастический
период незадолго до Липан, следует привлечь и таборит-

ские манифесты 1430—1431 гг. Оговоримся сразу же, что это источник весьма специфический. Манифесты были рассчитаны на нечешское население и имели совершенно определенный замысел—воздействовать на общественное мнение тогдашней Европы, чтобы при поддержке массы дворянства, князей и городов добиться публичного обсуждения важнейшего программного документа всех группировок гуситов—четырех пражских статей. Следовательно, сама направленность этих источников говорит о том, что в них не могли быть изложены программные требования таборитов во всей их глубине и полноте. Все же некоторые сведения манифестов позволяют нам, при учете других источников, сделать некоторые выводы по поводу требований плебейско-крестьянского лагеря в последние годы гуситских войн.

Таборитские манифесты привлекали внимание ряда исследователей⁷⁶⁵, неоднократно издавались⁷⁶⁶, хотя марксистскому анализу с рассматриваемой нами стороны они не подвергались⁷⁶⁷. В обстановке крупных внешнеполитических и военных успехов табориты обращаются в манифесте 1430 г. к князьям, господам и городам Германской империи, а в манифесте 1431 г.—к горожанам Базеля, поскольку там должен был собраться церковный собор. В числе авторов манифестов был Прокоп Великий и некоторые другие таборитские священники, менее известные как политические деятели плебейско-крестьянского лагеря. В манифестах табориты стремились показать правильность своего учения, снять с себя обвинение в ереси, выдвинутое римской курией, и добиться обсуждения четырех пражских статей. Хотя сама попытка публичного обсуждения таборитских принципов в присутствии феодальных господ отразила известную политическую незрелость движения и наличие у народа иллюзий в отношении феодалов, все же эта попытка поражает нас глубочайшей верой в силы народа, в справедливость идей, за которые боролись табориты.

Авторы манифестов призывают покончить с длительной кровавой войной, которую развязала папская курия вопреки самой сущности христианского учения, предлагают заменить методы голого насилия совместным обсуждением важнейших вопросов, выдвигаемых гуситами.

Затем дана подробная и резкая, особенно во втором манифесте, критика церкви того времени. Особенным нападкам она подверглась за наличие больших богатств, стяжательство вообще, стремление к дальнейшему рас-

ширению политической власти. Осуждается продажность церкви и духовенства, которые обратили в объект купли-продажи весь религиозный культ, все обряды церкви. Резкой критике духовенство подвергается за свое нравственное разложение, за паразитизм. Подчеркивается мысль о необходимости реформы католической церкви в духе возвращения ее к нормам раннего христианства, которое во всех таборитских манифестах противопоставляется церкви XV века. Призывая к восстановлению нравов апостольской церкви, манифесты имели в виду не возврат к старому, как это пыталась доказать буржуазная реакционная историография, а создание новой церкви, более отвечающей изменившимся социально-экономическим условиям.

В числе 14 статей первого манифеста, сохранившегося в хронике Э. Виндека⁷⁶⁸, и 20 статей второго некоторые представляют особый интерес в интересующем нас аспекте темы. Авторы второго манифеста подробно останавливаются, например, на вопросе о монастырях. Отвечая на обвинения по поводу разрушения монастырей, они полностью оправдывают свои действия и заключают: «А если их (монахов) выгоняем и разрушаем монастыри, (то) этим уничтожаем не богослужение, а гнезда дьявола и школы ереси»⁷⁶⁹. Табориты аргументируют такую практику ссылкой на раннюю христианскую церковь. «Ибо господь Христос наш не основал ни одного монашеского ордена и ни одному не дал имущества»⁷⁷⁰. Эти соображения таборитов аналогичны мыслям и призывам Яна Гуса и его предшественников. Само по себе требование ликвидации монастырей не выходит за рамки идеологии бюргерской оппозиции. Напомним, однако, что в ходе гуситских войн лидеры бюргерской оппозиции все более и более отходили вправо. Уже Вавржинец в своей хронике, а несколько позднее более умеренный Ян Пршибрам в трактате о таборских священниках решительно протестуют против таборитской практики закрытия и разрушения монастырей и роспуска монахов. Только много позднее бюргерская оппозиция в Европе, преобразовавшаяся в буржуазию, найдет в себе силы для положительного решения вопроса о ликвидации монастырей и монашества. Бюргерская оппозиция на рассматриваемом этапе еще нуждалась в идейной и политической поддержке церкви, и когда народные массы попытались лишить церковь ее социального и политического господства, бюргерская оппозиция не нашла в себе сил для последовательного решения проблемы в духе учения

Гуса. И в данном случае роль последовательных и решительных проводников идей Гуса выпала на долю широких слоев народа.

Весьма интересны высказывания таборитов по поводу национальных прав народов в связи с запретом католической церкви переводить Библию на национальные языки. Они считают это запрещение совершенно неверным. «Почему бы не могло быть святое Писание на немецком, итальянском, чешском и венгерском (языках)»⁷⁷¹. Это высказывание в защиту национального языка и культуры чрезвычайно знаменательно. Оно перекликается с целым рядом подобных суждений Яна Гуса. Бюргерская оппозиция, поглощенная своими корыстными интересами, уже не ставила теперь остро и этого вопроса.

Среди конкретных требований таборитского манифеста 1431 г. нельзя не указать на отрицание таборитами церковной десятины. Священники требуют с верующих десятины «и в этом неправы и не могут доказать этого Новым заветом, чтобы Христос приказал нам давать десятину. Господь и его ученики никого к этому не принуждали и сами десятины не брали»⁷⁷². Идея создания дешевой церкви, свойственная бюргерской оппозиции, здесь выражена с большой полнотой. Чрезвычайно характерно для таборитов также и использование Библии как основания для защиты явно антицерковного требования, направленного против исключительных привилегий крупных церковных феодалов. Как показывают созданные несколько позднее (в 1436 г.) пражские компактаты, гуситская умеренная оппозиция отказалась уже от последовательной борьбы за максимально дешевую церковь. Понятно поэтому, почему идеологи пражских гуситов отказались подписать таборитский манифест 1431 г.

Табориты не ограничивались и в данном случае только критикой церковного феодализма, но выдвинули конкретные предложения с целью ликвидации основных пороков церкви. Они вновь изложили в манифестах четыре пражские статьи.

Характерно, что в манифесте 1431 г. требование отнять у церкви собственность и светскую власть выдвинуто уже на первое место⁷⁷³. Указывалось, что «...является пристойным и справедливым, чтобы светские владения и светская власть были взяты у всего духовенства Христова от наивысшего до наименьшего... по праву божескому и людскому» «и с согласия светских панов и

«мирян»⁷⁷⁴. В пражских компактатах гуситское дворянство и бюргерство уже отказались от этого тезиса и по существу признали право церкви на собственность и на участие в светской власти. Формулировка третьей статьи манифеста — о наказании за смертные грехи — была весьма умеренна и выдержана в духе бюргерской оппозиции. Отпало уже положение о том, что сами верующие могут наказывать за те или иные смертные грехи лиц, виновных в этом. Наказывать могут лишь те лица, которым надлежит это делать, причем законным путем, т. е. согласно существующим юридическим феодальным нормам⁷⁷⁵. В пражских компактатах это требование было изложено примерно так же.

В заключение в манифесте указывалось, что преобразование церкви и образа жизни духовенства должно быть осуществлено во что бы то ни стало. «Названное духовенство должно быть, хочет оно этого или не хочет, приведено к евангельской жизни по образу, как жил Христос со своими апостолами»⁷⁷⁶. У бюргерской чешской оппозиции уже не было к тому времени такой же, как у таборитов, настойчивости и решительности в борьбе за реформу церкви. Как показывают компактаты, бюргеры теперь хотели бы только, чтобы за ними было закреплено все то, что они получили или захватили за время гуситских войн. Остальное их уже не интересовало.

Кто же должен был осуществить реформацию церкви? На какие социальные слои общества думали в данном случае опереться вожди таборитов? Таборитские манифесты были обращены к светским властям — королям, князьям, господам и городам, т. е. имущим светским элементам. Несколько раз употребляется выражение «богатым и бедным», «всем вообще», однако это лишь общая, не конкретизированная формулировка. Крестьянство упоминается лишь вскользь.

Содержание манифестов 1430—1431 гг. говорит о значительном поправлении руководства таборитов. В манифестах нет высказываний в хилиастическом духе. В них признается деление общества на сословия, нет отрицания духовенства как отдельного и привилегированного сословия. Это было, по-видимому, не только тактической уступкой, но и идейным сдвигом вправо руководителей таборитов.

Социально-экономические отношения в самом Таборе также эволюционировали к этому времени в направлении превращения его в типичный бюргерский город

вместо прежнего центра революционной борьбы крестьянства и городской бедноты. В руководстве таборитского движения все большее влияние приобретали выходцы из низшего дворянства, бюргерские элементы, некоторые прежние рядовые члены таборитских общин, разбогатевшие за время гуситских войн и выступающие теперь с умеренных позиций. Требования таборитских манифестов 1430—1431 гг. во многом отвечали по их содержанию и направленности важнейшим положениям учения Яна Гуса и программы радикальной части бюргерской оппозиции первых лет гуситских войн, но уже не отражали со всей полнотой революционных чаяний крестьянской бедноты и городского плебса.

Заключая характеристику манифестов, мы можем отметить, что они свидетельствуют не только об эволюции вправо таборитского лагеря, но и о том, что продолжалась энергичная борьба против церковного феодализма, прежде всего за дешевую церковь. Последовательное осуществление этого требования могло принести весьма существенные положительные результаты и ускорить социально-экономическое развитие чешских земель вообще. И в эти годы табориты не отказались от активных способов борьбы за свои жизненные права, хотя давно уже не выступали под знаменами хилиазма. Они еще полны были решимости бороться за победу своих идеалов, что подтверждается таборитской практикой конца 20-х и первой половины 30-х годов. Положительное значение имела и пропаганда таборитами своих взглядов в соседних странах, служившая укреплению дружественных связей революционного чешского народа с народами Германии, Венгрии, Польши, Франции. Эта пропаганда вызвала значительный рост гуситских откликов в ряде стран Европы.

Приведенные нами сведения об учении и деятельности Яна Желивского, Петра Хельицкого, материалы клатовских решений таборитов и таборитских манифестов, данные о походах радикальных гуситов внутри Чехии против феодально-католических сил, об уничтожении феодальных замков, монастырей—все это позволяет нам высказать ряд предположений о программных принципах плебейско-крестьянского лагеря таборитов в период после 1419—1422 гг.

Основой стремлений таборитов остается по-прежнему попытка решения главным образом насущных социально-экономических вопросов. Табориты продолжали борьбу против крупной феодальной собственности, за со-

здание благоприятных условий для ведения мелкого крестьянского хозяйства. Целый ряд вопросов, выдвигавшихся на первом, хилиастическом этапе движения, сохранил и теперь свое значение. Крестьяне по-прежнему боролись за свободное пользование общинными угодьями, что было раньше важной составной частью хилиастических статей. Опыт крестьянских движений в других странах говорит о том, что это требование могло выступать и вне хилиастической программы, как это было в 12 тезисах немецких крестьян в 1525 г.

Таборитское движение и в эти годы носило антицерковный характер, то есть было направлено в первую очередь против церковных феодалов. По-прежнему выдвигалось требование отмены церковной десятины. Обсуждение насущных вопросов экономической жизни крестьянства на Клатовском, Писецком и Таборском синодах 1422—1424 гг. говорит о том, что там стоял, в частности, вопрос об ограничении крестьянских повинностей, о прекращении взимания чрезвычайных поборов, связанных нередко с военной обстановкой того времени. Объективное содержание крестьянского движения и в эти годы—это борьба за максимально более свободную крестьянскую собственность, за наиболее благоприятные условия для ведения хозяйства мелкого собственника в деревне. Нельзя, конечно, не отметить, что теперь уже нет и речи о попытках осуществления идей потребительского коммунизма, нет и практики такого рода. Совершенно очевидно, что идеалы крестьянской и городской бедноты давно уже были отодвинуты на задний план и на первое место выступили интересы зажиточного крестьянина. Борьба против крупной феодальной собственности на этом этапе выразилась в том, что продолжались нападения на монастыри, многие из которых были разрушены в эти годы. У нас нет никаких данных о том, что табориты где-либо вернули церкви ту собственность, которая была у нее отнята в первые годы гуситских войн. Я. Пршибрам даже не упоминает об этом в трактате, написанном в 1429 г., и, наоборот, главное свое внимание он направил как раз на осуждение практики захвата чужой собственности таборитами, причем не только церковной, но и светской. Можно полагать, следовательно, что в этом отношении еще не было крупных принципиальных отклонений в направлении возврата к старому. Об этом же говорит и внутренняя борьба в Праге в 1427—1429 гг., продолжавшая там споры вокруг собственности, конфискованной у патрициата, короны и

светских феодалов еще в 1420—1421 гг. Фактически крестьяне в большей части страны, которая была в то время под властью гуситов, не несли феодальных повинностей в пользу церкви, возможно—и в пользу светских феодалов, хотя бы частично.

Продолжавшиеся в течение всего периода 20-х и в начале 30-х годов нападения таборитов на феодальные замки также нельзя считать результатом осуществления только определенных военных планов руководителей таборитов или следствием корыстных целей гуситской шляхты. Наряду с этими эгоистическими планами шляхты, примыкавшей обычно в корыстных целях к лагерю таборитов, боевые действия походных войск служили непосредственным интересам крестьянства. Уничтожение рыцарских замков способствовало ослаблению военной мощи господствующего феодального класса, и в этом проявилась антифеодальная направленность крестьянского движения и в поздние годы гуситских войн.

Думается, что для определения характера таборитского движения в рассматриваемые годы далеко не последнюю роль играют гуситские походы за границу. Мы не можем считать их выражением интересов только бюргерской оппозиции, хотя она была в них заинтересована и могла являться их организатором. Гуситские походы в Германию, Польшу, Венгрию нашли чрезвычайно широкий отклик в странах Европы именно в силу их демократического характера. Рассматривать их как выражение интересов только бюргерской оппозиции значило бы крайне ограничить их действительное содержание и снизить их историческое значение. Походы эти были одним из выражений зарождающейся солидарности трудящихся слоев разных народов Европы, куда входили не только представители бюргерства, но и крестьянство и плебс городов. Именно в эти годы окрепли интернациональные связи гуситов и имели место факты братской солидарности угнетенных.

Очень большое значение и в эти годы играли национальные устремления таборитов. Думается, что и в данном случае мы можем утверждать, что борьба таборитов сохранила свой глубоко патриотический характер, несмотря на то, что теперь в их лагере оказывалось все больше случайных элементов, временных попутчиков гусизма, которые стремились лишь использовать народное движение в целях обогащения. Широкие слои населения не были в эти годы только грубой физической силой таборитских войск. Именно крестьянство и масса горо-

жан нанесли сокрушительные поражения полчищам крепостосцев, неоднократно нападавших на гуситскую Чехию.

Однако, в отличие от первого этапа гуситских войн, очевидно, что в последующие годы уже не было выдвинуто какой-либо единой, более или менее стройной системы взглядов, такой, какая могла бы равняться программным требованиям хилиастов при всем их несовершенстве. Вместе с тем нельзя не указать еще раз, что глубина движения, его антифеодалная направленность теперь были очень сильно ограничены. В центре внимания стояла уже не задача ликвидации феодализма, а улучшение его. Целый ряд требований, которые защищались таборитами в более поздние годы, можно было осуществить в рамках феодализма. Утрачена была во многом и бывшая активность народных масс. Хотя и в эти годы сохранена была тактика вооруженной борьбы с феодалами, но она была далеко не такой последовательной, как прежде. Значительная часть таборитов уже стала сторонницей идеи компромисса с феодалами при определенных уступках с их стороны.

Итак, борьба таборитов с феодально-католическим лагерем и в поздние годы гуситских войн, при всех указанных слабых ее сторонах, продолжала играть выдающуюся прогрессивную роль и была главной силой, которая принесла в итоге ряд положительных результатов не только для бюргерства и дворянства, но и для крестьянства.

ГЛАВА 4

ПРОГРАММНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ И ТАКТИКА БЮРГЕРСКОЙ ОППОЗИЦИИ

В буржуазной исторической литературе почти нет работ, авторы которых занимались бы специально анализом программных требований бюргерской оппозиции. Им посвящена значительная часть 3-го тома «Истории чешского народа» Ф. Палацкого⁷⁷⁷, 3-го и 4-го томов «Истории города Праги» В. В. Томека⁷⁷⁸, говорится о них в работе И. Пекаржа «Ян Жижка и его время»⁷⁷⁹. Общая концепция этих историков рассмотрена нами выше, так же как и их отношение к гуситскому движению. Напомним лишь, что для либерального буржуазного историка Ф. Палацкого характерно положительное в целом отношение к гусизму и всемерное выдвижение на первый план деятельности гуситской бюргерской оппозиции. Умеренность ее требований, попытки компромисса на всем протяжении гуситских войн, отрицательное отношение к тактике вооруженной борьбы полностью одобряются автором.

В. В. Томек, будучи историком консервативной буржуазии, уже пришедшей к власти, значительно резче критикует таборитов, еще более настойчиво выдвигает на первый план в гусизме его правое крыло. И. Пекарж, идеолог империалистической буржуазии, вообще резко отрицательно относился к гуситскому движению, в том числе и к бюргерской оппозиции, хотя главный свой удар направил против плебейско-крестьянского лагеря таборитов. Все эти буржуазные историки рассматривали гуситское движение прежде всего как религиозное и национальное и именно этим сторонам вопроса уделяли главное внимание.

Среди нечешских работ программе преобразования церкви, выдвигавшейся умеренными гуситами, посвя-

цена книга лютеранского пастора Л. Круммеля⁷⁸⁰. Либеральный буржуазный немецкий историк Ф. Бецольд уделил значительно большее внимание социальным мотивам в деятельности бюргерской оппозиции⁷⁸¹. Но и Бецольд не смог понять до конца антифеодальную сущность гуситского движения.

В чешской прогрессивной литературе эпохи империализма значительное место принадлежит одной из ранних работ З. Неедлы «История гуситской песни» (1913)⁷⁸², которая далеко выходит за рамки названия книги и рассматривает вопросы идеологии гуситского движения. Автор уделил много внимания рассмотрению взглядов умеренных гуситов, дал интересную характеристику магистру Якоубеку из Стржибра. Позднее чешские буржуазные историки опубликовали ряд исследований о деятельности и мировоззрении отдельных виднейших представителей гуситского бюргерства—Яна Пршибрама, Яна Рокицаны⁷⁸³, Прокопа из Пльзня⁷⁸⁴. Однако и в этих трудах рассматривались главным образом гуситские планы преобразования церкви, причем только в области догматики и обрядовой стороны.

Отношение правого крыла гуситов к существующим феодальным порядкам не затрагивалось, классовая природа бюргерской оппозиции буржуазными историками игнорировалась

В послевоенный период в народно-демократической Чехословакии опубликован ряд монографий о гуситском движении. Краткая характеристика умеренного крыла гусизма дана в общем очерке Й. Мацека «Гуситское революционное движение»⁷⁸⁵ и вопросы тактики освещены в основном исследовании этого же автора «Табор в гуситском революционном движении»⁷⁸⁶. Отдельные проблемы государства и права в гуситском движении подняты в статьях В. Ванечка, И. Кейржа, И. Главачека⁷⁸⁷. Однако до настоящего времени в исторической литературе нет марксистского исследования, посвященного полностью программным требованиям и тактике гуситской бюргерской оппозиции.

В данной главе автор пытается дать краткую общую характеристику бюргерской оппозиции гуситов.

Наряду с плебейско-крестьянским лагерем—таборитами, которым, как мы уже видели, принадлежала роль наиболее последовательной и радикальной силы,

большое место в гуситском движении занимало умеренное его направление—лагерь бюргерской оппозиции. К этому лагерю можно отнести в первую очередь собственно бюргерство, т. е. средние имущие слои городского населения, куда входили: большая часть купечества, основная масса цеховых мастеров, кроме наименее материально обеспеченных в низших ремеслах, подмастерья из более привилегированных цехов. К бюргерству примыкает в эти годы большая часть низшего и среднего дворянства, у которого была общая с бюргерами ненависть к богатству и власти католической церкви и общее недовольство засилием магнатов. О такого рода позиции низшего дворянства Чехии писал Ф. Энгельс: «как в Южной Франции, так и в Англии и Чехии мы видим уже, что большая часть низшего дворянства присоединяется к борьбе городов против попов и примыкает к ересям—явление, которое объясняется зависимостью низшего дворянства от городов, а также общностью интересов тех и других в их оппозиции к князьям и прелатам»⁷⁸⁸.

К умеренным гуситам относилась также некоторая часть непривилегированного духовенства. Заметную группу в нем в составе бюргерской оппозиции представляли магистры и преподаватели Пражского университета. Наиболее привилегированная часть магистров примкнула к феодально-католическому лагерю и только единицы—к таборитам. Типичной фигурой среди гуситов-магистров был Вавржинец из Бржезовей. Также как и лагерь таборитов, лагерь бюргерской оппозиции не был единым целым. В нем следует различать три основных направления—радикальное, занимавшее в нем более левые позиции, умеренное, временами приближавшееся к правому крылу таборитов, и консервативное, тяготевшее больше к феодально-католическому лагерю и быстрее всего пришедшее к прямому предательству интересов народа. Консервативное крыло возглавлялось магистром Яном Пршибрамом. К нему относились более богатые бюргеры и дворяне, некоторые магистры университета.

Значительная часть бюргерской оппозиции колебалась между радикальными и наиболее правыми гуситами, а в дальнейшем примкнула к консервативному крылу.

Каковы были программные установки умеренных гуситов? Важнейшие из них мы находим в четырех пражских статьях, хотя кроме них изложение планов и це-

лей гуситского дворянства и бюргерства содержится и в ряде других источников. В первой пражской статье указывалось⁷⁸⁹: «Чтобы слово божие в чешском королевстве свободно возвещалось и проповедовалось без помехи от христианских священников». Вторая статья была посвящена вопросу о чаше: «Чтобы славное таинство тела и крови божьей под обоими видами хлеба и вина свободно раздавалось всем верным христианам, которым смертный грех не прелятствует, в соответствии с установлениями и заповедями спасителя...». Особенно большое значение имела третья статья, в которой гуситы ставили вопрос о секуляризации огромных богатств церкви и лишении духовенства светской власти.

И, наконец, в четвертой статье был поставлен вопрос о беспощадной борьбе со всеми явными смертными грехами, под которыми подразумевались вполне конкретные явления—разврат, ложь, ростовщичество, ложная присяга, платность церковных обрядов и продажность церкви вообще.

Четыре пражские статьи, ставшие надолго знаменем всего гуситского движения, были провозглашены в Праге 3 июля 1420 г., вскоре после вступления в столицу таборитских отрядов, и должны были явиться основой для совместных действий гуситов. Принятые в условиях начавшегося крестового похода против гуситской Чехии, они были размножены на латинском, немецком, венгерском и чешских языках, рассылались по всей стране и в соседние феодальные страны, в войска крестоносцев с целью ознакомления их с гуситскими требованиями. Эти статьи включались во все гуситские манифесты и воззвания, обращенные к народам Европы, рассылавшиеся как на первом, так и на заключительном этапе гуситских войн различными гуситскими группировками. В 1421 г. 4 пражские статьи были приняты официально одним из важнейших гуситских сеймов — сеймом в Чаславе.

В гуситских манифестах редакция четырех пражских статей нередко заметно менялась по своей форме⁷⁹⁰, по месту расположения отдельных статей, а иногда и по содержанию. Хотя четыре пражские статьи были приняты обоими лагерями гуситов, но табориты и умеренные гуситы вкладывали в них различное содержание, по-разному толковали их. Если для бюргерской оппозиции четыре пражские статьи были основой их программных требований, то для плебейско-крестьян-

ского лагеря они составляли лишь меньшую часть программы.

Проблема генезиса четырех пражских статей привлекала внимание ряда историков. Некоторую сводку истории вопроса содержит работа Ф. Дворского, посвященная в основном вопросу о чаше. Писали об этом также И. Лозерт, В. Новотный, Я. Голл, Ф. М. Бартош. Буржуазные историки при рассмотрении четырех пражских статей, как и в отношении генезиса гусизма в целом, исходили из теории филиации идей. У реакционных историков и в этом вопросе проявлялась тенденция рассматривать гуситское учение как привнесенное извне, не имевшее будто бы корней в самой чешской действительности. Немецкий историк И. Лозерт считал, что источником для четырех пражских статей явилось учение Д. Уиклифа. Особенно он подчеркивал это в отношении статьи о причащении под двумя видами⁷⁹¹. Его ученица М. Углирж, написавшая специальную монографию, посвященную генезису четырех пражских статей, в еще более категорической форме утверждала, что на возникновение четырех пражских статей мог иметь влияние только Уиклиф. Так, в отношении третьей статьи она писала, что «происхождение этой статьи следует искать, без сомнения, только в трудах Уиклифа»⁷⁹². Четвертая статья «происходит опять исключительно из трудов Уиклифа».

Против переоценки влияния идей Уиклифа на генезис четырех пражских статей выступил еще В. Новотный⁷⁹³, справедливо указавший, что происхождение четырех пражских статей относится к более раннему периоду, чем 1417 г. (так полагал Ф. Дворский), и зародились они в Чехии задолго до Яна Гуса. Так, первый тезис о свободной проповеди слова божия ставился уже Матеем из Янова, Томашем Штитным. Последний считал необходимым иметь Библию на национальном чешском языке. Добавим, что практика народных еретических сект также была направлена против монополии церкви в этом вопросе. Нередко проповедниками еретиков были миряне или монахи, отлученные от церкви. Уже Калоусек доказал чешское происхождение статьи о чаше. Вопрос этот ставился задолго до Уиклифа и гуситских войн и в других странах Европы (см. работу Пальмова). Резкая критика продажности церкви, идея секуляризации ее богатств и лишение ее светской власти—это одно из главных положений всех еретических народных сект в средневековой Европе, в том

числе и тех, которые выступали задолго до Уиклифа и Гуса. Требование возврата к временам апостольской раннехристианской церкви и в этом отношении—характерная черта и для чешских народных сект и для предшественников Яна Гуса, не знавших еще сочинений Уиклифа. В практической деятельности народных сект с исключительной остротой бичевались те пороки правящих и имущих классов общества, которые перечислены в четвертой статье. Известно, что длительное время вообще оспаривалось право церкви на ростовщичество, не признавались индульгенции и т. д.

Ф. М. Бартош в специальном исследовании о четырех пражских статьях справедливо указал⁷⁹⁴, что они являются выражением предгуситских и гуситских чаяний самих чехов, однако в целом он также весьма переоценивает внешнее влияние на генезис гуситских идей и требований и, являясь сторонником филиации идей, большое значение приписывает вальденству.

Таким образом, мы заключаем, что пражские статьи имеют самостоятельное значение и происхождение их следует искать во внутреннем развитии самой Чехии. Это не означает, что чехи жили изолированно от остальной Европы. В той или иной мере идеи Уиклифа и учение сектантов проникали и в Чехию, однако основным, главным источником для развития соответствующей идеологии могли быть лишь внутренние процессы развития Чехии. Чрезвычайное усиление феодального угнетения народа, в том числе и бюргерства, со стороны светской и духовной знати не могли не толкнуть бюргеров, а также и мелкую шляхту на сближение с лагерем таборитов в первый период движения.

Анализируя требования бюргерской оппозиции, остановимся прежде всего на отношении умеренных гуситов к феодальной собственности. В противовес утверждениям буржуазных историков, следует подчеркнуть, что именно эта проблема занимала центральное место в требованиях бюргерской оппозиции. Характеризуя ересь средневековья, Ф. Энгельс писал, что суть ее выражается в тенденции к созданию дешевой церкви. «Ересь городов,—а она собственно является официальной ересью средневековья,—была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она нападала... Это дешевое устройство устраняло монахов, прелатов, римскую курию, словом, все, что в церкви было дорогостоящим»⁷⁹⁵. С полным основанием Энгельс относит к такого рода ереси и бюр-

герскую гуситскую оппозицию в Чехии нач. XV в. «Арнольд Брешианский в Италии и Германии, альбигойцы в Южной Франции, Джон Виклеф в Англии, Гус и каликстинцы⁷⁹⁶ в Чехии были главными представителями этого направления»⁷⁹⁷.

Ко времени гуситских войн экономической основой феодализма в Чехии продолжала оставаться феодальная собственность на землю. В условиях, когда в стране не было зачатков капитализма и феодальная система общественных отношений не исчерпала еще всех своих возможностей, вопрос о ликвидации феодальной собственности и феодальной системы в целом еще не был поставлен историей в порядок дня. В Чехии XV в. не было для этого должных объективных предпосылок. Недостаточно экономически мощное чешское бюргерство, которое тогда еще не начало превращаться в буржуазию, не ставило и не могло ставить задачи ликвидации основ феодализма. Низшее и среднее дворянство, сохранившее много чисто феодальных привилегий, не стремилось к ликвидации феодального строя, а так же, как и бюргерство, хотело лишь некоторого улучшения существующего порядка в свою пользу.

И все же бюргерская оппозиция покушалась на часть феодальной собственности: она хотела овладеть собственностью церкви и патрициата. Вопрос о церковных богатствах был поставлен еще предшественниками Яна Гуса, затем им самим и его соратниками, выдвигался и в учении различных народных сект. Требования отнять богатства у церкви было записано в третьей пражской статье⁷⁹⁸ и сохранилось на всем протяжении гуситских войн. «...Многие священники и монахи,—читаем мы в 3 статье,— владеют огромным материальным имуществом на основе светского права, против заповеди Христа... и к великому ущербу панов светского сословия...». Указывался путь ликвидации такой несправедливости: «...чтобы у таковых священников это незаконное владение было отнято...»⁷⁹⁹, а положение и жизнь духовенства приведены в соответствие с учением Христа. В такой же редакции третья статья была включена в один из ранних гуситских манифестов⁸⁰⁰. В последующих гуситских манифестах первого этапа гуситского восстания третья статья нередко давалась особенно подробно, с обширными комментариями и ссылками на Писание, что должно было, по мнению гуситов, сделать их требования более убедительными. На Чаславском сейме 1421 г. четыре пражские ста-

ты были приняты как официальный документ всех гуситских группировок и направлений⁸⁰¹. Синод гуситского духовенства призывал священников вернуться к апостольской жизни в том виде, как ее представляли сами гуситы: «Чтобы ни один Христов священник не господствовал по общинному или светскому праву над дворами, полями, домами, платежами или какими-либо иными доходами и имуществами, но чтобы жил по правилам евангельской бедности и апостольской жизни и удовлетворялся бы скромной пищей и одеждой». Та же мысль пронизывает и сатирические гуситские произведения этого периода. В сатире «Спор Праги с Кутной Горой»⁸⁰² мы читаем: «Если духовенство хочет жить по заповедям Христа, то оно должно отказаться от светских богатств».

Отношение умеренных гуситов к феодальной собственности четко прослеживается в материалах их диспутов с таборитами, в целом ряде документов о хилиастах. Эти материалы дошли до нас, как правило, в редакции магистров—представителей бюргерской оппозиции и сопровождались их краткими комментариями. Излагая содержание 14 статьи из числа 72 статей, выдвинутых в 1420 г. магистрами против таборитов, умеренные гуситы заявляли, что идея радикальных таборитов о праве народа отнимать владения у противников закона Христова, т. е. у феодалов светских и духовных и патрициата—это ересь⁸⁰³. В трактате «Жизнь таборских священников» Ян Пршибрам категорически осуждал призыв священников-хилиастов к захвату или уничтожению имущества врагов божьих⁸⁰⁴. Очевидно умеренные гуситы подвергли сомнению право народа на захват богатств феодалов, особенно светских.

Вопрос о праве церкви на специальные подати с населения и различные иные церковные поборы с верующих поставлен был гуситами в четвертой пражской статье, в которой шла речь о наказании за смертные грехи: «чтобы смертные грехи, и особенно явные, и иные непорядки, противные закону божьему,—...были в каждом сословии подавлены и искоренены подобающим образом теми, кому этим ведать надлежит»⁸⁰⁵. Подробно перечислены те смертные грехи, которые характерны для духовенства: симония, продажность церкви, т. е. взимание денежных поборов за различные церковные обряды—за крещение, конфирмацию, исповедь, причащение, венчание, заупокойные обедни, за погребение, за освящение церквей, алтарей, за получение духовных

званий, денежные поборы при купле-продаже индульгенций и иные. У светских людей к этим грехам были отнесены такие, как разврат, обжорство, пьянство, ложь, ростовщичество, т. е. опять-таки главным образом те пороки, которые характерны для привилегированных феодальных и патрицианских слоев населения.

Борьба за дешевую церковь, как это вытекает из приведенного нами материала, проявилась в четырех пражских статьях с исключительной силой. Однако отметим попутно, что в тексте четырех пражских статей сказалась и умеренность тактики правых гуситов. В отличие от таборитов, они считали, что наказывать за смертные грехи должны те, «кому это ведать надлежит», т. е. специальные лица, уполномоченные на это властями, т. е. судьи.

Бюргерская оппозиция выдвигала также требование прекратить взимание с населения платежей и поборов в пользу церкви как феодального землевладельца, например, уплату чинша-урока, как его называли в Чехии. Как известно, чинш взимался во всех феодальных владениях, светских или церковных. Требование прекратить взимание чинша было по тому времени весьма радикальным, так как в нем содержалось в известной степени покушение на права владельцев поместий вообще. Однако умеренные гуситы были в данном вопросе весьма непоследовательны и быстро отказались от требования отмены чинша. Больше того. Идеологи этого лагеря выступили против требования радикальных таборитов прекратить взимание любых феодальных платежей и повинностей с крестьянства в пользу панов. Широкое распространение и всеобщее признание среди гуситов получило требование отмены десятины в пользу церкви.

Было бы, разумеется, ошибочным исходить только из планов и требований бюргерской оппозиции, не привлекая материалов, которые показали бы нам, как дворяне и бюргеры-гуситы действовали на практике и каковы были объективные результаты тех изменений, которые все же произошли в отношениях к собственности. К сожалению, состояние источников позволяет нам охарактеризовать этот вопрос лишь частично и почти исключительно на материале Праги и ее окрестностей, поскольку регистрация земельных владений и различных операций с ними производилась тогда только в городских книгах столицы.

Сразу же после победы над участниками первого

крестового похода, 26 июля 1420 г., Пражская община конфискует имущество горожан⁸⁰⁶, бежавших из столицы во время вторжения крестоносцев, т. е. оказавшихся в числе прямых врагов гуситов. Отметим, что уже к середине 1420 г. из Праги эмигрировало до 700 семей магнатов и патрициев. 30 января 1421 г. Пражская община вынесла решение о прекращении уплаты долгов с имущества эмигрантов⁸⁰⁷, а несколько позднее была отменена уплата ренты за дома, что было большим облегчением для горожан-бюргеров. Пражские гуситы, в руках которых фактически находилась в то время власть в городе, приступили уже к продаже и к другим формам распределения конфискованных церковных и патрицианских владений. 13 марта 1421 г. в особом решении Пражской общины перечислялись многочисленные виды собственности горожан-эмигрантов и церкви, подлежащие продаже⁸⁰⁸. Говорилось о продаже замков, усадеб, дедин, виноградников, огородов, хмельников и иного имущества. Все это должно было продаваться «...каждому, сколько он может, богатому и бедному, и особенно (тем), которые больше трудились в пролитии крови и божьей борьбе и в защиту общей пользы, тем по наибольшей милости, чтобы продавалось». Конфискации подвергались тогда 160 имений, замков и крепостных деревень в окрестностях Праги, множество виноградников и незастроенных земель в столице⁸⁰⁹.

Решение пражской общины о продаже конфискованного имущества было принято в интересах именно бюргерской оппозиции. Оно давало гуситам Праги равное право на приобретение церковных и иных владений, но совершенно не обеспечивало для городской и крестьянской бедноты фактической возможности реализовать это право. Юридическое равенство давало возможность удачно замаскировать фактическое неравенство и решить вопрос о собственности в пользу бюргерской оппозиции. Некоторые данные в отношении г. Праги, приведенные Й. Мацеком, убедительно доказывают именно такой итог решения вопроса о собственности. Из 182 домов, конфискованных в Старой Праге, только 6 стоили меньше 20 коп грошей, а все остальные значительно больше, некоторые свыше 200 коп.⁸¹⁰ В то время поденщик зарабатывал около одного гроша в день, корова стоила тогда от 0,5 до 1 копы грошей⁸¹¹. Очевидно, что ни бедный крестьянин, ни бедный ремесленник-подмастерье не могли, как правило, приобрести продававшееся недвижимого имущества.

В Праге и ее окрестностях конфискация собственности церкви и патрициев и продажа или дарение ее были осуществлены в основном уже на первом этапе гуситских войн. Немецкий хронист и майнцский бюргер, одно время секретарь императора Сигизмунда, Эбергард Виндек сообщал, что чешское дворянство примкнуло к гусизму потому, что рассчитывало захватить церковные богатства и что оно действительно осуществляет эти планы⁸¹².

Участник первого крестового похода в Чехию, писарь города Турнэ во Фландрии Жиль Мерсо в воззвании, которое он распространял тайно в своем городе, писал: «Знайте, что в самом городе Праге и во владениях его горожане имеют в своих руках все владения, которые обычно принадлежали их священникам... и эти священники при таком общинном управлении названного города ничего собственного (не имеют)»⁸¹³.

Некоторые данные о том, в чьих же руках оказалась в итоге конфискованная собственность, сообщаются в различных источниках. В одном из них дан перечень 269 случаев дарений по городу Праге за 1421—1423 гг.⁸¹⁴. В 106 случаях названы профессия или должность лиц, получивших дарение. В 41 случае дарение было записано консулам, секретарям городского магистрата, судебным чиновникам общины Праги. Напомним, что состав консулов неоднократно менялся в столице, особенно в первый период движения, в зависимости от соотношения сил в лагере гуситов. Судя по данным «Гуситской хроники» Вавржинца из Бржезовей, распределение конфискованной собственности было более демократичным тогда, когда у власти в городе стояли радикальные, таборитские элементы. В числе 65 дарений, где названы ремесленники, мы встречаем 7 случаев дарений сапожникам, 2—меховщикам, 2—мелким торговцам, 3—виноградарям, 2—виночерпиям, 6—аптекарям, 1—бондарю, 1—хлебопекарю и т. д.

К сожалению, этот список не дает возможности установить, к какой группе ремесленников принадлежало лицо, получившее дарение: это мог быть и мастер и подмастерье. В данном случае очевидно лишь одно—новые владельцы не принадлежали к патрициату. Оговоримся также, что общее число ремесленников, получивших дарения, могло быть значительно большим. Члены городского магистрата, получившие 41 дарение, также могли быть, что весьма вероятно, ремесленниками, но в списке они названы не по профессии, а по должности.

Вокруг распределения конфискованной собственности среди горожан Праги развернулась ожесточенная борьба, о которой мы знаем лишь по отрывочным сообщениям хронистов. Так, например, когда осенью 1421 г. к власти в Праге вновь пришли радикальные элементы во главе с Яном Желивским, они изменили прежнюю практику раздачи конфискованного имущества и стали наделять им мелких ремесленников и городскую бедноту.

Борьба вокруг вопросов о собственности способствовала взрыву глубоких противоречий, уже назревших к тому времени между гуситами, и вылилась в Праге в волнения, происшедшие в феврале-марте 1422 г. Умеренные гуситы повели наступление на бедноту и стали отнимать у нее имущество, полученное ею в период власти радикальных гуситов⁸¹⁵. Выступая 9 марта 1422 г. перед консулами, Ян Желивский говорил, что если магистрат хочет сохранить единство Пражской общины и сплотить ее, то нужно соблюдать следующее: не отнимать домов, виноградников и иную собственность у людей, получивших ее от Великой общины, т. е. от собрания всех горожан Праги⁸¹⁶.

В последующие годы гуситского движения борьба вокруг вопроса о конфискованной собственности продолжалась, что мы можем установить опять-таки по материалам Праги. 28 сентября 1424 г. Пражская община подтвердила решение о конфискации имущества врагов гуситов и сообщила, что это имущество может быть по ее постановлению продано или даровано пражанам-гуситам⁸¹⁷. С этой целью была создана особая комиссия сроком на один год, ведавшая реализацией конфискованных владений. Распределение этих имуществ вызывало и в дальнейшем выступления и протест городских ремесленников, что ярко проявилось во время волнений в 1427—1429 гг. внутри страны.

1 сентября 1428 г. между радикальными и умеренными гуситами в Праге после ряда столкновений было заключено соглашение, в 9 пункте которого указывалось, что имущество, которое городские власти продали в предшествующие годы—наследственные земли, виноградники, хмельники, огороды, дворы, дома,—должно остаться в руках этих новых владельцев⁸¹⁸.

В «Старой чешской летописи» также сообщалось, что подоплекой событий в Праге в эти годы являлась продолжавшаяся борьба из-за собственности: «Старопражане опять примирились с новопражанами..., так как перед тем были в разладе между собою и неприязни из-за

церковного имущества, захватывая его себе»⁸¹⁹. После новых споров и вооруженных столкновений в 1429 г. между Старой и Новой Прагой было заключено соглашение о разделе конфискованного имущества, в том числе и о селах и замках⁸²⁰. За 1424—1432 гг. в Старой Праге было продано 182 и в Новой Праге 76 домов⁸²¹. Можно полагать, что большая часть этих владений попала в руки бюргеров.

Для решения вопроса о судьбах церковного и патрицианского имущества и владений короны, конфискованных восставшими гуситами, исключительный интерес представляет общий итог борьбы. Вопрос о собственности занимал важнейшее место и на последнем этапе гуситского движения, в процессе переговоров с Сигизмундом и римско-католической церковью; он нашел отражение в соглашении между гуситской бюргерской оппозицией и Римом, т. е. в пражских компактатах. В проекте компактатов умеренные гуситы были вынуждены признать теперь право духовенства иметь частную собственность и владеть ею по обычному светскому праву, хотя и обставили это признание различными оговорками. В заключительной части 8 пункта было записано, что «духовные лица могут справедливо владеть церковным имуществом, собственниками которого являются по установлению... святых отцов, и это церковное имущество не может быть иными несправедливо удержано и присвоено»⁸²². В то же время имелось в виду, что имущество, конфискованное гуситами во время войн, сохранится за ними.

Во время переговоров с Сигизмундом бюргерская оппозиция добилась от него юридического признания своих прав на захваченную еще прежде собственность патрициата и короны. В марте 1435 г. ему было подано объединенное требование гуситского дворянства и бюргерства, в котором важнейшее место занимал опять-таки вопрос о захваченной собственности⁸²³. Король должен был отменить все свои дарения деятелям феодально-католического лагеря за период гуситских войн. В статье 10 его просили подтвердить права дворян на замки, захваченные ими за время войны. Король не должен был принуждать их восстанавливать разрушенные церкви, монастыри, замки и крепости. Города просили, чтобы король не обязывал их принимать обратно в число жителей прежних эмигрантов. По существу здесь содержалось требование закрепить за бюргерством захваченное имущество патрициата. В одной из статей говорилось

прямо, что при возвращении эмигрантов в города горожане вовсе не обязаны отдавать им прежние владения. Как и дворяне, горожане просили, чтобы Сигизмунд не принуждал их восстанавливать разрушенные монастыри и чтобы все его грамоты на владения, выданные за время войны, были аннулированы. В итоге переговоров с бюргерской оппозицией Сигизмунд, стремившийся во что бы то ни стало получить чешскую корону, был вынужден подписать ряд грамот на привилегии дворянству и городам Чехии. Несколько грамот привилегий было выдано Праге⁸²⁴. Сигизмунд признал, что церковь не должна впредь взимать в Праге арендной платы с домов; что он не будет принуждать сословия восстанавливать разрушенные церкви, монастыри, замки и крепости; он подтвердил все соглашения о наследстве и сделки торгового порядка, имевшие место в гуситское время, что усилило экономические позиции бюргерства. Королевским городам были прощены долги в казну и ростовщические проценты за 1419—1436 гг. Подтверждено было право горожан не принимать обратно светских или духовных эмигрантов. Этим закреплялось владельческое право новых собственников на имущество патрициата и церкви. Сохранение в руках бюргерской оппозиции собственности, захваченной за время войны, наряду с некоторыми политическими уступками, и было той ценой, за которую она предала крестьянство и плебс/городов. В окончательном тексте пражских компактатов предусматривалось право церкви на собственность.

Некоторые чешские буржуазные историки подробно рассмотрели вопрос о церковной собственности за 1413—1434 гг. и пришли к выводу, что третья пражская статья была выполнена и что у церкви отняли большую часть ее богатств⁸²⁵. Однако они не уделили должного внимания вопросу о том, изменился ли характер этой собственности в руках новых владельцев. В итоге гуситского движения действительно произошло в известной мере перераспределение земельной собственности и иных богатств. Частично этот процесс был осуществлен внутри самого господствующего класса путем передвижки собственности из рук церковных в руки светских феодалов. Многие паны, в том числе и принадлежавшие к католическому лагерю, воспользовавшись общей благоприятной обстановкой, захватили часть владений католической церкви и закрепили их за собой. Можно предполагать, что сам характер землевладения у этой категории феодального общества не претерпел тогда глубоких измене-

ний. В своих новых владениях феодалы сохранили прежние отношения собственности, старые формы взаимоотношений с крестьянством и формы его эксплуатации. Такое предположение подтверждается состоянием чешского поместья второй половины XV в. Низшее чешское дворянство накануне гуситских войн оставалось в основной массе еще на почве феодальных отношений, и ярко выраженных тенденций перехода к новым формам ведения хозяйства мы для того времени у него не находим. Капиталистических элементов в сельском хозяйстве тогда еще не было, как и в экономике чешских земель в целом.

Наиболее подвижной в определенных исторических условиях могла являться собственность бюргерства и низшего дворянства, как это было, например, в Англии в XIV—XV вв. Для чешских земель источники не дают возможности определить точно, какова была доля бюргерства и гуситского дворянства в общей массе захваченных богатств. Во всяком случае можно полагать бесспорным, что она была весьма значительной.

Мы попытаемся хотя бы приблизительно ответить на вопрос о том, произошли ли за время гуситских войн глубокие принципиальные изменения в хозяйстве новых владельцев-бюргеров в деревнях, усадьбах, дворах, которые попали в их руки.

Ряд фактов свидетельствует о том, что в годы гуситских войн земля, которая представляла основной вид недвижимой собственности, конфискованной гуситами у патрициата, церкви и короны, продолжала оставаться объектом купли-продажи, дарений, завещаний, причем в записях по поводу передачи этого вида собственности мы встречаемся с явной тенденцией сохранять старые, догуситские правовые нормы. Например, в дарственной грамоте пражан своему согражданину от 12 июля 1422 г. мы читаем⁸²⁶: «Мы, пуркмистр, консулы и вся община Большого и Нового городов Пражских (т. е. Старой и Новой Праги.—А. О.)..., отмечая верную и старательную службу, которую Микеш Тканичка, наш верный дорогой горожанин, совершил в том посольстве к великому князю Литовскому во славу божью и для пользы общины,... ему, Микешу вышеназванному, его жене, наследникам и будущим его (поколениям.—А. О.) даруем село по названию Добровиц с усадьбой, дединами, людьми, платами, потоками (реками.—А. О.), с мельницами, с лугами, ловами, с платежами и со всем правом» и службами, которые «к этому селу от стародавна относятся». Таким

образом, дарственная грамота подтверждала наличие в дарованном селе не только всех видов прежних владений, но и всех старых прав по отношению к зависимому населению. Судя по данной грамоте и некоторым иным аналогичного типа, для бюргерства было само собой разумеющимся, что отношения подданства, зависимости крестьянства должны сохраняться и впредь. Объектом дарения являлось целое село со всем его населением, так как это делалось нередко и в догуситское время. Интересна заключительная часть грамоты, в которой община просила: «И на это наше дарение просим всех будущих королей и князей милостивого подтверждения». Следовательно, имелось в виду сохранение старых правовых норм в отношении оформления сделок с собственностью. Кроме того, апелляция к королю говорит о том, что бюргерство рассматривало королевскую власть как категорию вечную, неизменную.

Как в указанном, так и в ряде других документов содержится важная оговорка, что если будут восстановлены земские доски (т. е. общегосударственные книги, в которые прежде заносились акты в отношении недвижимого имущества.—А. О.), то все новые грамоты следует обязательно в них записывать. Пражскому бюргерству казалось, что такое юридическое оформление их прав на новую собственность сделает ее прочнее, более гарантированной. Так, в завещании Анны, жены Прокопа из Ольшан, от 6 декабря 1428 г.⁸²⁷ прямо указывалось на военное, небезопасное для владельцев время, когда отсутствует твердый порядок оформления права на собственность, и выражалось пожелание: «И если будут открыты земские доски,... тогда прошу вписать все это по правилам и обычаю земскому».

Прежние права собственности на земельные владения, кроме церковных и патрицианских, пражские бюргеры признают бесспорными и неоднократно подтверждают их. Они оставляют венное право (т. е. право жены на часть собственности, полученной в качестве приданного.—А. О.). Так, например, рассматривая спор между дворянами, пуркмистр и консулы Праги выслушали других земапов и горожан в качестве свидетелей и подтвердили венные права дворян в селе Колодейе (1422) ⁸²⁸.

Источники говорят о том, что пражские бюргеры ничего принципиально не меняли в положении крестьян в своих новых владениях. В купчих документах бюргерства неоднократно упоминаются крестьяне-чиншевики,

причем обычной является старая формула, что купля земли производится «со всем полным панством и подданством». Широко практикуется продажа земли вместе с зависимыми людьми. В 1424 г. пан Мейнгардт из Градца продал Стефану Крейчи двор «с людьми платными,... с полями паханными и непаханными,... с пастбищами,... с лугами,... со всем полным панством»⁸²⁹. В 1428 г. эти лица заключают новую сделку на земельное владение, и в грамоте сохраняется прежняя формулировка: владение продается со всем полным панством и подданством⁸³⁰. В том же году пражские городские власти выносят решение по спорному вопросу о правах владения на зависимого человека (в документе не названо его имя.—А. О.) и определяют, что этот человек должен принадлежать супругам Микулашу и Екатерине в настоящее время «и во все будущие времена»⁸³¹. Тогда же власти г. Праги записали за службу в собственность Стану, его жене Анне и наследникам право собирать различные повинности в Черчовицах, бывшем владении церкви, а также записали им в собственность «людей урочных», кметов, с правом обменивать их⁸³². В 1428 г. архиепископ Конрад заложил за долги свой двор Ганушу Роту «со всем панством», а в 1429 г. — Яну Фиршику целое село Страшков с зависимыми людьми, «со всеми платежами», с правом владеть так, как будет угодно новому владельцу⁸³³. В январе 1429 г. умеренные гуситы записали панам Ярошу и Гинеку за службу крепость Мокротрясы «с дединами паханными и непаханными, с лугами, с лесами, с рыбниками,... с людьми урочными»⁸³⁴. Отмечалось в этой записи, чтобы паны «уроки с людей взимали справедливо». Само право новых владельцев на взимание чинша с крестьян и не бралось под сомнение, настолько оно казалось очевидным.

Характерно упоминание в более поздних документах конца гуситских войн даже барщины. В городской записи Праги от 19 июля 1429 г. отмечается факт спора между Саземом из Мыдлны, владельцем земли, и крестьянами села Крживиц по поводу насилий и притеснений, которые он причинял крестьянам. Судьи были вынуждены установить, что Сазем обязан вернуть крестьянам отнятый у них скот и **не должен принуждать их к более тяжелым барщинам, нежели те, которые они несли раньше**⁸³⁵. В записи от 18 августа 1432 г. указан факт купли паношем Амхови из Весели у Хотешовского монастыря права на взимание ежегодной платы с кре-

стьян, зависимых от монастыря, и права на барщины⁸³⁶. В решении городских властей Праги от 7 января 1433 г. по поводу права Янека, его жены Катруши и родственников Анны на получение плат и повинностей с зависимых людей было записано, что они уступили это право Микулашеку, сыну Микулаша, «но барщины на тех должны Янек, Анна и Катруша иметь»⁸³⁷. Отмечается, что седлаки должны нести барщины в том размере, как это было прежде, в догуситское время. В городской книге Праги от 5 ноября 1434 г. говорилось в отношении собственности Вацлава из Милетина, что «он и его будущие (потомки.—А. О.) не должны их (двух зависимых крестьян.—А. О.) принуждать ни к каким барщинам» и не должны брать посмертного побора⁸³⁸. Следовательно, крепостнические отношения в деревне сохранились и при новых владельцах земельной собственности—бюргерах-гуситах. Судя по официальным документам Праги, гуситское бюргерство не собиралось помочь крестьянам вернуть захваченные феодалами прежние общинные угодья, но даже присвоило их себе и сделало объектом купли-продажи, дарений и обмена. Еще в 1423 г. горожанин Крумлова покупает у женского монастыря в г. Чешском Крумлове луга с наследственным правом на них⁸³⁹. Мы уже упоминали в иной связи продажу в 1424 г. паном Мейцгардтом из Градца лугов, пастбищ и иных владений бюргеру Стефану Крейчи. Ондржей из Каменицы 26 февраля 1430 г. передает по завещанию двор в Каменице с лесами, рыбниками, полями⁸⁴⁰. 2 февраля 1431 г. было вынесено решение по тяжбе по поводу владений в селе Кржещице у Прохонич (чаще его называют Кржеслице) между Штепаном и его женой, с одной стороны, и Якубом и его женой, с другой⁸⁴¹. Постановили передать одной стороне крепость с двором, большой рыбник с одной плотиной и все, что к нему относится, с лугами большими и малыми, другой рыбник со всеми пастбищами, пастухов Ржехака и Якуба. Другая сторона также получила различные общинные угодья: пахотные земли, луг, рыбничек с лужком и с лесом, еще рыбник с малым рыбничком.

31 декабря 1432 г. Иоганн Храст получает в селе Ходковички в наследственное владение чинш и луга⁸⁴². В пражских городских книгах 25 октября 1433 г. было записано, что горожанка Старой Праги Дорота, жена паноша Маркварта из Иенишовиц, имеет вено на сумму 100 коп грошей в селе Доброшовицах на пахотном

дворе, на рыбниках, лесах и на всем, что принадлежит к ним⁸⁴³. 26 июля 1432 г. там же было зарегистрировано завещание Микеша Тканички из Нового города, в котором он записал своей жене двор пахотный в Добровици с лугами и полной платой на урочных людях⁸⁴⁴. 5 марта 1434 г. в той же городской книге Праги записано, что Бартошек из Серафимова дома заложил за долги свои луга и два лужка⁸⁴⁵. 15 ноября 1435 г. горожанин Праги Ян, сын Микулаша Иевицера, продал за 630 коп грошей Яну от Серебряной звезды, также пражанину, дворы кметов в Клецанках и рыбаков с платой-чиншем, с рыбниками, горами, долами и пр., «со всей своей волей»⁸⁴⁶.

**
*

Каковы же общие итоги тех изменений, которые произошли в собственности бюргерской оппозиции?⁸⁴⁷ Как мы уже показали выше, хотя и на фрагментарном материале, относящемся только к городу Праге, все же можно отметить, что здесь в результате перехода земельных владений церкви, патрициата, частью и королевской собственности в руки дворянства и бюргерства Праги не произошло каких-либо глубоких радикальных изменений в отношениях между старыми держателями земли и новыми ее владельцами. Следовательно, можно полагать, что здесь не произошло тех процессов, которые имели место, например, в Англии в XVI в. в итоге секуляризации церковных земель, т. е. феодальная собственность не преобразовалась, хотя бы частично, в буржуазную. Об этом говорит и характер земельной собственности и земельных отношений во второй половине XV в. и в последующий период.

Было бы, однако, совершенно неверно не видеть тех крупных изменений, которые мог повлечь за собою при прочих благоприятных условиях переход части патрицианских и церковных владений в руки бюргерства⁸⁴⁸. Изменения в отношениях собственности привели, во-первых, к значительному обогащению бюргерства и, следовательно, к возрастанию его экономических возможностей. Можно полагать, что это обстоятельство помогло дальнейшему расширению ремесла и торговли. Ближайшие десятилетия после гуситских войн отмечены как раз восстановлением и дальнейшим ростом ремесленного производства. В Праге, например, возникло много новых цеховых организаций⁸⁴⁹, значительно оживилась и расширилась внешняя торговля страны.

Во-вторых, положительное значение для развития экономики имело то обстоятельство, что в итоге гуситских войн бюргерство получило значительно большую, чем прежде, свободу в распоряжении своей собственностью, чего оно добивалось еще в догуситский период. И это должно было положительно сказаться на развитии товарно-денежных отношений в чешских землях.

В-третьих, изменения в отношениях собственности оказали, безусловно, существенное влияние на значительное повышение удельного веса третьего сословия в политической жизни страны. Главная и теперь весьма заметная роль в городах принадлежала именно бюргерству королевских городов, о чем подробно будет сообщено в последующем изложении. Закрепление за королевскими городами прав постоянного члена государственных сеймов, значительная демократизация городской жизни вообще создавали в свою очередь благоприятные возможности для экономического развития городов. К сожалению, в дальнейшем развитие страны в направлении «второго издания» крепостничества не дало возможности полного развития всех благоприятных предпосылок.

В-четвертых, переход части земельных владений феодалов в руки бюргерства сыграл, по-видимому, некоторую положительную роль и в отношении ограничения и временного пресечения развития тенденции реставрации и усиления барщины, перехода к формам и методам, характерным для второго издания крепостничества. Хотя и в этом главная роль принадлежала несомненно самоотверженной борьбе крестьянства и плебса против барщины и новых повинностей, но некоторая, объективно положительная роль связана была и с деятельностью бюргерства.

**

Каково было отношение бюргерской оппозиции к феодальному сословному государству? Идеологи бюргерской оппозиции ни в своих теоретических выступлениях на диспутах, ни в трактатах, так же как и в практической деятельности, не выступали против феодального строя в целом, хотя подвергали критике ряд его недостатков. Они не выступали и против классовой структуры феодального общества, против его деления на крупных землевладельцев-помещиков и зависимых крестьян. Такой порядок они считали естественным и нормальным, установленным самим богом. Они были решительно

против планов хилиастов уничтожить классы и сословное деление феодального общества и создать новое общество без классов. В 22 статье из числа 72 статей табориты обвинялись в том, что предсказывали наступление в скором времени царства Христа, в котором не будет светской власти вообще. Вавржинец из Бржезовей назвал эту идею еретической⁸⁵⁰. Ян Пршибрам с глубоким возмущением излагал учение хилиаста Яна Чапека о том, что вскоре будет создано царство Христа, в котором не будет светского господства и власти князей⁸⁵¹. Чапек заявлял, что всякие королевства и светские права вообще должны быть уничтожены. Пршибрам назвал эти высказывания страшной ересью, т. е. категорически отвергал.

Более полные данные сохранились по вопросу о том, какова была позиция гуситского дворянства и бюргерства в отношении сословий, в частности в отношении светских прав католической церкви. Идеологи этих гуситов защищали учение церкви о том, что человеческое общество самим богом разделено на три сословия⁸⁵²:

- 1) «люди обычные», т. е. простой народ, обязанный жить трудом рук своих,—крестьяне, ремесленники, купцы.
- 2) светская часть общества, поставленная над народом,—императоры, короли, князья, паны и рыцари, так называемая «светская рука», в задачу которой входило «защищать» подданных; 3-е сословие, состоящее из духовенства, в которое входили папы, кардиналы, архиепископы и епископы, священники вообще, монашество. Задача этого сословия — «духовной руки» — заключалась в том, чтобы правильно проповедовать «слово божье», учить народ жить «по-божьи». Как известно, учение о трех сословиях было создано идеологами господствующего класса в целях оправдания феодальной эксплуатации народа, паразитизма высшего духовенства и светских феодалов и освящало феодальные порядки в целом. Это было учение для обмана угнетенных.

В проповедях магистра Якоубека, одного из самых видных идеологов бюргерской оппозиции, еще в 1416 г. отмечалось⁸⁵³, что князья, короли, епископы как представители власти останутся навеки, т. е. навсегда. Эта мысль неоднократно высказывается и в сатирах, написанных в 1420 г.⁸⁵⁴.

Соглашаясь с необходимостью сохранения деления общества на сословия, умеренные гуситы вместе с тем ставили вопрос об изменении соотношения сословий, изменения их прав. Это касалось прежде всего духовенст-

ва. Так же, как в свое время Ян Гус, они требовали первое время ликвидации монашества вообще, справедливо оценивая его как паразитический элемент в обществе,⁸⁵⁵ и значительного сокращения высшего духовенства. Большое место занимал у них вопрос о светской власти церкви, теснейшим образом связанный с вопросом о церковной собственности. В упомянутых выше гуситских сатирах 1420 г. высказывалась мысль о том, что нельзя служить одновременно двум господам т. е. светской и церковной власти⁸⁵⁶. Духовенство не должно впредь вмешиваться в светские дела. Эта мысль содержится также в гуситских манифестах и была записана в третьей из четырех пражских статей. Если мы вспомним, что большая часть высшего духовенства чешских земель состояла тогда из чужеземцев, главным образом, немцев, то станет понятным широкое распространение этого положения, теснейшим образом связанного с борьбой чехов за национальную независимость. В этом проявилась также антицерковная направленность движения. В требованиях к Сигизмунду в 1419 г. отмечалось, что он должен сохранить и подтвердить свободы и права страны, в том числе и городские.⁸⁵⁷ Интересно отметить, что среди указанных в этих требованиях групп населения духовенство не названо.

Требование ликвидации светской власти высшего духовенства было прогрессивным. Проведенное последовательно, оно означало бы, что высшее духовенство будет вытеснено из сеймов, королевского совета и других государственных учреждений, что будет ликвидировано особое церковное право. В период гуситских войн духовенство на сеймах по существу уже не пользовалось правами особого сословия. Практически оно было вытеснено почти из всех органов государственной власти, кроме собственно управления церковью, во всех районах, где у руководства находились гуситы, т. е. в подавляющем большинстве районов страны. Это обстоятельство способствовало подрыву идеологического влияния католической церкви, подтачивало ее могущество и способствовало упрочению светской власти, что было тогда явлением положительным.

В ходе гуситского движения в стране развернулась со всей силой борьба между патрициатом, с одной стороны, и бюргерством, выступавшим тогда еще в союзе с плебсом, с другой. Как и повсюду в феодальной Европе, классовая борьба в городах Чехии протекала в различных формах и прошла через несколько стадий.

Задолго до гуситских войн здесь развернулась борьба городов с феодалами за свои особые права и вольности. К началу XV в. свыше 30 чешских городов относилось к числу городов королевских, т. е. наиболее самостоятельных в своей внутренней жизни, типа имперских городов Германии с непосредственным подчинением королю. В то же время в стране было множество других городов, остававшихся в личной зависимости от феодалов и продолжавших борьбу за независимость от них. Однако на первый план в условиях значительного расслоения городского населения выступили уже новые задачи; важнейшей из них являлась тогда борьба всего населения городов против патрициата. Специфика классовой борьбы чешских городов этого периода заключалась в том, что в годы гуситских восстаний классовая борьба вступила на еще более высокую ступень: задача борьбы с чужеземным патрициатом была в значительной мере успешно решена, но наряду с нею уже развернулись столкновения между бюргерством и плебсом, т. е. таборитским лагерем, завершившиеся предательством бюргерства и его сделкой с феодально-католическим лагерем. Классовая борьба чешских городов, совпадавшая с разворачиванием крестьянской войны и всеобщим подъемом национально-освободительного движения, смогла принести в итоге существенные положительные результаты.

Характеризуя изменения, происшедшие в городах в отношениях собственности, мы уже отметили, что эмигранты из королевских городов принадлежали именно к патрицианским слоям населения. Конфискация их владений, обещание Сигизмунда (к концу гуситских войн) не требовать с городов обязательного возвращения эмигрантов с передачей им прежней собственности подорвали почву под прежним патрициатом. Его место в крупных гуситских городах занимают теперь богатые чешские бюргеры.

В отличие от реакционных буржуазных историков, рассматривавших гуситов обычно только как разрушителей старого порядка, современные чехословацкие историки и правоведы правильно ставят вопрос о том, что гуситы, в том числе и умеренные, в области государственно-правовых отношений не только пытались, но и практически внесли свое новое, положительное. В то время одним из наиболее животрепещущих был вопрос о форме государственной власти в Чехии. В условиях мощного и длительного подъема антифеодального народного движения плебейско-крестьянский лагерь вы-

220

двинул идею создания своеобразной народной республики и пытался осуществить свои идеалы на практике, в частности в организации Табора и союзных с ним общин.

Дворяне-гуситы и бюргеры выступили решительными противниками идеала народной республики. Вавржинец из Бржезовей, излагая взгляды таборитов по данному вопросу, прямо назвал их еретическими, т. е. неверными в их основе.⁸⁵⁸ Ян Пршибрам в начале своего трактата заявлял,⁸⁵⁹ что он пишет свой труд «в целях лучшего предупреждения верующих», чтобы верующие не верили бы больше таборитам, в том числе, следовательно, и их учению о народовластии, об отказе от королей. Взгляды бюргерской оппозиции на монархию довольно полно выражены в ее требованиях к Сигизмунду и в гуситских сатирах ее представителей⁸⁶⁰. Обвиняя Сигизмунда в кровавой расправе с Яном Гусом и Иеронимом Пражским, в организации крестового похода против гуситской Чехии, в нарушении прав сословий и т. д.,⁸⁶¹ представители умеренных гуситов не ставили под сомнение законность его прав на чешский престол. Как общеизвестно, они начали с Сигизмундом переговоры почти сразу же после вооруженного восстания в июле 1419 г. в Праге и с некоторыми перерывами возобновляли их неоднократно почти на всем протяжении гуситских войн.

В период крестового похода, когда обстановка была особенно сложной и напряженной и планы бюргерской оппозиции в области социально-экономических преобразований оказались под угрозой провала, ее лидеры были вынуждены согласиться на время на методы вооруженной борьбы с крестоносцами; заявили о лишении Сигизмунда прав на чешскую корону и публично говорили о праве народа не только прогнать, но даже убить, уничтожить несправедливого короля. В гуситских сатирах приводили в этой связи примеры из истории древнего Рима и из истории самой Чехии⁸⁶².

В той обстановке, в какой находилась тогда страна, признание права народа на вооруженное восстание против дурного короля было положительным фактом. Было бы грубой ошибкой отождествлять этот факт с правом на восстание, которое было записано в пользу магнатов, в защиту феодальной анархии в Великой хартии вольностей в Англии или в Золотой булле Андрея II в Венгрии.⁸⁶³ В гуситских документах это требование звучало как право на справедливую войну в защиту ин-

тересов подавляющей массы чешского народа. Все же в планах бюргерской оппозиции оно могло быть признано лишь в чрезвычайных условиях 1420 г., перед угрозой вооруженного разгрома и захвата гуситской Чехии крестоносцами феодально-католической Европы, так как сама идея вооруженного восстания была им чужда. Характерно, что умеренные гуситы, после того как они отвергли притязания Сигизмунда на чешскую корону, неоднократно посылали свои посольства к польскому королю и великому князю литовскому с предложением принять корону чешских земель. В 1422 г. они приняли князя Зигмунда Корибутовича в качестве наместника великого литовского князя.

Следовательно, гуситское дворянство и бюргерство выступают перед нами как сторонники давно установившейся, привычной и отвечающей их интересам на данном этапе феодальной монархии. Мы не можем согласиться с мнением И. Кейржа, что бюргерская оппозиция в Чехии пыталась тогда создать нечто сходное с итальянскими городами-республиками. В Италии была совершенно иная социально-экономическая обстановка и расстановка классовых сил, да и степень политической зрелости бюргерства. В Чехии, на наш взгляд, не было предпосылок и потребностей для осуществления плана создания городов-республик. Бюргерская оппозиция не подвергала сомнению монархическую власть, и необходимость ее была для нее бесспорной. Предполагалось и в дальнейшем сохранение в чешских землях сословной монархии. Больше того. Умеренные гуситы, и здесь их позиция совпадает с взглядами Яна Гуса, считали необходимым дальнейшее упрочение королевской власти. Новое, за что они боролись в эти годы, заключалось в их тенденции значительно расширить права городов и дворянства и повысить роль городов в политической жизни страны.

Ведь еще в сатирах и жалобах на Сигизмунда в 1420 г. указывалось, что он не считался с правами и привилегиями горожан, присвоил себе корону вопреки обычаю, не имея на то согласия городов и общин, и не принес необходимой присяги⁸⁶⁴. Указывалось, что в присяге короля должна быть дана гарантия, «чтобы (он) города, общины, панов, шляхтичей, паношей и всяких земанов при их правах, свободах сохранил⁸⁶⁵». Характерно, что и здесь не упоминается сословие духовенства. В решениях Чаславского сейма 1421 г., в специальных статьях обвинений против Сигизмунда сообщалось, что

он покушался на основные права и вольности чехов. «Те свободы и права наши, на которых водворены чешские и моравские земли, которые мы от предков королей и князей чешских сохранили, он искоренял и различные сословия притеснял.»⁸⁶⁶ На первом этапе гуситского движения умеренные гуситы поддерживали положение Гуса о том, что несправедливый король может быть низложен.

Наряду с общим стремлением повысить роль городов в политической жизни страны, совершенно недвусмысленно заявляется о необходимости признать среди них ведущую роль Праги. В одной из своих сатир умеренные гуситы напоминают Сигизмунду о том, что Прага, столица страны—это глава всего чешского королевства⁸⁶⁷. Это утверждение подкрепляется ссылкой на экономическую роль Праги. Король, который не имеет в своих руках Праги,—«безглавый» король. В защите главенствующей роли Праги, в требовании повысить политическое значение городов следует видеть выражение прогрессивной тенденции, выражение борьбы за дальнейшую централизацию страны и упрочение единства страны. Эта тенденция отчетливо проявляется и в практической деятельности гуситов в 1419—1437 гг.

Какова была практика умеренных гуситов в рассматриваемом вопросе? В ходе и итоге гуситских войн чешский народ достиг значительных успехов в направлении демократизации общественной жизни, возможной в рамках феодального общества. Почти во всех королевских городах было ликвидировано засилье немецкого патрициата. Из политической активной деятельности было в значительной мере вытеснено высшее духовенство, по крайней мере в крупных городах. Это давало простор для национального развития чешских городов, для известной демократизации городской жизни в целом. Материалы Праги говорят о том, что в то время действительно значительно повысилась роль городского плебса и бюргерства. Городской плебс стал на время равноправным участником собраний горожан, что означало значительный шаг вперед по сравнению с прежними порядками. Он участвует в выборах консулов, гетманов и иных представителей городской и государственной власти. Собрание горожан всей Праги—Великая община—решает важнейшие вопросы: о распределении собственности, об организации борьбы против крестоносцев, о посылке посольства в Польшу и Литву для переговоров и др.. Так, в 1420 г. собрание горожан вы-

носит решение об изгнании из столицы семей эмигрантов, т. е. бежавшей от восставшего народа городской верхушки: «И там же было постановлено, чтобы жены, мужья которых выехали из города, также сыновья и дочери, родные которых выехали, ушли бы как из Старого города, так и из Нового из-за подозрения в измене, разве только верность некоторых была бы достаточно гарантирована»⁸⁶⁸.

Еще на первом этапе гуситских войн, весной 1421 г., сложился Пражский союз гуситских городов из числа тех, которые были подчинены пражанам и силой оружия или добровольно примкнули к столице. В союз входил 21 город, в том числе Слани, Лоуни, Кадань, Хомутов, Хрудим, Чешский Брод, Литомышль, Яромерж и другие. Этот союз городов имел более широкие цели, чем, например, союзы немецких городов XIV в., боровшиеся совместно лишь за внутреннюю независимость от своих феодалов или за отдельные конкретные привилегии⁸⁶⁹. В Пражском союзе городов значительно энергичнее проводилась борьба за крепкое централизованное государство, ставилась задача защиты национальной независимости. Между Прагой и союзными городами заключались письменные соглашения. Основой их было признание справедливости и необходимости борьбы за осуществление четырех пражских статей. В этих грамотах, как и в других источниках, ярко выражена также руководящая роль Праги как подлинного центра страны. Хотя пражское бюргерство преследовало корыстные цели, стремясь к подчинению других городов, но объективно усиление роли столицы в то время было положительным фактом, так как способствовало централизации страны.

Прага обладала реальными правами в отношении других городов: только она имела право чеканки монеты (наряду с Кутной Горой, получившей его давно), что также способствовало преодолению еще очень сильных тенденций сепаратизма и феодальной анархии.

Существенным образом изменился характер сеймов в городах Пражского союза.⁸⁷⁰ Они стали гуситскими по своему основному составу и созывались по мере необходимости также гуситами. Важнейшие изменения произошли в социальном составе участников сеймов. Духовенство вообще было вытеснено из них. Значительно снизилась роль панства, особенно в первое время, хотя вследствие умеренности правого крыла гуситов паны сохранили свое участие в сеймах, а иногда играли в них весьма большую роль. Королевские города стали

постоянными и равноправными участниками сеймов и сохранили это право на длительное время после гуситских войн. Известны отдельные случаи участия в сеймах даже панских, т. е. зависимых городов, что вообще было невозможно в предгуситское время.⁸⁷¹ Исключительно важным являлось то обстоятельство, что теперь в сеймах принимают активное участие сельские общины таборитов, хотя закрепить за собою это право в дальнейшем они не смогли. Шляхта добилась также значительного расширения своих политических прав и стала выступать на сеймах как самостоятельная группа, отделенная от панства. В послегуситское время низшее дворянство закрепило за собою права самостоятельного сословия.

Глубокие изменения произошли в содержании работы сеймов. В политической жизни страны они заняли теперь гораздо большее место; чем это было прежде. Первый гуситский сейм в конце августа 1419 г. принял пражские требования к Сигизмунду; сейм от апреля 1420 г.—манифест гуситов; Чаславский сейм 1421 г. провозгласил официально четыре пражские статьи, приняв их как общегуситскую программу. Сеймы конца 20 и нач. 30 гг. очень много внимания уделяли вопросам перемирия с Сигизмундом и переговорам с римско-католической церковью. Святовалентинский сейм в марте 1435 г. рассмотрел требования дворянства и горожан к Сигизмунду перед его принятием на престол, и последний гуситский сейм в июне-июле 1436 г. в Йиглаве завершает переговоры с Сигизмундом и Римом.

На различных этапах движения сеймы гуситов прошли довольно сложную эволюцию соответственно внутренним изменениям в соотношении сил гуситских лагерей. В первый период, в 1419—1422 гг., когда плебейско-крестьянской бедноте принадлежала особенно крупная роль, гуситские сеймы были более радикальными как по составу, так и по своим решениям. В дальнейшем в их деятельности наблюдается тенденция вытеснить сельские общины. Сеймы становятся все менее демократичными по своему составу. Возрастает соответственно роль бюргерской оппозиции, а затем и панства. На заключительных сеймах 1435—1436 гг. участвуют лишь представители панства и крайне умеренных гуситов. Все же в итоге гуситских войн роль сеймов значительно возросла.

Каких же политических итогов добилась бюргерская оппозиция после многолетней борьбы?

В ходе гуситского движения и под его влиянием целый ряд магнатов оказался вынужденным дать зависимым городам различные привилегии, главным образом экономического, но иногда и политического характера. 5 октября 1423 г. Сигизмунд по просьбе Яна Каплиржа из Сулевиц разрешил жителям г. Тржебнице иметь 12 консулов, избирать из своей среды пуркмистра⁸⁷². Некоторые села получили права местечек или городов, например село Побежовице⁸⁷³. Отдельным подданным городам Сигизмунд был вынужден предоставить права королевских городов, такими стали гуситские города Прахатицы, Чешский Брод, Табор, бюргерство которых король привлек на свою сторону.

Существенно изменился состав городских магистратов. Старый патрициат был уничтожен или изгнан, и его место заняли чешские бюргеры. Главное место в магистратах в годы гуситских войн занимали бюргеры, ремесленники или купцы, сохранившие значительные позиции и в последующий период. За годы войны в Праге появились новые ремесла и расширились прежние. В городах Чехии появились новые цеховые организации. В 1427 г. в Старой Праге были утверждены старые статуты с включенными в них новыми статьями. В 1428 г. в столице был утвержден статут кожевников⁸⁷⁴. В 1429 г. оформился цех кожевников в Литомержице. Новые цехи возникают и в подданных городах. В 1430 г. получили цеховой устав крумловские суконщики от своего пана. Целый ряд цехов возникает в ближайшие десятилетия после гуситских войн⁸⁷⁵. В Старую Прагу за 1424—1436 гг. прибыло 85 кожевников, 43 кузнеца, 7 золотых дел мастеров, 25 текстильщиков, 18 портных и другие ремесленники⁸⁷⁶. В молодом городе Таборе насчитывались ремесленники 41 профессии. Все это опровергает лживое утверждение реакционных буржуазных историков о том, что гуситские войны привели страну к разрухе и разорению.

Перед вступлением на чешский трон Сигизмунд был вынужден признать в ряде грамот многие из требований дворян и горожан. В грамоте привилегий Праге от 6 июля 1435 г. признавалась первенствующая роль среди других королевских городов⁸⁷⁷. Было обещано, что с жителей столицы не будет взиматься чрезвычайных поборов. Отменялась уплата ренты с домов в поль-

зу казны и духовенства. В грамоте от 22 июля 1436 г.⁸⁷⁸ столице и иным чешским городам было разрешено не принимать обратно беглых горожан и возвращать им имущество. Привилегии по существу закрепляли за бюргерством его ведущие позиции в городах и фиксировали поражение старого патрициата. Грамотой от 20 июля 1436 г. Сигизмунд подтвердил права и привилегии чешских сословий⁸⁷⁹, исключая духовенство: «9. Хотим также милостиво подтвердить их свободы, порядки, права, привилегии и грамоты». Обещано было восстановление прежних границ чешского королевства и возвращение в страну знаков королевского достоинства и иных драгоценностей, которые король вывез прежде из страны. Дворянство получило право участия в записях в государственные книги актов, касающихся купли-продажи, дарений и завещаний их недвижимой собственности, чего оно добивалось давно, но безуспешно. Всему чешскому населению была обещана амнистия за участие в восстании.

Было бы неверно отождествлять обязательства Сигизмунда с теми результатами, которых достигла бюргерская оппозиция и гуситы вообще. Несмотря на обещания амнистии, Сигизмунд и паны жестоко расправлялись с таборитами. Все же ряд важнейших обещаний Сигизмунду пришлось выполнять, поскольку он стремился удержать чешскую корону и власть феодалов в стране, что требовало консолидации всех феодальных сил.

Следовательно, важнейшие итоги деятельности бюргерской оппозиции в области политической выразились в демократизации городской жизни в целом, в закреплении за горожанами прав третьего сословия и упрочении сословной монархии, которая тогда еще не исчерпала в Чехии всех своих положительных возможностей. В целом заметно повысилась роль бюргерства в политической жизни страны. Известная положительная роль в достижении указанных результатов принадлежала и бюргерской оппозиции, главным образом на первом этапе гуситского движения. Нельзя, однако, забывать предательства бюргерской оппозиции в конце гуситского движения. В конечном счете, положительные результаты, которых достигла страна в результате многолетней и героической борьбы, были завоеваны широкими слоями чешского населения, в основном крестьянством и плебсом городов. Без их мужественной борьбы с внутренней и европейской феодально-католической реак-

цией бюргерская оппозиция не смогла бы получить сколько-нибудь существенных результатов.

Вместе с тем отметим, что значительное расширение прав массы дворянства было чревато при определенных условиях развития страны отрицательными последствиями. Действительно, в дальнейшем дворянство сталкивается с городами, добивается над ними победы в союзе с панами, что приводит к бурному росту дворянского засилья в чешских землях вообще.

*Национальные требования бюргерской оппозиции*⁸⁸⁰

В буржуазной исторической литературе большое внимание уделялось национальным мотивам в гуситском движении, но трактовались они обычно в националистическом духе. Либеральные буржуазные историки—чех Ф. Палацкий⁸⁸¹, в России—Перволюф⁸⁸², поляк Прохазка⁸⁸³, немцы К. Грюнхаген⁸⁸⁴ и А. Бахман⁸⁸⁵ и иные объясняли национальные проблемы гуситов как выражение борьбы всего чешского населения против всего немецкого, затушевывая классовый характер движения.

В эпоху империализма националистические тенденции буржуазии усилились и вылились в космополитическую трактовку гусизма, наиболее полно выраженную чешским реакционным историком Й. Пекаржем. Он рассматривал гуситское движение как выражение национальной борьбы между чехами и немцами и относился к нему резко отрицательно. Й. Пекарж пытался доказать, что гуситство было вообще чужеродным элементом в чешских землях, занесенным извне. В немецкой буржуазной историографии националистический взгляд на гуситское движение у фашистских авторов вылился в реакционнейшую расистскую концепцию. Характеристика гуситства как следствия расовой ненависти чехов к немцам дается и в современной реваншистской западногерманской историографии⁸⁸⁶.

Единственно научную концепцию дает марксистско-ленинское учение о нации и национальном вопросе. В современной чехословацкой литературе сделана успешная попытка марксистского анализа этой проблемы в статье Й. Мацека⁸⁸⁷, имевшего в виду рассмотрение национальных мотивов в требованиях и деятельности таборитов.

Национальные тенденции проявлялись в гуситском движении в связи с развитием бюргерства чешских городов, конкуренции между чешским бюргерством и не-

мецким патрициатом, успехами в политической централизации страны и развитием национального самосознания в чешском народе в условиях общего роста товарно-денежных отношений. Чешские бюргеры и дворяне, стремившиеся к захвату церковных богатств, выступали против высшего духовенства, среди которого было весьма много немцев. Тенденция к усилению своего политического влияния, проявлявшаяся со стороны чешского дворянства и бюргерства, также наталкивалась на немецкое засилье при королевском дворе и на государственных должностях. Борьба за национальную церковь была связана с вытеснением из нее немецких элементов.

Национальный вопрос в гуситском движении был органически связан с существованием централизованного чешского государства. Занимая большое место в движении в целом, он все же не был определяющим, главным ни у таборитов, ни у бюргерской оппозиции, вопреки утверждениям ряда буржуазных историков. На разных этапах национальный вопрос сыграл в движении различную роль. Однако даже в первые годы гуситских войн, когда он имел особенно большое значение в обстановке крестовых походов, ставивших под угрозу само существование национального чешского государства, определяющую роль играли социально-экономические мотивы.

Национальные требования чешского народа вытекали из внутренних потребностей страны и складывались постепенно. Они заняли большое место еще в учении и деятельности Яна Гуса и в годы гуситского вооруженного восстания играли еще более значительную роль. Уже в 1419—1420 гг. дворяне и бюргеры выдвинули ряд конкретных требований в этой области: они настаивали на том, что необходимо покончить с преобладанием немецкого патрициата в городах, не допускать чужезмцев к государственным должностям и доходам, к владению чешскими землями и иным имуществом. Задача упрочения национального чешского государства нашла свое отражение в требованиях к Сигизмунду, в гуситских современных сатирах и хрониках. Еще в 1419 г. дворяне и бюргеры составили перед приездом Сигизмунда в Чехию статьи, которые рассматривали как условие его принятия на чешский трон. Они писали: «Чтобы чужеземцы светские или духовные ни к каким должностям или званиям или земским оброкам не были допущены и чтобы особенно в городах немцы не были

поставлены на должности, которыми могли бы и уметь владеть чехи; чтобы суды и жалобы в Чехии совершались на чешском языке и чтобы чехи всюду в королевстве и в городах имели первый голос»⁸⁸⁸.

Хотя дворяне и бюргеры имели в виду свои интересы, но все же указанные требования носили общенациональный характер и выходили по своему значению за пределы узкосословных требований. На наличие национальных мотивов в гуситском движении с первых его шагов указывали и современники событий. Так, в «Хронике о Яне Жижке...» сообщалось, что «...в Праге разгневались против монахов и немцев и изгоняли их, а другие сами бежали вон. Обычно в то время немцы были в совете города и на других должностях»⁸⁸⁹. Приведенный отрывок, как и другие данные, свидетельствует о том, что и в Праге движение было направлено не против немцев вообще, а против немецкого патрициата и связано было с политическими планами бюргерской оппозиции. Национальный вопрос был, таким образом, действительно подчинен социальным интересам различных гуситских группировок.

Конкретная историческая обстановка периода до 1419 г. и последующих лет была существенно различной. Коренным образом изменилось значение национальной проблемы в связи с тем, что 1 марта 1420 г. папа Мартин V издал буллу о крестовом походе против гуситской Чехии. Римско-католическая церковь вдохновляла все реакционные силы феодальной Европы в борьбе против гусизма. Начавшиеся крестовые походы поставили под угрозу самое существование чешского национального независимого государства. Выступление международной и внутренней реакции вызвало решительный и энергичный протест со стороны подавляющего большинства чешского населения. Успехи в деле ликвидации засилья немецкого патрициата внутри страны также способствовали новому подъему патриотических настроений крестьян, ремесленников, купцов, низшего дворянства. Вся глубина внутренних противоречий среди самих гуситов была еще далеко не ясна в 1419—1420 гг., в отличие от последующих лет. Вот почему именно эти первые годы гуситского вооруженного восстания отличались особенно высоким патриотическим подъемом. Тогда была достигнута такая высокая степень единства чешского народа, как никогда после, что было в основном обусловлено, наряду с другими предпосылками, стремлением к национальной независи-

мости. Антифеодалная борьба таборитов и борьба умеренных гуситов за социальные и политические преобразования в стране приняли форму национально-освободительной войны против крестоносных феодальных полчищ Западной Европы наряду с борьбой против феодально-католического лагеря внутри чешских земель. В эти годы высокие патриотические чувства разделяли и чешские бюргеры и гуситские дворяне. Национальные задачи бюргерской оппозиции нашли отражение, в частности, в антихилиастических источниках, написанных в своем большинстве представителями этого лагеря. Во время оживленной дискуссии среди гуситов о войне, т. е. по вопросу о том, можно ли защищать законы божьи, как они говорили, мечом физическим, т. е. с оружием в руках, умеренные гуситы были вынуждены одно время признать право чешского народа на вооруженное сопротивление крестоносцам и внутренним силам феодально-католической реакции. В таком духе выступили в 1420 г. виднейшие идеологи бюргерства и дворянства — магистры Якоубек из Стржибра⁸⁹⁰, Ян Пршибрам⁸⁹¹, пражский университет в целом⁸⁹² и другие авторы. События этого времени подтверждают, что умеренные гуситы не только говорили о праве гуситов на войну против феодального лагеря, но и действительно с оружием в руках защищали свою родину. Следовательно, и они внесли в эти годы свой положительный вклад в дело освобождения страны от чужеземцев, в дело упрочения ее национальной целостности и независимости.

В ответ на кровавую буллу Мартина V пражане-гуситы обратились в начале апреля 1420 г. с призывом ко всем чехам встать единодушно на защиту родины⁸⁹³. В этом обращении указывалось на притеснения, которые чинились славянам в прирейнских землях, в области Мишны (Мейссена), в Пруссии. Ссылаясь на чешские традиции борьбы за независимость, авторы манифеста призывали весь чешский народ подняться единодушно на защиту Чехии. 20 апреля в Праге был издан новый манифест гуситов, обращенный ко всем чехам и мораванам, в котором они объясняли, почему не хотят принять Сигизмунда в качестве короля страны⁸⁹⁴. Сигизмунд настоял на скорейшем издании буллы о крестовом походе против чехов как еретиков. Он нарушил государственные интересы чехов, отдал моравское епископство противнику «чешского языка» (т. е. чешской народности. Имелся в виду ярый враг гуситов епископ Ян Же-

лезный.—А. О.). Сигизмунд стремился уничтожить чешский народ и королевство. Поэтому все верные чехи, говорилось в манифесте гуситов, должны подняться на защиту родины по примеру своих славных предков. Защита родины, независимости и целостности чешского государства становилась в этих условиях общенациональной задачей. Патриотические идеи с большой силой прозвучали также и в обращении гуситов к венецианцам в манифесте от 10 июля 1420 г. В гуситских воззваниях указывалось, что имена людей, которые с честью защищают родину, будут долгие годы храниться в памяти потомков.

В дни тяжелой осады Праги и страшных бедствий и насилий, причиняемых крестоносцами всему чешскому народу, идеологи гуситов в многочисленных проповедях, жалобах, песнях выступили против крестоносцев и Сигизмунда, с критикой папства и призывали к защите Родины. В прозаическом произведении, вышедшем в период осады Праги войсками Сигизмунда, — «Жалобе короны чешской богу на короля венгерского и Констанцкий собор» — Сигизмунд обвинялся в том, что он стремится искоренить все чешское «племя»⁸⁹⁵. В другом произведении указывалось, что если Сигизмунд хочет считаться чешским королем, то он не должен заниматься гонением на чехов и на чешский язык, т. е. на чешский народ⁸⁹⁶. Тот же мотив звучит в другой стихотворной жалобе чехов-гуситов на Сигизмунда. Сигизмунд обвинялся в ней в том, что вообще, ничего хорошего чехам он не желает и лишь стремится загубить их всех⁸⁹⁷. Автор призывал всех верных чехов вступить в братский союз для борьбы с этим злым королем. Покуда немцы не имели в стране власти, чехи побеждали. Все изменилось к худшему с тех пор, как немцы получили доступ к органам власти в Чехии. Где же чехи получают у немцев в немецких землях такие возможности? — восклицает автор. Нужно каждый народ возвратить к его прежним правам, заявляет он в духе требований Яна Гуса⁸⁹⁸. 5 ноября 1420 г. пражане выступили с новым обращением ко всем чехам, в котором жаловались на жестокость и страшные насилия Сигизмунда. Он добился издания папой несправедливой кровавой буллы о крестовом походе против гуситов, губит чешский народ, обвиняет чехов перед всем светом в ереси, стремится вытеснить их, чтобы «в чешской земле не было ни одного чеха», и на их место поселить чужеземцев⁸⁹⁹.

Поскольку Сигизмунд организовал второй крестовый поход против Чехии, Чаславский сейм 1421 года принял специальные статьи, направленные против него. В 14 статьях перечислялись преступления, совершенные этим «прохвостом» против чешского народа. С ведома Сигизмунда были казнены Ян Гус и Иероним Пражский, было выдвинуто Констанцским собором обвинение всех чехов в ереси и провозглашен против них крестовый поход, «всему языку чешскому к великому позору и к ущербу чешского королевства». Сигизмунд организовал крестовый поход против чешского народа и встал во главе крестоносцев. «Эти князья и чужеземцы... жгли истребляли и грабили верных чехов, духовных и светских, сжигали мужчин, женщин и детей, чинили насилия панам и панненкам...»⁹⁰⁰.

Борьба за независимость родины способствовала сплочению всех прогрессивных сил чешского народа и помогла развитию национального самосознания чехов. При всех колебаниях бюргерской оппозиции и ее непоследовательности в вопросе о войне, нельзя не признать, что в борьбе за самостоятельность чешского государства она также внесла определенный положительный вклад, хотя, конечно, он не идет даже в сравнение с тем решающим значением, которое принадлежало и в этом вопросе крестьянству и плебсу страны. Гуситам удалось тогда, благодаря всенародному патристическому подъему, героизму чешского народа, успешно отбить нападение реакционных сил западноевропейских феодалов и нанести крестоносцам тяжелое поражение.

В последующие годы гуситского движения чешский народ неоднократно показывал свое высокое мужество и героизм в борьбе за национальную независимость своей родины. Как и на первом этапе, **главная роль в этой борьбе принадлежала революционному плебейско-крестьянскому лагерю таборитов.**

Наиболее ярким проявлением патриотизма чехов в последний период чешского восстания явилась битва у Домажлиц 14 августа 1431 г., когда все сторонники гусизма во главе с таборитами выступали в защиту независимости страны против чужеземцев. Огромная армия крестоносцев, услыхав о приближении объединенных гуситских войск пражан и таборитов, не приняв боя, в панике повернула назад в Германию. Папский легат кардинал Юлиан Чезарини потерял в бегстве золотое

распятие и плащ. В «Старой чешской летописи» сообщалось, что «...немцы в этот день так оробели, были так оглушены, что они не знали, какой дорогой им бежать: их подводы разрозненно двигались через лес там и тут, а сами немцы прятались под кустарниками, другие повернули в Чехию, думая, что они бегут на родину»⁹⁰¹. Яркую картину разгрома иноземных войск крестоносцев дал немецкий хронист Бургард Цинк⁹⁰². Наиболее полно мощный патриотический подъем чешского народа отразил Вавржинец из Бржезовей в «Песне о победе у Домажлице».⁹⁰³ Он рассматривает гуситскую борьбу за преобразование церкви, за четыре пражские статьи как достижение, которое поддерживается самим богом. Гуситское движение священо. Четыре пражские статьи защищают божественные установления. Справедлива борьба против роскоши и стяжательства духовенства, против его чрезмерной гордости и занятий светскими делами в ущерб делам собственно религиозным.⁹⁰⁴ Со всей Европы вооруженные до зубов крестоносцы двинулись против чешского народа, против седлаков, не умевших воевать, почти безоружных людей, и затем... бежали от чехов, как зайцы. Победа гуситов над крестоносцами беспримерна. Ни в Писании, ни хрониках всемирных, восклицает автор, вы не найдете подобных фактов победы почти безоружного народа. Как это было обычно в то время, Вавржинец объясняет победу чехов тем, что сам бог был на их стороне, поскольку гуситское движение направлено в защиту законов божьих.

Битва у Домажлице, закончившаяся полным разгромом крестоносцев, была последним совместным выступлением умеренных гуситов и таборитов. Захватив богатства церкви, патрициата и частью короны, значительно упрочив свое политическое положение в стране, добившись вытеснения немецкого патрициата в королевских городах и, с другой стороны, напуганные дальнейшим ростом авторитета таборитов, их радикальными требованиями и способами борьбы, гуситские дворяне и бюргеры окончательно повернули вправо, на путь предательства национальных интересов своего народа и сделки с феодально-католическим лагерем. В этом не было ничего специфически чешского. Это был как раз типичный путь бюргерской оппозиции эпохи классического феодализма для различных стран и народов Европы. Вопреки утверждениям буржуазной историографии,

выдвигающей на первый план бюргерство и замалчивающей решающую роль народных масс в истории, историческое развитие Англии, Франции, Италии, Германии и других европейских государств приводит нас именно к указанному выводу. В решающий момент крупнейших феодальных восстаний бюргерство предало восставших крестьян и плебс в период Жакерии, Парижского восстания, восстания Уота Тайлера. Так было и в Чехии.

Именно в это время наступил и в этой стране предел дворянскому патриотизму, так же, как и патриотизму бюргерства (напомним, что во Франции во время событий Жакерии французское дворянство воспользовалось помощью английских феодальных войск, хотя Франция была тогда в состоянии войны с Англией). В отличие от последовательного и бескорыстного патриотизма крестьянства и плебса, патриотизм умеренных гуситов был весьма ограниченным. Он сыграл определенную положительную роль в годы борьбы Чехии за сохранение национальной независимости, когда страна выдержала пять крестовых походов международной реакции. Однако классовые интересы дворянства и корыстные цели бюргерства крайне ограничили их патриотические устремления и в конце концов отодвинули на задний план.

Постепенно все большее число дворян и бюргеров отходило от идей гусизма и отказывалось от борьбы с чужеземцами, выражало согласие на сделку с Сигизмундом. Умеренным гуситам гораздо страшнее были внутренние социальные противоречия, такой противник, как крестьянство и плебс. Национальное движение, достигшее в начале гуситских войн небывалой высоты, шло постепенно на спад. Бюргерская оппозиция отказалась в итоге от многих национальных требований, которые выдвигались ею прежде, от многих важнейших стремлений Яна Гуса.

Такой итог был исторически вполне закономерен. Гуситское движение и в этом отношении подтверждает правильность учения марксизма-ленинизма о том, что национальный вопрос играет в истории подчиненную роль, тогда как главное, определяющее место принадлежит экономическим и социальным целям. Классовые интересы и здесь оказались выше национальных.

Каковы были реальные результаты, достигнутые в национальном вопросе в итоге гуситского движения?

Крупнейшим положительным результатом, имевшим общенациональное значение, явилась ликвидация за-

силы немецкого патрициата в подавляющем большинстве королевских городов Чехии, превращение городов страны в подлинно национальные чешские центры. Мы можем проследить этот процесс на материале Праги. Уже после успешного народного восстания 30 июля 1419 г. многие богатые горожане бежали из города. В «Старых чешских летописях» имеются данные о социальном составе этих беглецов: «И такой очень большой мятеж был в Праге, что каноники, монахи, купцы и богатые горожане многие бежали из Праги...⁹⁰⁵» Когда в 1420 г. войска крестоносцев приближались к Праге, городские богачи, враги гуситов, перебрались в крепости, замки, расположенные близ столицы. «Боясь потерять жизнь и имущество, переселялись с согласия старших Пражского города с женами, детьми, казной и ценнейшим имуществом в замки Пражский и Вышеградский и безопаснейшие крепости первые и богатейшие оседлые жители или новые поселенцы, числом почти двести из Старого города Пражского и столько же из Нового, особенно немцы»,—писал Вавржинец⁹⁰⁶. Позднее им пришлось бежать дальше, в Кутную Гору и соседние города, «...оставивши в Пражском замке несметные имущества». «После этого их жены, ежедневно сидя перед замком, оплакивали более золото, серебро, деньги, сокровища и другое имущество, оставленное ими в замке, нежели собственные грехи...»⁹⁰⁷,—писал очевидец событий.

После прихода таборитов на помощь пражанам в 1420 г. из Праги выехали новые группы сторонников феодально-католического лагеря, врагов гуситов.

Из столицы бежали тогда и представители высшего духовенства, реакционно настроенные магистры университета. «Подобным же образом,—писал современный хронист,—из Праги ушли все противники святого принятия (т. е. причащения под двумя видами — А. О.), как доктора теологии, права или медицины и магистры свободных искусств, также прелаты, фарары (приходские священники.—А. О.), священники и монахи с противниками того причащения».⁹⁰⁸

Следовательно, мы имеем основание полагать, что уже на первом этапе гуситских войн в Праге было ликвидировано засилье немецкого высшего духовенства и немецкого патрициата. В дальнейшем бюргерство добилось того, что Сигизмунд согласился с требованием не возвращать в города эмигрантов в обязательном для

горожан порядке. Такой итог имел положительное и общенациональное значение.

Бюргерская оппозиция в борьбе за преобразование церкви

Гуситские идеи в области преобразования католической церкви давно уже привлекали внимание буржуазных историков, собравших по этому вопросу значительный фактический материал. Однако они толковали его в идеалистическом духе, выхолащивали антифеодальное, социальное содержание гусизма и сводили все к вопросам догматики и обрядов.

Римско-католическая церковь занимала большое место во всей системе феодализма. «Феодальная организация церкви освящала религией светский феодальный государственный строй».⁹⁰⁹ Умеренные гуситы Чехии являлись представителями бюргерской ереси, реакционной по форме, как и всякая другая ересь, но прогрессивной по содержанию. Главная задача гуситов в области реорганизации церкви заключалась по существу в создании дешевой церкви. Эта задача была органически связана с решением национально-освободительных и главное антифеодальных проблем, стоявших тогда перед чешским народом. Об экономической основе гуситского движения Ф. Энгельс писал: «...все массовые движения средних веков выступали всегда в религиозном облачении, являясь как бы восстановлением раннего христианства, его спасением от наступившего вырождения; но всякий раз за религиозной экзальтацией скрывались очень осязательные мирские интересы. Ярче всего это обнаружилось в организации богемских таборитов под руководством достославной памяти Яна Жижки».⁹¹⁰

В требованиях умеренных гуситов планы преобразования существующей церкви занимали большое место. Все принципиальные положения по этому вопросу были высказаны предшественниками Яна Гуса, самим Гусом и его соратниками и содержались также в учении различных народных сект. Новое заключалось в том, что бюргерская оппозиция могла и должна была теперь, уточнив свои требования, перейти от слов к делу, т. е. к реализации своих планов. Жизнь показала, что и в этой области гуситское бюргерство и дворянство не удержалось на тех позициях, которые выдвигал в свое время Ян Гус и его соратники. Здесь обнаружилась вскоре большая умеренность бюргерской оппозиции по сравнению с таборитами.

Общим для всех гуситов, что также способствовало их объединению наряду с другими обстоятельствами, являлось требование преобразования существующей церкви, признание невозможности сохранения ее в прежнем виде. Наиболее резкой критике, как мы уже отмечали в иной связи, католическая церковь подверглась за свое стяжательство, за симонию, глубоко проникшую во все ее поры, за жажду политической власти и моральное разложение духовенства. В гуситских сатирах постоянное стремление церкви к накоплению рассматривалось как причина всех последующих зол. Поэтому совершенно закономерным было требование секуляризации ее богатств, являвшееся одним из важнейших пунктов в четырех пражских статьях.

Были подвергнуты сомнению некоторые важнейшие таинства католической церкви, многие церковные обряды. Умеренные гуситы, так же, как и табориты, выступили за упрощение обрядов церкви, особенно за их удешевление. В сатире «Спор Праги с Кутной Горой» выдвигалось требование отказаться от иконопочитания:

«...Бог, который не мог впадать в ересь
или кого-либо обмануть,
запретил своему народу
иметь иконы, так как знал,
что страстью простых сердец
(является) почитать каждый образ»⁹¹¹.

Поклонение иконам,—заявляет гуситская Прага. это язычество (стр. 97).

«Бог сказал: сломать иконы
и картины сжечь»⁹¹².

Некоторые изменения вносились гуситами и в догматику христианского учения. Бюргерская оппозиция вместе с другими направлениями гуситов выступила против учения и практики католической церкви в области причащения. Это было единственное из семи таинств, которое она стремилась преобразовать. Напомним, что в католической церкви причащение освященным хлебом и вином, символизирующими «тело и кровь господню», распространялось лишь на духовенство. Все миряне причащались только освященным хлебом. Согласно учению церкви, обряду причащения придавалась особая мистическая сила. Причащение будто бы очищало человека от грехов. Гуситы были поэтому убеждены, что причащение для мирян только под одним видом не давало верующим возможности полного освобождения от грехов и должно

было отрицательно отразиться на них в последующей, загробной, жизни. Требование гуситов предоставить им право причащения под двумя видами связано было однако с иными соображениями бюргерской и плебейско-крестьянской оппозиции. Имелось в виду равенство мирян с духовенством не только перед богом, религиозное, но и равенство политическое. Лозунг «чаши» был в гуситском движении направлен против политических привилегий духовенства. Самая суть католического учения о таинственной силе причащения и об избавлении человека от грехов умеренными гуситами, в отличие от радикальных, не ставилась под сомнение. Требование причащения под двумя видами было записано во второй из четырех пражских статей еще в начале гуситского движения и позднее в условиях пражских компактатов. В «Споре Праги с Кутной Горой», в ряде других сатирических произведений и политических памфлетах гуситы энергично защищали право всех верующих причащаться под двумя видами⁹¹³.

Довольно резкой критике подвергалась деятельность некоторых церковных соборов, хотя бюргерская оппозиция не отвергала полностью их решения и значения соборов как руководящего органа в христианской церкви. Так, например, гуситы-бюргеры резко нападали на решения Констанцкого собора, пославшего на костер Яна Гуса и Иеронима Пражского. Этому собору не должен верить ни один христианин, читаем мы в «Рифмованной жалобе чешской Короны»⁹¹⁴. Автор или авторы (вопрос этот окончательно не решен.—А. О.) указывают, что не только Констанцкий, но и другие соборы совершали ошибки. Отсюда следует вывод, что им не нужно подчиняться слепо, беспрекословно. Довольно суровой критике подвергнута высшая церковная иерархия—папы, архиепископы, епископы, кардиналы. В сатирах гуситов упоминается, что папа Иоанн XXIII, с которым вместе действовали многие кардиналы и епископы, был осужден Констанцким собором как еретик⁹¹⁵. Папские инструкции и решения объявлялись действительными лишь тогда, когда они не противоречили Писанию. Отметим, что критика церковной иерархии, соборов и пап в развернутом виде содержалась уже в учении Яна Гуса. Ян Гус неоднократно писал также, что следует подчиняться лишь тем деятелям церкви, которые не находятся в «смертном грехе». Понятие «смертного греха», подробно сформулированное также в четырех пражских статьях (статья 4), трактовалось весьма широко: гуситы вклю-

чали в него стремление к стяжательству, сбор церковной десятины, платность обрядов церкви, ростовщичество, роскошь, разврат и пр. Согласно учению Я. Гуса и высказываниям его последователей в годы гуситских войн, священник любого ранга, находящийся в «смертном грехе», не имеет права исповедовать, причащать, вообще служить церковную службу. Он перестает быть посредником между богом и людьми. Этот важнейший тезис, содержащийся также и в учении Уиклифа, давал юридическое основание мирянам выступать против провинившегося духовенства.

Борьба против порядков католической церкви шла под лозунгом возврата к раннехристианской церкви, которая считалась тогда церковью идеальной, как это было в еретических движениях предшествующего и более позднего времени, например, в период реформации в Германии в XVI в. Так, например, Пражский синод подтвердил это требование в своем решении 4 июля 1421 г. Однако толковалось это положение по-разному представителями различных направлений гусизма, как и все другие важнейшие проблемы, выдвинутые во время гуситского движения.

Крупнейшие идеологи бюргерской оппозиции: Якоубек из Стржибра, Ян Пршибрам, позднее Ян Рокицана и др.—в ряде трактатов и в проповедях критиковали римско-католическую церковь, однако они не ставили под сомнение необходимость ее сохранения в реформированном виде. Сатиры Будишинской рукописи подтверждают именно такой вывод. Умеренные гуситы, представлявшие имущие слои населения, понимали необходимость сохранения в их интересах церкви как учреждения религиозной системы в целях обмана масс и их лучшего подчинения. Не следует забывать, что это был, период почти всеобщей религиозности населения, что соответствовало общему уровню культуры того времени и было связано с многовековой монополией церкви в области культуры и образования, с господством феодальных общественных отношений.

В числе важнейших положений гуситов отметим тезис, содержащийся также в учении Д. Уиклифа и Гуса, занявший позднее одно из центральных мест в общеевропейской реформации, тезис о том, что основой истины является «священное Писание», а не «священное предание». Эта мысль была высказана в обращении магистров Пражского университета к населению еще 25 января 1417 г.⁹¹⁶, затем 23 сентября 1418 г. в

23 статьях, принятых умеренными гуситами, и неоднократно позднее. В гуситском учении и в годы гуситских войн можно отчетливо проследить положение Гуса об «оправдании верой», а не «добрыми делами» так, как их понимала католическая церковь. В тесной связи с этими положениями стоит учение гуситов о том, кто может и должен заниматься изучением, распространением и толкованием христианской веры. В противовес практике и учению католической церкви гуситы выдвинули требование свободы проповеди христианства, что и было записано в первой пражской статье: «Во-первых, чтобы слово божие свободно и беспрепятственно проповедовалось и возвещалось в королевстве Чешском согласно словам Спасителя в последней главе «святого Марка»⁹¹⁷. Табориты и умеренные гуситы понимали и толковали эту статью, как и все четыре пражские статьи, по-разному. Для бюргерства и дворянства она означала лишь расширение всей деятельности церкви по разъяснению христианского учения в духе умеренного гусизма, установление права верующих самих читать и толковать библейские тексты, что церковь запрещала, опасаясь потерять свое монопольное положение.

Еще 25 января 1417 г. магистры университета от имени ректора Яна Кардинала издали обращение к населению не принимать крайних новшеств таборитского типа в делах церкви. В статье обращения содержалось требование соблюдать все те церковные обряды, которые не противоречат Писанию, все таинства католической церкви, кроме причащения. Специальная статья была направлена против попытки таборитов уничтожить монополию духовенства на проповеди христианского учения. Мирянам и женщинам запрещалось проповедовать в костелах, а проповеди вне церкви магистры-чашники вовсе не признавали. Оценивая этот документ в целом, К. Маркс с полным основанием заключал, что это был «фактически опять шаг назад от Гуса и Иеронима»⁹¹⁸. 7 февраля 1418 г. пражские магистры, принадлежавшие в большинстве своем именно к умеренным гуситам, приняли особое решение против религиозных новшеств таборитов. К сожалению, текст его не сохранился. В 23 статьях, принятых в сентябре 1418 г., руководители бюргерской оппозиции требовали, чтобы никто не вводил какое-либо нововведение, за исключением того случая, когда он предварительно доложит общине братьев и докажет, что оно подтверждается сущностью Писания⁹¹⁹. Та же

мысль защищалась бюргерами и в годы восстания. Правые гуситы выступают решительно против ликвидации различий между мирянами и духовенством. Хронист чашников в 1420 г., критикуя ряд новшеств таборитов в организации богослужения, выражал особое недовольство тем, что «... в Чешском королевстве богослужение осуществляют сапожники и портные, потому что не было разницы между мирянином и священником...»⁹²⁰. 4 июля 1421 г. Пражский синод принял ряд статей против таборитских новшеств в богослужении. Запрещены были всякие новшества в делах церкви без санкции четырех руководителей, избранных синодом. В конце 1421 г. это решение было подтверждено и устанавливалось, что каждый новый священник, явившийся в Прагу, обязан пройти проверку у руководителей умеренной гуситской церкви и получить у них подтверждение своих прав на богослужение. Следовательно, на всем протяжении первого периода гуситских войн, т. е. во время наивысшего подъема движения, бюргерская оппозиция сохранила духовенство, хотя и существенно ограничила его права как особого сословия.

В дальнейшем, когда внутренние разногласия в гуситском лагере заметно усилились, идеологи бюргерской оппозиции еще более настойчиво отстаивали эту позицию. Будучи представителями имущих и отчасти привилегированных слоев населения, они сами нуждались в такой идеологической силе, которая освящала бы по-прежнему господство частной собственности и наличие имущественного и социального неравенства.

В последующие годы критика католической церкви со стороны умеренных гуситов и планы ее преобразования становятся все более умеренными. В соглашении между Старой и Новой Прагой от 1427 г.⁹²¹ указывалось, что священники должны быть послушны своему избранному главе, что церковные обычаи не должны нарушаться, кроме как по общему решению всех священников. Ян Пршибрам писал в 1429 г. с крайним возмущением, что у таборитов «священников их миряне посвящали», что они «сами выбирали себе епископа»⁹²². Выступление таборитов против церковной иерархии Пршибрам называет теперь опаснейшей ересью. Среди важнейших обвинений, выдвинутых против таборитов пражскими магистрами в те годы, было следующее: табориты «не признают разницы между мирянином и священником», «многие миряне изображают их священников»⁹²³, т. е. исполняют обязанности священников. В

другом трактате 1430 г. Я. Пршибрам критиковал таборитов за их утверждение⁹²⁴, что между священником и епископом не должно быть никакой разницы. Наоборот, писал он, только лица посвященные, т. е. священники, официально признанные церковью, могут отпускать грехи, причащать, **но не выходцы из других сословий**. Пршибрам стремился доказать, что и в раннехристианской церкви была своя иерархия. Признавая еще, что церковь не должна иметь светской власти, Пршибрам уже оговаривается, что епископы должны сохранить свою духовную юрисдикцию. Это было шагом к полному признанию светских прав церкви. Я. Пршибрам подтверждал правильность учения церкви о так называемых «двух мечах»: один меч—это император, светская власть вообще, другой—это папа, олицетворяющий всю католическую церковь. Следовательно, признавалась не только необходимость церковной иерархии, но и власть папы как главы всей католической церкви. Переговоры вокруг Пражских компактатов с Базельским собором, признание гарантии со стороны собора в их выполнении говорят о том, что и церковные соборы в общем признавались теперь за высшую инстанцию в делах веры.

Правые гуситы уже в 1419—1420 гг. обвиняли таборитов в разрушении церквей и монастырей⁹²⁵, хотя первое время принимали активное участие в иконоборческих выступлениях. На диспуте 10 декабря 1420 г. они критиковали таборитов за то, что те сами выбирали себе священников, что они служили церковную службу под открытым небом, в домах мирян, а не в специальных помещениях, церквях⁹²⁶. В октябре 1424 г. магистры на своем собрании в Праге заявили, что сжигать церкви или часовни, разорять их без неизбежной необходимости — это великое святотатство. В 1427 г. в соглашении между Старой и Новой Прагой также отмечалось, что недопустимо разрушить церкви и монастыри. Пршибрам обвинял таборитов в том, что они «из церквей сделали хлевы»⁹²⁸.

Новая, преобразованная церковь должна была стать и церковью национальной. Требование свободной проповеди христианского учения включало, с точки зрения гуситов, право на проповедь на родном чешском языке. В тексте первой из пражских статей прямо указывалось, что никому не должно быть запрещено употреблять свой язык в церкви божьей⁹²⁹. Этот тезис неоднократно подтверждался затем в гуситских манифестах.

В то время, как известно, употребление национального языка в католической церкви строжайше запрещалось. Все богослужение производилось только на латинском языке, и по-латыни писались богословские произведения. Борьба католического духовенства против применения национального языка в богослужении, в религиозной литературе выражала стремление высшего духовенства удержать за собою монопольное право на толкование христианского учения, а вместе с тем и положение привилегированного сословия, поскольку масса населения не знала латыни.

Защита идеи национальной церкви гуситами была в то время прогрессивной. Она являлась составной частью борьбы за национальное централизованное государство. Однако и в этом вопросе правые гуситы оказались непоследовательными. Чешский язык в богослужении они применяли лишь частично, наряду с латынью. Полемические трактаты и иные светские произведения они писали, как правило, по-латыни.

В борьбе за национальную церковь умеренные гуситы ссылались обычно на Христа и апостолов, заявляя, что:

«Павел, святой советник, повелел,
чтобы язык признал каждый,
что наш милый Христос,
сидящий справа от бога,
святые, иные апостолы,
господа бога прославляли (возносили хвалу),
проповедовали мессу, пели славу
в каждой стране на ее языке»³⁰.

Каков общий итог осуществления планов бюргерской оппозиции в области преобразования церкви?

Было достигнуто частичное выполнение планов создания дешевой церкви: у нее отняты были многие ее богатства, было ограничено число высшего духовенства в стране, уничтожены многие монастыри. В других областях чешской короны, т. е. в Моравии, Силезии положение осталось в общем почти без изменений, поскольку там гуситское движение не привело хотя бы к временной победе гуситов. Значительным облегчением явилось прекращение на время уплаты денег Римской курии. Однако платность различных церковных обрядов была уже восстановлена.

Заметные положительные результаты были достигнуты в отношении ограничения политических прав церк-

ви. Духовенство потеряло на время права привилегированного сословия и лишилось участия в сейме, в важнейших органах управления государством. Лишь позднее церковь смогла в обстановке внутренней реакции и при поддержке Габсбургов восстановить многие из прежних прав и привилегий. Политическое влияние церкви было потеряно не полностью, хотя и значительно ослабло. Положительным являлось также резкое ослабление влияния римско-католической церкви и реакционной деятельности монашеских орденов в жизни Чехии.

В новой гуситской церкви, в общинах Чешских и Моравских братьев церковные обряды стали гораздо проще. Прогрессивное значение имели итоги, хотя и умеренные, в направлении создания национальной церкви, распространение чешского языка в богослужебной литературе, в некоторых церковных службах и особенно в светской литературе. Чехи, единственные во всей католической части Европы, длительное время сохраняли право на причастие под двумя видами.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что многие из важнейших идей гуситов—идея возврата к ранней христианской церкви в преобразованном виде, идея дешевой церкви, положение о том, что источником истины является «священное Писание», а не «священное предание»,—которые встречались прежде в еретических движениях в Европе, несколько позднее выступают и в общеевропейской реформации XVI в. Следовательно, с этой точки зрения гуситское движение, в том числе в некоторой мере и деятельность умеренных гуситов, способствовали развитию реформации XVI в.

ГЛАВА 5

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧЕШСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

К. Маркс и Ф. Энгельс в своих высказываниях о гусизме оценивали его как одно из крупнейших антифеодальных движений средневековья. Этой оценкой были созданы предпосылки и для правильного понимания исторического значения гуситского революционного движения. Как содержание гуситского движения, так и его итоги весьма значительны и разносторонни. Не было ни одной области в жизни чешского общества, которую не задела бы гуситские войны. Выдающееся значение гуситского движения определяется прежде всего его антифеодальным содержанием. Итоги этого события были очень велики не только для собственно чешских земель, но и для всей тогдашней феодальной Европы. Для Чехии значение гуситского движения заключалось в следующем: 1) в социальных преобразованиях, каких удалось достичь чешскому народу; 2) в дальнейшем развитии классовой борьбы в городе и деревне, в подъеме ее на более высокую ступень; 3) в замечательной демократизации, хотя бы и временной, городских порядков и усилении политического влияния горожан в жизни страны; 4) в ликвидации немецкого патрициата в городах, господства немецких феодалов в политической и экономической жизни страны, преобладания немецких элементов среди высшего духовенства, чем созданы были предпосылки для успешного развития национального чешского государства, для подъема чешской национальной культуры, роста национального самосознания народа, ускорения процесса развития национального языка; 5) в подрыве церковного феодального землевладения, в резком падении политического и идеологического влияния римско-католической церкви в землях чешской короны.

Рассмотрим каждый из указанных элементов в отдельности.

1. За годы гуситского революционного движения в Чехии была ликвидирована значительная часть церковного землевладения. Табориты, да и умеренные гуситы, захватывали церковные земли в свои руки. Напомним содержание инструкции пражан чешскому посольству, направляющемуся в Польшу, где они с гордостью говорили о своих успехах в борьбе с церковью⁹³¹. Об этом же мы можем прочесть также в решении Пражской общины по вопросу о церковном землевладении в окрестностях Праги. Не только гуситские города, крестьяне, дворяне-гуситы, но и дворяне-католики, пользуясь сложной обстановкой ожесточенной внутренней борьбы, захватили монастырские богатства. Да и сам император Сигизмунд конфисковал у церкви много земель для нужд антигуситской борьбы и щедро раздавал всем тем, кто желал быть его союзником и помощником против гуситов в Чехии, в том числе и иноземцам⁹³². Свое обещание возвратить церкви все эти богатства он так и не выполнил. Как мы уже указывали, Сигизмунд был даже вынужден перед принятием его на чешский престол санкционировать панам, земанам, горожанам произведенные ими захваты церковной собственности. Грамотой от 20 июля 1436 г. он разрешил дворянству вписывать в государственные книги акты, касающиеся купли-продажи, дарений и завещаний их недвижимой собственности⁹³³.

В то же время следует учитывать характер изменений в феодальной земельной собственности, происшедших за время гуситского движения. Конфискованные земли церкви в значительной их части попали в руки дворянства страны (к сожалению, здесь нет возможности назвать какие-либо точные данные, определить, сколько из этих богатств попало в руки той или иной социальной группы чешского населения). Сообщив о самом факте, мы не должны и преувеличивать его значения. Произошла передвижка церковного землевладения частично внутри самого господствующего класса. Те земли, которые были захвачены и удержаны городами, попали в руки главным образом зажиточных горожан. Захват церковных богатств не сопровождался коренной ломкой старых форм землевладения и отношений собственности, по крайней мере в подавляющем большинстве случаев. Новые владельцы сохранили старые феодальные формы господства и подчинения, по-

земельной зависимости и продолжали получать ренту в ее прежнем виде. Все же нельзя не сказать о том, что городское землевладение, связанное с городским товарным производством, в руках новых владельцев могло быстрее втягиваться в обслуживание товарно-денежных отношений. Вполне вероятно, что в этих владениях могли раньше и в гораздо более значительной мере возникать более совершенные методы ведения хозяйства, что оно было более товарным по своей направленности и пр. Однако данных в этом отношении для более четких выводов в нашем распоряжении нет.

При всей ограниченности итогов в области перераспределения земельной собственности церкви оно имело существенное значение. Удар по церковному землевладению способствовал падению политического и идеологического влияния католицизма в чешских землях. Лишь много десятилетий спустя церковь смогла частично возместить тяжелый урон, понесенный ею в годы гуситского народного движения.

В связи с ростом внутреннего и внешнего спроса на сельскохозяйственную продукцию вторая половина XV в. являлась периодом более интенсивного ведения хозяйства: вводились улучшенные методы сельскохозяйственного производства, расширялись виноградарство, скотоводство, особенно рыбоводство. Несколько активизировалось феодальное хозяйство. Период после Липан некоторые современные историки Чехословакии оценивают как время экономического процветания Чехии, вопреки утверждениям Й. Пекаржа и других реакционных историков, что гуситское движение принесло с собою опустошение и разорение страны⁹³⁴. Восставшим чешским крестьянам тоже, по-видимому, удалось захватить часть церковных и монастырских земель и даже удержать их за собой на какое-то время. Хотя не сохранилось достоверных сведений об этом, но некоторые предположения все же возможно высказать на основании данных, приведенных нами в главе о таборитской программе. В районах, где решительное преобладание принадлежало таборитам, судя по высказываниям Пршибрама в трактате о таборитских священниках⁹³⁵, крестьяне, горожане и мелкие дворяне захватывали земли также и светских феодалов, принадлежавших к католическому лагерю. Положение крестьян изменилось заметно к лучшему в первые десятилетия после гуситских событий. В обстановке острого недостатка рабочей силы, стремления помещиков во что бы то ни

стало обеспечить свое хозяйство трудом подданных феодалы были вынуждены дать крестьянской бедноте возможность занять пустующие земли. Часть церковных земель могло приобрести богатое крестьянство, судя по отдельным записям в пражских городских книгах периода войн. Крестьянство было на некоторое время избавлено от уплаты церковной десятины и других повинностей в пользу церкви, что несколько улучшило на время его положение. Десятина принимает затем форму постоянного денежного платежа, уже независимого от размера земельного участка. На десятилетия исчезли многие чрезвычайные повинности, которые помещики начали практиковать довольно широко в догуситский период. Снизилась налоги в пользу государства, что было немаловажным облегчением как для крестьян, так и для массы городского населения⁹³⁶. На время замедлился процесс имущественного расслоения крестьянства. Улучшение положения крестьянства в ближайшие десятилетия после гуситских войн подтверждается и решениями сеймов против беглых крестьян, явно выраженным стремлением восстановить прежнюю зависимость крестьянства от феодалов⁹³⁷. Паны потребовали даже, чтобы крестьяне уплатили им задолженность, образовавшуюся за время гуситских войн. В 1437 г. Земский суд, выполняя волю помещиков, постановил, что подданные, которые бежали с наследственных держаний и находятся в городах или еще где-либо, должны быть возвращены к своим панам или паны обязаны сами заселить оставленные дедины другими пригодными людьми⁹³⁸.

Сейм 1454 г. принял постановление, запрещавшее феодалам держать в своих владениях чужих крестьян. Было объявлено, что все бродяги и так называемые «лежаки» (буквально—лентяи), т. е. люди, не занятые определенным трудом, не имеющие постоянных источников дохода, в том числе и беглые крестьяне, должны в течение двух недель найти себе хозяина. И позднее неоднократно издавались постановления правительственных органов о возвращении беглых крестьян их прежним господам под угрозой самых суровых наказаний. По решению сейма 1467 г.⁹³⁹ запрещалось принимать беглых под угрозой большого штрафа в 10—20 гривен серебра. Но главное наказание приходилось на долю беглых: беглого крестьянина возвращали пану и в наказание отрезали уши. Однако издание нескольких указов о беглых и их прикреплении к земле говорит о том,

что феодалам не удалось быстро выполнить эти решения.

Как эти, так и другие факты свидетельствуют о том, что наметившаяся кое-где в чешских землях еще накануне гуситского революционного движения тенденция к феодальной реакции, к созданию поместного хозяйства, основанного на барщинном труде крестьянства, была гуситским движением приостановлена. Помещики потратили не одно десятилетие на то, чтобы восстановить свое прежнее положение в отношении крестьянства. Следовательно, события гуситского периода сыграли свою большую положительную роль и в том смысле, что они на время задержали процесс перехода ко второму изданию крепостничества в чешских землях. Как мы уже указывали выше, значительные положительные результаты принесло с собою гуситское движение для городов, что является заслугой прежде всего таборитского лагеря.

2. Гуситское движение явилось новым этапом в развитии классовой борьбы в чешских землях. В этой области произошли глубокие качественные изменения. До-гуситская чешская деревня знала сравнительно мало вооруженных выступлений крестьян против феодалов. Теперь такое движение охватило все слои крестьянства и приняло массовый характер. Прежние выступления крестьян были стихийными, неорганизованными и не имели более или менее сложившихся программных требований, своей идеологии. В период гуситских войн мы наблюдаем также много проявлений стихийности и неорганизованности. Стихийно разворачивается восстание 30 июля 1419 г. в Праге, положившее начало массовой вооруженной борьбе чешского народа с феодально-католическим лагерем; таким же стихийным было иконоборческое движение в 1419 г. Но наряду с этой тенденцией, типичной для крестьянских восстаний, в гуситский период проявилась весьма высокая для того времени степень организованности, чего не было в предыдущих антифеодальных выступлениях народа. Теперь собирались массовые народные собрания, складывались важнейшие программные требования, которые постепенно вызревали в среде недовольных. Отдельные из них были официально приняты всеми гуситами, например, четыре пражские статьи. Хилиастические статьи, по-видимому, не обсуждались самими таборитами-хилиастами, но, записанные умеренными гуситами, стали предметом дискуссии между бюргерской оппозицией и таборитами,

причем вожди таборитов подтвердили тогда, что большинство принципов этих статей они действительно разделяют.⁹⁴⁰ Несмотря на всю неполноту, источники, посвященные программным требованиям гуситов, позволяют утверждать, что оформление их явилось результатом сложных и длительных внутренних процессов. Достаточно напомнить эти источники: четыре пражские статьи, 12 статей таборитов, 72 статьи против хилиастов. Важные требования программного характера были включены гуситами в многочисленные манифесты и в военные уставы. Ни одно народное (крестьянское или городское) движение эпохи феодализма до XVI в. не сохранило нам такого, относительно значительного, числа программных документов с таким сравнительно подробным изложением народных требований.

Весьма высокая и совершенно необычная для средневековья степень организованности была достигнута в развитии вооруженных сил восставшего народа, в его военных операциях. Само выделение военных отрядов из среды повстанцев, т. е. деление таборитских общин на полевые (воинские) и домашние (хозяйственные) не имеет ничего себе равного во времена классического средневековья. Состав этих полевых (походных) отрядов периодически менялся, судя по сообщениям источников, по крайней мере первое время. Гуситы сами изготовляли себе оружие. Разработаны были воинские уставы повстанцев, чего также не было во времена других восстаний средневековой Европы.

У таборитов сложились свои политические институты. Прочно вошли в жизнь таборитских общин «старшие», которые руководили гражданскими делами, избирались и могли быть переизбраны членами общины. Постоянным явлением стали народные собрания членов общин, в наиболее важных случаях собирались таборитские синоды, например, в 1422—1424, 1426 гг.

Идеологи таборитов принимали активное участие в обсуждении важнейших спорных моментов по программным и тактическим (употребляем условно этот термин) вопросам. Например, в 1420 г. оживленно обсуждался вопрос о войне, т. е. о том, можно ли прибегать к вооруженной борьбе с врагами в защиту «правды божьей», т. е. в борьбе с феодально-католической реакцией. Табориты защищали на публичных диспутах 72 статьи, принимали участие в общечешских гуситских сеймах, в посольстве к Сигизмунду, на Ба-

зельском соборе и т. д. Следовательно, был создан и накоплен большой опыт в самой организации народного движения. Можно полагать, что длительное сохранение в народе гуситской революционной традиции⁹⁴¹ в какой-то мере проявилось в антифеодальных восстаниях чешского крестьянства в XVII—XVIII вв., особенно в восстании 1775 г.

Большой интерес представляют военные походы таборитов за границу. Они тщательно готовились, продумывались. Много внимания уделялось организации руководства военными силами, в войсках имелись выборные гетманы. Военные уставы содержали ряд статей, в которых обосновывались исключительно важные требования ко всем гуситам, прежде всего требования высокого морального уровня каждого воина-гусита. Как справедливо заключают современные чехословацкие историки⁹⁴², гуситская армия представляла собою зарождающуюся армию нового типа.

О высокой степени организованности гуситского движения говорит также большая политическая деятельность гуситов: осмысленная, сознательная пропаганда своих идей среди соседних народов, прямые попытки получить их поддержку и, в свою очередь, стремление поддержать трудовой народ соседних стран в его антифеодальной и национально-освободительной внутренней борьбе; безотказный прием угнетенных чужеземцев в свои ряды; попытка установления прочного союза с другими славянскими народами — поляками, белорусами, русскими, украинцами; большая работа, проделанная гуситскими сеймами и гуситскими магистратами (Праги и др. городов) по преобразованию общественных отношений и церковного устройства внутри страны; активная борьба за осуществление гуситских идей на практике.

В антифеодальном движении крестьянства был достигнут значительно более высокий уровень борьбы, чем прежде: пассивные формы оппозиции феодализму, широко известные в Чехии прежде, теперь были отодвинуты на задний план. И, наоборот, на первое место выступила высшая форма классовой борьбы крестьянства, возможная в то время, — вооруженное восстание против феодалов, хотя, разумеется, продолжали сохраняться и другие, менее активные формы.

Качественно новым моментом явилось признание наиболее активной частью крестьян необходимости совместной борьбы с горожанами против феодального ла-

геря. Как уже указывалось нами выше, еще в собраниях на горах были выступления в таком духе. Призыв к единству всех гуситов становится особенно сильным в связи с началом крестовых походов против гуситской Чехии. Среди широких слоев чешского населения тогда была еще широко распространена иллюзия в отношении возможности прочного и постоянного союза всех гуситов, независимо от их имущественного и социального положения. Только длительный и горький опыт, «уроки» предательства со стороны гуситских панов, затем правых элементов бюргерской оппозиции и, наконец, бюргерской оппозиции в целом, подрывали веру в такую возможность. Сразу после летнего пражского восстания 1419 г. стал оформляться крестьянско-плебейский лагерь, зародившийся еще прежде. Конечно, не следует слишком переоценивать это обстоятельство. Было бы неверно отождествлять плебейско-крестьянский союз в Чехии XV в. с идеей и практикой союза пролетариата и крестьянства в новое и новейшее время. Базой для последнего являлась совершенно иная стадия исторического развития, принципиально иная расстановка сил, наличие теории марксизма, самостоятельных партий пролетариата и пр. В период средневековья пролетариат как класс еще не сложился, а городской плебс, по характеристике Ф. Энгельса,⁹⁴³ представлял собою еще довольно пеструю массу, не способную руководить крестьянством и не имевшую четко выраженной программы. В крестьянско-плебейском блоке таборитов руководящая роль принадлежала не плебсу, а крестьянству. Когда революционному крестьянству и плебсу не удалось захватить Прагу в свои руки и создать там свой революционный центр, они были вынуждены создать свои центры, например Табор. Передовой плебс городов, как показывают данные судебных записей панов Рожмберков,⁹⁴⁴ частично ушел в эти военные лагеря-таборы, частью, например в Праге, продолжал борьбу внутри города с бюргерской оппозицией за руководство. Вооруженные силы пражан, в том числе, по-видимому, и некоторая часть плебса, мобилизованная на войну и не ушедшая в таборитские города, совместно с таборитами предпринимали нередко вооруженные наступательные и оборонительные операции против феодально-католической внутренней и европейской реакции.

Подчиненная роль плебса в революционном таборитском лагере нашла свое выражение хотя бы в том, что в 72 статьях и иных программных документах радикаль-

ных гуситов. специфические требования плебса не нашли выражения. Очень мало о них сообщают и нарративные источники.

Некоторые чешские города так и не попали в руки гуситов на всем протяжении вооруженной борьбы, например Чешские Будейевицы, Хеб. В них плебс смог лишь частично примкнуть к гуситам, непосредственно влившись в военные отряды повстанцев. В таких городах власть сохранилась в руках патрициата и высшего духовенства, которые не давали возможности поднять голову угнетенным городским низам. В некоторых городах, например в Кутной Горе, гуситская программа четырех пражских статей была принята лишь временно под давлением гуситов, в результате военных поражений феодалов. Здесь решающие позиции на время заняло местное бюргерство⁹⁴⁵, которое не давало возможности развернуться плебсу.

Все же в классовой борьбе внутри чешских городов произошел в те годы существенный сдвиг. Она также поднялась на новую, более высокую ступень. Для королевских городов, игравших ведущую роль, хотя они и составляли меньшинство, борьба за внутреннюю независимость от церковных и светских феодалов представляла, в общем, пройденный этап. Однако именно в них особенно сильно проявлялось засилье чужеземного патрициата. Бюргерство и плебс этих городов в годы гуситского движения боролись совместно против патрициата и добились в этом крупнейших результатов, которые были бы невозможны без массового народного движения, без поддержки таборитского лагеря в целом, сыгравшего в этом деле решающую роль. Задача вытеснения старого патрициата с его первенствующих позиций в экономике и политической жизни этих городов была решена в основном в 1419—1421 гг. Бюргерская оппозиция теперь заняла то первое место, которое принадлежало прежде патрициату, и повела борьбу со своим недавним союзником—плебсом. Следовательно, в Чехии в данном случае почти совпали по времени разные стадии классовой борьбы городов, типичные для средневековья. Так, в специфических условиях гуситского движения, в обстановке мощного антифеодального и национально-освободительного движения в чешских землях выступает на сцену третья из известных нам стадий классовой борьбы средневекового города—борьба плебса против бюргерства. Конечно, она не была еще завершена в эти годы. Многие города, главным образом в

Моравии, некоторые в собственно Чехии, еще не поднялись, не доросли до нее. Однако она была уже явлением, достигшим широкого распространения.

Существенные особенности были в общественной жизни панских городов, составлявших тогда значительное большинство из общего числа городских поселений. Они являлись еще к началу гуситского движения собственностью крупных феодалов. Следовательно, здесь не была еще пройдена более ранняя стадия классовой борьбы городов — борьба с феодалами за свою внутреннюю независимость. С королевскими городами периода вооруженного восстания их роднит то обстоятельство, что от мирных методов освобождения от власти панов (выкуп, королевская грамота на привилегии за особые заслуги и пр.), широко распространенных в догуситской Чехии, они также перешли теперь к вооруженной борьбе. В ходе и итоге гуситского революционного движения многие панские города получили от своих хозяев целый ряд послаблений и преимуществ. Они упрочили и расширили свои экономические привилегии, прежде всего право распоряжаться собственностью, и получили некоторые политические права. Так, 5 октября 1423 г. Сигизмунд по просьбе Яна Каплиржа из Сулевиц разрешил горожанам Тржебнице иметь 12 консулов, избирать из их среды пуркмистра.⁹⁴⁶ В 1428 г. горожане из Билина получили право передавать свое наследство родственникам вплоть до седьмого поколения.⁹⁴⁷ Некоторые села получили права местечек или городов, например село Побежховице.⁹⁴⁸ Отдельным гуситским городам — Прахатицам,⁹⁴⁹ Чешскому Броду,⁹⁵⁰ Табору⁹⁵¹ — Сигизмунд был вынужден предоставить права королевских городов, бюргерство которых король привлек такой уступкой на свою сторону.

Таким образом, для классовой борьбы чешских городов времен гуситских войн характерны бурные темпы ее развития и широчайший размах. Ею охвачена была по сути дела вся Чехия и целый ряд городов Моравии. В отличие от собственно Чехии, в городах Моравии патрициат, обычно чужеземный, сумел удержать свои руководящие позиции. В Чехии 1419—1437 гг. мы наблюдаем одновременное наличие всех форм классовой борьбы городов, известных для эпохи феодализма. Одни из этих форм завершают свое развитие, другие появляются заново — от выступлений городов против своих панов за независимость к борьбе блока бюргеров и

плебса против патрициата и до борьбы между бюргерством и плебсом. Такого сочетания разных форм классовой борьбы горожан, такого размаха и таких темпов перехода от одной стадии борьбы к другой мы обычно также не видим в тогдашней Европе. Нельзя не оговориться вместе с тем, что ведущую роль играли уже такие формы классовой борьбы горожан, как борьба бюргеров и плебса против патрициата и борьба между бюргерством и патрициатом.

Заметного качественного подъема и изменений достигает в гуситском движении революционная оппозиция феодализму. Ф. Энгельс, отмечая то обстоятельство, что «революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековые», в то же время говорил о различных ее формах. «Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»⁹⁵². В XIV—XV вв. происходит выделение, обособление плебейско-крестьянской ереси от ереси бюргерской, что имело место, как мы видели выше, и в чешских землях. Одна из важнейших особенностей гуситского движения, как и восстания Уота Тайлера в Англии, заключалась в том, что в это время наряду с открытой ересью как формой оппозиции феодализму широчайшее распространение получает более высокая форма антифеодального движения — вооруженное восстание. Качественный скачок проявляется в гуситском движении и в том, что гораздо более высокой степени развития достигают сами еретические движения. Ереси были известны в Чехии и прежде. В ряде источников они упоминаются в чешских землях уже в середине XIII в. Однако тогда им присущи были многие отрицательные черты, свойственные более ранним еретическим движениям, — сектантская замкнутость общин еретиков, отсутствие массовости в движении, мирный характер способов, с помощью которых сектанты думали добиться осуществления своих планов изменения существующих общественных отношений. Мы уже отметили выше, как постепенно преодолевались эти черты. Накануне и в ходе гуситского движения плебейско-крестьянская ересь в чешских землях также обособилась в самостоятельное направление, что отражало глубокие качественные изменения, происшедшие в самом еретическом движении.

В то же время происходят заметные изменения внутри этих направлений ереси. Бюргерская оппозиция

переживала также процесс своего становления и развития и на различных стадиях своей эволюции не представляла однородной массы, единого целого. Степень развитости бюргерской ереси, ее взаимоотношение с плебейско-крестьянской ересью были также различными в разных странах. Специфика гуситского движения заключалась в том, что в нем союз между бюргерской и плебейско-крестьянской оппозицией был гораздо более длительным и значительно более прочным, чем в Англии времен восстания Уота Тайлера, во Франции периода Жакерии и Парижского восстания. Во Франции в середине XIV в. бюргерская оппозиция стремилась использовать в своих корыстных интересах крестьянское восстание. Даже тогда, когда у повстанцев-крестьян установилась связь с горожанами Парижа, бюргеры не оказали им никакой существенной поддержки. Как известно, руководитель восставших парижан—Этьен Марсель — ограничился посылкой в помощь крестьянам небольшого отряда горожан и посоветовал посланным по возможности воздерживаться от вооруженных выступлений на стороне крестьянства. Во время решающего столкновения крестьян-повстанцев с феодальными войсками бюргерская оппозиция осталась по существу в стороне. Затем и она была побеждена магнатами. Следовательно, в этом движении далеко не была преодолена изолированность крестьянства от горожан. Здесь не сложилось более или менее прочного блока между этими силами. Более или менее аналогичная картина наблюдалась во время восстания Уота Тайлера в Англии, когда восставшее крестьянство было стихийно поддержано горожанами нескольких местных городских центров, плебсом, присоединившимися к ним в ходе восстания. Бюргерство Лондона в период, когда повстанцы вступили в Лондон с оружием в руках, только в первые дни выступало вместе с ними. В целом же оно отвергло метод вооруженного восстания, которым действовали крестьяне и плебс городов. Низшее дворянство вообще не примкнуло к крестьянам, хотя бы временно. Даже в Лондоне восставшее крестьянство осталось по сути дела изолированным от бюргерства и было разбито феодальными войсками. Таким образом, в Англии плебейско-крестьянская ересь не объединилась с бюргерской в борьбе против феодальных порядков в более или менее прочный и длительный блок. Вся глубина различий в их классовых интересах, в их методах борьбы за реализацию своих требований проявилась очень скоро.

Выделившись в самостоятельное направление, плебейско-крестьянская ересь в чешских землях в ходе гуситских войн выступает длительное время в блоке с бюргерской оппозицией, чего не было в Англии, да и в других странах феодальной Европы до XVI в. Бюргерская оппозиция в чешских землях выступает уже значительно более организованной. В ходе вооруженного восстания создается Пражский союз городов, включавший значительную часть королевских городов. Другая часть городов входила одно время в состав таборитских объединений. За исключением трех городов, все остальные королевские города примыкают к гуситским объединениям и входят в лагерь гуситов. В течение многих лет, когда в стране не было фактически королевской власти, эти города были самостоятельны и сами решали важнейшие государственные вопросы. К гуситам примкнул также ряд зависимых, панских и церковных городов.

В чешских землях во время крупных антифеодальных выступлений в значительно большей степени, чем в других странах, сказалось давление снизу, сильнее было влияние на лагерь бюргерской оппозиции со стороны плебейско-крестьянских масс с их решительными способами борьбы против феодального лагеря, особенно в первый период (1419—1421 г.). Это влияние проявилось в некоторых ранних гуситских манифестах, в которых заметен более решительный тон, чувствуется более радикальный характер требований. Как известно, Новая Прага, например, сразу же после предложения таборитов в августе 1420 г. во время первого крестового похода согласилась принять 12 статей, предложенных таборитскими общинами, находившимися тогда в Праге.⁹⁵³

Хотя бюргерская оппозиция была противницей методов вооруженной борьбы в защиту своих требований, однако в обстановке наступления международной реакции (Первый крестовый поход) она была вынуждена на время отказаться от своей обычной тактики соглашения и примирения. Отряды умеренных гуситов вместе с таборитами с оружием в руках выступили против войск крестоносцев. В этом сказалось воздействие на бюргерство не только специфической внешней обстановки, но и своеобразие расстановки классовых сил в чешских землях и наличие у чешских бюргеров своих особых задач, которых не было, скажем, у бюргерской оппозиции Франции и Англии в период Жакерии, Парижского восстания и восстания Уота Тайлера. Хотя во-

Франции вместе с французскими рыцарями участвовали в подавлении восстания крестьян английские феодалы и народные выступления произошли в обстановке начавшейся Столетней войны, однако там бюргерская оппозиция не пошла на совместную вооруженную антифеодальную борьбу в блоке с плебейско-крестьянским лагерем и быстро предала широкие массы народа.

Однако вскоре и в чешских землях, при наличии указанных выше важных специфических черт, проявилась со всей силой главная и общая для бюргерской оппозиции в то время черта — ее готовность к сделке с господствующим феодальным классом за счет крестьянства и плебса городов. Уже в 1423—1424 гг. правые ее лидеры попытались, хотя и неудачно, повернуть гуситов на путь сделки и компромисса. В 1427—1429 гг. развернулась ожесточенная борьба внутри Праги вокруг этого же вопроса — о путях и методах дальнейшего развития гуситского движения. Тогда попытки коренного поворота в ходе событий в направлении реакции провалились. Они удались уже много позже, при активной помощи международной реакции, римско-католической церкви, после Базельского собора и соглашения в форме пражских компактатов. Липаны были логическим и закономерным результатом эволюции бюргерского лагеря вправо, к окончательному предательству плебейско-крестьянского лагеря гусизма.

Как и чем все же объясняется более высокая степень организованности гуситского движения, сравнительно длительный период блока между плебейско-крестьянским лагерем и бюргерской оппозицией в Чехии, если сопоставить его с другими странами? Уровень экономического развития Англии периода восстания Уота Тайлера был более высоким, чем экономический уровень чешских земель в начале XV в. Города Англии не были тогда в своем большинстве в такой зависимости от отдельных феодалов, как чешские города. Задача борьбы за освобождение от панской зависимости не стояла здесь так остро. Вместе с тем перед населением Англии не стояла проблема борьбы за национальную независимость. В чешских землях это обстоятельство было одним из важных стимулов, который способствовал временной консолидации сил всех направлений гусизма. В то же время со всей силой проявились и в Англии, и в Чехии общие черты движения — антицерковная направленность, активное участие в движении низшего дворянства, стремившегося к захвату в свои руки церковных богатств.

Следовательно, проявление общих сторон и тенденций антифеодального движения плюс наличие специфических черт в чешских землях и породили сравнительно высокую степень его организованности, более энергичную деятельность бюргерской оппозиции и более длительный блок ее с плебейско-крестьянским лагерем.

3. Существенно изменился состав городских магистратов, имевшихся в королевских городах. Старый, в большинстве своем чужеземный патрициат был уничтожен или изгнан, и его место заняло теперь чешское бюргерство. Во время гуситских войн в составе городских магистратов были обычно ремесленники разных профессий и мелкие и средние торговцы. В Старой Праге на должностях консулов за 1420—1436 гг. сменились представители двадцати ремесленных корпораций. Из них было 8 суконщиков, по 5 человек из числа пивоваров, мясников, портных. В Новой Праге за то же время в должности консулов сменились представители 24 ремесел, в том числе 11 суконщиков, 8 мясников, 6 пекарей, 4 кожевника, 4 пивовара и др.⁹⁵⁴ В городе Пльзне в 1433 г. среди консулов были кожевники, столяры, мясники, пивовары, пекари, золотых дел мастера и др. В г. Чешском Броде в 1421 г. в числе консулов находились два стригольщика сукон, а в 1426 г.—4 мясника⁹⁵⁵. За 1427—1436 гг. на посту пуркмиистра (бургомистра) и консулов в Кутной Горе, бывшей тогда под гуситским контролем, сменился целый ряд ремесленников и торговцев, среди которых были портные, мясники, лавочники, возчики, пушкари, сапожники, монетчики и иные⁹⁵⁶. Поскольку Сигизмунд был вынужден признать и изменение соотношения в составе населения королевских городов и возросшую роль городского бюргерства, оно и в дальнейшем сохранило свои значительные новые права. Резко возросла в целом роль королевских городов в политической жизни страны. Если до восстания представители самых значительных и крупных королевских городов приглашались в некоторых случаях на сеймы, то теперь они стали признанными представителями третьего сословия в сеймах и постоянными их членами.

«...Большая часть подданных городов избавилась от наследственных рихтеров» за годы гуситских войн⁹⁵⁷. Города Жатец, Йиглава, Оломоуц избавились от них уже в 1419 г., Кутна Гора—в 1420 г., Литомержиц—в 1422 г. (Рихтеры пользовались в городах судебными правами и частью судебных доходов и обычно обладали

наследственной властью. До гуситских войн они стояли даже выше консулов.—А. О.).

Низшие слои ремесленного люда получили большие возможности защищать свои права. В 1432 г. подмастерья Старой Праги создали свое братство. В последующие десятилетия такого рода организации подмастерьев были созданы в целом ряде других ремесел, что было безусловно связано с возросшей за годы крестьянской войны политической активностью городских низов, с непосредственными положительными итогами народной борьбы.

Следовательно, важнейшие итоги гуситского движения в области политической выразились в демократизации городской жизни в целом, в закреплении за горожанами прав третьего сословия и в упрочении сословной монархии, которая тогда еще не исчерпала своих возможностей до конца.

4. Много положительного антифеодалное и национально-освободительное движение чешского народа принесло в национальном вопросе. Такой итог был исторически вполне закономерен. Гуситское движение так же, как и народные и национальные движения других стран, подтверждает глубокую правильность учения марксизма-ленинизма о том, что национальный момент играет подчиненную роль, а главное, определяющее место принадлежит экономическим и социальным мотивам. Классовые интересы и здесь оказались выше национальных.

Каковы были реальные результаты, достигнутые в национальном вопросе в итоге гуситского движения?

Еще во время переговоров с Сигизмундом в 1429 г. гуситы требовали, чтобы управление Моравией король вручил какому-либо пану чешского или моравского происхождения⁹⁵⁸. В упоминавшихся выше требованиях дворянства и бюргерства к Сигизмунду в марте 1435 г. было записано: «Ни один немец или иной чужеземец не должен быть государственным служащим или держателем замка или имения⁹⁵⁹. В случае выезда короля из страны, «...чтобы землю (т. е. страну.—А. О.) не поручал ни одному чужеземцу, а только чеху», гуситу. Горожане стремились не допустить реставрации политического могущества чужеземного патрициата. «Ни один немец, не принимающий тело или кровь божью (т. е. не гусит.—А. О.), не должен быть консулом или каким-либо иным государственным служащим»,— требовали они⁹⁶⁰. Исключение было сделано только для

немцев-гуситов, что лишний раз доказывает, что немецкие элементы были непосредственными участниками гуситского движения в чешских землях. В заключение была написана статья, направленная против чужеземного засилья вообще: «Немцев и иных чужеземцев не делай государственными служащими». 6 июля 1435 г. Сигизмунд в грамоте пражанам дал согласие на их требование, чтобы чужеземцы-негуситы не занимали городские должности.⁹⁶¹ «7. Ни один чужеземец, который не хочет принимать под двумя видами, чтобы не был консулом и присяжным или чиновником в тех городах» (имеются в виду Старая и Новая Прага.—А. О.). В 12 статье грамоты короля от 20 июля 1436 г.⁹⁶², касающейся всей Чехии, было записано: «...желаем, чтобы в Чехах (т. е. в чешских землях.—А. О.) ни один чужеземец не был на должностях, кроме как чех, а в окрестных землях, принадлежащих Чешскому королевству, чтобы было так, как отец наш славной памяти и иные чешские короли установили». 31 статья подтверждала, что в случае выезда короля из страны чужеземец не будет его замещать.

При общей положительной направленности указанных требований и решений, нельзя не отметить, что сам факт признания королевских прав за Сигизмундом, ярым врагом гусизма и национальных устремлений чехов, был явлением отрицательным. Это обстоятельство в какой-то мере привязывало страну к Германии, к интересам немецких князей, давало им повод для вмешательства во внутричешские дела, что проявилось вскоре после смерти Сигизмунда и имело отрицательные результаты для страны. В этом повинны именно гуситские дворяне и бюргеры, их предательская сделка с Римом и феодально-католическим лагерем в целом.

Крупнейшим положительным результатом, имевшим общенациональное значение, явилась ликвидация засилья немецкого патрициата в подавляющем большинстве королевских городов Чехии, превращение городов страны в подлинно национальные чешские центры.

Например, в Праге с 1424 по 1427 г. было записано 53 новых горожанина, среди которых было только два немца. С 1427 по 1436 г. было принято 412 новых горожан и из них только 25 немцев.⁹⁶³ В ближайшие десятилетия после гуситских войн в Праге в число горожан принимались в подавляющем большинстве чехи. С 1437 по 1517 г. среди горожан, принятых в Старой Праге, судя по 480 известным фамилиям, 442 человека явля-

лись чехами, 25—немцами и 13—поляками.⁹⁶⁴ В 1427—1429 гг. в Старой Праге было 640 ремесленников и занимавшихся промыслами, среди которых названо лишь 12 немецких имен.⁹⁶⁵

Наряду с изменениями в национальном составе населения городов в целом, что мы можем предполагать, судя по ходу событий, отметим также другое важнейшее обстоятельство: во главе городского самоуправления во всех гуситских центрах стояли теперь национальные чешские элементы.

Гуситское движение расчистило дорогу для развития национальной культуры и языка. Еще в годы гуситских войн чешская национальная культура сделала заметный шаг вперед. Широчайшее развитие получает народная поэзия, служившая таборитам и умеренным гуситам мощным оружием в борьбе против феодальной идеологии и вдохновлявшая народ на мужественную борьбу с врагами. В годы войны в Таборе появились школы для мирян, где обучение велось на национальном чешском языке, по поводу чего тогда возмущался магистр Ян Пршибрам. Даже ярый враг гуситов Эней Сильвий, побывав в Таборе в середине XV в., с удивлением отметил широкое распространение грамотности среди крестьян и горожан, населявших в то время Табор и округу. Начиная с Яна Гуса, широкое распространение получила Библия, переведенная на чешский язык, и другие богослужебные книги на родном языке, богословские и светские трактаты. Петр Хельчицкий (1390—1460) пишет на чешском языке трактат «О вере», знаменитую «Сеть веры» и др. произведения. Некоторые сочинения писал по-чешски Ян Рокицана (1395—1471), глава умеренных гуситов в последний период гуситского движения. Защитниками национального чешского языка были виднейшие деятели общины Чешских братьев, возникшей около 1460 г. В 1468 г. в Чехии была напечатана первая книга на чешском языке — «Троянская история». Издавались новые полные тексты Библии и были написаны различные произведения по вопросам права и чешской истории. К их числу относятся, например, «Старые чешские летописи» — один из ценнейших памятников чешской истории гуситского времени. Чешский знаток права Викторин Корнель из Вшегрд издал «Девять книг о правах, судах и досках чешской земли». Некоторые другие чешские гуманисты того времени выступили также решительными защитниками родного чешского языка.

В администрации, суде и быту немецкий и латинский языки были вытеснены чешским. Он стал государственным языком в Чехии, Моравии, Горной Силезии. На чешском языке обсуждались теперь различные вопросы на сеймах страны, записывались решения сеймов и городских общин, в частности в Праге. На нем писались новые и были переведены старые цеховые статуты, например, статут пражских маляров, затем Йиглавское и Кутногорское горное право.

Чешский язык становится весьма распространенным в родственной чехам Словакии, бывшей тогда в составе земель венгерской короны. Это способствовало еще большему сближению чешского и словацкого народов. Более широкое распространение чешский язык получил в польских землях.

5. Каков общий итог в области преобразования церкви? Было достигнуто частичное выполнение планов создания дешевой церкви: у нее были отняты многие ее богатства. Было ограничено число высшего духовенства в стране, уничтожены многие монастыри. В других землях чешской короны, т. е. в Моравии, Силезии, положение осталось в общем почти без изменений, поскольку там гуситское движение не привело хотя бы к временной победе гуситов. Значительным облегчением явилось прекращение на время уплаты денег Римской курии.

Заметные положительные результаты были достигнуты в ограничении политических прав церкви. Духовенство потеряло на время права привилегированного сословия и лишилось участия в сейме, в важнейших органах управления государством. Лишь позднее церковь смогла в обстановке внутренней реакции и при поддержке Габсбургов восстановить многие из прежних прав и привилегий. Однако политическое влияние церкви было потеряно не полностью, хотя и значительно ослабло. Положительным явилось также резкое ослабление влияния римско-католической церкви и реакционной деятельности монашеских орденов в жизни Чехии.

В новой гуситской церкви, в общинах Чешских и Моравских братьев церковные обряды стали гораздо проще. Прогрессивное значение для создания национальной церкви имело распространение чешского языка в богослужебной литературе и в некоторых церковных службах. Чехи, единственные во всей католической части Европы, длительное время сохраняли право на причащение под двумя видами.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что многие из важнейших идей гуситов—идея возврата к ранней христианской церкви в преобразованном виде, идея дешевой церкви, положение о том, что источником истины является «священное Писание», а не «священное предание»,—которые встречались прежде в еретических движениях в Европе, несколько позднее выступают и в общеевропейской реформации XVI в. Следовательно, с этой точки зрения гуситское движение, в том числе в некоторой мере и деятельность умеренных гуситов, способствовало развитию реформации XVI в.

Могучее народное движение, вылившееся в гуситские войны, стало неисчерпаемым источником лучших традиций чешского народа. Известно, как высоко ценили лучшие традиции различных народов классики марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс в предисловии к «Крестьянской войне в Германии» с гордостью говорит о революционных традициях немецкого народа. В. И. Ленин с горячим одобрением вспоминал декабристов, революционных русских демократов и первых большевиков, поднимавших революционное движение в землях России.

Гуситские революционные традиции питали освободительные чаяния трудящихся масс Чехии. Они вдохновляли их на борьбу с феодализмом, с абсолютизмом и чужеземным угнетением во времена Габсбургов. В годы второй мировой войны эти традиции воодушевляли чешский пролетариат и крестьянство на самоотверженную борьбу против немецкого и чешского фашизма. Революционная деятельность таборитов воодушевляла чехов и словаков на борьбу за народную демократию и позднее—на строительство социализма.

Гуситское революционное движение нашло широчайший отклик во многих европейских странах, горячее сочувствие широких слоев крестьянства, плебса, буржуазии, даже низшего дворянства и вызвало неоднократно попытки подражания. Об этом свидетельствуют многочисленные сообщения современников—хроники немецких городов, письмо кардинала Юлиана Чезарини, письма Владислава и Витовта, папы Мартина V, императора Сигизмунда, материалы Базельского собора, решения провинциальных синодов различных католических стран Европы, протоколы инквизиции в Германии и других европейских государств. Обширная литература о гуситских откликах вне Чехии указана частично в первой главе, поэтому я останавлиюсь лишь на об-

щем значении гуситских идей и практики в развитии тогдашней Европы.

Выдающееся значение чешской крестьянской войны XV в. вытекало из самого характера движения, глубины его антифеодальной направленности, из размаха антикатолической и национально-освободительной борьбы, борьбы, которую вел чешский народ. Как мы уже отмечали в одной из статей⁹⁶⁶, чешская крестьянская война была самым мощным антифеодальным движением в средневековой Европе в период до XVI в. Она была значительно глубже и длительнее революционных плебейских и крестьянских движений в Англии, Франции, Фландрии, Германии, Испании XIV—XV вв. Впервые в мировой истории в Таборе осуществлялась попытка создать общество без классов и сословий, без имущественного неравенства, на основе принципов потребительского коммунизма.

Табориты покушались на феодальную собственность, на всю систему феодальных общественных отношений. Впервые в таких широких размерах и с такими существенными результатами была проведена секуляризация церковных земель. Достигнуто было на некоторое время заметное улучшение положения крестьянства. Порваны были цепи, которыми чешские земли были прикованы к папской курии. Широкое распространение гуситских идей в Европе и успехи движения внутри чешских земель нанесли серьезный удар по идеологическому могуществу римско-католической церкви и подорвали и без того пошатнувшийся ее авторитет. В числе основных задач чешского движения стояла задача реформации католической церкви и создания церкви национальной, чешской — задача, которую многие другие европейские страны будут решать в XVI столетии.

Специфической чертой чешского движения являлся его национально-освободительный характер, что также выводило его за пределы задач, обычно решавшихся в крестьянских восстаниях и войнах средневековой Европы. Эта сторона гуситского движения нашла особенно значительные отклики в тех странах, которые также стремились добиться ликвидации чужеземного засилья.

Чешское революционное гуситское движение имело огромное влияние на общественную жизнь остальной Европы.

1) Оно содействовало дальнейшему обострению и углублению социального, антифеодального движения, появлению новых и более значительному развитию преж-

них, уже испытанных форм классовой борьбы, подъему на новую ступень различных форм оппозиции феодализму.

Крупнейшим положительным итогом гуситского движения является зарождение и развитие гуситской идеологии, прошедшей сложнейшую эволюцию от народных еретических сект и выступлений Конрада Вальдгаура, Яна Милича, Матея из Янова, Фомы Штитного к Яну Гусу и его ближайшим соратникам и единомышленникам Иерониму Пражскому, Якоубеку из Стржибра и другим.

Исключительное значение имело зарождение и оформление идеологии плебейско-крестьянского лагеря таборитов, таборитского хилиазма. Как и учение Яна Гуса, хилиазм таборитов возник прежде всего на национальной чешской почве. Однако он также испытал большое влияние народных сект всей тогдашней Европы.

Идеология таборитов — хилиазм занимает почетное и выдающееся место в развитии антифеодальных идей в средние века. В ней мы встречаем довольно полную картину программных требований народа, отразивших чаяния и стремления крестьянства и городских низов. Хилиазм, давно уже известный в феодальной Европе, поднялся в гуситском движении на новую, высшую ступень, соединившись с идеей народного революционного восстания, с попытками таборитов непосредственно осуществить в чешских землях план создания нового, бесклассового общества своими собственными руками, не дожидаясь вмешательства потусторонних таинственных сил.

2) Гуситское революционное движение способствовало росту национального самосознания народов, в частности развитию идеи славянской общности; 3) оно заложило основы общеевропейской реформации; 4) оно подрывало в некоторой мере немецкую агрессию на востоке Европы; 5) оно дало толчок развитию военного искусства в Европе; 6) оно помогло значительному усилению идеологической борьбы против монополии римско-католической церкви.

Гуситские идеи проникли в белорусские, украинские, литовские, польские, словацкие, венгерские, румынские, германские, французские земли и далее вплоть до Испании, Англии, Шотландии. В разных странах Европы они встретили сочувственный отклик в народных массах, хотя и в различных формах и с различными целями, так как уровень развития и задачи, стоявшие перед

каждой страной, были тогда весьма различны. Стремление активно воспринять опыт и уроки чешской крестьянской войны вытекало из дальнейшего обострения социальных противоречий в феодальных государствах Европы, в связи с продолжавшимся ростом товарно-денежных отношений, все большим проявлением эксплуататорской сущности самой феодальной системы и стремление народов к национальному освобождению.

**

Советские люди, все трудящиеся мира с чувством огромного удовлетворения следят в наши дни за успехами строительства социализма в Чехословакии. Многовековая мечта лучших сынов чешского и словацкого народов об обществе без эксплуатации человека человеком, без классов, имущественного и правового неравенства стала в наши дни былью, реальностью. Не последнее место среди стимулов, вдохновляющих чехословацкий народ на героические трудовые подвиги, занимают его, революционные традиции. Вместе со всеми трудящимися Чехословакии мы, советские люди, глубоко уверены в том, что «.. и в Чехословакии нынешнее поколение также будет жить при коммунизме», как заявил об этом в своем выступлении на XXII съезде КПСС первый секретарь Коммунистической партии Чехословакии и президент Чехословацкой Социалистической республики Антонин Новотный.

- ¹ Popravci kniha pánuv z Rozmberka, ed F. Mares, Praha, 1878.
- ² J. Macek, Tábor v husitském revolucním hnutí, díl I, kapitola 6, Praha, 1952 (в дальнейшем Macek J., Tábor...). В рус. издании: И. Мацек, Табор в гуситском революционном движении, том 1, гл. 6, М., 1956.
- ³ V. Vojtisek, Na Táboře v letech 1432—1450, Sborník v Zizkuv, V Praze, 1924.
- ⁴ Vavrinc z Brezové, Husitská kronika, Praha, 1954.
- ⁵ См. статью И. Мацека об этом документе с приложением его на чешском языке: J. Macek, Nejstarsi husitský bojový rád, «Historie a vojenství», 2, Praha, 1953.
- ⁶ «Archiv Český cíli staré písemné památky české a moravské, sebrané z archivu domácích i cizích», díl 6, w Praze, 1872—1873, s. 41—44. (в дальнейшем «Archiv Český»).
- ⁷ «Fontes rerum Bohemicarum», t. 5, ed. J. Goll, Praha, 1893.
- ⁸ Miscellaneen der Böhmischen und Mährischen Literatur; seltener Werke, und verschiedener Handschriften», ed. F. Prochaska, Ibid., Praga, 1784. Другое издание: «Tractatus contra errores Picardorum», ed. Döllinger, «Beiträge zur sekten Geschichte des Mittelalters», t. 2, München, 1890.
- ⁹ «Archiv Český», díl 3, w Praze, 1844, ed. F. Palacký.
- ¹⁰ Jan Pribram, Život knezi tábořských, ed. J. Macek в сборнике «Ktoz jsu bozi bojovníci», Praha, 1951, стр 262—309.
- ¹¹ Joannis de Lukavec et Nicolai de Pelhrzimov Chronicon Taboritarum, ed. Höfler K., Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen 1—3, «Fontes rerum Austriacarum. Scriptores», Iabt. 6 bd., 2 t., Wien, 1865.
- ¹² «Denik Petra Zateckého, prel. F. Hermanský, Praha, 1953.
- ¹³ В последнее время Ф. М. Бартош выдвинул предположение, что автором «Дневника» является другое лицо — Вавржинец Немец из Рейхенбаха в Силезии. F. M. Bartos, «Basilejský revolucionár a husitské ohlasy v jeho díle», «Sborník historický», 3, Praha, 1955.
- ¹⁴ Jan Zelivský, Dochovaná kázání z r. 1419, díl I, ed. A. Molnar, Praha, 1954. Výzva Jana Zelivského, výbor z kázání, Praha, 1954.
- ¹⁵ «Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук», том 55, СПб., 1893.
- ¹⁶ Там же, том 77, СПб., 1904.
- ¹⁷ Staroceske vojenské rády, Praha, 1952.
- ¹⁸ Zprávy o statcích a prech venkovských z archivu mesta Prahy, ed. J. Teige, «Archiv Český», díl 26, Praha, 1909, díl 28, Praha, 1912.

¹⁹ J. Hlaýácek, Husitské snemy, «Sbornik historický», 4, Praha, 1956.

²⁰ «Archiv Český», díl I, w Praze, 1840, díl 6.

²¹ J. Spevácek, Nález významného dokumentu z počátku husitského revolučního hnutí, «Československý časopis historický», 1960, 5, с. 733—734.

²² F. M. Bartos, Manifesty města Prahy z doby husitské, «Sbornik příspěvku k dějinám hlavního města Prahy», díl 7, v Praze, 1933.

²³ «Archiv Český», díl 3.

²⁴ Vavrinec z Brezové, Husitská kronika, Praha, 1954.

²⁵ «Fontes rerum Bohemicarum. Prameny dějin českých», díl 5, v Praze, 1893, Vavrinec z Brezové, Kronika, Husitská.

²⁶ Существует несколько изданий этого источника: Stari letopisowe cesti, ed. Palacký F., w Praze, 1829; новое издание J. Charvata, Praha, 1940. Staré letopisy české, ed. Simek., Praha, 1937. Stari letopisy české, z rukopisu Krizovnického, Praha, 1959.

²⁷ Husitské skladby Budysinského rukopisu Praha, 1952.

²⁸ В последние годы высказано мнение, что автором этих сатир является Вавринец из Бржезовей. Содержание их, сопоставленное с его «Гуситской хроникой», подтверждает вероятность такого предположения.

²⁹ Z. Nejedlý, Dějiny husitského zpevu, Sebrané spisy Zdenka Nejedlého, svazek 43, 44, Praha, 1955, 45, Praha, 1956.

³⁰ Vavrinec z Brezové, Píseň o bitvě u Domazlic, Praha, 1951.

³¹ Listář a listinář Oldřicha z Rozmberka 1418—1462, díl I (1418—1437), v Praze, 1929.

³² «Deutsche Reichstagsakten», bd. 8, Gotha, 1883.

³³ Kronika Bartoska z Drahonice, «FRB», díl 5.

³⁴ Ondřej z Broda, Tractatus de origine Hussitarum, «FRA», Iab., 6 bd., 2 t., с. 343.

³⁵ Tractatus de longaevo schismate, ed. Loserth, «Archiv für Österreichische Geschichte», 60 bd., Wien, 1880.

³⁶ В нашем кратком историографическом обзоре мы остановимся на чехословацкой, русской, советской, польской, венгерской, румынской и немецкой литературе вопроса. Некоторые исследования английских и американских историков будут привлечены в процессе изложения конкретного материала.

Историографические материалы содержатся в следующих работах A. Kraus, Husitství v literatuře, zejména německé. «Rozpravu české Akad.», třída 3, číslo 45, v Praze, 1917, d. I. F. Kavka, Husitská revoluční tradice, Praha, 1953. R. G. Pláščka, Von Palacký bis Pekar, «Wiener Archiv für Geschichte d. S'aventurs und Osteuropa», Grac-Köln, 1955. I. J. Macek, Tábor v husitském revolučním hnutí, d. I, kapitola I, Praha, 1952.

³⁷ П. Резонов, Вступительная статья к первому тому книги И. Мацека «Табор...», стр. 10.

³⁸ V. V. Tomek, Dějepis města Prahy, díl 3, 4, Praha, 1878.

³⁹ J. Pekar, Zizka a jeho doba, díl 1—4, v. Praze, 1927—1933, I, Praha, 1927, s. 188.

⁴⁰ J. Macek, Tabor..., díl I, с. 17. Мацек И., Табор..., том. I, стр. 32.

⁴¹ См. подробную рецензию И. Пекаржа на книгу Р. Урбанака о Липанах: «Česky Časopis Historický», 1934, sesit 3—4, 576.

Та же мысль в его книге: J. Pekar, J. Zizka..., dil I, c. 197.

⁴² О старой и современной немецкой буржуазной литературе о гуситских войнах сообщается в следующих марксистских работах: J. Masek, K ohlasu husitstvi v Nemecku, «ССН», 1956, 2. Н. Kōpstein, Pojetí narodnosti otázky a narodního hnutí v Čechách 14. a 15. stol. západně—německou historiografii po r. 1945, «ССН», 1955, 2. Его же, Ohlasy husitského revolučního hnutí v Nemecku, сборник «Mezinárodní ohlas husitství», Praha, 1958. Его же, Über den deutschen Hussiten Friedrich Reiser, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1959, 5.

⁴³ L. Höfler, «Geschichtschreiber...», «Fontes rerum Austriacarum», Iab., t. 3, bd. 7, Wien, 1866, c. 19.

⁴⁴ K. Bittner, Deutsche und Tschechen, Brün (Prag), Leipzig, Wien, 1936.

⁴⁵ Указ. соч., стр. 127—128.

⁴⁶ Указ. соч., стр. 162.

⁴⁷ K. Grünhagen, Die Hussitenkämpfe der Schlesier 1420—35, Breslau, 1872.

⁴⁸ «Scriptorum rerum Silesiacarum», bd. 6, Breslau, 1872, ed. C. Grünhagen.

⁴⁹ Н. Kōpstein, «Zeitschrift...», 1959, N 5, c. 1069.

⁵⁰ F. Becold, König Sigmund und die Reichskriege gegen die Hussiten, I, München, 1872. Его же, Zur Geschichte des Husitentums, München, 1874.

⁵¹ F. Becold, Zur Geschichte des Husitentums, c. 2.

⁵² Там же, стр. 63.

⁵³ Н. Haupt, Husitische Propaganda in Deutschland. «Historische Taschenbuch», 6 Folge, 7 Jahrgang, Leipzig, 1888.

⁵⁴ J. Masek, «ССН», 1956, 2, c. 190.

⁵⁵ См. статью Н. Kōpstein, Ohlasy husitského revolučního hnutí v Nemecku. «Mezinárodní ohlas husitství», Praha, c. 225. Его же, в «ССН», 1955, 2.

⁵⁶ W. Kuhn, Geschichte der Deutschen Ostsiedlung in der Neuzeit (das 15. bis 17. Jahrhundert), bd. I, Köln—Grac. 1955. См. также критическую статью J. Koralika, Dva nové přehledy «sudetoněmeckých» dějin. «ССН», 1960, 4.

⁵⁷ Для характеристики старой польской историографии о гусизме мною использована монография Е. Малечиньской, где содержатся краткие замечания об этом. E. Maleczynska, Ruch husycki w Czechach i w Polsce, Warszawa, 1959.

⁵⁸ A. Prochaska, Polska a czechy w szasach husickich az do odwołania Korybuta z Czech. «Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego Polskiej Akademii Umiejetnosci», t. 7—8, w. Krakowie, 1877—1878, t. 7, c. 149.

⁵⁹ Указ. соч., т. 8, стр. 27.

⁶⁰ E. Maleczynska, указ. соч., стр. 14.

⁶¹ Е. Новиков, Православие у чехов. «Чтение общества истории и древностей российских», 1848, № 9. Его же, Гус и Лютер, ч. 1, 2, М., 1859.

⁶² А. Ф. Гильфердинг, Гус и его отношение к православной церкви, СПб., 1869.

⁶³ В. А. Бильбасов, Чех Ян Гус из Гусинца, СПб., 1869.

⁶⁴ И. С. Пальмов, Вопрос о чаше в гуситском движении, СПб., 1881.

⁶⁵ В. К. Надлер, Причины и первые проявления оппози-

дин католицизму в Чехии и Западной Европе в конце XIV и начале XV веков, Харьков, 1864.

⁶⁶ Л. С. Клеванов, История религиозного движения в чехах. «Чтение», истор. общества. Кн. 3, 4, 1869; кн. 2, 1870; кн. 3, 1871; кн. 2, 1873; кн. 2, 3, 1874; кн. 1, 1875.

⁶⁷ И. С. Пальмов, К вопросу о чаше в гуситском движении, СПб., 1881.

⁶⁸ И. С. Пальмов, Указ. соч., стр. 142.

⁶⁹ С. Венгеров, Табориты и их общественно-политические идеалы, «Вестник Европы», 1882, № 8, стр. 581.

⁷⁰ С. Венгеров, Причины гуситско-таборитского движения, «Русская мысль», декабрь 1881 г., стр. 77.

⁷¹ И. Первольф, Славяне, их взаимные отношения и связи, т. 1—3, Варшава, 1886—1890.

⁷² И. Первольф, указ. соч., стр. 29—30, 66.

⁷³ И. Первольф, указ. соч., стр. 38, 48.

⁷⁴ Н. В. Ястребов, Этюды о Петре Хельчицком и его времени (Из истории гуситской мысли), вып. 1, СПб, 1908.

⁷⁵ Н. В. Ястребов, указ. соч., стр. 2.

⁷⁶ Там же, стр. 33.

⁷⁷ См. Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии; К. Маркс, Хронологические выписки, «Архив Маркса и Энгельса», т. 6; его же, Борьба в Венгрии, соч., т. 6, стр. 180, 2 изд.; письмо Ф. Энгельса от 21 мая 1895 г., соч., т. 29, изд. 1, стр. 418.

⁷⁸ К. Gottwald, «Deset let», v Praze, 1949, с. 168, 239, 240—242.

⁷⁹ Nejedlý, Dejiny husitského zpevu za válek husitských. Praha, «Sebrane spisy Zdenka Nejedleho», svazek 43—45, Praha, 1955—1956. Его же, Hus a naše doba, Praha, 1946. Его же, O smyslu českých dejin, Praha, 1952.

⁸⁰ F. Graus, Chudina města v době předhusitské, Praha, 1949.

⁸¹ Его же, Dejiny venkovského lidu v Čechách v době předhusitské, díl I, Praha, 1953; díl 2, Praha, 1957.

⁸² R. Kalivoda, Vytvoření revoluční ideologie selsko—plebejského Tábora, «Filosofický časopis», Praha, nr. 6. Некоторые важнейшие вопросы зарождения и формирования гуситской мысли поставлены этим же автором в докладе Husitské myslení. Filosofie v dejinách českého národa, Praha, 1958.

⁸³ M. Machovec, Husovo učení a význam v tradici českého národa, Praha, 1953. Характеристика этой книги выходит за хронологические рамки данной работы автора.

⁸⁴ M. Machovcova—М. Machovec, Utopie blouznivců a sektaru, Praha, 1960. Оценка и этой работы в ее первой части будет дана в другой историографической статье автора.

⁸⁵ R. Kalivoda, Husitská ideologie, Praha, 1961.

⁸⁶ T. Büttner, E. Werner, Circumcellionen und Adamiten. Zwei Formen mittelalterlicher Häeresie, «Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte», bd. 2, Berlin, 1959.

⁸⁷ R. Kalivoda, Vytvoření revoluční ideologie selsko—plebejského Tábora, «Filosofický časopis», Praha, 1957, nr. 6.

⁸⁸ J. Macek, Husitské revoluční hnutí, Praha, 1952.

⁸⁹ Я. Мацек Гуситское революционное движение, М., 1954.

⁹⁰ J. Macek, Tabor v husitském revolučním hnutí, d. 1—2, Praha, 1952, 1955. Табор в гуситском революционном движении, Т. 1, М., 1956, т. 2, М., 1959.

⁹¹ Подробную характеристику этой работы и критические замечания советских историков об исследованиях Й. Мацека и других современных чехословацких историков, писавших о гуситизме, см. в обзорной статье П. И. Резонова, Г. Э. Санчука, А. И. Озолина «Гуситское революционное движение в новых работах чехословацких историков», «Вопросы истории», 1954, № 10; в предисловии П. И. Резонова к 1 и 2 томам русского перевода книги Й. Мацека «Табор в гуситском революционном движении»; в рецензии А. И. Сзолина на 2-й том указанной работы в сб. «Средние века», т. 14, М., 1959. J. Macek, Národnostní otázka v husitském revolucním hnutí, «CCH», I, Praha, 1955.

⁹² J. Macek, Z revolucní minulosti německého lidu, Praha, 1955.

⁹³ J. Macek, Mezinárodní ohlas husitství, Praha, 1958, Uvod.

⁹⁴ J. Macek, Prokop Veliký, Praha, 1953.

⁹⁵ V. Fialova, Po stopách moravského taborství. «Casopis Moravského musea. Vedy společenské», v Brně, 1956.

⁹⁶ V. Fialova, Doklady Husitské tradice v Přebíslavi nad Taborem. «Casopis Moravského musea. Vedy společenské», v Brně, 1956.

⁹⁷ A. Míka, Die wirtschaftlichen und sozialen Folgen der revolutionären Hüssitenbewegung in den ländlichen Gebieten Böhmens, «ZFGW», Berlin, 1959, heft 4.

⁹⁸ F. M. Bartoš, Dvě studie o husitských postilách. «Rozpravy Československé akademie věd», sesit 4, 1955.

⁹⁹ R. Urbánek, Satirická skládání Budysinského rukopisu M. Vavrince z Brezové z r. 1420 v rámci ostatní jeho činnosti literární. «Vestník Královské České Společnosti nauk. Trída filosoficko—historicko—filologická», Praha, 1953.

¹⁰⁰ Husitské skladby...

¹⁰¹ J. Macek, Tábořské chiliastické články, «SH», I, Praha, 1953.

¹⁰² J. Macek, Nejstarsí husitský bojový rád. «HV», 2, v Praze, 1953.

¹⁰³ Jan Pacht, Pekař a pekařovství v českém dějepisectví, Praha, 1951.

¹⁰⁴ J. Macek, Tabor..., díl I, kap. I.

¹⁰⁵ J. Polišenský, Nove práce o husitském revolucním hnutí «Sborník vysoké školy pedagogické v Olomouci», Historie IV, Olomouc, 1957.

¹⁰⁶ V. Vaneček, Stát a právo v husitském revolucním hnutí. «Právník», 6, Praha, 1952.

¹⁰⁷ V. Vaneček, Krátké dějiny státu a práva v Československu (These k ucebnici), Praha, 1955.

¹⁰⁸ J. Hlaváček, Husitské snemy, «SH», 4, Praha, 1956.

¹⁰⁹ J. Macek, Аннотация на указанную статью, «CCH», 1957, 3, с. 566.

¹¹⁰ J. Kejř, Právní život v husitské Kutné Hoře, v Praze, 1958.

¹¹¹ J. Kejř, Právní život..., с. 198.

¹¹² См. рецензии и аннотации в журналах: «Československý časopis historický», 3, 1958, с. 582; «Právne—historické studie», 4, Praha, 1958. «Przegląd historyczny», 2, Warszawa, 1959.

¹¹³ R. Foustka, Petra Chelického názory na stát a právo. «Acta Universitatis Carolinae. Juridica», I, v Praze, 1955.

¹¹⁴ E. Petru, Soupis díla Petra Chelického a literatury o něm, Praha, 1957.

- ¹¹⁵ J. Durdik, *Husitské vojenství*, Praha, 1954, Druhé vydání.
- ¹¹⁶ Эти данные пополнены в небольшой статье того же автора: J. Durdik, *Husitské valesnictví a jeho mezinárodní ohlas*. «Mezinárodní ohlas husitství», Praha, 1958.
- ¹¹⁷ J. Durdik, Poznámky k etapám ve vyvoji husitských (táborských) branných sil. «H. aV», 2, Praha, 1954.
- ¹¹⁸ J. Durdik, *Kroje, zbroj a zbrane doby předhusitské a husitské*, Praha, 1956.
- ¹¹⁹ J. Durdik, *Znojenské puskarství v první třetině 15. století*, «HV», Praha, 1955.
- ¹²⁰ Р. Урбанек, *Гуситское военное искусство и Европа*, Прага, 1946.
- ¹²¹ J. Macek, *Husité na Baltu a ve Velkopolsku*, Praha, 1952.
- ¹²² J. Macek, *Tazeni husitu k Baltu r. 1433*. «Slezský sborník», 2, v Opave, 1952.
- ¹²³ R. Holinka, *Z ohlasu husitství v Polsku*, «CMM», Brno, 1953, c. 3—4.
- ¹²⁴ F. Sigut, *K dejinám husitských vlek ve Slezsku*, «Slezský sborník», 1954, 4.
- ¹²⁵ F. M. Bartos, *Dva husitství kazatelé věku podebradského. Polský mucedník kalicha*. «Rozprawy», sešit 4, Praha, 1955.
- ¹²⁶ J. Macek, *Husité na Baltu a ve Belkopolsku*, Praha, 1952. E. Maleczynska, *Ruch husicki w Czechach i w Polsce*, Warszawa, 1959.
- ¹²⁷ A. Kopalova, *Spolupráce Čechu a Poláku ve Slezsku za husitských válek*. «Česko—polský sborník vědeckých prací», Praha, 1955.
- ¹²⁸ J. Posvár, *Slezsko v česko—polských politických vztazích v první polovině 15. století*. «SS», 1959, I.
- ¹²⁹ J. Macek, *Prokop Veliký*, 1953.
- ¹³⁰ J. Macek, *Z revoluční minulosti německého lidu*, Praha, 1955.
- ¹³¹ J. Macek, *Národnostní otázka v husitském revolučním hnutí*, «CCH», 1955, I.
- ¹³² М. М. Смирин, *Революционные отклики гуситских войн в Германии*. Известия АН СССР, серия истории и философии, т. 9, 1951.
- ¹³³ V. Husa, *Tomás Müntzer a Čechy*. «Rozpravy CSAV», ses. 14, Praha, 1957.
- ¹³⁴ «CCH», 1958, 2, c. 349. В рецензии Й. Мацека внесены также уточнения и исправления по некоторым частным вопросам исследования.
- ¹³⁵ L. Hosák, *Ohlasy husitství v Rakousích*, «CCH», 1956, 3.
- ¹³⁶ Die kleine Klosterneuburger Chronik (1322 bis 1428), «Archiv für Kunde Österreichischer Geschichtsquellen», bd. 7, Wien, 1851, c. 247.
- ¹³⁷ P. Ratkos, *Husitské revolučné hnutie a Slovensko*. «Historický Casopis», Bratislava, 1953, I.
- ¹³⁸ P. Ratkos, *Husitské revolučné hnutie a Slovensko*. «Mezinárodní ohlas husitstva», Praha, 1958.
- ¹³⁹ P. Ratkos, *K husitskej piesni na Slovensku*, «HC», 1958, 4.
- ¹⁴⁰ Z. Nejedlý, *Komunisté, dediči velikých tradic českého národa*, spisy Zdenka Nejedlého, svazek 16, Praha, 1952.
- ¹⁴¹ Z. Nejedlý, *Odkaz našich národních dejin*.
- ¹⁴¹ F. Kavka, *Husitská revoluční tradice*, Praha, 1953.

¹⁴² Machovec Milan. Husovo uceni a vyznam v tradici ceského národa, Praha, 1953.

¹⁴³ B. Stedron, Husitské námety v české a svetove hudbe, «Casopis Národního musea. Oddil ved spolecenských», Praha, 1953, I.

¹⁴⁴ Б. Т. Рубцов, Усиление феодальной эксплуатации в Чехии накануне Великой крестьянской войны XV в., «Вопросы истории», 1954, № 12. Его же, Ценный источник по аграрной истории Чехии накануне Великой крестьянской войны, «УЗИС», т. 11, М., 1955. Его же, Эволюция феодальной ренты в Чехии и ее влияние на ухудшение положения крестьянства накануне Великой крестьянской войны XV в., «КСИС», № 14, М., 1955. Его же, Эволюция феодальной ренты в Чехии (XIV—нач. XV в.), М., 1958. Краткие замечания об этом исследовании содержатся в главе второй данной работы. Rubcov B. T. K otázce některých zvláštností vývoje feudální renty v Čechách ve 14. a na počátku 15 století, «ССН», 1960, N 4.

¹⁴⁵ А. И. Виноградова, Чешские цехи XIV—нач. XV в. и социальная борьба внутри их, «УЗИС», т. 11, М., 1955.

¹⁴⁶ Санчук Г. Э. К вопросу о положении королевской власти в Чехии в первой половине XIV в., «УЗИС», № 15, М., 1957.

¹⁴⁷ Его же, Чешский законник «Majestas Carolina» как исторический источник для изучения начала образования чешского национального государства, «КСИС», М., 1951, № 2.

¹⁴⁸ Г. И. Липатникова, К истории основания Пражского университета. «Славянский сборник», 1. Вып. исторический, Воронеж, 1953. Ее же. К вопросу о социальном составе студентов Пражского университета в конце XIV—нач. XV в. «УЗИС», М., 1957, № 15.

¹⁴⁹ А. С. Сазонова, Социально-политические и национальные требования в учении Яна Гуса, «УЗИС», М., 1958, № 16. См. также более раннюю ее публикацию под тем же названием в «КСИС», М., 1952, № 9.

¹⁵⁰ Б. М. Руколь. Письмо Поджио Браччиолини к Леонарду Ареентинскому и рассказ Младеновица как источники об Иерониме Пражском, «УЗИС», 1951, № 3.

Об учении Я. Гуса см. также статьи: И. Р. Фишер, Ян Гус — борец за единую и независимую Чехию, Уч. зап. Саратовск. гос. универс., т. 47, 1956, вып. исторический.

Г. П. Беляева, Общественные и государственно-правовые взгляды Гуса, Уч. зап. ЛГУ, № 255, 1958.

¹⁵¹ П. И. Резонов, Социально-политические взгляды таборитов на первом этапе движения, М., 1947.

¹⁵² А. И. Озолнн, Пражане и табориты, 1948.

¹⁵³ М. М. Смирин, Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война, М.-Л., 1947.

Его же Реформация императора Сигизмунда. Сборник «Средние века», т. 3, М., 1951.

Его же, Очерки истории политической борьбы в Германии перед реформацией, М., 1952.

¹⁵⁴ «История Чехословакии», под. ред. Г. Э. Санчука и П. Н. Третьякова, т. 1, М., 1956.

¹⁵⁵ Н. А. Гусакова, Ян Желивский как идеолог городского плебса (из истории Великой крестьянской войны XV в. в Чехии). «Вопросы всеобщей истории. Уч. зап., вып. 50, сер. истор.», Белорусский гос. универ., Минск, 1959.

¹⁵⁶ А. И. Озолин, Манифесты города Праги в годы крестьянской войны в Чехии, «УЗИС», № 5, М., 1952.

¹⁵⁷ А. И. Озолин, Гуситские сочинения Будишинской рукописи как источник для изучения социально-политических требований и тактики бюргерской оппозиции в гуситском революционном движении, «Славянский архив», М., 1959, № 2.

¹⁵⁸ Л. П. Лаптева, Освещение гуситского движения в новейшей исторической литературе США, «Вестник Московского университета», 1961, № 1.

¹⁵⁹ М. М. Смирин, Революционные отклики гуситских войн в Германии, «Известия АН СССР», сер. истории и философии, т. 9, 1951, № 4.

¹⁶⁰ Z. J. Kopysskij, V. V. Cepko, Ohlas husitství na Bile Rusi, сборник «Mezinárodní ohlas husitství».

¹⁶¹ А. И. Озолин, Ohlas husitství v některých zemích střední a západní Evropy, указ. сборник.

А. И. Озолин, Гуситы в Турнэ, «УЗИС», 1952, № 6;

Его же, О международном значении чешской крестьянской войны XV в., «Вопросы истории», 1955, № 8.

¹⁶² В. Н. Никитина, Гуситское движение за пределами Чехии (отклики на гуситское движение в Германии, Венгрии, Польше, Франции и Фландрии). Канд. диссерт., Л., 1954.

¹⁶³ В. Н. Никитина, Распространение гуситских идей в Венгрии в 30-х годах XV в., «Ежегодник музея истории религии и атеизма», т. 1, Л., 1957.

¹⁶⁴ Б. Т. Рубцов, Гуситские войны (Великая крестьянская война в Чехии), М., 1955.

¹⁶⁵ Е. Maleczýnska, Ruch husicki w Czechach i w Polsce, Warszawa, 1959.

¹⁶⁶ S. Zajackowski, Ruch husicki w Czechach, Warszawa, 1952.

¹⁶⁷ Е. Maleczýnska, Ruch husicki na ziemiach polskich i jego znaczenie społeczne. Pierwsza konferencja metodologiczna historyków polskich, tom pierwszy, Warszawa, 1953.

Е. Maleczýnska, Ze studiów nad hasłami narodowościowymi w źródłach doby husickiej, «Przegląd historyczny», Warszawa, 1952, т. 43, zeszyt I.

Е. Maleczýnska, Vliv husitského hnutí na Polsko, «Mezinárodní ohlas husitství», Praha, 1958.

Е. Maleczýnska, Prace, Josefa Macka o dziejach ruchu husickiego w Czechach i w Polsce, «Kwartalnik historyczny», Warszawa, 1953, 4.

Historia Polski. tom I, część I, Warszawa, 1958, с. 583—604.

¹⁶⁸ См. рецензии в журналах: «Slovanský Prehľad», Praha, 2, 1960, «CCH», 1961, I.

¹⁶⁹ R. Heck, Slask w czasie powstania husyckiego w Czechach, Szkice z dziejów Slaska, I, Warszawa, 1955. Dzieje Slaska, Warszawa, 1955, с. 100—110.

¹⁷⁰ М. Wierzejska, Piotr Polak, «defensor Regni Poloniae», w czasie walk husyckich, «Śobótka», Wrocław, 1953.

М. Wierzejska, Radykalni kaznodzieje na Slasku w XIV i XV w. Sbornik «Z dziejów postępowej ideologii na Slasku w XIV—XVI», Warszawa, 1956.

¹⁷¹ S. Brodtko, Piast—husyta. Książce opolski Bolke V i jego rod, там же.

¹⁷² R. Sekowski, Galka z Dobczyna, там же.

¹⁷³ E. Serczyk, W sprawie husitizmu w ziemi Chelminskiej w latach 1415—1433. «Zapiski historyczne. Kwartalnik poświęcony historii Pomorza», t. 23, seczyt 4, 1957, Toruń, 1958.

¹⁷⁴ См. указанную выше рецензию Е. Малечинской и затем Zientara, «Josef Macek. Husitské revolucni hnutí», «Przegląd historyczny», Warszawa, 1954, 2.

¹⁷⁵ «Sobótka», Wrocław, 1953, с. 293—303.

¹⁷⁶ «Ruch husycki w Polsce», Wrocław, 1953.

¹⁷⁷ H. Kamnitzer, Zur Vorgeschichte des Deutschen Bauernkrieges, Berlin, 1953.

¹⁷⁸ H. Köpstein, Pojetí národnostní otázky a národního hnutí v Čechách 14 a 15 stol. západoněmeckou historiografií po roce 1945, «CCH», 1955, 2.

¹⁷⁹ H. Köpstein, Zu den Auswirkungen der husitischen revolutionären Bewegung in Deutschland. «Geschichte in der Schule», Berlin, 1957, n. 3.

Его же. Ohlasy husits kého revolucního hnutí v Německu. «Mezinárodní ohlas husitství», Praha, 1958;

Его же. Zu den Auswirkungen der hussitischen revolutionären Bewegung in Franken. «Aus 500 Jahren deutsch-tschechoslowakischer Geschichte», Berlin, 1958.

Его же. Über den deutschen Hussiten Friedrich Reiser, «ZFGW», Berlin, 1959, heft 3.

¹⁸⁰ H. Köpstein Ohlasy..., «Mezinárodní ohlas...», с. 275.

¹⁸¹ M. Erbstößer, Social-religiöse Bewegungen in Westeuropa und Deutschland. Historische Forschungen in der DDR, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Sonderheft, Berlin, 1960, с. 115.

¹⁸² E. Eichler, Neue Veröffentlichungen literarischer Denkmäler der Hussitenzeit, «ZFGW», Berlin, 1956, heft 3.

¹⁸³ T. Buttner, E. Werner, Circumcellionen und Adamiten. Zwei Formen mittelalterlicher Häeresie, «Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte», bd. 2, Berlin, 1959.

¹⁸⁴ E. Werner указ. соч., стр. 129.

¹⁸⁵ E. Werner, указ. соч., стр. 116.

¹⁸⁶ «CCH», 1959, 4.

¹⁸⁷ К. Верницкий поместил в чешском журнале популярную статью о гуситских откликах в Германии, составленную главным образом по материалам послевоенной немецкой литературы вопроса: Kurt Wernicke, Ohlasy a vlivy husitského revolucního hnutí v Německu, «Casopis Národního musea», 1959, oddíl ved společenských, с. I, Praha.

¹⁸⁸ Краткую характеристику современной венгерской и румынской литературы я даю только по материалам, опубликованным авторами в чешских, словацких, польских изданиях в последние годы.

¹⁸⁹ См. его работы:

G. Székely, Uhorské rolnické noviny 1437—1514 в сборнике «Kapitoly z uhorských dejin». Bratislava, 1952.

G. Székely, Husitství a maďarský lid, в сборнике «Mezinárodní ohlas husitství».

¹⁹⁰ G. Székely, Ideologia wojny chłopskiej na Węgrzech w 1514, «KH», 1960, 3.

¹⁹¹ Там же, стр. 634.

¹⁹² T. Kardos, Problematika bádání o husitství v Uhrach, «Slavia», 1955, 4.

- ¹⁹³ L. Demény, J. Pataki, Husitské revoluční hnutí na území Lidové republiky rumunské, «Mezinárodní ohlas...».
- ¹⁹⁴ Л. Демени, Крестьянская война 1437—1438 гг. в Трансильвании, автореферат канд. диссерт., Л., 1956.
- ¹⁹⁵ L. Demény, Testele celor dona intelegeri, incheiate in 1437 intre rasculati si nobili, dupa documentele orihoale, «Studii revisita de istorie», Bucuresti, 1960, I. См. рус. резюме.
- ¹⁹⁶ Данную характеристику заимствую из аннотации, опубликованной в «СЧ», 1960, 2, с. 242.
- ¹⁹⁷ F. Graus, Dejiny venkovského lidu v Cechách v době předhusitské, díl 2, Praha, 1957. Приложение 1, стр. 483—486.
- A. Mika, Feudální velkostatek v jižních Cechách (XIV—XVII stol.), «SH» I. Praha, 1953.
- ¹⁹⁸ «Archiv Český», t. 15, v Praze, 1896, с. 511—512.
- ¹⁹⁹ J. Durdík, Znojemské puškarství v první třetině 15. století, «HV», Praha, 1955.
- ²⁰⁰ J. Macek, Tábor v husitském revolučním hnutí, díl I, Praha, 1952, с. 102, vydání I.
- ²⁰¹ J. Kejr, Právní život v husitské Kutné Hoře, v Praze, 1958.
- ²⁰² Zbytky register králův římských a českých z let 1361—1481, Praha, 1916, vydal Sedláček A.
- ²⁰³ F. Graus, Chudina městská v době předhusitské, Praha, 1949.
- ²⁰⁴ Přehled československých dějin, díl I, Maketa, Praha, 1958.
- c. 113.
- ²⁰⁵ А. И. Виноградова, Чешские цехи XIV—нач. XV в. и социальная борьба внутри их, «УЗИС», № 11, М., 1955.
- ²⁰⁶ F. Graus, Český obchod se sukrem ve 14. a pos. 15. stol., Praha, 1950.
- ²⁰⁷ А. В. Флоровский, Чехи и восточные славяне, т. I, Прага, 1935.
- ²⁰⁸ J. Macek, Tábor., díl I, с. 89.
- ²⁰⁹ «Archiv Český», díl 6, с. 27.
- ²¹⁰ Cochlaei, Historia Hussitarum, Moguntia, 1549, с. 1, 2. Эмаусский (славянский) монастырь (1347) получил 60 гривен годового дохода с мясных лавок на Малой Стране в Праге; Большой Скалицкий монастырь получил от короны земли в Скалице, Миховицах, Липске и лес в Залешанах.
- V. V. Tomek, Dejepis mesta Prahy, v Praze, díl 3, с. 105—107.
- В 1358 г. этот монастырь был освобожден от уплаты берны и других платежей в казну.
- В том же году марграф Моравии Иоанн освободил монастырь св. Фомы в г. Брно от всяких платежей в казну.
- Regesta diplomatica nec non epistolaria Bochemiae et Moraviae, pars 6 (1355—1358), fasciculus 3, Pragae, 1954, с. 414—415.
- ²¹¹ «Archiv Český», díl 14, v Praze, 1895, с. 382—389, 392—394.
- ²¹² Zbytky register..., с. 32, 54, 58—59, 63, 79, 86.
- ²¹³ Urbár z roku 1378 a ucty kláštera Trebonského z let 1367—1407, «Historický Archiv», číslo 52, v Praze, 1949, с. 108—111, 123—125.
- ²¹⁴ F. Graus, Dejiny venkovského lidu..., díl 2. Приложение 1-е.
- ²¹⁵ Б. Т. Рубцов, Эволюция форм..., стр. 49.
- ²¹⁶ J. Macek, Tábor..., díl I, с. 68.

²¹⁷ L. Celakovský, *Klaster Sedlecký, jeho statky a práva v době před válkami husitskými*, v Praze, 1916, с. 98—99.

²¹⁸ V. V. Tomek, *Dejepis mesta Prahy*, díl 3, 78, 90—95.

²¹⁹ F. Graus, *Dejiny...*, díl 2, стр. 159.

²²⁰ «Archiv Český», díl I, v Praze, 1840, с. 341.

Факты такого рода можно было бы значительно умножить: в 1410 г. аббат и конвент Седleckого монастыря продали Вавржинцу из Канак и его жене усадьбу за 190 коп грошей и дали им полную свободу от «помочей» (обязательные работы по вызову пана в «помощь» ему, т. е. по сути дела дополнительная барщина — А. О.) и от всяких барщинных работ. «Archiv Český», díl 14, с. 399.

В 1419 г. Иоганн Тохнитц освободил от барщины жителей с. Годейовицы за 100 коп грошей, «Archiv Český», díl 23, v Praze, 1906, с. 99.

²²¹ Б. Т. Рубцов, *Эволюция форм...*, стр. 161.

²²² F. Graus, *Dejiny...*, díl 2, с. 160.

²²³ См. запись от 31 дек. 1424 г., в которой пан Ченек из Веселе сообщает, что крестьяне в ряде селений монастыря обязаны барщиной за пользование пастбищем.

Urkundenbuch des Ehemaligen Cisterciencer stiftes Goldenkron in Böhmen, «FRA», bd. 37, abt. 2, Wien, 1872, с. 375.

В записи от 1404 г. сообщается, что братья Вацлав и Завиша держат монастырскую землю на тех условиях, что и их отец, т. е. за урок и барщину. «Archiv Český», díl 6, с. 8.

30 марта 1417 г. Ярослав из Жеротина продал священнику Врбенскому часть своих доходов с нескольких чел., но сохранил за собой право на барщину с крестьян. 3 ноября 1419 г. Петр из Винна, пан в Липенка, уступил Яну Новаку во временное пользование, до уплаты долга, двух своих крестьян со всеми панскими правами, правом судить и требовать барщину. «Archiv Český», díl I, с. 339, 340, 342.

²²⁴ Б. Т. Рубцов, *Эволюция форм...*

Тезис о преобладании денежной ренты Рубцов подтверждает в недавно опубликованной статье:

В. Т. Rubcov, K otázce některých vlastností vývoje feudální renty v Čechách ve 14. a na počátku 15. století, «CCH», 1960, 6, с. 863.

²²⁵ F. Graus, *Dejiny venkovského lidu*, díl 2.

²²⁶ R. Nový, *Struktura feudální renty v předhusitských Čechách*, «CCH», 1961, N 1.

²²⁷ «Archiv Český», díl 6, с. 455, 829, díl 7, v Praze, 1889, 249—250, 339, 340, 342, 633.

²²⁸ «Archiv Český», díl 22, v Praze, 1905, с. 4.

²²⁹ «Archiv Český», díl 6, с. 450.

²³⁰ F. Graus, *Dejiny venkovského lidu...*, díl 2.

Б. Т. Рубцов, *Эволюция форм...*

²³¹ Н. В. Ясинский, *Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века*, т. 1, Юрьев, 1901, стр. 307—308.

²³² F. Graus, *Dejiny...*, díl 2, с. 160.

²³³ F. Graus, *Dejiny...*, díl 2, с. 179.

²³⁴ F. Graus, указ. соч., díl 2, стр. 171.

²³⁵ F. Graus, там же, стр. 182.

²³⁶ F. Graus, там же, стр. 174.

²³⁷ «Archiv Český», díl 9, v Praze, 1889, с. 371.

²³⁸ «Archiv Český», díl 22, с. 4—5.

²³⁹ Decem registra censuum bohémica compilata aetate bellum husiticum praecedente. Deset urbárů českých z doby před válkami husitskými. K vydání upravil Josef Emler. V Praze, 1881, c. 23—41.

²⁴⁰ Decem registra..., c. 92—149.

²⁴¹ Urbár z roku 1378 a úcty kláštera Trebonského z let 1367—1407, c. 17.

²⁴² F. Graus, указ. соч., т. 2, стр. 214.

²⁴³ F. Graus, указ. соч., т. 2, стр. 202.

²⁴⁴ Данные о богатых и бедных крестьянах заимствованы нами из исследования Ф. Грауса о крестьянстве.

F. Graus, указ. соч., т. 2, гл. 6.

²⁴⁵ B. Mendl, Hospodářské a sociální pomery v mestech Pražských v letech 1378—1434, «CCH», 1916—1917.

B. Mendl, Sociální krise měst v století XIV, «CCH», 1924, 1925, 1926.

²⁴⁶ F. Graus, Mestská hudina v době předhusitské, Praha, 1949.

См. также статью Виноградова А. И., Чешские цехи XIV—нач. XV в. и социальная борьба внутри их, «УЗИС», т. 11, М., 1955.

²⁴⁷ «Archiv Český», díl XI, v Praze, 1892, c. 497—498.

²⁴⁸ «Archiv Český», díl 6, c. 39.

²⁴⁹ А. И. Виноградова, указ. соч., стр. 267.

²⁵⁰ B. Mendl, Hospodarské a socialni pomery..., «CCH», 1916, c. 444.

²⁵¹ Urbár z roku 1378 a úcty kláštera Trebonského z let 1367—1407, c. 95—96.

²⁵² Указ. соч., стр. 141—143.

²⁵³ Указ. соч., стр. 106—107.

²⁵⁴ B. Mendl, Hospodarské a socialni pomery..., «CCH», 1916, c. 441.

²⁵⁵ B. Mendl, Socialni krise mest ve století trnactem, «CCH», 1926, c. 2.

²⁵⁶ J. Macek, Tábor..., díl I, c. 109.

²⁵⁷ Výbor z literatury české, vydal Erben K. J., v Praze, díl I, 1857—1868.

²⁵⁸ «Archiv Český», díl 3, c. 473.

В третьем томе «Чешского архива» содержится много записей о продаже земанских владений накануне гуситских войн, см. стр. 465—493.

²⁵⁹ «Archiv Český», díl 9, v Praze, 1889, c. 247.

²⁶⁰ «Archiv Český», díl 3, c. 480.

²⁶¹ Там же, стр. 484.

²⁶² J. Macek, Tábor..., díl I, c. 90—91.

²⁶³ «Archiv Český», díl 6, c. 455—456.

²⁶⁴ Urkundenbuch des Cistercienserstiftes B. Marie zu Hohenfurt in Böhmen, «Fontes rerum Austriacarum», 23 bd., 2 abt, Wien, 1865, c. 96.

²⁶⁵ Указ. соч., стр. 136.

²⁶⁶ Указ. соч., стр. 653.

²⁶⁷ См. сводную таблицу об этом в работе J. Ersil, Správní a finanční vztahy avignonského papežství k českým zemím ve třetí čtvrtině 14. století, «Rozpravy Československé akademie věd. Rada společenských věd», sešit 10, Praha, 1959, c. 98—99.

²⁶⁸ K. Krofta, Kurie a církevní správa v zemích českých v době předhusitské. «CCH», 1904, X. 1906, 12, 1908, 14.

²⁶⁹ А. Frind, Die Kirchengeschichte Böhmens, bd 2, Prag, 1866, с. 40—97.

²⁷⁰ F. Graus, Krise feudalismu ve 14 století, «SH», I. Praha, 1953.

²⁷¹ J. Masek, Tábor..., díl I, vydání I.

Нет еще должной четкости в определении понятия «кризис» феодализма у Ф. Грауса и в его втором томе «Истории чешского крестьянства». Он пишет там о «кризисных явлениях» и кризисе, говорит, что «этот кризис еще не ведет к разложению феодализма», однако не отказывается от термина «первая фаза» кризиса феодализма. Как указано в советской литературе, не следует говорить о «первом» или «втором» кризисе феодализма, но можно сказать о наличии «кризисных явлений», связанных с переходом от натуральнохозяйственных отношений к товарно-денежным.

См. об этом статьи: М. А. Барга, О так называемом «кризисе феодализма» в XIV—XV вв., «Вопросы истории», 1960, № 8, стр. 108—109; Н. А. Сидоровой, Некоторые вопросы истории Франции и советская медиевистика, «Средние века», т. 17, М., 1960, стр. 45—46, 52—53, 57.

²⁷² Prehled ceskoslovenských dejin, díl I, Maketa, Praha, 1958. J. Rolisenský a L. Hrabova, K některým otázkám metodiky historické práce, «CSH», 1957, I, с. 143—144.

²⁷³ К. Маркс, Предисловие к критике политической экономии. Избр. произ., Госполитиздат, т. I, 1955, стр. 322.

²⁷⁴ Е. А. Косминский, Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? Сб. «Средние века», вып. 10, М., 1957, стр. 271.

²⁷⁵ М. А. Барг, О так называемом «кризисе феодализма» в XIV—XV веках, «Вопросы истории», 1960, № 8.

²⁷⁶ Н. А. Сидорова, указ., статья, стр. 52.

²⁷⁷ E. Maleczynska, Prace Josefa Macka o dziejach ruchu husického w Czechach i w Polsce, «KH», Warszawa, 1953, 4.

²⁷⁸ П. И. Резонов, Г. Э. Санчук, А. И. Сзолин, Гуситское движение в новых работах чешских и словацких историков, «Вопросы истории», 1954, № 10.

²⁷⁹ E. Maleczynska, Ruch husicki w Czechach i w Polsce Warszawa, 1959, с. 21, 22, 29, 89.

²⁸⁰ Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae, pars VI, fasciculus 2, Pragae, 1929, с. 204—205, а также на стр. 242—243.

²⁸¹ Г. Э. Санчук, Чешский законник Majestas Carolina как исторический источник для изучения начала образования чешского национального государства, «КСИС», М., 1951.

Текст Законника опубликован в «Archiv Cesky», díl 3.

²⁸² Chronicon Bohemie (Chron. Pragense). Ab anno 824—1419. «Geschichtsschreiber...», labt., 2, bd., I t., с. 5, Wien, 1856, а также в Chronicon Bohemie (Chron. Lipsiense). Ab anno 1348—15 mart 1411.

Указ. издание, стр. 8. О другом факте ареста Вацлава IV сообщается в Кодексе Пражского университета, указ. соч., labt., 6 bd., 2 t., с. 73, см. Staré letopisy české, 1937.

²⁸³ Ф. Энгельс, О разложении феодализма и возникновении национальных государств. В книге «Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии», М., 1952, стр. 158.

²⁸⁴ Mistr Jana Husi sebrané spisy české, díl 1—3, v Praze, 1865—1868.

²⁸⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., изд. 2-е, стр. 361.

- ²⁸⁶ F. Palacký, *Dejiny narodu ceskeho v Cechách a v Morave*, díl 3, v Praze, 1939, c. 14—15.
- ²⁸⁷ I. Pekar, Jan Zizka..., díl I, c. 13—18.
- ²⁸⁸ R. Holinka, *Sektárství v Cechách před revoluci husitskou*, Bratislava, 1929, c. 56.
- ²⁸⁹ В первом томе исследования И. Мацека о Таборе дана основательная критика идеалистических концепций зарождения гуситской идеологии.
- ²⁹⁰ Текст буллы опубликован в брошюре Palacký F., *O stycích a poměru sektu Waldenske k nekdejsím sektám v Cechách*, 1868.
- ²⁹¹ *Chronicon Bohemia* (ab anno 824—1419). «FRA», I abt., 2 bd., It., c. 3 и в «FRB», 3 bd., t. 2, c. 313, v Praze, 1882.
- ²⁹² *Chronicon Bohemie*, там же, стр. 4 и в *Chronicon Anonymi ab initio gentis ad annum 1438*. «Monumenta historica Bohemiae», 3 t., c. 57.
- ²⁹³ J. Hlaváček, *Inkvizice v Cechách ve 30. letech 14. století*, «CCH», 1957, 3, c. 527.
- ²⁹⁴ *Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae*. Ed. Boczek A., Olomouci, 1841, 3 t., c. 227.
- ²⁹⁵ W. Praeger, *Beiträge zur Geschichte der Waldesier im Mittelalter* «Abhandlungen der Histor. Classe der Königlich. Bayerisch. Akad. d. Wissens», 13 bd., I abt., München, 1875.
- ²⁹⁶ R. Holinka, указ. соч., стр. 44.
- ²⁹⁷ R. Holinka, указ. соч., стр. 62.
- ²⁹⁸ J. Hlaváček, указ. соч., стр. 533.
- ²⁹⁹ R. Holinka, указ. соч., стр. 63, 65.
- ³⁰⁰ И. Главачек исправляет дату на 1339 г., тогда как прежде полагали, что инквизиция Гавла была проведена в 1340 г., после восстания еретиков того же года. В действительности она состоялась еще до восстания. См. названную статью Главачека, стр. 529.
- ³⁰¹ Статья третья приложения к указанной публикации Главачека в «CCH», 1957, № 3, стр. 536.
- ³⁰² H. Thomson, *Pre-Hussite Heresy in Bohemia*, «The English Historical Review», London, vol 49, 189, Jan. 1933, c. 30.
- ³⁰³ L. Domecka, *Valdenští v jihovýchodních Cechách*, «Staré i nové letopisy Táboreské», на Таборе, 1921, c. 8.
- ³⁰⁴ H. Thomson, указ. соч., стр. 38.
- ³⁰⁵ «Archiv Cecký», díl 3, c. 77—81.
- ³⁰⁶ «Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen», 5 bd., Prag., 1782, Pelcel.
- ³⁰⁷ A. Neumann, *K dejinám husitství na Morave*. Husitské války, v Olomouci, 1939, c. 10, 28.
- ³⁰⁸ W. Praeger, *Beiträge...*, c. 229.
- ³⁰⁹ R. Holinka, указ. соч., стр. 133.
- ³¹⁰ Ktož jsu Boží bojovníci, ed Macek J., c. Praze, 1951, c. 31—32.
- ³¹¹ R. Kalivoda, *Vytvoření revoluční ideologie...*, «FC», 1957, 6. Sborník «Filosofie v dějinách českého národa», Praha, 1958. J. Peskova, *K některým metodologickým problémům výkladu československých dějin*, «FC», 1960, I, c. 116.
- ³¹² T. Büttner, Ernst Werner. *Circumcellionen und Adamiten*, Berlin, 1959.
- ³¹³ Из новейших советских работ см. интересное исследование: С. М. Стам, *Учение Иоахима Калабрийского*, «Вопросы религии и атеизма», 1960, № 7.
- ³¹⁴ H. Gandev, *Joahimitské myšlenky v díle Mateje z Janova*

«Regulae Veteris et Novi Testamenti», «CNM», v Praze, 1937.

³¹⁵ J. Macek, Tábor..., díl I, c. 171—172.

³¹⁶ F. M. Bartos, Husitství a cizina. 1931, Praha. Kapitola 4.

³¹⁷ M. Machovec, Husovo učení a význam v tradici českého národa, Praha, 1953.

³¹⁸ M. Machovec, указ. соч., стр. 34.

³¹⁹ V. Novotný, Náboženské hnutí české ve 14. a 15. století, c. I, Do Husa, v Praze, 1915.

³²⁰ Mateje z Janova zpráva o Milicovi z Kromerize, «FRB», t. I, Praha, 1873, c. 433—434.

«Život Milice z Kromerize», c. 410.

³²¹ J. Milic, De praedicatoribus qui revelant antichristum et de multitudine ipsorum successiva, «FRA», abt. I, bd. 6, t. 2, c. 42—43.

³²² V. Novotný, Náboženské hnutí české v 14. a 15. stol., c. I, Do Husa, v Praze, 1915, c. 78—79.

³²³ В последнее время наиболее полно учение и жизнь Матфея из Янова рассмотрены в монографии М. Маховца. См. указ. его сочинение.

³²⁴ M. Machovec, указ. соч., стр. 73.

³²⁵ Цитирую по указанной выше книге М. Маховца, стр. 78.

³²⁶ Там же, стр. 92—93.

³²⁷ Christo Gandev, Joachimitské myšlenky v díle Mateje z Janova «Regulae Veteris et Novi Testamenti», «Casopis národního muzea», v Praze, 1937, svazek I.

³²⁸ V. Novotný, указ. соч., стр. 161.

³²⁹ M. Machovec, указ. соч. стр. 97.

³³⁰ Christo Gandev, указ. соч.

³³¹ Prehled..., díl I., стр. 172.

³³² F. Graus, Chudina městská v době předhusitské, Praha, 1949.

³³³ J. Macek, Tábor..., díl I.

³³⁴ M. Machovec, указ. соч.

³³⁵ Дата рождения Яна Гуса исправлена в последние годы чехословацкими историками И. Маховцем и др. До этого называли 1369 г.

³³⁶ «Výklad desatera božieho prikázanie», Mistr Jana Husi sebrané spisy české, Erben K. J., díl I, v Praze, 1865, c. 128.

³³⁷ Spisy..., díl 2, c. 81.

³³⁸ Spisy..., díl I, c. 402—403.

³³⁹ «Výklad...», díl I, c. 220.

³⁴⁰ «O svatokupectví», Spisy..., díl I, c. 438.

³⁴¹ «Výklad...», Spisy..., díl I, c. 128.

³⁴² Указ. соч. Я. Гуса. т. 1, стр. 25, т. 3, стр. 256.

³⁴³ «На кафедре св. Петра, — писал Гус ректору Пражского университета в 1413 г., — восседает со своими лицемерными дьяволами сам сатана», Послания магистра Иоанна Гуса, стр. 108.

³⁴⁴ «O svatokupectví», Spisy..., díl I, c. 409.

³⁴⁵ Послания..., стр. 75. См. также у Эрбена, т. 1, стр. 54.

³⁴⁶ Послания..., стр. 123. См. также у Эрбена, т. 1, стр. 410.

³⁴⁷ Архив Маркса—Энгельса, т. 7, стр. 182.

³⁴⁸ Spisy..., т. 1, стр. 213; т. 3, стр. 195—196.

³⁴⁹ «Výklad...», Spisy..., т. 1, стр. 180.

³⁵⁰ Указ. соч. Я. Гуса, т. 1, стр. 133.

³⁵¹ Послания..., стр. 24—25. Как отмечает И. Кейрж до недавнего времени автором «Защиты Кутногорского эдикта» считали

Яна Гуса, J. Kejr, Dve studie o husitském právnictví, «Rozpravy Ceskoslovenské Akademie ved», sesit 5, 1954, Praha, стр. 3.
2. Я. Микулка выступил с критикой преувеличения идеи братской солидарности славянских народов в учении Гуса; такое преувеличение имело место и в последнее время. Однако его статья, вносящая некоторые важные коррективы, не снимает самого тезиса о том, что Гус видел этническую, языковую общность славян, в частности поляков и чехов, и стремился упрочить связи между ними. Мы соглашаемся с выводами Микулки в том отношении, что причиной этого стремления было не только этническое родство народов, но и политические планы Гуса и гуситов.

J. Mikulka, Mistr Jan Hus a Polsko, «Slovanské—historické studie», 2, 1957.

³⁵² Spisy..., díl I, с. 134.

³⁵³ Spisy..., díl I, с. 470.

³⁵⁴ Маркс и Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 7, стр. 362.

³⁵⁵ Краткие данные об Иерониме в период до Констанцкого собора имеются в примечаниях чешских ученых к новому изданию «Гуситской хроники» Вавржинца из Бржезовей:

Vavrinec z Brezové, Husitská kronika, стр. 242—243.

R. R. Betts (London), Jeronym Prazsky, «CCH», 1957, 2.

³⁵⁶ «Fontes rerum Bohemicarum», VIII, vyd Novotný V., Praha, 1932, с. 285, 293.

³⁵⁷ «FRB», VIII, с. 292.

³⁵⁸ «FRB», VIII, с. 312.

³⁵⁹ Пальмов в книге «Вопрос о чаше в гуситском движении» (СПб, 1881) собрал значительный фактический материал по этому вопросу. О начале причащения и месте этой статьи в составе четырех пражских статей см. работу Дворского: Dvorský F., Pocaťky Kalicha a artikule prazske jiz l. 1417, v Praze, 1907.

³⁶⁰ Stari letopisové cessti, 1829, с. 20.

³⁶¹ Petra z Mladenovic zpráva o utrpeni a smrci mistra J. Husa, v Praze, 1910.

³⁶² «Archiv Český», díl 3, с. 187—193.

³⁶³ Mistr Jakoubek ze Stribra. Betlemská kázání z roku 1416, Praha, 1951, с. 42, 65.

³⁶⁴ Указ. соч., стр. 35, 36, 54—55, 90.

³⁶⁵ Там же, стр. 69, 90.

³⁶⁶ Там же, стр. 69, 70, 110.

³⁶⁷ См. письмо Сигизмунда от 21 марта 1416, в «Geschichtsschreier...», «FRA», I abt., 6 bd., 2 t., с. 250.

³⁶⁸ «Fontes rerum Bohemicarum»—«Prameny dejin českých», díl 8, vydal V. Novotný, Praha, 1932, с. 162, 259.

³⁶⁹ Paprocky, Zrčcadlo slawneho margkrabstwij Moravského, 1593, с. 179.

³⁷⁰ W Schmidt, Südböhmer während der Hussitenkriege, «Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen», Praha, 1907, с. 211.

³⁷¹ Ondrej z Broda, Tractatus de origine Hussitarum. «Fontes rerum Austriacarum», I abt., 6 bd., т. 2, с. 340.

³⁷² Vavrinec z Brezové, Husitská kronika, Praha, 1954, с. 48—49.

³⁷³ Jiri Kejr, Právní život v husitské Kutné Hore, v Praze, 1958.

³⁷⁴ J. Macek, Tábor..., díl I, с. 312—313.

³⁷⁵ J. Macek, Tábor..., díl I, с. 330.

- ³⁷⁶ J. Macek, Tábor..., díl I, c. 332.
- ³⁷⁷ V. Vojtisek, Na Tábore v letech 1432—1450, «Sborník Ziskuv. 1424—1924», v Praze, 1924, c. 138.
- ³⁷⁸ Там же, стр. 140—141.
- ³⁷⁹ Vavrinec z Brezové, Husitská kronika, c. 90.
- ³⁸⁰ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 115.
- ³⁸¹ Указ. соч., стр. 158.
- ³⁸² Указ. соч., стр. 52.
- ³⁸³ Указ. соч., стр. 52.
- ³⁸⁴ Указ. соч., стр. 58.
- ³⁸⁵ Ondrej z Broda, Tractatus..., «FRA», I abt, 6 bd., t. 2, c. 327.
- ³⁸⁶ Listár a listinár Oldricha z Rozmberka, ed. B. Rynesova, v Praze, 1929, c. 69.
- ³⁸⁷ Указ. соч., стр. 85.
- ³⁸⁸ Указ. соч., стр. 94. Такой же текст письма в третьем томе, «Archiv Český», 3, c. 304.
- ³⁸⁹ Listár..., c. 121.
- ³⁹⁰ Указ. соч., стр. 94.
- ³⁹¹ Vavrinec z Brezové, Husitská kronika, c. 32.
- ³⁹² Указ. соч., стр. 44.
- ³⁹³ Указ. соч., стр. 57.
- ³⁹⁴ Kronika university Pražské, «FRB», 5, c. 584.
- ³⁹⁵ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 57.
- ³⁹⁶ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 69.
- ³⁹⁷ Указ. соч., стр. 65.
- ³⁹⁸ Указ. соч., стр. 74—75.
- ³⁹⁹ Указ. соч., стр. 77.
- ⁴⁰⁰ Указ. соч., стр. 122.
- ⁴⁰¹ Указ. соч., стр. 127.
- ⁴⁰² Указ. соч., стр. 128.
- ⁴⁰³ Указ. соч., стр. 158.
- ⁴⁰⁴ Stari letopisové cessti, изд. 1829 г., стр. 45.
- ⁴⁰⁵ «Fontes rerum Austriacarum», I abt., 6 bd., t. 2, c. 343.
- ⁴⁰⁶ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 114.
- ⁴⁰⁷ Указ. соч., стр. 161.
- ⁴⁰⁸ Указ. соч., стр. 165.
- ⁴⁰⁹ Ktoz jsú bozi bojovníci, Praha, 1951, c. 207.
- ⁴¹⁰ Таборитскому хилиазму в последнее время посвящено несколько статей американских историков. Оценка их дана в вышеназванной статье Л. П. Лаптевой.
- H. Kaminsky, Hiliasm and the Hussite Revolution, «Church History» (Chicago), march 1957, vol. 26, No I. Ero же. K dejinám chiliastického Tábora. «ССН», 1960, 6.
- ⁴¹¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 34.
- ⁴¹² «Archiv Český», d. 6, стр. 41.
- ⁴¹³ Указ. соч., стр. 43.
- ⁴¹⁴ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 100—101.
- ⁴¹⁵ J. Příbram, Zivot..., Ktoz jsú bozi bojovníci, c. 262—263.
- ⁴¹⁶ Указ. соч., стр. 268.
- ⁴¹⁷ J. Goll, Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der böhmischen Brüder, tom 2, Prag., 1882.
- ⁴¹⁸ F. M. Bartos, Do čtyř prazských artykulu. «Sborník příspěvku k dejinám hlavního města Prahy», díl 5, sesit 2, v Praze, 1932, Приложение первое и шестое.

- 419 Petr Chelcický, указ. соч., стр. 8, 10, 28.
 420 Stari letopisove cessti, 1829, с. 478.
 421 Petr Chelcický, O boji duchovnim a o trojim lidu, vydal Krofta K., v Praze, 1911, с. 28.
 422 Vavrinec z Brezové, указ. соч. стр. 103—104.
 423 «Archiv Český», díl 3, с. 218—225.
 424 Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 142.
 В издании Деллингера дана резкая критика этого тезиса хилиастов автором трактата магистром Яном Пршибрамом. В издании Прохазки высказывания магистров по данному вопросу почему-то опущены.
 425 Jan Pribram, Contra articulos Picardorum, Döllinger. Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters, t. 2, München, 1890.
 426 «Archiv Český», díl 3, с. 218—225.
 427 Jan Pribram, Zivot..., с. 265.
 428 Указ. соч., стр. 266.
 429 Staré letopisy české, изд. 1937, стр. 27.
 430 J. Macek, Tábor..., díl 2, с. 57.
 431 J. Pribram, Zivot..., с. 269.
 432 Там же, стр. 271.
 433 Там же, стр. 282.
 434 Там же, стр. 283.
 435 Vavrinec z Brezové, указ. соч. стр. 96—97.
 436 Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, М., 1952, стр. 31.
 437 R. Kalivoda, Vytvoření revoluční ideologie selsko — plebejské ho Tábora, «Filosofický časopis», Praha, 1957, 6.
 438 R. Kalivoda, указ. выше соч., стр. 828.
 439 Там же.
 440 Там же, стр. 829.
 441 Там же.
 442 «Archiv Český», т. 6, стр. 41.
 443 Там же, стр. 42.
 444 Там же, стр. 43.
 445 Zdeněk Nejedlý, Dejiny husitského zpevu. Kniha čtvrtá. Tábori, Sebrané spisy Zdenka Nejedlého, sv. 43, с. 264.
 446 «Archiv Český», díl 6.
 447 Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 100.
 448 Там же, стр. 101—102.
 449 «Archiv Český», d. 3.
 450 Vavrinec z Brezové, там же, стр. 142. Точно также в общем этот вопрос поставлен в вариантах «В» — статьи 27, 29, 30, 31, 32, 35 — и «С» — статьи 2—6, 12.
 451 «Archiv Český», 3, там же, статья 3.
 452 «Archiv Český», 3, там же, статья 4.
 453 Vavrinec z Brezové, там же, статья 5, стр. 144.
 454 Там же.
 455 «Archiv Český», т. 3, статья 13.
 456 Там же, статья 15.
 457 Jan Pribram, Zivot..., там же, стр. 267.
 458 Указ. соч., стр. 267—268.
 459 Указ. соч., стр. 268.
 460 Указ. соч., стр. 268.
 461 Указ. соч., стр. 268.
 462 Там же.
 463 Указ. соч., стр. 270.

- 464 «Archiv Český», d. 6, с. 41—44.
 465 Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 104—111.
 466 Указ. соч., стр. 110.
 467 Указ. соч., стр. 111.
 468 Указ. соч., стр. 144.
 469 Указ. соч., стр. 102.
 470 «Archiv Český», díl 3, статья 6.
 471 Указ. соч., статья 17.
 472 Указ. соч., стр. 23.
 473 Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 147.
 474 Zivot..., указ. соч., стр. 265.
 475 Указ. соч., стр. 270.
 476 Zivot..., указ. соч., стр. 265.
 477 «Archiv Český», d. 3, статья 71.
 478 J. Příbram, Zivot..., с. 265.
 479 Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 52.
 480 Там же, стр. 45.
 481 Там же, стр. 62—63.
 482 Там же, стр. 70.
 483 Там же, стр. 68.
 484 J. Příbram, Zivot..., с. 284.
 485 Указ. соч., стр. 285.
 486 Указ. соч., стр. 286.
 487 Stari letopisové cessti, 1829, с. 473.
 488 Там же.
 489 Цитирую по книге F. Becold. Zur Geschichte des Husitentums, München, 1874, с. 52.
 490 Eberhart Windeckes, Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters des Kaiser Sigmunds, Berlin, 1893, с. 128.
 491 Aeneas Sylvii Senensis... De Bohemorum... Historia, «Rerum Bohemicarum Antiqui Scriptores...», Hanovia, 1602, с. 183. См. также в «FRA», abt. 2, Diplomataria et acta, bd. 68, Der Briefwechsel des Eneas Silvius Piccolomini, abt. 3, bd. I, Wien, 1918, с. 26.
 492 A. Sylvii..., De Bohemorum..., с. 183.
 493 Ondrej z Broda, Tractatus de origine Hussitarum, «Fontes rerum Austriacarum», abt. I, bd. 6, t. 2, с. 340, 345, 350.
 494 Der Tractatus de longo schismate des abtes Ludolf von Sagan, Beiträge zur Geschichte der Hуситischen Bewegung, Wien, 1880, ed. Loserth J., с. 158.
 495 Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 145.
 496 «Archiv Český», díl 3, с. 221.
 497 J. Příbram, Zivot..., «Ktoz...», с. 265.
 498 Stari letopisové..., Почти то же самое текстуально в издании Шимака Staré letopisy české, 1937, с. 28.
 499 «FRA», abt. I, bd. 6, т. 2, с. 443.
 500 Sborník venovaný Jar. Bidlovi, v Praze, 1928, Jar. Prokes. K Pálcove «Replíce» proti čtyřem artikulum prazským, с. 257.
 501 Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 102.
 502 Указ. соч., стр. 110.
 503 Указ. соч., стр. 145.
 504 «Archiv Český», d. 3.
 505 Там же, статья 25.
 506 J. Příbram, Zivot..., стр. 265—266. Та же мысль повторяется в трактате и на странице 271.
 507 Stari letopisové cessti, 1829, с. 473.

- 508 J. Masek, Tábor..., d. 2, с. 62.
- 509 Ф. Энгельс, Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 14, 1 изд., стр. 369. См. также в этом томе стр. 103, 107.
- 510 Там же, стр. 106.
- 511 Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 36.
- 512 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 14, изд. 1, стр. 107.
- 513 В. И. Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции. В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 214, 4 изд.
- 514 В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 317, 4 изд.
- 515 Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 38, М., 1952.
- 516 Ф. Энгельс, Анти-Дюринг. Соч., Маркса и Энгельса, т. 14, стр. 367, 1-е изд.
- 517 В. И. Ленин, Сила и слабость русской революции, Соч., т. 12, стр. 316.
- 518 Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 102.
- 519 J. Masek, Tábor..., d. 2, с. 69.
- 520 Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 145.
- 521 I. Döllinger, Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters, t. 2, München, 1890. То же самое и в издании Ф. Прохаски этого варианта статей F. Prochaska, Miscellaneen, der Böhmischen und Mährischen Literatur, seltener Werke, und verschiedener Handschriften I bd., Prag. 1784, статьи 46, 47.
- 522 «Archiv Český», d. 3.
- 523 Там же.
- 524 J. Příbram, Život..., с. 276.
- 525 Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 147.
- 526 J. Příbram, Život..., с. 273.
- 527 J. Příbram, Život..., с. 271.
- 528 Ulomky rýmované Kroniky České z. r. 1419 a 1520, Vybor z literatury české, с. I, sv. I, vyd. Erben K. J., с. 256.
- 529 Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 146, статьи 29, 30, 32.
- 530 Там же, стр. 31.
- 531 Там же, стр. 33.
- 532 «Archiv Český», díl 3, с. 221.
- 533 Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 58.
- 534 Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 75.
- 535 J. Příbram, Život..., с. 275.
- 536 V. Vanecek, Stát a právo v husitském revolucním hnutí. «Právník», Praha, 1952, 6.
- V. Vanecek, Krátké dejiny státu a práva v Československu, Praha, 1955.
- v
- J. Kejř, Právní život v husitské Kutné Hore. V. Praze, 1958.
- 537 J. Masek, Husitské revolucní hnutí, Praha, 1952.
- J. Masek, Tábor v husitském revolucním hnutí, d. 1—2, Praha, 1952, 1955.
- 538 J. Pekař, Zizka a jeho doba, díl I, v Praze, 1927, с. 195—197.
- 539 Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 52—53. Stari letopisové..., изд. 1829 г., стр. 37.
- 540 Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 53.
- 541 Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 60.
- 542 Там же, стр. 57—58.

- ⁵⁴³ О возникновении общины Табор см. Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 61, а также Chronikon veteris Collegiati Pragensis, «Fontes rerum Austriacarum», 1. abt., bd. 2, I t., с. 79.
- ⁵⁴⁴ «Fontes rerum Austriacarum», 2 abt. Diplomataria et acta. 68 bd., Der Briefwechsel des Eneas Silvius Piccolomini, 3 abt., I bd., с. 56, Wien, 1918, ed. R. Wolkan.
- ⁵⁴⁵ Указ. соч., стр. 36. Цитирую по изданию Мацека «Ktoz...», стр. 249.
- ⁵⁴⁶ V. Vanecsek, Krátké dejiny státu a práva v Československu, с. 104.
- ⁵⁴⁷ «Archiv Český», т. 3, стр. 239—240.
- ⁵⁴⁸ H. Toman, Husitské válecnictví za doby Zizkovy a Prokopovy, с. 85.
- ⁵⁴⁹ H. Toman, указ. соч., стр. 86.
- ⁵⁵⁰ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 61.
- ⁵⁵¹ Zivot..., стр. 285.
- ⁵⁵² Komunisté, dedici velikých tradic českého národa. Spisy Zdenka Nejedlého, sv. 16., Praha, 1952, с. 267.
- ⁵⁵³ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 36—37.
- ⁵⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 131, 1 изд.
- ⁵⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, ч. 2, стр. 410.
- ⁵⁵⁶ Documenta Mag. Joannis Hus..., ed. Palacký F., Pragae, 1869, с. 677—681.
- ⁵⁵⁷ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 91.
- ⁵⁵⁸ Там же, стр. 91—93.
- ⁵⁵⁹ Там же, стр. 148.
- ⁵⁶⁰ Там же, стр. 148.
- ⁵⁶¹ Там же.
- ⁵⁶² Там же, стр. 148—149.
- ⁵⁶³ Там же, стр. 91.
- ⁵⁶⁴ Там же, стр. 150. Заключительная 72 статья источника посвящена также вопросу об отмене заупокойного культа.
- ⁵⁶⁵ J. Příbram, Zivot..., с. 278, 279.
- ⁵⁶⁶ Vavrinec z Brezové, Там же, стр. 149.
- ⁵⁶⁷ Vavrinec z Brezové, там же, стр. 147.
- ⁵⁶⁸ Там же.
- ⁵⁶⁹ Тонзура — выбритая у священников маковка головы по католическому обычаю.
- ⁵⁷⁰ Там же.
- ⁵⁷¹ J. Příbram, Zivot..., с. 276.
- ⁵⁷² E. Havelka, Husitské katechismy, v Praze, 1938, с. 289.
- ⁵⁷³ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 94.
- ⁵⁷⁴ Там же, стр. 96.
- ⁵⁷⁵ Касула — одежда священников для мессы из шерстяной, шелковой или парчевой ткани.
- ⁵⁷⁶ Алба — белая льняная одежда для мессы.
- ⁵⁷⁷ Vavrinec z Brezové, там же, стр. 96.
- ⁵⁷⁸ Там же, стр. 97.
- ⁵⁷⁹ Там же.
- ⁵⁸⁰ Там же.
- ⁵⁸¹ J. Příbram, Zivot..., с. 289.
- ⁵⁸² Vavrinec z Brezové, там же, стр. 96.
- ⁵⁸³ Там же, стр. 96—97.
- ⁵⁸⁴ Там же, стр. 93.
- ⁵⁸⁵ J. Příbram, Zivot..., с. 277.

- 586 Vavrínes z Brezové, там же, стр. 97.
- 587 J. Macek, Národnostní otázka v husitském revolucním hnutí. «CCH», Praha, 1955, I.
- 588 J. Příbram, Život..., с. 275.
- 589 J. Pekar, Zizka a jeho doba, díl 1, nap. 14.
- 590 Jsaac de Beausobre, Rozprava o českých adamitech, Praha, 1954.
- 591 Архив Маркса и Энгельса, т. 6, стр. 224.
- 592 J. Macek, Tábor., díl 2, Praha, 1952.
- 593 T. Büttner, E. Werner, Circumcellionen und Adamiten, Berlin, 1959.
- 594 Большое внимание крайне радикальным таборитским сектам уделил в своих исследованиях Р. Каливода. См. указанные выше его труды и монографию «Гуситская идеология».
- 595 Andreae Ratisbonensis, Dyalogus de Hussitis, «Fontes rerum Austriacarum», abt. I, bd. 2, t. I, с. 574.
- 596 Codex Universitatis Prahensis, «Fontes rerum Austriacarum», abt. I, bd. 6, t. 2, с. 70.
- 597 Vavrínes z Brezové, указ., соч., стр. 162, 163, 189, 210—212.
- 598 R. J. Janke, Dve, staroceske prezdivky kaciru. «Sborník filologický», trída 3, sv. 7, v Praze, 1922, с. 69.
- 599 Stari letopisowe cessti, 1829, с. 476—478.
- 600 J. Příbram, Život..., с. 290—309.
- 601 Там же, стр. 290.
- 602 Там же, стр. 290, 294.
- 603 Там же.
- 604 Там же, стр. 294.
- 605 Там же, стр. 299, 301.
- 606 Там же, стр. 302, 305—307. Сущность споров между гуситами по вопросу о причащении изложена в работе И. Мацека о Таборе, т. 2, гл. о хилизме.
- 607 Vavrínes z Brezové, указ. соч., стр. 162—163.
- 608 Stari letopisowe cessti, 1829, с. 478—479.
- 609 J. Příbram, Život..., с. 265, 271.
- 610 Vavrínes z Brezové, указ. соч., стр. 150.
- 611 J. Macek, Tábor..., díl 2, с. 132—133.
- 612 J. Příbram, Život..., с. 276.
- 613 Vavrínes z Brezové, указ. соч., стр. 146.
- 614 Там же.
- 615 J. Příbram, Život..., стр. 294.
- 616 R. Kalivoda, «Filosofický Casopis», 1960, I, с. 117.
- 617 Ф. Энгельс, Крестьянский вопрос во Франции и Германии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, ч. 2, стр. 456, изд. 1.
- 618 В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 9, изд. 4.
- 619 В. И. Ленин, Экономическое содержание народничества, Соч., т. 1, стр. 353, изд. 4.
- 620 В. И. Ленин, Соч., т. 31, изд. 4.
- 621 Vavrínes z Brezové, указ. соч., стр. 84.
- 622 J. Macek, Tábor..., díl 2, с. 227.
- 623 Полный текст 12 статей включил в свою хронику Вавржинец. Vavrínes z Brezové, Husitská kronika, с. 84—86.
- 624 Там же, стр. 86.
- 625 Там же, стр. 85.
- 626 Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, М., 1952, стр. 51—52.

⁶²⁷ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, М., 1952, стр. 52 (подчеркнутые слова даны у Энгельса курсивом).

⁶²⁸ Vavřínes z Brzové, указ. соч., стр. 86.

⁶²⁹ I. Archiv Koruny České, 5. Katalog listin z let 1378—1437, v Praze, 1947, с. 99.

⁶³⁰ Vavřínes z Brzové, указ. соч., стр. 86.

⁶³¹ Указ. соч., стр. 82—87, затем стр. 96—97. Об этом сообщалось и в других хрониках, современных событиям.

⁶³² Там же, стр. 85.

⁶³³ Под немецким правом разумелось использование его в ряде чешских городов, где было много пришельцев—немцев. В некоторых северо-чешских и южно- и средне-чешских городах применялось баварское (нюрнбергское) и саксонское право. См. примечание к хронике Вавржинца.

⁶³⁴ J. Masek, Tábor., díl 2, с. 229.

⁶³⁵ Jan Zelivský, Dochovaná kázání z r. 1419, díl I, ed. Molnar A., Praha, 1954.

Výzva Jana Zelivského, Výbor z kázání, Praha, 1954. Нами использовано издание на чешском языке.

⁶³⁶ См. о нем: Nejedlý, Dejiny husitského zpevy, kniha 5. Strany prazské, Sebrané spisy..., svazek 44, Praha, 1955. F. Graus Chudina mestská...

B. Austecká Jan Zelivský jako politik, Praha, 1925.

⁶³⁷ Výzva Jana Zelivského, Výbor z kázání, с. 68.

⁶³⁸ Там же.

⁶³⁹ Там же, стр. 69.

⁶⁴⁰ Там же, стр. 102.

⁶⁴¹ Там же, стр. 129.

⁶⁴² Там же, стр. 26.

⁶⁴³ Там же, стр. 60.

⁶⁴⁴ Там же, стр. 28.

⁶⁴⁵ Там же, стр. 61.

⁶⁴⁶ Там же, стр. 67.

⁶⁴⁷ Там же, стр. 77, 78, 108.

⁶⁴⁸ Там же, стр. 78.

⁶⁴⁹ Там же, стр. 42.

⁶⁵⁰ Там же, стр. 109.

⁶⁵¹ Там же, стр. 72.

⁶⁵² Там же, стр. 67, 78, 131, 132.

⁶⁵³ Там же, стр. 39.

⁶⁵⁴ Там же, стр. 55.

⁶⁵⁵ Там же, стр. 45.

⁶⁵⁶ Там же, стр. 57.

⁶⁵⁷ Там же, стр. 60.

⁶⁵⁸ Там же, стр. 67.

⁶⁵⁹ Там же, стр. 32.

⁶⁶⁰ Там же, стр. 29.

⁶⁶¹ Там же, стр. 30.

⁶⁶² Там же, стр. 78.

⁶⁶³ Там же, стр. 71.

⁶⁶⁴ Там же, стр. 77—78.

⁶⁶⁵ Там же, стр. 87.

⁶⁶⁶ Там же, стр. 97.

⁶⁶⁷ Там же, стр. 99.

⁶⁶⁸ Там же, стр. 101.

⁶⁶⁹ Там же, стр. 134.

- ⁶⁷⁰ Vavřinec z Brezové, указ. соч.
- ⁶⁷¹ Там же, стр. 48.
- ⁶⁷² Там же, стр. 49.
- ⁶⁷³ Там же, стр. 87.
- ⁶⁷⁴ Там же.
- ⁶⁷⁵ Там же.
- ⁶⁷⁶ Там же, стр. 188.
- ⁶⁷⁷ Там же, стр. 189.
- ⁶⁷⁸ Там же, стр. 168.
- ⁶⁷⁹ Там же, стр. 170.
- ⁶⁸⁰ Там же, стр. 199.
- ⁶⁸¹ Там же, стр. 202.
- ⁶⁸² Там же, стр. 206—207.
- ⁶⁸³ Там же, стр. 214.
- ⁶⁸⁴ Описанное нами выше событие изложено в «Гуситской хронике» Вавржинца на стр. 214—217 (по чешскому изданию 1954 г.).
- ⁶⁸⁵ Там же, стр. 223—224.
- ⁶⁸⁶ Описание этого события и жалоба священника Вилема опубликованы в «Старых чешских летописях» вратиславского и кржижовницкого вариантов.
- Staré letopisy české, 1937, с. 73—83.
- Starí letopisy české, Z rukopisu Krizovnického, Praha, 1959.
- ⁶⁸⁷ Staré letopisy české, 1937, с. 75.
- ⁶⁸⁸ Там же, стр. 76.
- ⁶⁸⁹ Там же, стр. 79—81.
- ⁶⁹⁰ В нашу задачу не входит характеристика учения П. Хельчицкого в целом. Мы привлекаем в данном случае те произведения Хельчицкого, которые написаны им в годы гуситских войн и, следовательно, отражают его точку зрения в период народного восстания.
- ⁶⁹¹ В. Д. Неронова, Социально-политические взгляды Петра Хельчицкого, «Ученые записки Муромского педагогического института», вып. 3, Муром, 1958.
- ⁶⁹² R. Foustka, Petra Chelcického názoru na stát a právo, v Praze, 1955, «Acta Universitatis Carolinae. Juridica», 1955, I.
- ⁶⁹³ См. вышеназванную работу Р. Фоустки.
- ⁶⁹⁴ Н. В. Ястребов, Этюды о Петре Хельчицком и его времени, СПб, 1908, вып. I. Он же написал вступительную статью к русскому изданию сочинений Хельчицкого «Речь о трояком народе», чешский текст которого и перевод помещены в «Сборнике отделения русского языка и словесности имп. Ак. Наук», т. 77, СПб., 1904.
- ⁶⁹⁵ На чешском языке с последующим подробным изложением ее содержания на русском языке Ю. С. Анненковым, автором ряда статей о Хельчицком, опубликована «Сеть веры». См. «Сборник отделения русского языка и словесности имп. Ак. Наук», т. 55, СПб., 1893.
- ⁶⁹⁶ В. Д. Неронова, указанная статья.
- ⁶⁹⁷ См. предисловие к чешскому изданию произведений Хельчицкого у Крофты. Petr Chelcický, O boji duchovním a o trojím lidu, vydal K. Krofta, v Praze, 1911, с. 5—6.
- См. также вступление к указанной выше монографии Фоустки, стр. 3.
- ⁶⁹⁸ П. Хельчицкий, Реплика против Микулаша, епископа

Таборитского. «Сборник отделения рус. языка и словесности имп. Ак. Наук», СПб, 1893, т. 55, стр. 412—414, 421, 424, 426.

⁶⁹⁹ Petr Chelcický, «Památky reformace české», upravil J. Karásek, v Praze, 1891, с. 86.

⁷⁰⁰ Указ. соч., стр. 87.

⁷⁰¹ Н. В. Ястребов, Петра Хельчицкого о трояком народе речь — о духовных и светских. «Сборник отделения рус. языка и словесности имп. Ак. Наук», т. 77, № 1, СПб, 1903, стр. 10, чешский текст.

⁷⁰² P. Chelcický, O boji duchovním..., с. 105.

⁷⁰³ P. Chelcický, указ. соч., стр. 135.

⁷⁰⁴ Там же, стр. 79.

⁷⁰⁵ Петра Хельчицкого о трояком народе речь, стр. 29—30 чешского текста.

⁷⁰⁶ Petr Chelcický, O boji duchovním..., с. 24.

⁷⁰⁷ Указ. соч., стр. 26.

⁷⁰⁸ P. Chelcický, Pocíná se rec o zakladu zákonův lidských, «Památky reformace české», I, с. 75.

⁷⁰⁹ Там же, стр. 82.

⁷¹⁰ «Петра Хельчицкого речь о трояком народе», стр. 10.

⁷¹¹ Там же, стр. 10.

⁷¹² P. Chelcický, Pocíná se rec..., с. 86.

⁷¹³ P. Chelcický, O boji duchovním..., с. 56.

⁷¹⁴ «Сборник отделения рус. языка и словесности имп. Ак. Наук», СПб, 1893, стр. 31, 54, 74, 87 и др. чешского текста.

⁷¹⁵ P. Chelcický, Tuto se již pocíná jiná rec o selme a obrazu jejím, «Památky reformace české», I, с. 69.

⁷¹⁶ Указ. соч., стр. 71.

⁷¹⁷ «Петра Хельчицкого речь о трояком...», стр. 28.

⁷¹⁸ Указ. соч., стр. 24.

⁷¹⁹ Там же.

⁷²⁰ Указ. соч., стр. 26.

⁷²¹ Petr Chelcický. O boji duchovním..., с. 38.

⁷²² Там же, стр. 55—57.

⁷²³ «Речь о трояком...», стр. 24.

⁷²⁴ Там же.

⁷²⁵ Там же, стр. 29.

⁷²⁶ Указ. соч., стр. 29—30.

⁷²⁷ Там же, стр. 32.

⁷²⁸ F. Graus, Dejiny venkovského lidu, díl 2, с. 269.

⁷²⁹ Речь о трояком..., стр. 27.

⁷³⁰ O boji duchovním... стр. 30.

⁷³¹ Там же, стр. 121.

⁷³² Там же, стр. 128.

⁷³³ Там же, стр. 152.

⁷³⁴ «Петра Хельчицкого о трояком народе речь...», стр. 37.

⁷³⁵ J. Macek, Husitské revolucní hnutí, стр. 181.

⁷³⁶ Неронова В. Д., указ. соч., стр. 229, 241.

⁷³⁷ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, М., 1952, стр. 31.

⁷³⁸ Текст клатовских статей был опубликован К. Хёфлером в *Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen*, ed. Höfler K., «FRA», I abt., VI bd, t. 2, с. 482—483; позднее Г. Томаном в переводе на чешский язык: *Tomán H. Husitské válecnictví za doby Žizkovy a Prokopovu*, Praha, 1898, с. 36—42; П. Мацеком в сборнике документов «*Křloz jsu boží bojovníci*», с. 132—139.

- ⁷³⁹ Н. Т о м а н, указ. соч., стр. 49—57, где дана характеристика клатовских статей.
- ⁷⁴⁰ J. Goll, Dva príspevky ke kritice Tomanova «Husitského válecnictví»; «Ceský Casopis Historický», с. 5, v Praze, 1899, с. 159.
- ⁷⁴¹ Н. В. Ястребов, Этюды о Петре Хельчицком и его времени, 1, СПб, 1908. Уделив много внимания таборитским синодам, Ястребов смазывает, однако, некоторые принципиальные различия между их решениями и решениями пражских магистров.
- ⁷⁴² V. V. Tomek, Dejevis mesta Prany, díl 4, стр. 316—317.
- ⁷⁴³ «Ktoz jsu...», с. 133.
- ⁷⁴⁴ Н. Т о м а н, Husitské válecnictví za doby Zizkovy a Prokopovy, с. 56.
- ⁷⁴⁵ «Ktoz jsu...», с. 134.
- ⁷⁴⁶ Там же.
- ⁷⁴⁷ Там же.
- ⁷⁴⁸ Указ. соч., стр. 132.
- ⁷⁴⁹ Указ. соч., стр. 138.
- ⁷⁵⁰ «Archiv Český», díl 14, 1895, с. 4.
- ⁷⁵¹ «Archiv Český», díl 3, с. 250.
- ⁷⁵² Bártossii de Drahonicz Chronicon ab 1419 usque 1443, Ed. Dobner G., «Monumenta Historica Boemiae», t. 1, Praha, 1764.
- ⁷⁵³ Указ. соч., стр. 147.
- ⁷⁵⁴ Указ. соч., стр. 149—150.
- ⁷⁵⁵ Указ. соч., стр. 153.
- ⁷⁵⁶ Указ. соч., стр. 159.
- ⁷⁵⁷ Указ. соч., стр. 160.
- ⁷⁵⁸ Указ. соч., стр. 165.
- ⁷⁵⁹ Указ. соч., стр. 176.
- ⁷⁶⁰ A. Neibauer. Knez Prokop Holý, «CCH», 1910, с. 178.
- ⁷⁶¹ Anon. invectiva..., «FRA», bd. 2, t. I, 627.
- ⁷⁶² Listár a listinár Oldricha z Rozmberka 1418—1462, díl I. (1418—1437), ed. Rynesová B., Praha, 1929, с. 121.
- ⁷⁶³ Там же, стр. 85, 94.
- ⁷⁶⁴ «Archiv Český», díl 22, v Praze, 1905, с. 114—12.
- ⁷⁶⁵ J. Peкар, Český manifest křesťanstvu z listopadu r 1431. «CCH», 1928, v Praze, с. 370—382. F. M. Bartos, Husitství a cizina, Praha, 1931. F. M. Bartos, Manifesty města Prahy z doby husitské, «Sborník příspěvku k dějinám hlavního města Prahy», díl 7, v Praze, 1933.
- ⁷⁶⁶ Тексты таборитских манифестов содержатся в работах: E. Windeckes, Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds, ed. Altman W., Berlin, 1893, с. 300—309. L. Krummel, Utraquisten und Taboriten, Cotha, 1871, с. 249—267. «Ktoz jsu...», с. 211—239.
- ⁷⁶⁷ И. Мацек пишет о них в книге «Прокоп Великий», но лишь в связи с оценкой исторической роли этого вождя таборитов.
- ⁷⁶⁸ E. Windeckes, Denkwürdigkeiten...
- ⁷⁶⁹ «Ktoz jsu...», стр. 218.
- ⁷⁷⁰ Указ. соч., стр. 219.
- ⁷⁷¹ Там же, стр. 233.
- ⁷⁷² Там же, стр. 230.
- ⁷⁷³ J. Peкар..., указ. статья в «CCH», 1928, стр. 372.
- ⁷⁷⁴ «Ktoz jsu...», с. 236—237.
- ⁷⁷⁵ Там же, стр. 237.
- ⁷⁷⁶ Там же.

- ⁷⁷⁷ F. Palacký, Dejiny národu českého v Čechách a v Morave, díl 3, v Praze, 1939.
- ⁷⁷⁸ V. V. Tomek, Dejepis mesta Prahy, díl 3 a 4, v Praze.
- ⁷⁷⁹ J. Pekar, Zizka a jeho doba, díl 1—4, Praha, 1927—1933.
- ⁷⁸⁰ L. Krummel, Utraquisten und Taboriten. Ein Beitrag zur Geschichte der Böhmisches Reformation im 15 Jahrhundert. Gotha, 1871.
- ⁷⁸¹ R. Becold, Zur Geschichte des Husitentums, München, U874.
- ⁷⁸² Z. Nejedlý, Dejiny husitského zpevu za válek husitských, Praha, 1913.
- ⁷⁸³ F. M. Bartos, Literární cinnost M. Jana Rokycany, M. Jana Příbrama, M. Petra Payna, «Sbírka pramenů k poznání literárního života Československého», skupina 3, číslo 9, v Praze, 1928.
- ⁷⁸⁴ J. M. Prokes, Prokop z Plzně, v Praze, 1927, «Husitský archiv», díl 3.
- ⁷⁸⁵ J. Macek, Husitské revoluční hnutí, Praha, 1952.
- ⁷⁸⁶ J. Macek, Tábor v husitském revolučním hnutí, díl I, Praha, 1952, díl 2, 1955.
- ⁷⁸⁷ См. раздел по историографии в первой главе данной книги.
- ⁷⁸⁸ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, М., 1952, стр. 36.
- ⁷⁸⁹ Четыре пражские статьи опубликованы в сл. изданиях: «Archiv Český», díl 3, с. 212, 214—216. Vavřinec z Brezové, указ. соч., стр. 78—83. Výbor z literatury české, с. I, sv. I, v Praze, 387.
- ⁷⁹⁰ См. об этом нашу статью «Манифесты города Праги в годы крестьянской войны в Чехии», «УЗИС», т. 5, М., 1952.
- ⁷⁹¹ J. Loserth, Hus und Wiclif, Praga, 1884. Loserth J., Ein kirchenpolitischer Dialog aus der Blütezeit des Taboritentums, «Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen», Praga, 1907, 2 heft, q 108.
- ⁷⁹² M. Uhlirz, Die Genesis der vier Prager Artikel, Wien, 1914. «Sitzungsberichte der kais. Akademie der Wissenschaften», Wien. Phil. — hist. klasse, bd. 175, abhdl 3.
- ⁷⁹³ V. Novotný, Рецензия на книгу Углирж в «СММ» в Brne, 1915, с. 287—298.
- ⁷⁹⁴ F. M. Bartos, Do čtyř prazských artykulu, «Sborník příspěvků k dějinám hlavního města Prahy», díl 5, s. 2, v Praze, 1932, с. 523.
- ⁷⁹⁵ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, М., 1952, стр. 35.
- ⁷⁹⁶ Каликстинцами или чашниками (от латинского calix—чаша) называли умеренных гуситов.
- ⁷⁹⁷ Ф. Энгельс, там же.
- ⁷⁹⁸ «Archiv Český», díl 3, с. 214—216.
- ⁷⁹⁹ «Archiv Český», díl 3, с. 215.
- ⁸⁰⁰ «Sborník příspěvků k dějinám hlavního města Prahy», díl 7, v Praze, 1933.
- ⁸⁰¹ «Archiv Český», díl 3, с. 226—230.
- ⁸⁰² Hádání Prahy s Kutnou Horou, в сборнике «Husitské sklady Búdysinského rukopisu», Praha, 1952, с. 107, 109, 113.
- ⁸⁰³ Vavřinec z Brezové, указ. соч., стр. 144.
- ⁸⁰⁴ J. Příbram, Život..., с. 265.
- ⁸⁰⁵ «Archiv Český», díl 3, q. 216.

- ⁸⁰⁶ «Archiv Český», dil 3, c. 356.
- ⁸⁰⁷ «Archiv Český», dil 4, v Praze, 1844, c. 382.
- ⁸⁰⁸ Основные данные по рассматриваемому вопросу см. в 26, 28 томах издания «Чешский архив», т. 26, стр. 3, 12, 31, 123, 133, 145, 177, 202 и др.
- ⁸⁰⁹ J. Masek, Husitské revolucni hnutí, c. 100, русское издание, стр. 106—107.
- ⁸¹⁰ Там же.
- ⁸¹¹ Одна копа была равна 60 грошам.
- ⁸¹² E. Windeckes, Denkwürdigkeiten..., c. 128.
- ⁸¹³ «Sbornik prispěvku k dejinám hlavního města Prahy», dil 7, приложение 5-е.
- ⁸¹⁴ Consignatio curiarum, vinearum et hotorum demtorum profugis et aliis datorum a communitate civitatis Pragensis. 1421—1423, ed. K. Höfler, Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen, «Fontes rerum Austriacarum», bd. 6, t. 2, Wien, 1863. c. 287—304.
- ⁸¹⁵ V. V. Tomek, Dejepis mesta Prahy, dil 4, w Praze, 1879, c. 234.
- ⁸¹⁶ Stari letopisowé cesstj, 1829, c. 481.
- ⁸¹⁷ Указ. соч., изд. 1937, стр. 75.
- ⁸¹⁸ «Archiv Český», dil I, c. 221—222.
- ⁸¹⁹ Stari letopisowé cesstj, 1829, c. 75.
- ⁸²⁰ V. V. Tomek, указ. соч., dil 8, c. 333, 335.
- ⁸²¹ B. Mendl, Hospodárske a sociální pomery..., «CCH», 1916, sesit 4, c. 440.
- ⁸²² «Archiv Český», dil 3, c. 403.
- ⁸²³ «Archiv Cesky», dil 3, c. 420.
- ⁸²⁴ Codex juris municipalis, dil I, ed. Celakovský, v Praze, 1886, c. 134, 136.
- ⁸²⁵ V. V. Tomek, указ. соч., dil 8.
- A. Frind, Die Kirchengeschichte Böhmens im Allgemeinen und in ihrer besonderen Beziehung auf die jetzige Leitmeritzer Diöcese, bd. 3, Prag, 1872.
- A. Neumann, Cirkevni jmeni za doby husitské se zretelem k Morave, Olmouc, 1920.
- ⁸²⁶ «Archiv Český», dil 26, v Praze, 1909, c. 152.
- ⁸²⁷ Там же, стр. 9.
- ⁸²⁸ Там же, стр. 419—420.
- ⁸²⁹ Там же, стр. 252.
- ⁸³⁰ Там же, стр. 253.
- ⁸³¹ Там же, стр. 130.
- ⁸³² Там же, стр. 132.
- ⁸³³ «Archiv Český», dil 6, c. 483, 484—485.
- ⁸³⁴ «Archiv Český», dil I, c. 225, 226.
- ⁸³⁵ «Arshiv Český», dil 26, c. 576.
- ⁸³⁶ Там же, стр. 633.
- ⁸³⁷ Там же, стр. 403.
- ⁸³⁸ Там же, стр. 410.
- ⁸³⁹ «Archiv Český», dil 7, c. 624.
- ⁸⁴⁰ «Archiv Český», dil 26, c. 393.
- ⁸⁴¹ Там же, стр. 571.
- ⁸⁴² Там же, стр. 393.
- ⁸⁴³ Там же, стр. 150.
- ⁸⁴⁴ Там же, стр. 153.
- ⁸⁴⁵ Там же, стр. 103.

- ⁸⁴⁶ Там же, стр. 406.
- ⁸⁴⁷ Считаю необходимым оговориться, что наши выводы в данном случае носят весьма предварительный характер, поскольку нет источников по рассматриваемому вопросу для других королевских городов Чехии и сведения в отношении Праги также не дают прямого ответа на некоторые интересующие нас вопросы.
- ⁸⁴⁸ Мы сознательно останавливаемся только на этой составной части бюргерской оппозиции, поскольку в дворянском хозяйстве Чехии второй половины XV в. не известна эволюция его в капиталистическом направлении.
- ⁸⁴⁹ Z. Winter, *Dejiny remesel a obchodu v Cechach v XIV. a v XV. století, v Praze, 1906*, с. 463, 574—576.
- ⁸⁵⁰ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 145.
- ⁸⁵¹ J. Příbram, *Zivot...*
- ⁸⁵² *Mistr Jakoubek ze Stribra, Betlemská kázání, Praha, 1951*, с. 29, 51—52.
- ⁸⁵³ Там же, стр. 117.
- ⁸⁵⁴ *Husitské skladby Budysinského rukopisu, Praha, 1952*.
- ⁸⁵⁵ Там же, стр. 112.
- ⁸⁵⁶ Там же, стр. 34, 35, 36, 54, 90, 120.
- ⁸⁵⁷ «*Archiv Český*», díl 3, с. 208.
- ⁸⁵⁸ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 145.
- ⁸⁵⁹ J. Příbram, *Zivot...*
- ⁸⁶⁰ *Husitské skladby...*
- ⁸⁶¹ Там же, стр. 38, 47, 63 и другие.
- ⁸⁶² Там же, стр. 37, 70, 74.
- ⁸⁶³ В. Ф. Семенов, *Венгерская Золотая булла 1222 г., сборник «Средние века», т. 6, М., 1955*.
- ⁸⁶⁴ *Husitské skladby...*, с. 33, 66.
- ⁸⁶⁵ Там же, стр. 39.
- ⁸⁶⁶ «*Archiv Český*», díl 3, с. 230—232.
- ⁸⁶⁷ *Husitské skladby...*, с. 67.
- ⁸⁶⁸ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 136.
- ⁸⁶⁹ Указ. соч., стр. 66.
- ⁸⁷⁰ Из последних работ по данному вопросу см. статью: J. Hlaváček, *Husitské snemy, «Sbornik historický», 4, Praha, 1956*.
- ⁸⁷¹ J. Hlaváček, указ. статья, стр. 103—108.
- ⁸⁷² *Codex juris municipalis regni Bohemiae—Sbirka pramenu práva městského království Českého. IV—1 (1232—1452). Privilegia nekrálovských měst českých, vyd. Haas Ant., Praha, 1954*, с. 340—341.
- ⁸⁷³ Там же, стр. 346—347.
- ⁸⁷⁴ Z. Winter, *Dejiny remesel a obchodu v Cechách v 14. a v 15. století, v Praze, 1906*, с. 574.
- ⁸⁷⁵ Там же. См. также уставы цехов города Праги, возникшие после окончания гуситских войн: «*Archiv Cesku*», díl 14.
- ⁸⁷⁶ Z. Winter, указ. соч., стр. 400.
- ⁸⁷⁷ *Codex juris...*, díl 2, с. 217.
- ⁸⁷⁸ Там же, стр. 220—221.
- ⁸⁷⁹ «*Archiv Český*», díl 3, с. 446—449.
- ⁸⁸⁰ В период гуситского движения еще не сложилась чешская нация и не было национального вопроса в полном смысле этого слова. Однако тогда существовала развитая чешская народность и уже зарождались некоторые элементы будущей нации. Термин «национальный вопрос» в гуситском движении мы употребляем условно.
- ⁸⁸¹ F. Palacký, *Dejiny národu českého v Cechách a Morave*.

- ⁸⁸² И. Первольф, Славяне, их взаимные отношения и свя-
зи, тт. 1—3, Варшава, 1886—1890.
- ⁸⁸³ A. Prochaska, Polska a czechy w szasach husickich...,
«РРАУ», тт. 7—8.
- ⁸⁸⁴ C. Grönnhagen, Die Hussitenkämpfe der Schlesier
1420—35, Breslau, 1872.
- ⁸⁸⁵ A. d. Bahmann, Geschichte Böhmens, Gotha, 1905.
- Отмечено И. Мацеком в «ССН», 1955, стр. 5.
- ⁸⁸⁶ См. статью Н. Köpstein, Pojetí národnostní otázky a
národního hnutí v Cechách 14. a 15. stol. západno—německou histo-
riografií po r. 1945, «ССН», 1955, 2.
- ⁸⁸⁷ J. Масек, Národnostní otázka v husitském revolučním
hnutí, «ССН», 1955, 1.
- ⁸⁸⁸ «Archiv Český», díl 3, с. 207.
- ⁸⁸⁹ «Kronika velmi pekná o Janovi Zizkovi celedinu krále Vác-
slava», v. Praze, 1923, с. 12.
- ⁸⁹⁰ См. его антихилластические трактаты в приложении к работе
J. Goll Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der böhm-
schen Brüder, bd. 2, Praha, 1882, стр. 55—56 и др.
- ⁸⁹¹ Там же, стр. 53—55, 56—57.
- ⁸⁹² См. приложения 3—5-е к большой статье Bartos F. M.,
Do čtyř prazských artykulu, «Sborník příspěvku k dejinám hlavního
mesta Prahy», díl 5, sv. 2, v Praze, 1932, стр. 577—580, 580—582.
Там же опубликованы и некоторые трактаты Якоубека.
- ⁸⁹³ «Archiv Český», díl 3, с. 212—213.
- ⁸⁹⁴ «Archiv Český», díl 3, с. 210—212.
- ⁸⁹⁵ «Zaloba Koruny české...» в книге «Husitské skladby Budy-
sinského rukopisu», с. 28.
- ⁸⁹⁶ «Porok české Koruny...», там же, стр. 33, 34.
- ⁸⁹⁷ «Porok Koruny české ku panom českým...», указ. соч.,
стр. 72—73.
- ⁸⁹⁸ Там же, стр. 78.
- ⁸⁹⁹ «Archiv Český», díl 3, с. 217—218.
- ⁹⁰⁰ «Archiv Český», díl 3, с. 230.
- ⁹⁰¹ Stari letopisowe cesstj, 1829, с. 83.
- ⁹⁰² «Die Chroniken der deutschen Städte vom 14 bis ins 16
Jahrhundert», Leipzig, 1866, t. 5, с. 96.
- ⁹⁰³ Vavrinec z Brezové, Pisen o vitezstvi u Domazlic,
Praha, 1951.
- ⁹⁰⁴ Там же, стр. 55, 63.
- ⁹⁰⁵ Stari letopisowe cesstj, 1829, с. 27.
- ⁹⁰⁶ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 49.
- ⁹⁰⁷ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 51.
- ⁹⁰⁸ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 62—63.
- ⁹⁰⁹ Ф. Энгельс, К истории раннего христианства, К. Маркс
и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, ч. 2, стр. 410.
- ⁹¹⁰ Там же.
- ⁹¹¹ Hádání Prahy s Kutnou Horou, Husitské skladby Budysin-
ského rukopisu, с. 96.
- ⁹¹² Там же.
- ⁹¹³ «Husitské skladby...», с. 146—154.
- ⁹¹⁴ Versovaná Zaloba Koruny české, «Husitské skladby...», с. 59.
- ⁹¹⁵ Там же, стр. 34.
- ⁹¹⁶ «Archiv Český», díl 6, с. 36—38.
- ⁹¹⁷ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 79.
- ⁹¹⁸ Архив Маркса и Энгельса, т. 6, стр. 325.

⁹¹⁹ Documenta Mag. Joannis Hus, ed. F. Palacký, v Praze, 1869, c. 677—678.

⁹²⁰ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 95.

⁹²¹ «Archiv Český», dil 3, c. 261—262.

⁹²² J. Příbram, Zivot..., c. 281.

⁹²³ Joannis de Lukavec et Nicolai de Pelhrzímov Chronicon Taboritarum, «FRA», I abt., 6 bd., 2 t., c. 567.

⁹²⁴ Historae Hussitarum libri duodecim Joannem Cochlaevum, artivum ac sacrae theologiae magistrum, canonicum Vratislaviensem..., Moguntia, 1549, c. 507.

⁹²⁵ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 86—87.

⁹²⁶ J. Příbram, Zivot..., указ. соч., стр. 276—295.

⁹²⁷ «Archiv Český», dil 3, c. 264.

⁹²⁸ J. Příbram, Zivot..., q. 288.

⁹²⁹ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 79.

⁹³⁰ Husitské skladby..., c. 124.

⁹³¹ Zizkuv sborník. Red. Urbanek R., Praha, 1924, c. 132—133.

⁹³² «Zbytky register...».

Codex juris municipalis regni Bohemiae, Privilegia královských mest venkovských v království českém z let 1420—1526, t. 3. vydali J. Celakovský, G. Friedrich, v Praze, 1948, c. 140—141.

⁹³³ «Archiv Český», dil 3, 446—449.

⁹³⁴ A. Mika, Die wirtschaftlichen und sozialen Folgen der revolutionären Hussitenbewegung in den ländlichen Gebieten Böhmen, «ZEG», Berlin, 1959, h. 4, c. 84.

⁹³⁵ J. Příbram, Zivot..., c. 284—285.

⁹³⁶ A. Mika, указ. соч., стр. 832, 833, 837.

Ухудшение положения крестьян относится к более позднему времени, чем это указывалось нами в «Истории Чехословакии», т. 1, гл. 5, М., 1956.

⁹³⁷ Новые работы чехословацких историков убедили меня в справедливости их критических замечаний в мой адрес. В «Истории Чехословакии» (т. 1, гл. 5, М., 1956) я связывал эти решения сеймов, без должных к тому оснований, с начавшимся процессом второго издания крепостничества в чешских землях. Процесс этот действительно надо отнести к более позднему времени, и указанные решения нужно рассматривать как выражение стремления чешских феодалов восстановить прежнюю зависимость крестьян, нарушенную или даже разрушенную в 20—30 гг. XV в.

⁹³⁸ «Archiv Český», dil 22, w Praze, 1905, c. 11—12.

⁹³⁹ «Archiv Český», dil 5, w Praze, 1862, c. 365.

⁹⁴⁰ Vavrinec z Brezové, указ. соч., стр. 150—151.

⁹⁴¹ F. Kavka, Husitská revoluce tradice, Praha, 1953. Machovec M., Husove uceni...

⁹⁴² J. Durdik, Husitské vojenství, Praha, 1954.

⁹⁴³ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 29—30.

⁹⁴⁴ Popravci kniha ránu z Rozmberka, ed. Mares F., Praha, 1878.

⁹⁴⁵ J. Keir, Právní zivot v husitské Kutné Hore, гл. I.

⁹⁴⁶ Codex juris municipalis. IV—I. Privilegia nekrálovských mest českých z let 1232—1452, Praha, 1954, q. 340—341.

⁹⁴⁷ Там же, стр. 350—351.

⁹⁴⁸ Там же, стр. 346—347.

⁹⁴⁹ Codex juris municipalis regni Bohemiae, t. 3. Privilegia královských mest venkovských v království českém z let 1420—1526, vydali J. Celakovský, G. Friedrich, v Praze, 1948, c. 144—146.

⁹⁵⁰ Там же, стр. 181—182.

- ⁹⁵¹ Там же, стр. 161—171, 177—179.
⁹⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 7, стр. 361.
⁹⁵³ Vavrínek z Brezové, указ. соч., стр. 85.
⁹⁵⁴ Z. Winter Dejiny remesel a obchodu v Čechách v XIV. a
v XV. století, v Praze, 1906, с. 401.
⁹⁵⁵ Z. Winter, указ. соч., стр. 406.
⁹⁵⁶ J. Kejr, Právní život..., с. 174—181.
⁹⁵⁷ Z. Winter, Kulturní obraz českých měst, díl I, v
Praze, 1890.
⁹⁵⁸ «Archiv Český», díl 6, с. 421—422.
⁹⁵⁹ «Archiv Český», díl 3, стр. 419.
⁹⁶⁰ Там же, стр. 420.
⁹⁶¹ Там же, стр. 433.
⁹⁶² Там же, стр. 488.
⁹⁶³ Z. Winter, Dejiny..., с. 405.
⁹⁶⁴ Z. Winter, указ. соч., стр. 405.
⁹⁶⁵ Z. Winter, указ. соч., стр. 399.
⁹⁶⁶ А. И. Озолин, О международном значении чешской
крестьянской войны XV века, «Вопросы истории», 1955, № 6.
-

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ. ЖУРНАЛЫ

1. AUC — Acta Universitatis Carolinae.
2. AC — Archiv Český cili staré písemné památky české i moravské.
3. AFKÖG — Archiv für Kunde Österreichischer Geschichtsquellen. Wien.
4. AFÖG — Archiv für Österreichische Geschichte. Wien.
5. DRA — Deutsche Reichstagakten. Cotha.
6. CH — Church history.
7. CCM — Casopis Českého musea. Praha.
8. CMM — Casopis Matice moravské. Brno.
9. CNM — Casopis Národního musea. Praha.
10. CSPA — Casopis Společnosti přátel starozitnosti. Praha.
11. CSCH — Československý časopis historický. Praha.
12. CCH — Český časopis historický. Praha, no 1949.
13. CL — Český Lid. Praha.
14. FC — Filozofický Casopis. Praha.
15. FRA — Fontes rerum Austriacarum. Wien.
16. FRB — Fontes rerum Bohemicarum. V Praze.
17. GdS — Geschichte in der Schule. Berlin.
18. HV — Historie a vojenství. Praha.
19. HS — Historické studie. Bratislava.
20. HA — Historický Archiv. V Praze.
21. HC — Historický casopis. Bratislava.
22. HT — Historische Taschenbuch. Leipzig.
23. JSH — Jihocesky sbornik historický. Praha.
24. KH — Kwartalnik Historyczny. Warszawa.
25. LF — Listy filologicke. Praha.
26. MH — Medievalia et Humanistika. Colorade.
27. MBML — Miscellaneen der Böhmischen und Mährischen Litteratur, Praha.
28. MHB — Monumenta Historica Boemiae. Praha.
29. P — Právník. Praha.
30. PHS — Právne — historické studie. Praha.
31. PH — Przegląd Historyczny. Warszawa.
32. RCSAV — Rozprawy Československé Akademie Ved. Praga.
33. RPAU — Rozprawy wydziału historyczno—filozoficznego Polskiej Akademii Umiejętności, w Krakowie.
34. SH — Sbornik historický. Praha.
35. SPHMP — Sbornik příspěvku k dějinám hlavního města Prahy. Praha.

- 36. SRB — Scriptorum rerum Bohemicarum, v Praze.
 - 37. SRS — Scriptorum rerum Silesiacarum, Breslau.
 - 38. SDAW — Sitzungsberichte der kais. Akademii der Wissenschaft, Wien.
 - 39. S — Slavia, Praha.
 - 40. SS — Slezský sborník, Opava.
 - 41. Sob. — Sobótka, Wrocław.
 - 42. HR — The English Historical Review.
 - 43. ZH — Zapiski historyczne. Kwartalnik poświęcony historii Pomorza.
 - 44. ZFG — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, Berlin.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
--------------------	---

Глава 1

Основные чешские источники и историография гуситского революционного движения	5
---	---

I. ЧЕШСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Источники о программных требованиях и тактике таборитов	5
2. Источники о бюргерской оппозиции	10
3. Феодално-католические источники о гуситских войнах	14

II. ИСТОРИОГРАФИЯ ГУСИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

1. Буржуазная историография	15
а) Чешская литература о гусизме	15
б) Немецкая историография	18
в) Польская историография	19
г) Русская историография	20
2. Современная литература о гуситском движении	23

Глава 2

Чехия накануне гуситского восстания	47
---	----

Глава 3

Программные требования и тактика таборитов	91
--	----

Глава 4

Программные требования и тактика бюргерской оппозиции	198
---	-----

Глава 5

Историческое значение чешской крестьянской войны	246
--	-----

Примечание	269
----------------------	-----

*Озолин
Артур Иванович*

ИЗ ИСТОРИИ
ГУСИТСКОГО
РЕВОЛЮЦИОННОГО
ДВИЖЕНИЯ

3

Редактор *В. М. Поломских*
Технический редактор *В. В. Зенин.*
Корректоры *В. В. Токарева, В. Г. Важова.*

НГ14958. Сдано в набор 15.VI.62 г. Подписано к печати 21.XII.62 г.
Бумага 60×92¹/₄. Печ. л. 19. Уч.-изд. л. 19,57.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1383. Цена 1 р. 47 коп.

Издательство Саратовского университета, Астраханская, 83.
Типография издательства «Коммунист». Саратов, пр. Ленина, 94.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Ссрока	Напечатано	Следует читать
76	13 снизу	восстания	восстании
91	8 сверху	феодално- каталичес- ком	феодално- католичес- ком
123	24 снизу	дятельности	деятель- ности

1 р. 47 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1962

РУССКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ